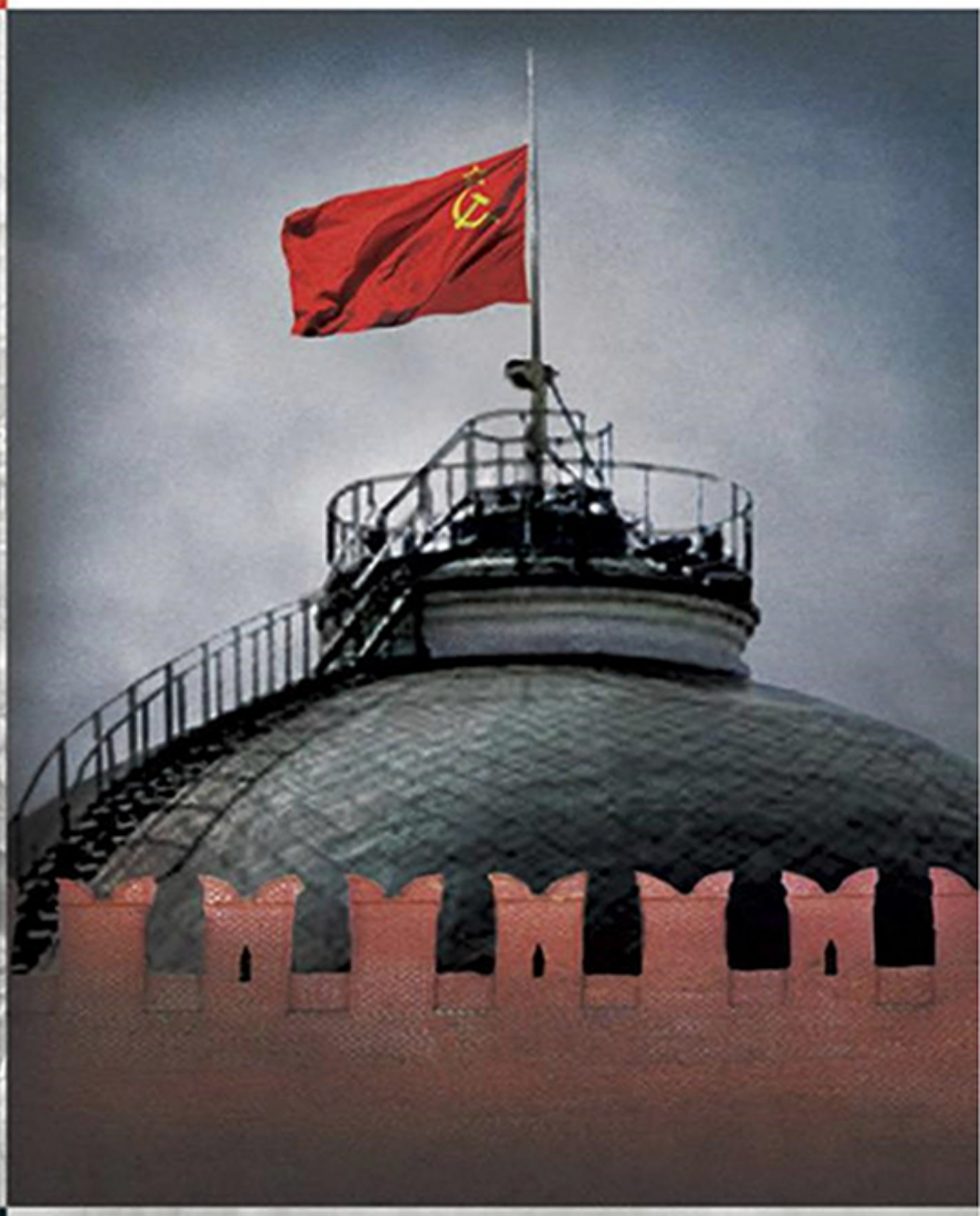
ГЭКАЧЕПИСТЫ

Максим Артемьев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Максим Артемьев

ГЭКАЧЕПИСТЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

Информация от издательства

Артемьев М. А.

Гэкачеписты / Максим Артемьев. — М.: Молодая гвардия, 2021. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1869).

ISBN 978-5-235-04425-8

Книга «Гэкачеписты» посвящена биографиям людей, которые навсегда вошли в историю СССР как члены Государственного комитета

по чрезвычайному положению (ГКЧП). Они были очень разными личностями, но в чем-то, бесспорно, незаурядными и талантливыми, сумевшими достичь высших государственных должностей. Их объединило участие в попытке спасти от развала Советский Союз, но неудача ГКЧП только ускорила распад страны и повлекла, таким образом, последствия всемирно-исторического масштаба.

Максим Артемьев, писатель, журналист, историк, в свое время работал пресс-секретарем Василия Стародубцева, одного из членов ГКЧП, что побудило интерес к данной теме и подтолкнуло к написанию представленной книги, второй на счету автора из серии «ЖЗЛ».

16+

© Артемьев М. А., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот день навсегда вошел не только в историю, но и в мою жизнь. Утром 19 августа 1991 года, разбудив меня, отец сказал о ГКЧП. Я бросился к телевизору и следующие три дня почти не отходил от экрана, одновременно слушая западные радиоголоса. Помню, что, с одной стороны, ощущал какую-то гнетущую безнадежность и отчаяние от того, что перестройке пришел конец и не будет больше ни свободы слова, ни свобод вообще, а с другой стороны, — охватило чувство сопричастности к великому историческому событию, сродни тому, что Федор Тютчев описывал словами «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!», острого осознания, что на моих глазах происходит нечто грандиозное, сопоставимое только с событиями 1917 года, и я всему этому свидетель.

Двадцатилетний провинциальный юноша, книжный червь, живший радио- и телепередачами, я испытывал острую потребность поделиться распиравшими меня ощущениями, но не знал с кем. Я выходил из дома на тульские улицы, ожидая увидеть бурную реакцию жителей на происходящее в Москве. Но — и это было едва ли не бо`льшим шоком, чем само известие о ГКЧП, — я не видел никаких стихийно собирающихся толп, обсуждающих последние известия, в транспорте не слышал никаких разговоров о происходящем. Шла привычная жизнь — как вчера и позавчера.

Мой отец был тогда вторым секретарем Тульского обкома КПСС — должность на 1991 год не столь значительная, как прежде, ибо партия стремительно теряла рычаги управления и подвергалась бесконечному поношению. Двумя месяцами ранее Тулу посетил Борис Николаевич Ельцин в рамках своего предвыборного тура (именно тогда состоялось его знакомство с Павлом Грачевым, имевшее столь значительные последствия в дни ГКЧП). На площадь перед местным «белым домом» его вышли встречать десятки тысяч людей. Эйфория от его личности еще не проходила, население Тулы, как и других городов РСФСР,

измученное беспрерывно ухудшающейся ситуацией в стране, возлагало на Ельцина самые невероятные ожидания.

В памяти остался следующий эпизод. Весна 1991 года. Я захожу в овощной магазин в Туле. Громко включено радио: выступает Михаил Сергеевич Горбачев. Продавщица — крепко сбитая женщина средних лет, в типичной для своей профессии ватной безрукавке, громко восклицает, возвышаясь над грязным прилавком с мелкой картошкой и вялой морковью, густо облепленными землей, — «как же он надоел! Кажется, сама бы взяла в руки ружье и застрелила!». Таково было отношение людей к центральной власти. Бесконечные пустопорожние речи Горбачева раздражали своей беспомощностью. На его фоне Борис Ельцин — такой же партработник и его одногодок, оказавшийся более хитрым политиком, выглядел свежим и многообещающим.

Провал ГКЧП имел для моей семьи большие последствия. 23 августа Ельцин эффектно подписал, во время выступления Горбачева в Верховном Совете РСФСР, как выразился российский президент, «для разрядки», указ о запрете Коммунистической партии Советского Союза. Генсек запрещаемой партии беспомощно пытался возражать с трибуны, лишь подчеркивая свою никчемность. И сразу же по всей России прокуроры начали опечатывать помещения партийных органов, позволяя выносить из кабинетов лишь личные вещи. Отец позвонил мне, велев срочно прийти к обкому — вышеупомянутому «белому дому». Он хотел передать электрообогреватель, который где-то купил, но все не удосуживался принести домой, чтобы тот не пропал в суматохе опечатывания. Поскольку входы в здание были перекрыты и вынести его было невозможно, обогреватель положили (отец или его помощник) под решетчатую ограду, преграждавшую вход во внутренний двор четырехугольника обкома, и мне надо было его из-под нее вытащить.

Но не тут-то было — «белый дом» по периметру оцепили откуда-то взявшиеся дружинники с красными повязками, и одним из них был мой бывший однокурсник, активист местного демократического движения, выгнанный из института. Я, естественно, не рискнул приближаться к ограде, и электрообогреватель пропал в хаосе революции. Так в моей персональной истории трагическое смешалось с комическим.

Но куда важнее была потеря отцом работы — его вместе с другими работниками обкома вывели из здания под улюлюкающие крики собравшейся толпы. В одну минуту обнулилась вся его предшествующая комсомольско-партийная карьера, и в 46 лет надо было все начинать сначала и как-то кормить семью. Тогда я этого не понимал. Напротив, в душе я был рад, что наконец-то никто не сможет назвать меня «сынком партийного работника», что нависало надо мной как проклятие, особенно в последние три года, когда партию стали поносить все кому не лень, и я чувствовал себя как еврей в нацистской Германии в первые годы нацизма.

После трех дней ГКЧП страна кардинальным образом изменилась. Запрет КПСС — станового хребта советской империи — означал ее кончину, и через четыре месяца она исчезла с лица земли.

Сегодня, спустя почти 30 лет после описываемых событий, история с ГКЧП воспринимается не так серьезно. Многие современники о ней уже забыли, а для молодого поколения она и вовсе не существует. В поведении людей, «не замечавших» переворота в Москве и живших своей привычной жизнью, я вижу больше житейской мудрости, нежели в моем исступленном состоянии юноши, не умудренного опытом. Ныне действия ГКЧП представляются мне лишь эпизодом, хотя и ключевым, в трагическом распаде страны.

* * *

История распада СССР представляет собой уникальное событие в мировой истории. Огромная империя рухнула всего лишь за шесть с половиной лет в результате действий его верховного руководства. Советскому Союзу ничто не угрожало извне. В 1985 году, когда к власти пришел Михаил Горбачев, в стране отсутствовала внутренняя оппозиция — диссиденты в основном были разгромлены, Александр Исаевич Солженицын находился в изгнании в Америке, а Андрей Дмитриевич Сахаров в ссылке в Горьком. Именно генеральный секретарь ухитрился своими руками создать себе оппозицию — вопреки собственным намерениям, а экономические реформы, призванные поднять народное хозяйство, обрушили его.

СССР в 1985 году выглядел невероятным явлением. В нем жили люди, которые не представляли себе иного существования. Да, они были многим недовольны, в первую очередь постоянным дефицитом товаров и продовольствия, но в целом не видели альтернативы системе, которая худо или бедно давала работу и крышу над головой и не допускала голода.

За три поколения советского времени историческая память об имперской России до 1917 года была полностью утрачена. Перемен хотели, но именно в рамках сохранения привычных порядков. Та жизнь, которая по меркам любого иного общества воспринималась бы абсурдной, самим жителям СССР представлялась в основных своих чертах вполне нормальной. Но что это была за жизнь?

В магазинах имелся лишь самый элементарный набор продуктов, гарантировавший невозможность голода, но не более того. Сельское хозяйство было вопиюще неэффективным — и это видели все. Десятки миллионов школьников, студентов, научных работников, инженеров, рабочих, солдат ежегодно отправлялись в деревню для помощи в работах. Но все равно — мяса в магазинах практически не бывало, а зерно миллионами тонн закупали за границей. 90 процентов картофеля — основной пищи советского человека — выращивалось на приусадебных участках. Потребительские товары были низкого качества,

и их приобретение также превращалось в охоту. Говорилось «достать», а не «купить». Любая модная вещь являлась дефицитом по определению — от дубленки до магнитофона, от автомобиля до мебельной «стенки».

Помимо нехватки продуктов и товаров, остро стояла жилищная проблема — жилья не хватало, и семьи ютились по три поколения в маленьких квартирах. Миллионы семей, особенно в частном секторе, были лишены канализации и водопровода. Десятки миллионов людей проживали в бараках, общежитиях, коммунальных квартирах.

Молодежь раздражало отсутствие доступа к популярной музыке и фильмам, вообще к современной западной массовой культуре и к модной одежде. Собственно политической цензурой были недовольны лишь немногие, равно как и подавлением религии, вытесненной на обочину жизни общества. Вспоминаю, что впервые я взял в руки Библию в 18 лет, в 1989-м, да и то, как я теперь понимаю, это было одно из протестантских изданий.

Следствием как идеологических, так и социально-бытовых неурядиц был массовый алкоголизм. Поколениям, не заставшим СССР, хотя бы и поздний, трудно представить то повсеместное пьянство, которое буквально захлестывало страну, в первую очередь славянские республики — РСФСР, УССР, БССР.

Технологически Советский Союз во многом отставал от Запада, в частности в сфере IT-технологий. Вновь не могу не поделиться личным опытом. В школе у нас в десятом классе (1987/88) уже были введены уроки информатики. Но компьютеров мы в глаза не видели, и вся «информатика» сводилась к пересказам учителя о том, что из компьютерной техники он видел в областном центре. А наблюдал он, что теперь понятно, совсем примитивные ЭВМ, тогда как в США уже в 1985 году была создана программа *Windows*, а население обладало более чем миллионом персональных компьютеров.

Достижения по части военно-промышленного комплекса и космических исследований не должны вводить в заблуждение. К 1985 году отставание СССР в освоении космоса было уже налицо. Американцы не только побывали на Луне, утерев Советам нос, но их летательные аппараты достигли Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна, и корабль «Вояджер-2» двигался к Урану и Нептуну. Помню свой восторг от снимков этих планет, черно-белых и редко публиковавшихся в советских газетах и ярких цветных в журнале «Америка». Кроме того, у США имелся космический челнок, казавшийся техникой XXI века на фоне привычных советских ракет и кораблей «Союз», а 25 апреля 1990 года на земную орбиту с помощью космического корабля многоразового использования «Дискавери» был выведен телескоп «Хаббл», расширивший человечеству границы непознанного.

Идеологически СССР также сильно проигрывал Западу. Советская культура — музыка, фильмы, живопись, книги — не котировалась.

Происходило своего рода паразитирование за счет давних достижений в классическом балете и т. п., но ничего современного СССР предложить не мог — в эпоху массовой культуры страна безнадежно отстала, все новое приходило только с Запада — рок-музыка в первую очередь. То же касалось и кино, второго массового продукта поп-культуры. За редким исключением продукцию советских киностудий нельзя было даже сравнивать с Голливудом.

Левая идея в мире давно уже видоизменилась, если сравнивать с началом XX века. На первый план выходили гендерные, экологические и другие нестандартные проблемы. А СССР все топтался вокруг диктатуры пролетариата. Крупнейшим «достижением» стала теория «развитого социализма», в мире мало кому интересная. «Советская религия» — марксизм-ленинизм, предлагавшийся в качестве единственно допустимой идеологии, вызывал лишь усмешку. Население массово слушало западные радиоголоса и привыкало жить двойной моралью.

Советский Союз даже социалистами разных мастей воспринимался как закосневшая в своей негибкости и архаичности держава. В послесталинское время страна потеряла ключевого союзника — Китай, который стал прямым противником, на противостояние с которым также приходилось выделять огромные средства, помимо расходов на холодную войну с Западом во главе с США. Раскол с Китайской Народной Республикой (а кроме того, с крошечной, но вполне себе «социалистической» Албанией) дискредитировал СССР, он больше не мог позиционироваться как главная страна социализма, ибо в Поднебесной проживало почти в три раза больше населения, чем в Советском Союзе вместе с его союзниками. Вышли из-под контроля Румыния и Северная Корея, еще со сталинских времен оставалась независимой Югославия. В послесталинское время приобретений оказалось немного — Куба, Вьетнам с Кампучией и Лаосом, Ангола и Эфиопия. Но, говоря современным языком, все это было «проблемными активами», поглощавшими огромные средства без какой-либо явной отдачи.

В третьем мире имелось еще несколько союзников разной степени близости, попадавших под понятие «сферы влияния», — Никарагуа, Мозамбик, Южный Йемен и т. д. В целом же явного перехода к социализму от капитализма, феодализма или родо-племенного строя в планетарном масштабе не происходило. Даже в «старых» социалистических странах Восточной Европы, сохранявших безусловную верность СССР, время от времени случались волнения и бунты, показавшие всю эфемерность их идеологического выбора, — в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968-м, неоднократно в Польше, в последний раз, наиболее масштабно, в 1980—1981-м.

Но самой острой проблемой к 1985 году стал Афганистан, не признаваемая война в котором доставляла СССР множество

неприятностей во внешней политике, гибли люди, затрачивались огромные средства. В условиях того времени открытых антивоенных выступлений быть не могло, но раздражение подспудно нарастало. Политинформаторам задавались неудобные вопросы, на кладбищах росло число солдатских могил без указания причин их гибели, это было запрещено, сотрудникам военкоматов давали большие взятки, чтобы сыновей не направляли в Афган, а неприятные объяснения с начальством нередко заканчивались знаменитым «я вас в Афганистан не посылал».

Гонка вооружений протекала так давно, что не вызывала такой реакции, как афганская война, к тому же она не имела явно выраженных последствий, но они были отчетливо заметны тем, кто принимал решения в СССР, впрочем, было понимание и у простых людей — «многого у нас нет, поскольку надо крепить оборону». Огромные военные расходы ложились тяжелым бременем на бюджет страны. Каждый виток холодной войны требовал все более сложной техники, рейгановская инициатива 1983 года — «Стратегическая оборонная инициатива», более известная как «Звездные войны», вызвала буквально панику у кремлевского руководства, ибо означала необходимость новых колоссальных затрат.

Разрядка международной напряженности начала и середины 1970-х годов сменилась после 1979 года усилением противостояния. Встречи на высшем уровне СССР — США прекратились. Америка наступала на Советский Союз по всем фронтам. Она бойкотировала Олимпийские игры в Москве 1980 года, СССР — в Лос-Анджелесе в 1984-м. Фактически Советский Союз был вынужден в одиночку противостоять самой богатой и мощной стране мира — США, вкупе с ее союзниками, среди которых были такие индустриальные гиганты, как Япония (третья экономика мира) и ФРГ, и такие ядерные державы, как Великобритания и Франция. Кроме того, с восточного тыла ему угрожал миллиардный Китай, также ядерный, стремительно развивавшийся в результате реформ Дэн Сяопина, который в 1979-м уже открыто нападал на советского союзника — Вьетнам — и активно, вместе с Западом, помогал афганским моджахедам.

Можно перечислять еще много проблем — и экологические бедствия, начиная от уничтожения целого моря — Аральского, и, напротив, затопления сотен тысяч гектаров плотинами ГЭС на Волге и Днепре; и ситуацию с преступностью — банды терроризировали и школы, и ПТУ, и целые городские районы, а по количеству заключенных на душу населения и по общему их числу СССР находился в мировых лидерах; и дедовщина в армии, означавшая не просто криминализацию вооруженных сил, но и неспособность командования навести элементарный порядок в частях; и провалы в здравоохранении — Советский Союз являлся страной, где ведущим методом контрацепции оставались аборты.

* * *

Главой Советского государства в марте 1985 года стал Михаил Сергеевич Горбачев. Его избранию генсеком предшествовали два коротких правления Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко, которые с позиций сегодняшнего дня выглядят междуцарствием.

Михаил Горбачев принадлежал к числу последних выдвиженцев Леонида Ильича Брежнева. Он был переведен в Москву секретарем ЦК по сельскому хозяйству из Ставрополя, где работал первым секретарем крайкома КПСС, в 1978 году, в возрасте сорока семи лет. По меркам тогдашней геронтократии это был совсем юный возраст, но Горбачев уже успел пройти большой путь в плане карьеры. Внук председателя колхоза, он умудрился получить за ударный труд в поле в возрасте восемнадцати лет орден Трудового Красного Знамени, послуживший ему путевкой в жизнь — с такой наградой он смог поступить в Московский государственный университет (МГУ) им. М. В. Ломоносова на юридический факультет без экзаменов.

Провинциальный юноша не особенно выделялся среди других студентов, хотя и занимался общественной работой, и в 1955 году, по окончании университета, вернулся на родину. Но пойти по юридической стезе ему не пришлось, выпускник столичного вуза, да еще МГУ, сразу был примечен в крайкоме комсомола и приглашен на работу в ВЛКСМ.

Карьера сообразительного Миши развивалась стремительно. Уже в 1956 году он первый секретарь Ставропольского горкома комсомола, а в 1961—1962 годах — первый секретарь Ставропольского крайкома. Далее Горбачев перешел на партийную работу, умея выстраивать отношения с менявшимися первыми секретарями. Будучи юристом, он получает второе высшее образование, окончив Ставропольский сельскохозяйственный институт. В 1970 году Горбачев становится самым молодым в стране первым секретарем крайкома (обкома).

Возглавив один из основных зерновых районов страны, он оказывается на хорошем счету в ЦК и лично у Леонида Брежнева как энергичный руководитель, разбирающийся в аграрном секторе. Поэтому, когда в 1978 году скоропостижно умирает член политбюро и одновременно секретарь ЦК, курирующий сельскохозяйственный сектор, Федор Давыдович Кулаков, его преемником становится 47-летний Михаил Горбачев, опять-таки самый молодой человек на таком посту в то время. Разумеется, когда Брежнев предлагал Горбачеву перейти из Ставрополя в Москву, он вряд ли видел в нем своего последователя. Ему нужен был надежный и активный помощник по вопросам сельского хозяйства — извечно слабого звена советской экономики.

Надо заметить, что в 1976 году секретарем ЦК КПСС был избран и другой «молодой» партийный работник с периферии — первый секретарь Свердловского обкома Яков Петрович Рябов (преемником которого стал Ельцин). Рябов возглавил военно-промышленный

комплекс (ВПК) вместо ставшего министром обороны Дмитрия Устинова и, одновременно, курировал деятельность административного отдела ЦК КПСС, то есть все силовые органы.

Я полагаю, что именно Рябова Брежнев и видел своим потенциальным преемником, для чего и поручил ему столь важную должность. Однако напористый и резкий Яков Рябов вступил в конфликт с Устиновым, который не желал терять контроль над ВПК, и проиграл ему в аппаратной борьбе, итогом которой стал его сравнительно быстрый уход с должности секретаря ЦК КПСС в начале 1979 года.

Горбачев же, оказавшись в Москве, повел себя куда хитрее и дипломатичнее. Он вообще обладал способностью уживаться с любым начальством и нравиться своим непосредственным руководителям. С тем же Устиновым у него были налажены отличные взаимоотношения. Звоня ему по телефону, Горбачев шутливо спрашивал: «Товарищ командующий, какие будут указания по части сельского хозяйства?» Если Рябов, несмотря на свое кураторство самых важных сфер государственной деятельности, так и остался «просто» секретарем, то Горбачев уже в 1979 году стал кандидатом в члены политбюро, а в 1980-м, в неполные 50 лет, — членом политбюро, будучи всего лишь «аграрием».

У Горбачева была большая опытность по части аппаратных интриг, но он не обладал глубоким умом и серьезными знаниями. Он умел производить впечатление своим напором и энергичностью, но ни в чем не являлся профессионалом. Хитрость заменяла ему ум. Вообще, создается впечатление пустоты этого человека, бедности его внутреннего мира. Горбачев находился на своем месте, когда выполнял чьи-то указания, — чем и объясняется стремительность его карьеры. Когда же он оказался в роли первого человека страны, не подлежащего контролю, несчастья посыпались на нее как из рога изобилия. Сегодня очевидно, что потолком Михаила Сергеевича был пост первого секретаря крайкома.

Оказавшись в ЦК КПСС, Горбачев занялся разработкой продовольственной программы, которую сумел преподнести престарелому Леониду Брежневу как некую важную инициативу, способную решить перманентный продовольственный кризис. Программа представляла собой бессодержательную бюрократическую инициативу, не предполагавшую принципиальных изменений и уповавшую на административные рычаги. Все дальнейшие инициативы Горбачева, выдвигавшиеся им уже на посту генерального секретаря, отличались тем же самым — верой в то, что можно что-то изменить аппаратными перестановками, словесной мишурой.

Любопытно заметить, что будущий «либерал» и «демократ», работая в ЦК, ориентировался в первую очередь на таких консерваторов, как Юрий Андропов и Дмитрий Устинов. Хорошие отношения у него были и с когда-то работавшим на Ставрополье Михаилом Андреевичем Сусловым, ставшим для либеральной интеллигенции своего рода

жупелом. Напротив, с производственниками, такими как председатель Совета министров СССР Николай Александрович Тихонов, у него отношения не сложились. Опытный премьер довольно быстро разглядел в неуемном карьеристе человека опасного и пытался противодействовать его восхождению и инициативам, но в этом он не преуспел. Устинов с Андроповым Горбачева прикрывали и способствовали расширению его полномочий. Вероятно, тогда Михаил Сергеевич проникся ненавистью к аппарату, что проявилось уже в перестройку, на рубеже 1970—1980-х годов, когда инициативы ретивого секретаря ЦК, «проталкивающего» свою продовольственную программу, встречали зачастую обоснованные возражения и в Госплане, и в Минфине, и в других ведомствах. Причудливым образом матерый до мозга костей аппаратчик Горбачев стал обличителем бюрократии. Схожий путь в свое время проделал Никита Сергеевич Хрущев.

После смерти Константина Черненко в марте 1985 года ни у кого не возникало и вопроса о том, кто станет следующим генеральным секретарем. Я помню, что в свои 14 лет, когда по радио сообщили о кончине Черненко, спросил у родителей: «Теперь Горбачева изберут?» Его фамилия всплыла у меня сама собой — последний год он проявлял большую публичную активность, совершал зарубежные визиты, что было заметно не только в Москве, но и в провинции. К тому же после трех последовавших друг за другом смертей дряхлых вождей избрание очередного старика стало бы очевидной нелепостью. С неизбежностью и необходимостью назначения относительно молодого Михаила Сергеевича смирились даже его противники. Недаром его кандидатуру официально вынес на голосование министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, на то время самый старый член политбюро, как бы давая тем самым одобрение от лица ветеранов партийного руководства.

Ядерную сверхдержаву возглавляла олигархическая верхушка из десяти-пятнадцати человек, которые из своей среды выдвигали лидера, чьи полномочия были обширными, но не неограниченными. В дальнейшем уже сам лидер постепенно подбирал себе соратников, но с учетом сложных раскладов в высших эшелонах власти. Брежневу для формирования своей команды и удаления нежелательных лиц из политбюро понадобилось около десяти лет.

Придя к власти, Горбачев инициировал кадровую чистку, создавая собственный «актив». Главой правительства в 1985 году стал Николай Иванович Рыжков, 56-летний технократ, в прошлом директор Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаш) им. Серго Орджоникидзе, неформальным вторым секретарем (официально такой должности не существовало) — Егор Кузьмич Лигачев, принадлежавший к более старшему поколению, но 18 лет просидевший первым секретарем в Томске и теперь горевший желанием наверстать упущенное в Москве. Вообще, читая протоколы Политбюро КПСС того времени, замечаешь,

насколько сильным было во всех них — и в Горбачеве, и в его соратниках — стремление доказать, что при Брежневе их напрасно недооценивали, не продвигали наверх, не прислушивались к их мнению. Теперь же, дорвавшись до власти, им хотелось быстрее продемонстрировать, на что они способны, и, соответственно, старались все поменять.

На апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 года Михаил Горбачев провозгласил курс на «ускорение», а в мае, выступая в Ленинграде, сказал: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться». Так началась «перестройка».

Советские люди поначалу с воодушевлением приняли нового генерального секретаря — молодой (на фоне шамкающих предшественников), говоривший без бумажки, приезжавший в различные города страны, отчего уже отвыкли при Андропове и Черненко, сравнительно симпатичный, несмотря на родимое пятно на голове. Не раздражали ни его южный акцент, ни манера всюду брать с собой супругу Раису Максимовну.

Однако уже первые практические решения Горбачева вызвали неоднозначные последствия. 7 мая 1985 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 410 («О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения»), в развитие которого 16 мая вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения», который вводил соответствующие административные и уголовные наказания.

В народе эту кампанию окрестили «сухим законом». Инициировались различные ограничения на торговлю спиртным — его разрешали продавать только с 14.00 до 19.00, сокращалось количество магазинов, где оно продавалось, возрастали цены на водку. Для сильно пьющего уже не в одном поколении населения страны это было подобно шоку. Жившие в то время хорошо помнят дикие очереди за алкоголем по всей стране. Люди не могли враз отказаться от застарелой, пусть и смертельно опасной привычки, ставшей важной социокультурной традицией.

Ни одно празднество не мыслилось без водки. Вспоминаю, как в маленьком шахтерском городке, где мой отец работал первым секретарем горкома, к нам домой пришли соседи — у них намечались не то похороны, не то свадьба — с просьбой посодействовать в покупке скольких-то бутылок водки, которую было невозможно достать. Я с недоумением смотрел на них, не понимая — как можно так рваться за спиртным? При этом я не осознавал главного: привычная жизнь этих людей была покорежена грубым административным вмешательством. Теперь на несколько лет население СССР было обречено на унизительную давку в очередях за вином и водкой. И первая критика Горбачева началась именно там:

В шесть часов поет петух,

в восемь — Пугачева.
Магазин закрыт до трех,
ключ у Горбачева.

Но кроме безобидных частушек все чаще звучали и резкие высказывания. Антиалкогольная кампания, дав краткосрочный эффект по части увеличения продолжительности жизни и снижения смертности, показала, что застарелые проблемы невозможно решить наскоком и административными рычагами. Алкаши массово потребляли всевозможные спиртосодержащие субстанции, начиная от одеколона, кончая денатуратом и столярным клеем. Пышным цветом расцвело самогоноварение, породившее второй дефицит перестройки — сахар. Его исчезновение из свободной продажи стало первым ощутимым и явственным провалом горбачевской политики. Власть попыталась переложить всю вину на самогонщиков, но это было слишком простым объяснением, не учитывавшим ошибки в ценовой политике, производстве и распределении. Дефицит сахара вызвал введение талонов на него, первых из числа множества за ними последовавших в масштабе всей страны (талоны на продовольствие на местном уровне то там, то здесь вводились уже давно, но это явление еще не было всеохватным).

Реформаторская программа получила развитие на XXVII съезде КПСС в начале 1986 года. На нем впервые произошло нечто, ломающее привычные сценарии — генсек прервал выступление главы Союза кинематографистов Льва Александровича Кулиджанова словами: «Давайте не будем склонять Михаила Сергеевича». Хотя в выступлении кинорежиссера не было ничего особенно подхалимского, зал взорвался аплодисментами — руководитель страны дал урок партийной скромности.

Попутно Горбачев собирал свои кадры, в 1985—1987 годах на должности ключевых секретарей ЦК КПСС были выдвинуты Александр Николаевич Яковлев и Анатолий Иванович Лукьянов, а первым секретарем Московского горкома партии в декабре 1985-го был избран Борис Николаевич Ельцин. Сам Горбачев, в отличие от предшественников, решил не возглавлять одновременно Президиум Верховного Совета СССР и, таким образом, не становиться формальным главой страны, временно отдав эту должность Андрею Громыко, которого требовалось сместить с поста министра иностранных дел. Горбачеву на этой должности был нужен свой человек, который, по его мысли, смог бы привнести свежий подход во внешнюю политику. Таковым, на удивление многих, стал Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР.

Что касается армии, то для смены министра обороны Сергея Леонидовича Соколова пришлось ждать удобного повода, который настал в мае 1987 года, когда на Красную площадь сел частный самолет, пилотируемый летчиком-любителем из ФРГ Матиасом Рустом. Новым главой оборонного ведомства стал Дмитрий Тимофеевич Язов, ничем не

примечательный генерал, недавно переведенный в Москву. Комитет государственной безопасности (КГБ) СССР до сентября 1988 года продолжал возглавлять Виктор Михайлович Чебриков, назначенный еще Андроповым.

Характерной для управленческого стиля Горбачева была попытка решить главную проблему СССР — неспособность прокормить собственное население. Инициированная им и принятая в 1982 году продовольственная программа не оказала никакого положительного эффекта на ситуацию со снабжением. Но, став генсеком, Горбачев уже ничем не ограничивался в своих планах, благо его ближайшие соратники, такие как Рыжков и Лигачев, были настроены на решительные перемены и поддерживали его начинания.

Горбачев пошел типично бюрократическим путем — вместо действенного решения проблемы он прибег к организационной перестройке управления сельским хозяйством. 14 ноября 1985 года был создан Государственный агропромышленный комитет (Госагропром) СССР на базе пяти союзных ведомств — министерств сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности, сельского строительства и Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства (Госкомсельхозтехника СССР).
Во главе этого монстра Горбачев поставил (в статусе первого зампреда Совета министров) своего давнего соратника — Всеволода Серафимовича Мураховского, сменившего его в 1978 году на посту первого секретаря Ставропольского крайкома. Подобные агропромы были созданы во всех союзных республиках, областях и районах. Считалось, что если объединить в одних руках производство и переработку, а также сопутствующие сферы, то положение исправится.

Но ситуация на селе от бюрократических игр не улучшалась. В отсутствие подлинных реформ население не только по-прежнему плохо питалось, но и начало испытывать недостатки в снабжении там, где прежде этого не наблюдалось, как в случае с сахаром. Ответом Горбачева стали опять-таки аппаратные маневры. Госагропром СССР был распущен и заменен на Государственную комиссию Совета министров СССР по продовольствию и закупкам. Мураховского в качестве ее главы и также первого зампреда Совета министров сменил новый «сильный человек» — Владилен Валентинович Никитин. Через год ситуация оказалась еще хуже. Из продажи исчезли табачные изделия (они проходили по номенклатуре агропрома). Никитина отправляют в отставку, комиссию распускают и уже в правительстве Валентина Сергеевича Павлова возвращаются… к воссозданию Министерства сельского хозяйства и продовольствия с министром Вячеславом Ивановичем Черноивановым, ставшим последним аграрным руководителем СССР. К тому времени советские люди уже плотно сели на продовольственные талоны, по которым и шло их снабжение

нормированными продуктами. А мир занимался поставками в СССР гуманитарной помощи, спасая население сверхдержавы от голода.

Не менее показательные процессы проходили в сельском хозяйстве уровнем ниже — в новосозданном Госагропроме РСФСР. В ответ на усугубление проблем в 1988 году было решено разделить его на два комитета, выделив особо… Госагропром Нечерноземной зоны РСФСР! Таким образом, сельским хозяйством России отныне занималось два ведомства — решение в духе хрущевского разделения обкомов на промышленные и сельские. Горбачев, неведомо для самого себя, оставался верным последователем Никиты Сергеевича, со страстью того к перетряскам и «изменениям структуры».

Неспособность привнести положительные изменения отличала Горбачева от успешных реформаторов второй половины 1980-х годов, таких как Дэн Сяопин и вьетнамские руководители, исходившие из практических потребностей народного хозяйства своих стран и под чьим руководством ситуация со снабжением населения продовольствием быстро улучшалась.

Стоит вообще заметить, что в годы перестройки был совсем не востребован китайский опыт. В Кремле никому и в голову не приходило хотя бы поинтересоваться тем, как идут дела у соседей. Это касалось как власти, так и быстро нарождающейся оппозиции, которая сплошь была ориентирована на Америку и требовала механического подражания США. И те и другие смотрели на Китай с высокомерным презрением.

Подобно тому как Горбачев «решал» проблемы сельского хозяйства, он занимался и промышленностью. Низкое качество советской продукции давно было притчей во языцех. Решение нашлось следующее — с 1 января 1987 года на полутора тысячах важнейших предприятиях была введена так называемая «госприемка» — специальная служба, сменившая прежние ОТК, административно входившие в заводскую вертикаль. Госприемка не подчинялась начальству предприятия, а входила в структуру Государственного комитета СССР по стандартам (Госстандарта), ведомства прежде второстепенного, а ныне резко повысившего свою влиятельность. В 1989—1991 годах оно даже называлось Комитетом по управлению качеством продукции и стандартам.

Однако, как и в случае с сельским хозяйством, голое администрирование ничего не решало. Хозяйственники шли на всевозможные хитрости, чтобы обмануть госприемщиков (туда набирали отборные кадры, давали высокие оклады и премии), на Госстандарт оказывалось давление, чтобы он накладывал резолюцию: «Не возражаем против реализации продукции с отклонениями от ГОСТа, не влияющими на работоспособность изделия».

Проблему дефицита жилья попытались решить принятием программы «Жилье-2000». 17 апреля 1986 года вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об основных направлениях

ускорения решения жилищной проблемы в стране». Власть торжественно пообещала, что каждая советская семья получит отдельную квартиру или дом к 2000 году. Опять начались реорганизации, Госкомитет СССР по делам строительства стал Государственным строительным комитетом. За незначительной переменой названия скрывалась управленческая революция, теперь Госстрой превращался из нормативного, ничем не руководившего ведомства, в реальный штаб строительства, были переименованы и опекаемые им министерства. Одно время в составе Госстроя на должности первого заместителя работал сам Борис Ельцин, что никак не сказалось на выполнении госпрограммы «Жилье-2000», более того, позже по его инициативе (он уже возглавлял профильный комитет в Верховном Совете СССР) было распущено Министерство строительных материалов, которому было поручено курировать эту программу.

Проблему запущенного дорожного строительства в Нечерноземье Горбачев решил исправить с помощью… армии. Специально для этой цели было создано Центральное дорожно-строительное управление Министерства обороны СССР. Нехватку и низкое качество бытовой техники в 1988 году попытались исправить роспуском Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов и передачей его заводов в министерства… судостроительной и авиационной промышленности! Мол, в этих ведомствах поднимут технологическую дисциплину. И так происходило практически в любой отрасли — реорганизации, перестройки, словесная шумиха, обещания, а в итоге — почти всегда реальное ухудшение.

Стоит сказать и о пресловутом падении цен на нефть, которому иные историки приписывают едва ли не решающее значение в развале СССР. Как отмечает историк Александр Немировский, при максимуме нефтяных доходов в 1984—1985 годах Советский Союз получал за нефть около 13 миллиардов долларов в год. В 1985—1986-м цены на нее снизились втрое, что означало потерю около восьми миллиардов долларов. При этом ежегодная помощь одной только Кубе составляла от четырех до шести миллиардов долларов в год. В среднем семь миллиардов в год на рубеже 1970—1980-х затрачивалось на военно-техническую помощь просоветским странам третьего мира. Война в Афганистане и поддержка тамошнего режима «стоила» примерно тех же денег. Иными словами, достаточно было сократить геополитические расходы, отказаться от проектов по глобальному распространению своего влияния, и население не почувствовало бы эффекта от падения цен на «черное золото». Но Горбачев всячески медлил с этим.

О противоречивости перестроечного курса, отсутствии у его прорабов ясного видения целей и задач ярко свидетельствует следующий факт. 15 мая 1986 года постановлением ЦК КПСС началась всесоюзная кампания усиления борьбы с «нетрудовыми доходами». В рамках этой кампании запрещались «самовольное использование в корыстных целях

транспортных средств, нарушение порядка занятия кустарно-ремесленными промыслами и другой индивидуальной трудовой деятельностью», а также «кормление скота хлебом». Наказание колебалось от денежного штрафа до пяти лет лишения свободы с конфискацией имущества. Однако уже 19 ноября 1986 года был принят закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», прямо противоположный по содержанию. Но власти успели провести кампанию по борьбе с теплицами, разрушению хозпостроек на приусадебных и дачных участках, страшно озлобившую население, которое вовсе не сочувствовало «борьбе со спекулянтами».

* * *

Первый этап перестройки завершился к 1987 году. Какими-либо достижениями похвастать было нельзя, народ уже раздражался бесконечными выступлениями Горбачева и постоянным присутствием его жены (это больше возмущало женскую часть населения). По стране прошелся вал анекдотов про генсека. Например: «Назовите трех великих комиков Советского Союза. Ответ — Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин муж». Было немало анекдотов остроумных, но совсем неприличных. Рождались и частушки на злобу дня:

По стране несется тройка:
Мишка! Райка! Перестройка!
……
Водку мы теперь не пьем
И конфет не кушаем,
Зубы чистим кирпичом,
Перестройку слушаем.
……
Перестройка — мать родная,
Хозрасчет — отец родной,
Не нужна родня такая,
Лучше буду сиротой.
……
Раньше пили каждый день,
А теперь с получки.
Этот хрен с пятном на лбу
Доведет до ручки!
……
Леня, милый, открой глазки.
Нет ни мяса, ни колбаски.
Нет ни водки, ни вина.
Радиация одна.

Реакция населения, несомненно, доходила до Михаила Горбачева. Ответом стала политическая реформа, погубившая советскую империю в короткие сроки.

Но тут необходимо немного отвлечься и вернуться на несколько месяцев назад. Одной из самых известных, но вместе с тем трагических частушек перестройки стала следующая:

Ускоренье — важный фактор,
Но не выдержал реактор,
И теперь наш мирный атом
Вся Европа кроет матом.

26 апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. Она словно открыла череду катастроф огромного масштаба, равных которым прежде Советский Союз не знал. 31 августа 1986-го затонул пассажирский пароход «Адмирал Нахимов», погибли 423 человека. 7 августа 1987 года произошло столкновение грузового и пассажирского поездов в Ростовской области, погибли 106 человек. 4 июня 1988 года взорвались вагоны с взрывчаткой на железнодорожной станции Арзамас, погиб 91 человек и был причинен огромный материальный ущерб. 4 июня 1989 года взорвались пары газов, вытекавшие из трубопровода в Башкирии в тот момент, когда навстречу друг другу проходили два пассажирских поезда, погибли 575 человек. А самой крупной катастрофой, не техногенной, но природной, стало землетрясение в Армении 7 декабря 1988 года, унесшее жизни более 25 тысяч человек. Все эти трагические происшествия накладывали свой отпечаток на происходившее в стране, придавая перестройке зловеще-мрачный оттенок, впрочем, в народном творчестве они скорее осмыслялись в традициях черного юмора:

Утопили пароход,
Пропустили самолет.
Наркоманов развели,
СПИД в Россию завезли,
И какая-то (зве)зда
Сводит с рельсов поезда.

Однако именно Чернобыль остался в памяти населения бывшего СССР и всего мира, став символом перестроечных потерь. Кроме того, авария решающим образом повлияла на информационную политику властей, послужив одной из побудительных причин «гласности», ставшей такой же визитной карточкой перестройки, как «ускорение» и «демократизация» (резиновую палку у появившихся омоновцев прозвали «демократизатором»).

Советские люди узнали об аварии из вечернего выпуска теленовостей лишь 28 апреля. Из скупого сообщения трудно было сделать какие-либо выводы и осознать масштаб произошедшего. (Помню это по себе — в тот день я услышал в программе «Время» информацию об аварии на Чернобыльской АЭС, но не придал особого значения, хотя некоторая напряженность между строк ощущалась. А ведь наша семья проживала именно в том районе, где произошло выпадение радиоактивных осадков,

и спустя несколько лет я даже получал какие-то выплаты как пострадавший.)

Но на Западе началась настоящая информационная истерия, печатались сенсационные сообщения о тысячах погибших. Чтобы отвечать на мировое давление о подлинных масштабах случившегося, Горбачев принял решение радикально изменить информационную политику. Отныне новости стали открываться сообщениями из чернобыльской зоны. С головотяпства проектировщиков и эксплуатантов реактора попытались сместить акцент на подвиг ликвидаторов, но общее впечатление все равно оставалось смазанным — именно в СССР с ядерной техникой произошла катастрофа с тяжелейшими последствиями.

Однако сам факт, что проблема не замалчивалась, выгодно отличал новейшую политику в области СМИ от того, что происходило прежде, когда о подобных происшествиях вообще было не принято информировать население. Стоит заметить, что ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС от Министерства обороны руководил Валентин Иванович Варенников, будущий узник Матросской Тишины по делу ГКЧП.

Так, к 1987 году появилась гласность — новое увлечение Горбачева. Но она была ему нужна не только как средство превращения техногенной катастрофы в триумф воли советского человека, спасающего природу и общество от радиоактивного загрязнения, но и для более важной для него цели — шельмования партаппарата, который к тому времени он стал считать своим главным противником, тормозящим его начинания. Вторым инструментом для этого стали состязательные выборы («демократизация»). В конце января 1987 года состоялся январский пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев выступил с докладом «О перестройке и кадровой политике партии», в нем он и наметил вышеуказанные изменения в политике. В некотором роде кадровую политику генсека можно считать аналогом 1937 года или культурной революции в Китае — избиение кадров внизу руководителями сверху при помощи низов. Как Иосиф Виссарионович Сталин или Мао Цзэдун считали, что аппарат недостоин вождей, так и Горбачев полагал, что именно низовое и среднее звено партии мешают ему добиваться результатов.

«Результаты» не замедлили сказаться. И «прорвало» там, где Горбачев менее всего мог ожидать, — в национальном вопросе. К 1985 году СССР был вполне авторитарным государством (кому нравится, может называть его «тоталитарным», суть не в терминах-обзывалках, мало чего объясняющих), в котором все уровни власти, сверху донизу обязаны были проводить (и проводили) волю Кремля. Национально-территориальное устройство в форме пятнадцати советских республик являлось чистой фикцией. Скорее, местные центральные комитеты партии служили удобной, исторически устоявшейся формой управления.

Для пропаганды было нужно представлять историческую Россию в форме «федерации». Страна же была сугубо унитарной, без малейших поползновений к какой-либо своеобразности окраин, если не брать в расчет искусство и образование, «национальные по форме и социалистические по содержанию».

На бытовом уровне вполне могли соседствовать национализм какой угодно формы (большого народа — «великодержавный», по словам Ленина, малого — наполненный всевозможными фобиями и мифами, направленный против кого-то, или самодостаточный — основанный на бахвальстве) и гордость за принадлежность к сверхдержаве.

Официальный курс власти мало изменился за 70 советских лет. Россия так и оставалась разрубленной на 15 частей во главе с РСФСР — как бы этническим ядром русского народа. У РСФСР не имелось ни своей компартии, ни Академии наук, ни собственного МВД, например. Этим подчеркивался ее статус полуметрополии, первой среди равных, но что ощущалось скорее как неполноправность и эксплуатация в пользу национальных окраин, которым дается и позволяется больше.

Большинство республик — как союзных, так и автономных — не имели под собой никакой исторической традиции. Более того, иные нации были созданы большевиками вместе с республиками — случай среднеазиатских Узбекистана и Таджикистана, например, равно как и Молдавии. Но даже такие республики с четкой этнической основой, как Казахстан или Киргизия, были выделены из РСФСР лишь в 1936-м, а Татария или Башкирия не выделялись на том основании, что они со всех сторон окружены Россией. То есть процесс деления страны шел не снизу, под напором национальных чувств, что как-то еще могло оправдать построение СССР, а сверху — в угоду передовым теориям. Доходило до абсурда: крошечные по численности ненцы имели аж три автономии — Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономные округа. У бурят также помимо собственно Бурятской АССР было еще два округа — Агинский и Усть-Ордынский.

Большинству населения было свойственно двойное самосознание — принадлежность к своей республике (национальности) и к СССР как к «большой родине» (за исключением, пожалуй, собственно русских, что имело впоследствии большое значение). Антирусский (он же антисоветский, если так можно выразиться) бытовой национализм тлел лишь в республиках Прибалтики, но он никак не мог считаться чем-то таким, что могло препятствовать Центру в осуществлении каких-либо планов.

Горбачев же своей политикой спровоцировал кровавый водоворот, погубивший десятки тысяч жизней, сделавший миллионы людей беженцами и лишивший в конце концов его самого власти. Первый кризис возник буквально на пустом месте, в тишайшем Казахстане, где титульное население после освоения целины составляло меньшинство. Желая избавиться от первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР

Динмухамеда Кунаева, которого он считал брежневским прихвостнем, Горбачев в декабре 1986 года направил на эту должность русского Геннадия Васильевича Колбина, прежде первого секретаря Ульяновского обкома. Мирные, в городах в массе своей обрусевшие казахи не выдержали такого унижения (в союзных республиках первые секретари традиционно принадлежали к титульной нации), и на улицы Алма-Аты с протестом вышли студенты. Демонстрацию разогнали, тысячи людей были задержаны. События в Алма-Ате, подобно Чернобылю, стали предвестием грядущих потрясений.

Стоит заметить, что даже там, где до публичных выступлений дело не доходило, недовольство из-за грубых действий Кремля исподтишка накапливалось. Так, в перестройку получило широкую огласку так называемое «Узбекское дело» — о всеохватывающей коррупции в этой среднеазиатской республике. Но в самом Узбекистане его воспринимали именно как антиузбекскую кампанию, направленную против национальных традиций и чувств народа.

Кремль еще при Андропове попытался раскручивать дела о коррупции, связанные с предыдущим руководством. Был арестован зять Брежнева — Юрий Михайлович Чурбанов, являвшийся первым заместителем министра внутренних дел Николая Анисимовича Щелокова, которого, в свою очередь, сняли с работы и исключили из партии, доведя до самоубийства.

На узбекском деле «поднялись» честолюбивые следователи Генпрокуратуры Тельман Хоренович Гдлян и Николай Вениаминович Иванов. Сперва официальные СМИ всячески расхваливали их работу, но затем, когда они стали фабриковать дела, их отстранили от расследования, Гдлян и Иванов обратились за поддержкой в прессу, пошли в политику и стали на время настоящими народными героями, в защиту которых проходили демонстрации. Их избрали народными депутатами, считая, что честным следователям не дает работать коррумпированная верхушка. Они же, в свою очередь, распространяли информацию о взяточничестве высших чинов государства, в том числе Егора Лигачева. Все это негативно отражалось на и так уже донельзя испорченном имидже перестроечной власти.

Настоящим «политическим Чернобылем» стал карабахский конфликт, разразившийся в феврале 1988 года и ставший возможным только потому, что националисты почувствовали, что при Горбачеве смогут безнаказанно проповедовать сепаратистские идеи и собирать под свои знамена народ. Конфликт быстро перерос в настоящую войну с кровавыми погромами, изгнанием сотен тысяч людей по национальному признаку. Однако Горбачев не предпринимал никаких решительных мер по пресечению хаоса и убийств. Более всего генеральный секретарь переживал за свой имидж миротворца. Запоздалые же шаги с привлечением армии, как в Баку в январе 1990 года или как в самом Карабахе в 1991-м в рамках операции «Кольцо», не приносили

результата, зато дискредитировали и центральную власть и Горбачева лично.

Несмотря на негативный опыт Карабаха, показавший, к чему приводит в незрелом политически обществе, неспособном к самоограничению, свободное обсуждение радикальных идей и политическая активность (то, что не допустил Дэн Сяопин в Китае в 1989-м, разогнав митингующих на площади Тяньаньмэнь, спасши, таким образом, страну от страшных потрясений), Горбачев решил идти на резкие политические реформы, ибо его страх перед аппаратом был сильнее иных опасений. Он считал, что таким образом сможет создать широкое движение своих сторонников в поддержку перестройки, которую, де, партработники саботируют.

Но помимо национальных проблем постепенно вводимая свобода политической деятельности привела к еще одному неприятному для Горбачева последствию — расколу внутри номенклатуры. И инициатором этого раскола стал его выдвиженец на пост первого секретаря Московского городского комитета (МГК) КПСС — Борис Николаевич Ельцин.

Он родился в 1931-м, в один год с Горбачевым. Но в отличие от него вырос в промышленном городе на Северном Урале — Березниках, ныне Пермской, а тогда — Молотовской области. В 1949-м приехал в Свердловск учиться в Уральском политехническом институте им. С. М. Кирова на строителя. По окончании института 13 лет отработал по специальности, дойдя до должности директора домостроительного комбината. С 1968 года — на партийной работе — завотделом обкома, секретарь и с 1976-го — первый секретарь Свердловского областного комитета КПСС, одного из важнейших и крупнейших в стране. Как видим, карьера Ельцина отличалась от горбачевской тем, что в аппарат он попал сравнительно поздно. Горбачев обогнал его, но в целом они принадлежали к одному поколению брежневских первых секретарей.

В апреле 1985 года волевого и решительного Ельцина — с подачи Лигачева и, разумеется, при согласии Горбачева — перевели в Москву заведующим отделом строительства ЦК КПСС, а вскоре сделали и секретарем ЦК. В декабре 1985-го наступил важнейший этап биографии Ельцина — он становится первым секретарем МГК КПСС, после XXVII съезда избирается кандидатом в члены политбюро.

На посту главы столичного горкома он выполняет задачу Горбачева — чистит Москву от гришинских кадров, усердствуя по части разгона потенциально нелояльных. Уже с первых шагов он привлекает внимание прессы и общественности, выступая непривычно откровенно. Распечатки стенограмм его выступлений начинают ходить по стране. Он приобретает имидж наиболее яркого из перестройщиков. Однако, как и у Горбачева в масштабах страны, у Ельцина ничего не получается в плане улучшения положения дел в Москве. Кроме того, он вступает в конфликт с Егором Лигачевым, не желая слушаться де-факто второго секретаря ЦК.

Ельцин обладал звериным чутьем власти и изменения политической конъюнктуры. Типичный первый секретарь эпохи «застоя», причем из числа наиболее грубых и самодуристых, мгновенно преобразил свой образ, почувствовав, что сейчас будет востребован другой типаж. Он, впрочем, оставался таким же властным и непререкаемым, но на публике играл иную роль — искреннего борца за перемены, противника льгот и привилегий, которыми беззастенчиво пользовался всю предыдущую жизнь, да и сейчас не собирался от них отказываться. Ельцин пару раз проехал в троллейбусе, записался в районную поликлинику, чтобы больше ни там, ни здесь не показываться. Но народу, не знавшему, что такое популизм, такие действия казались чудом.

Ельцин также понял, что в нынешних условиях может сыграть вопреки прежним правилам, учинить публичный скандал, выйти на открытую ссору с Горбачевым — он потеряет нечто в настоящем, но уже в скором будущем сможет с лихвой отыграть, так как времена меняются, политика становится все более публичной, и все важнее оказывается поддержка общества, а не аппарата. Иными словами, Ельцин первым осознал, что перестройка — это всерьез и надолго, и первым начал играть по ее правилам.

На октябрьском пленуме ЦК 1987 года Борис Ельцин выступил с критикой руководства партии и подал в отставку с поста первого секретаря Московского горкома, таким образом ловко сняв с себя ответственность за все провалы в столице. Ельцина в итоге убрали с должности, но оставили в высших рядах номенклатуры, предоставив пост первого заместителя председателя Госстроя СССР — в ранге министра. Времена наступили вегетарианские. С поста в Госстрое Борис Николаевич — при помощи своих помощников, таких как Михаил Никифорович Полторанин, ставший, когда Ельцин возглавлял столичную парторганизацию, главным редактором «Московской правды» — провел успешную кампанию по избранию себя делегатом на XIX конференцию КПСС в 1988 году (формат, возвращенный Горбачевым из небытия, с 1941 года партконференций не проводилось), где выступил уже боевито с требованием о своей «реабилитации» (после октябрьского пленума он в тактических целях каялся) и в глазах общественного мнения предстал олицетворением альтернативы нерешительному Горбачеву, который все более ассоциировался с консерваторами. На Арбате, ставшем уголком свободы слова, продавались значки «Егор, ты не прав!» и «Борис, ты прав!» — отголоски споров на партконференции.

Одновременно начался лавинообразный процесс в печати — следствие «гласности». Газеты и журналы теперь печатали то, что раньше было строго запрещено. Лично для меня гласность началась с публикации в журнале «Знамя» в конце 1986 года романа Александра Бека «Новое назначение», 20 лет пролежавшего в архиве к тому времени покойного писателя. Помню удивительное чувство, которое я испытал, читая

роман, — «этого нельзя печатать, это невозможно, но это опубликовано!».

Публикация Бека стала не просто символом и признаком перемен, но и задала тенденцию на ближайшие несколько лет — печатать в толстых журналах прежде запрещенные произведения. Хитом, говоря новомодным языком, стал роман-трилогия «Дети Арбата» популярного советского писателя Анатолия Рыбакова, опубликованный в 1987 году, но написанный, как и «Новое назначение», еще в 1960-е годы.

Тема Сталина (в самом широком смысле этого слова), вброшенная в массовое сознание, становится самой актуальной и обсуждаемой в 1987—1988 годах. И уже на торжественном заседании в ноябре 1987-го, посвященном семидесятилетию Октябрьской революции, в докладе Горбачева в положительном контексте упоминается Николай Иванович Бухарин, а про самого Сталина говорится, что «его личность крайне противоречива». В 1988-м выпускники школ даже не сдавали экзамена по истории (и я в их числе, хотя и готовился поступать на исторический факультет), ограничившись собеседованием, поскольку не было ясности, как трактовать те или иные моменты советского прошлого.

Запускается процесс реабилитации тех, кто не был восстановлен в правах при Хрущеве. Еще в конце 1986 года был возвращен из горьковской ссылки академик Андрей Дмитриевич Сахаров, а в феврале следующего года освобождены диссиденты, находившиеся в заключении или ссылке.

Тогда же в официальных информационных сообщениях опровергается намерение редакции «Нового мира» опубликовать роман Александра Солженицына «Раковый корпус», но без привычных эпитетов типа «литературный власовец», словно речь идет об обычном писателе и обычном произведении.

Наверное, никогда еще в истории России литература и литературные журналы не имели такого значения, как в перестройку. После первых публикаций ранее запретного их тиражи резко поползли вверх, побивая рекорды. То же самое касалось и газет, в 1990-м издание «Аргументы и факты» (до перестройки — жалкое и малоизвестное) установило мировой рекорд по тиражу — 33,5 миллиона экземпляров. Их главреды становятся, наподобие Виталия Алексеевича Коротича в «Огоньке», важными общественными фигурами. Гласность стала реальным достижением и положительным (как тогда это казалось) изменением, инициированным Горбачевым. Перестали глушить радиостанцию Би-би-си, о получении в 1987 году Нобелевской премии Иосифом Бродским не умалчивалось.

Во внешней политике также происходили изменения. В 1985, 1986 и 1987 годах состоялись три встречи на высшем уровне Горбачев — Рейган в Женеве, Рейкьявике и Вашингтоне. В ходе последней был заключен договор о ликвидации ракет малой и средней дальности. В 1988 году уходящий американский президент прибыл в Москву.

Переговоры и встречи с американцами того времени — печальная глава отечественной дипломатии. Одну сторону представляли гордые, уверенные в себе люди, гордящиеся собственной страной и образом жизни, не собирающиеся ничего менять у себя. С другой стороны находились люди, внутренне надломленные, растерянные и откровенно бедные, у которых в голове крутилось: какие гостинцы можно привезти домой? А поскольку дефицитом было почти все, то любая тряпка с заграничным ярлычком вызывала у них восторг и трепет.

Объявленное «новое мышление» было таким же сугубо пропагандистским ходом, как и гласность. Однако на Западе начиналась «горбимания» — неистовое превознесение Михаила Горбачева, как лидера, который начал ломать барьеры холодной войны и отводить мир от опасного противостояния.

Положительные изменения наметились и в Афганистане— в апреле 1988 года в Женеве подписываются соглашения, по которым СССР обязуется вывести свой воинский контингент в течение десяти месяцев. Справедливости ради стоит отметить, что первые три года пребывания Горбачева у власти война в Афганистане шла с неменьшим неистовством и от попыток разгромить моджахедов-душманов в Кремле не отказывались.

В экономике начались процессы, которым тогда еще не придавалось большого значения («куй железо, пока Горбачев» — говорили хитрованы, имея в виду, что все новации не всерьез и не надолго), но которые имели большое значение для последующего развития страны. 5 февраля 1987 года Совет министров СССР принял постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления», согласно которому использование наемного труда в кооперативах не допускалось. Но уже 26 мая 1988 года был принят закон «О кооперации в СССР», разрешивший кооперативам заниматься любыми, не запрещенными законом видами деятельности, в том числе торговлей, а также использовать наемный труд.

В сельском хозяйстве с 1988 года внедрялся арендный подряд, на который официально была сделана ставка после апрельского (1989 года) пленума ЦК КПСС. В промышленности развитие определялось принятым в 1987 году законом «О государственном предприятии (объединении)». Предприятия переводились на самоокупаемость и хозрасчет, а их директоров избирали трудовые коллективы. Однако, в отличие от дэнсяопиновского Китая, новоявленные кооперативы, семейные подряды на селе и хозрасчетные предприятия не привели к насыщению потребительского рынка и к экономическому рывку вообще.

Очень быстро кооперативы заняли нишу посредников, а вовсе не производителей. Заниматься производством благодаря существующей правовой и налоговой системе было невыгодно. Оно не приносило таких быстрых доходов, как спекуляция. В сельском хозяйстве появившиеся

«фермеры»-арендаторы (характерная замена исконно русского «крестьянина», тогда прошедшая незаметно) также оказались неспособными «накормить страну». Для этого требовалось изменение всей инфраструктуры — снабжение, землепользование, ценообразование. А главное, было непонятно, куда девать все эти мехдворы, огромные сельскохозяйственные комплексы и т. д., кому и в чьи руки их передавать. Поэтому арендаторы могли только существовать при имеющихся колхозах или совхозах.

На предприятиях хозрасчет и выборность руководства привели к снижению производственной дисциплины, развалу устоявшихся связей. С одной стороны, заводы выходили из подчинения министерствам, с другой — начальство де-факто не несло ответственности за деятельность своих предприятий, накапливая долги, по которым должно было расплачиваться государство. Очень быстро директора заводов практически стали несменяемыми.

Население, столкнувшись в реальности с новыми методами хозяйствования, вовсе не возлюбило тех же кооператоров, видя в них преимущественно жуликов. На всю страну прогремело имя кооператора Артема Тарасова, заплатившего 90 тысяч рублей партийных взносов со своей трехмиллионной зарплаты. А в январе 1990-го развернулся скандал вокруг кооператива «АНТ», который попытался вывезти за границу 12 танков Т-72.

* * *

1989 год страна встретила переписью населения. Оказалось, что в СССР проживает 286,7 миллиона человек. Но рост численности почти на 25 миллионов по сравнению с переписью 1979 года мало радовал Горбачева, озабоченного совсем иными делами. Впереди предстояли первые свободные выборы депутатов на I съезд народных депутатов СССР. Поскольку партийный аппарат, по мнению генсека, тормозил преобразования, его следовало подстегнуть выборами, на которых рядовые граждане продвинули бы во власть наиболее активных коммунистов, «прорабов перестройки», как их было принято тогда называть.

Однако задуманные как триумф горбачевской политики выборы оказались его сокрушительным поражением, а главное, потрясли до основания весь механизм государственного управления. Как отмечал британский историк Пол Джонсон, нельзя приводить в динамику империю, она в подобном случае рушится.

Хотя благодаря сложной процедуре избрания большинство на съезде получили представители внешне лояльной Горбачеву номенклатуры, тем не менее в число депутатов вошли и его критики, сплотившиеся в межрегиональную депутатскую группу, — Борис Ельцин (получивший 90 процентов голосов в Москве), Юрий Афанасьев, Гавриил Попов,

Аркадий Мурашев. При этом многие первые секретари обкомов проиграли у себя в округах выборы с разгромным счетом.

В результате оппозиционеры были вдохновлены и готовились к новым победам, а номенклатура почувствовала себя преданной Горбачевым и совершенно утратила инициативу, постоянно проигрывая на публичном поле, но еще не смея противиться верховной власти, подчиняясь ей, даже не соглашаясь с политикой, диктуемой из Кремля.

Чтобы предупредить возможные поползновения против себя внутри партийного руководства, Горбачев инициировал на апрельском пленуме ЦК КПСС в 1989 году «добровольную» отставку из ЦК сотни наиболее старых его членов. Не согласился написать заявление только «атомный» министр Ефим Павлович Славский, которому был уже 91 год.

Открытие съезда 25 мая 1989 года и его первые заседания стали главной телевизионной сенсацией, благо они транслировались в прямом эфире. Миллионы советских людей смотрели затаив дыхание выступления депутатов, следили за всеми политическими перипетиями. Хорошо помню, как наш семидесятилетний преподаватель истории КПСС прерывал занятия и шел вместе с нами на кафедру, где имелся телевизор, чтобы не пропустить ничего важного.

Съезд начался с незапланированного выступления депутата Вилена Федоровича Толпежникова, завладевшего микрофоном: «Прежде чем мы начнем свое заседание, я прошу почтить память погибших в Тбилиси!» Затем он потребовал: «Депутатский запрос — назвать имена тех, кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов в Тбилиси 9 апреля!» Как раз за полтора месяца до начала работы съезда в Тбилиси произошли трагические события: в результате непрофессионально проведенного разгона бессрочного митинга, организованного местными националистами с целью подавления абхазского стремления к независимости от Грузии и переросшего в антисоветское выступление, там погибли 19 человек.

Депутатскую комиссию по событиям в Грузии возглавил ленинградский профессор-юрист Анатолий Александрович Собчак, ставший в те месяцы в СССР широко известной личностью, но чье значение оказалось важнее в свете последующей карьеры членов его команды — Дмитрия Анатольевича Медведева и Владимира Владимировича Путина.

Горбачев, поначалу председательствующий на съезде (к тому времени он уже вновь стал председателем Президиума Верховного Совета СССР — после Громыко), пытался лавировать, стараясь не возлагать на себя никакой ответственности, в том числе за разгон митинга в Тбилиси. Ельцин, не получивший нужного количества голосов при выборах в Верховный Совет, все-таки вошел в него — ему уступил свое место депутат Алексей Иванович Казанник, и возглавил Комитет по вопросам строительства и архитектуры. Так что, несмотря на то, что Юрий Николаевич Афанасьев (долголетний профессиональный

комсомольский работник) клеймил депутатский корпус как «агрессивно послушное большинство», на самом деле немногочисленные межрегионалы под фактическим руководством Ельцина вовсе не являлись изгоями и вполне могли навязывать свою повестку, как случилось в марте 1990 года, когда была отменена 6-я статья Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС. Партия же с каждым днем все ощутимее теряла контроль за происходящим.

Тяжелейшим ударом как по экономике, так и по политической устойчивости в стране стали шахтерские забастовки лета 1989 года. Бастовали горняки Воркуты, Кузбасса, Донбасса, Караганды. Они выдвигали не только экономические требования, касавшиеся повышения зарплаты, расширения льгот, улучшения снабжения, но и политические. Ходила легенда, что Горбачев поощрял действия бастующих шахтеров против своего руководства: «Вы их давите снизу, а мы их будем давить сверху». Конечно, такого он не говорил, но его действия придавали этому мифу некую основательность.

Важнейшим внешнеполитическим событием 1989 года стал развал социалистического лагеря в Восточной Европе. Первым пал коммунистический режим в Польше, где в августе Тадеуш Мазовецкий возглавил первое некоммунистическое правительство. Затем «бархатные революции» последовали во всех странах Варшавского договора, кроме Румынии, где свержение Николае Чаушеску приобрело насильственные формы.

Легкость падения коммунизма в Восточной Европе объяснялась тем, что Кремль дал свое принципиальное согласие на изменение существующего строя. Без него, разумеется, никакие перемены были бы невозможны. Ликвидация социалистического лагеря стала еще одним фактором деморализации партийного руководства и раздражения политикой Горбачева, «предавшего» геополитические завоевания предшественников.

Судьба Совета экономической взаимопомощи (СЭВа) и Организации Варшавского договора (ОВД) была предопределена. Но наиболее актуальным стал германский вопрос. После падения режима в Германской Демократической Республике (ГДР) было очевидно, что объединение с Федеративной Республикой Германия состоится в ближайшее время. В ходе переговоров 1990 года Горбачев дал «добро» и на слияние двух немецких государств, и на вхождение единой Германии в Организацию Североатлантического договора (НАТО).

Выборы депутатов Верховного Совета СССР были лишь репетицией перед выборами 1990 года — в верховные советы союзных республик. Именно на них Горбачева, ставшего в марте 1990-го «президентом СССР», ожидало унизительное поражение. Команда Ельцина сделала ставку на выборы народных депутатов в Верховный Совет РСФСР, стремясь к получению большинства, и формирование собственного

правительства. Уже тогда Ельцин списал со счетов СССР как целостное образование, понимая трудность овладения властью в его масштабах.

86 процентов избранных российских депутатов были членами КПСС, что поначалу могло утешить Горбачева — народ, мол, поддерживает коммунистов, однако итоги голосования уже по первому вопросу — избранию председателя Верховного Совета РСФСР — показали всю иллюзорность упований на партийность. Хотя Горбачев и инструктировал депутатов-членов КПСС голосовать против Ельцина, именно его большинством голосов избрали председателем с третьей попытки. Так «демократы» получили впервые в свои руки государственную власть. Правда, сформированное ими правительство Ивана Степановича Силаева реформаторским считаться могло лишь условно, его глава, выходец из ВПК и крупный советский чиновник, никакими рыночными взглядами прежде не отличался. Одновременно председателями Моссовета и Ленсовета были избраны Гавриил Харитонович Попов и Анатолий Александрович Собчак.

12 июня 1990 года съезд принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, предусматривавшую верховенство российского законодательства по отношению к союзному. Тогда это трактовалось как начало освобождения России, которой незаметным образом обрубили территорию до границ XVII века, от гнета некоего «Центра». То, с какой легкостью «клюнули» на эту идею депутаты, наглядно демонстрирует, какая сумятица царила в то время в умах людей!

В республиках Прибалтики выборы привели к триумфу сил, твердо нацеленных на вывод Литвы, Латвии и Эстонии из состава СССР, что они и не замедлили сделать, заявив о собственной независимости, пока что не признанной Западом. Националисты одержали победу на выборах в Армении и Грузии, в последней к власти пришел карикатурный Константин Симонович Гамсахурдиа, усугубивший своей политикой межэтнические конфликты в Абхазии и Южной Осетии. В Молдавии главой правительства стал вполне маргинальный Мирча Георгиевич Друк, организатор похода на Гагаузию, чье стремление к воссоединению с Румынией привело к возникновению приднестровского конфликта.

После выборов в республиках ситуация в СССР развивалась катастрофическим образом. Горбачев терял руль управления разваливающейся страной. В июле 1990 года на XXVIII съезде КПСС Борис Ельцин с трибуны объявил о выходе из партии. Впрочем, простой народ все меньше интересовался политическими интригами в верхах, его внимание было сосредоточено на тяготах выживания в условиях усугубляющегося экономического кризиса. Горбачевские реформы привели к дополнительному обнищанию и без того небогато живших советских людей.

Попыткой провести совместные экономические реформы СССР и РСФСР стала инициатива Станислава Сергеевича Шаталина и Григория Алексеевича Явлинского, известная как программа «500

дней». Абсолютно утопическая и нереалистичная (первый этап — 100 дней — приватизация, второй — 150 дней — либерализация цен, третий — 150 дней — стабилизация рынка, четвертый — 100 дней — начало подъема), она тем не менее увлекла многих — еще одно свидетельство отсутствия понимания того, что надлежит делать, как у верхов, так и у низов. Тут стоит заметить, что в период поздней перестройки огромную популярность получили экономисты, воспринимаемые населением как оракулы. Не имея никакого практического опыта управления, оторванные от жизни схоласты, начитавшиеся модных книжек, они уверенно вещали относительно темпов и курса реформ, а ряд из них были весьма ловкими интриганами и умели преподнести себя публике. В политическом плане отказ от «500 дней» сыграл против Горбачева, выставив его противником быстрых рыночных перемен, и заставил его убрать в конце года с поста главы Совета министров СССР совершенно растерявшегося Николая Рыжкова. Тогда же драматическим образом ушел в отставку министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, объявив о ней прямо на трибуне съезда и намекая на неких врагов перестройки, вынуждающих его поступить таким образом.

В сентябре 1990-го произошло еще одно событие, по-своему знаковое. «Комсомольская правда» и «Литературная газета», общим тиражом 28 миллионов экземпляров, опубликовали статью Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию?». Писатель и мыслитель высказывал вполне актуальные и разумные опасения: «Часы коммунизма — свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами». Но мелочно-суетливая Россия не желала слушать своего пророка. Не нравились ни предостерегающая интонация (хотелось верить в возможность скорых перемен к лучшему), ни предлагаемые рецепты, которые, излагаемые не привычным трафаретным газетным языком, не соотносились с вбрасываемой «перестройщиками» тематикой. Солженицын казался выжившим из ума и оторванным от советских реалий человеком, смотрящим в прошлое, а не в будущее. Как он сам потом признал: «…услышан я, к сожалению, не был. Не был понят». Публикация его «Архипелага ГУЛАГ» также не стала событием, несмотря на всё муссирование антисталинской темы.

Тут важно напомнить, какое место занимала в общественной жизни 1988—1991 годов тема «культа личности». Журналы и газеты были переполнены статьями, воспоминаниями, архивными публикациями о том времени. После десятилетий замалчивания такого количества преступлений это было вполне объяснимо. Однако произошел явный перекос — вся энергия тратилась на обсуждения событий 60—40-летней давности, в то время как тому, что происходило здесь и сейчас и что определяло путь страны на будущие десятилетия, уделялось куда меньше внимания и интеллектуальных усилий. Получили хождение самые

легкомысленные и прямо бредовые идеи, касающиеся и политики, и экономики. Переход к рыночным отношениям в стране с гиперцентрализованной, монополистической экономикой мыслился как плевое дело. Сделать все, «как на Западе», было девизом дня, без понимания того, какой путь прошел Запад, чтобы достигнуть своего уровня жизни.

Но раскручивание антисталинской темы имело и четкую политическую цель — за репрессии должно было ответить нынешнее поколение партийных работников, к террору никакого отношения не имеющее. Таким образом, ударяя по Сталину, били по партаппарату, дискредитируя его. Кроме пряника в виде «жизни как на Западе», массам предлагалась и жертва — все тот же партаппарат, или, говоря словами Гавриила Попова (бывшего секретаря комитета комсомола МГУ), административно-командная система, с которой необходимо было покончить. Главной темой, которая разжигалась в этой сфере и на которой легко можно было избираться и собирать митинги, стали привилегии аппарата. Обкомовские дачи, продовольственные пайки доминировали в обличениях. В Полтаве, например, в 1990 году попала в аварию обкомовская машина, из багажника которой выпала дефицитная колбаса. Незамедлительно собрался народ, который отправился митинговать к так называемому «обкомовскому дому», обитатели которого всерьез опасались штурма и погромов. Так легко было завести людей на теме «партработники съели всю нашу колбасу в спецбуфетах». Психология народных масс периода перестройки вообще интересна сама по себе. Взвинченные люди легко отзывались на самые дикие предложения, верили самым неправдоподобным слухам, дополнительно себя накручивали, доходя до крайней степени общественной истерии и психоза. Неудивительно, что массы становились легкой добычей авантюристов и шарлатанов — как политических, так и медицинских, наподобие Анатолия Кашпировского, под сеансы которого засыпала вся страна, или Алана Чумака, заряжавшего по телевизору воду.

Тема культа личности в совокупности с темой привилегий падали на благодатную почву. Журналист Николай Троицкий вспоминает: «Могу еще раз поделиться собственными ощущениями в те годы: советская власть до такой степени за(…) — именно так, более мягкое слово тут неуместно, что любой выход из нее, пусть самый экстремальный, казался благом». Популярные песни того времени отражали это настроение — «Россия» Игоря Талькова («Листая старую тетрадь расстрелянного генерала, / Я тщетно силился понять, как ты могла себя отдать / На растерзание вандалам»), «Поручик Голицын» Михаила Звездинского с ее тоской по золотому добольшевистскому времени или «Как все» Евгения Куликова («Все мы привыкли, надо признаться, / Из серой массы не выделяться»).

К властителям дум не предъявлялось никаких моральных требований. Вчерашние комсомольские и партийные работники, сотрудники советской печати, успевшие вовремя перекраситься, объявляли себя демократами и клеймили тех своих вчерашних коллег, которые не успевали или не желали поступать подобным образом. Анатолий Собчак вступал в КПСС в 1988-м, чтобы выйти из нее в 1990-м.

Для картинки нравов и состояния умов того времени поучителен следующий факт: с началом перестройки начали критиковаться уродливые и античеловеческие явления в армейской среде, названные «дедовщиной». Одним из следствий этого стало возобновление в 1989 году отсрочки от службы в армии для студентов вузов в течение срока обучения (отмена этой отсрочки приблизительно с 1985 года добавила много непопулярности власти, — призывать стали даже из МГУ). Но вот сами призывники, да и старослужащие, периода перестройки вовсе не ассоциировали себя с новыми веяниями. Приходя с гражданки в армию, они воспроизводили те образцы поведения, которые сложились до них, и кто-то другой, в данном случае офицеры, должен был бороться с дедовщиной, а не они сами.

Забытыми ныне, но важными темами 1989—1991 годов были переплетающиеся между собой темы русского национализма и еврейской эмиграции. К 1985 году выезд евреев из СССР упал до минимума, власти в условиях ухудшения отношений с Западом пошли на меры, ограничивающие эмиграцию. При Горбачеве число уезжающих начало расти и, после снятия большинства барьеров, резко взлетело вверх к 1990 году, когда страну покинуло 205 тысяч евреев. Всего за три года — 1989—1991 — из Советского Союза уехало в США и Израиль около 470 тысяч евреев. Были сняты и прежние ограничения при зачислении «лиц еврейской национальности» на механико-математический факультет (мехмат) МГУ. Евреи составляли заметную прослойку среди активистов перестройки, достаточно вспомнить Илью Заславского или Анатолия Шабада. В нарождающемся русском бизнесе они вообще доминировали — в том числе благодаря родственным связям с заграницей, откуда могли перенимать как опыт, так и получать первоначальные инвестиции. Олигархи, получившие известность в 1990-е и позже, стартовали именно тогда — Борис Березовский, Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский, Виктор Вексельберг, Михаил Фридман и прочие.

Однако именно в этот период, когда перед евреями открылись все пути, началась оголтелая кампания против «русского фашизма». Несколько лет подряд к 20 апреля (дню рождения Адольфа Гитлера) Москва полнилась слухами о предстоящих еврейских погромах, о том, что на дверях соответствующих квартир для погромщиков наносятся знаки. Создание глубоко маргинального общества «Память» вызвало буквально взрыв возмущения. Аутсайдеры и фрики из «Памяти» благодаря информационной буре попали на первые полосы газет. И это

при том, что на выборах 1989—1990 годов почти ни один активист-националист в парламент не прошел. Более того, под давлением писателей из ассоциации «Апрель» был арестован и осужден Константин Владимирович Смирнов-Осташвили, один из лидеров «Памяти».

Почему в общественное мнение была вброшена тема русского фашизма, антисемитизма и грядущих погромов — сказать трудно. Если рассуждать с конспирологической точки зрения, то можно было бы выдвинуть гипотезу, что МОССАД и «Сохнут» проводили кампанию по дезинформации евреев с целью побудить их к массовому выезду из СССР в Израиль для улучшения демографической ситуации (с 1990 года США под давлением израильского правительства запретили эмигрировать в Америку по выездной израильской визе, и потому советские евреи вынуждены были ехать именно на «родину предков»). Но на самом деле это было отражением застарелых фобий и предрассудков так называемой либеральной интеллигенции, на тот момент прорывавшейся к власти и нуждавшейся в создании подставных противников, своего рода мальчиков для битья.

Мрачной стороной перестроечного времени стали теракты и попытки угонов самолетов, отражавшие еще один «бзик» ошалевшего населения, — бежать из СССР любой ценой. На всю страну нашумело дело семьи Овечкиных, когда семейный джазовый ансамбль под руководством матери захватил пассажирский самолет, что привело к человеческим жертвам. В Орджоникидзе преступники захватили в заложники автобус с детьми с требованиями выкупа и последующего перелета в Израиль. Группа уголовников угнала в Пакистан самолет из Нерюнгри. Апофеозом стала попытка покушения на Михаила Горбачева во время ноябрьской демонстрации в Москве на Красной площади в 1990 году, совершенная психически неуравновешенным Александром Шмоновым из Ленинграда. И как по иронии, 15 октября Михаил Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира — когда по Советскому Союзу вовсю полыхали конфликты — от Приднестровья до Ферганской долины.

В новый, 1991 год страна вступила без главы правительства. Николай Рыжков, оказавшийся в больнице после обширного инфаркта, 26 декабря подал в отставку. Зато через день у Советского Союза появился вице-президент — Геннадий Иванович Янаев, до того совершенно неизвестный стране деятель. С марта 1990-го Верховным Советом, становящимся все более непослушным, управлял его новый председатель — Анатолий Иванович Лукьянов. В том же декабре министром внутренних дел вместо Вадима Викторовича Бакатина стал Борис Карлович Пуго, его первым заместителем — боевой генерал-«афганец» Борис Всеволодович Громов.

А в январе 1991-го страна наконец обрела нового премьера — Валентина Сергеевича Павлова. Такое название должности было официальным — «премьер-министр Советского Союза» (вместо

«председатель Совета министров»), а правительство теперь стало «кабинетом министров». Замена на эти иностранные слова подчеркивала устремление на Запад. Должность Горбачева — «президент» тоже звучала обнадеживающе по-американски. Именно тогда в русском языке началась новая волна бесконечных заимствований, начиная с «фермеров», как стали называть крестьян, и заканчивая «компьютерами», вытеснившими ЭВМ.

В ночь с 12 на 13 января 1991 года произошли столкновения в Вильнюсе — столице Литвы, еще в марте 1990-го объявившей о своем выходе из СССР. Погибли 15 человек, пытавшихся воспрепятствовать захвату десантниками и группой спецназа «Альфа» телевизионной башни. Хотя вся акция проводилась по приказу из Москвы, ответственности за нее никто на себя не взял. Горбачев заявил, что ничего не знал о происходящем, — либо солгав, либо показав, что не контролирует силовые структуры. В те же дни происходили столкновения с ОМОНом в Риге, где погибли семь человек.

События в Прибалтике нанесли мощный удар по имиджу Горбачева-миротворца и реформатора. Верховные советы РСФСР, УССР, БССР, Моссовет и Ленсовет осудили применение силы. Позже действия силовиков в Литве и Латвии назвали репетицией ГКЧП, что отчасти так и было — достаточно вспомнить создание Комитета национального спасения Литовской ССР, провозглашенного единственным легитимным органом власти в Литве. Комитет бесславно исчез через несколько дней, так и не получив власти. Для силовиков — КГБ, МВД и армии — события в Литве также стали уроком, о котором они хорошо помнили в дни ГКЧП: политики от них легко отрекутся и не признают их действия законными.

В том же январе Валентин Павлов отметился первым решительным действием — 22 января было объявлено о денежной реформе: 50- и 100-рублевые купюры изымались, и в течение трех дней их надо было обменять на новые денежные знаки. Сумма обмена ограничивалась, равно как и сумма снятия денег со счетов в Сбербанке.

Павлов руководствовался желанием уменьшить объем денежной массы и тем самым снять спекулятивное давление на рубль и снизить инфляцию. В реальности же возникли паника у предпринимателей и хаос среди населения — узнав в девятичасовом выпуске вечерних новостей о реформе, многие поспешили каким-то образом избавиться от изымаемых купюр еще до полуночи. Все это носило характер спекулятивной горячки и не способствовало повышению доверия к действиям центральной власти, да и стабилизации на рынке потребительских товаров не произошло. В апреле кабинет Павлова в два-три раза поднял цены на потребительские товары, что также не прибавило авторитета правительству.

В марте 1991 года казалось, что страна на грани развала — началась вторая волна шахтерских забастовок по всей стране, но уже с

политическими требованиями: отставка президента и правительства. В результате, не получая угля, остановились 24 предприятия тяжелой промышленности. 10 марта демократы собрали около 500 тысяч человек на митинг в Москве в поддержку Ельцина и требуя отставки Горбачева.

На этом фоне 17 марта состоялся референдум о сохранении СССР. Предлагалось ответить на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Сама формулировка уже представляла собой уступку, поскольку напирала на равноправие и суверенность, да и была слишком витиевато сформулирована. Тем не менее ответ, который дали советские избиратели, — более 76 процентов «за», — показывал, что люди не хотели распада страны. Но в организации референдума не принимали участия власти прибалтийских республик, Армении, Грузии (31 марта в ней состоялся референдум о восстановлении независимости, за что проголосовало 99 процентов участников) и Молдавии. Однако и там проголосовали в основном «за» в общей сложности около двух миллионов человек. Итоги референдума стали основой для инициирования Ново-Огаревского процесса, который, в свою очередь, подстегнул формирование ГКЧП.

Ново-Огаревский процесс (получил свое название от подмосковной резиденции, где встречались лидеры советских республик) явился результатом банкротства политики Горбачева, действовавшего так, словно СССР действительно был федерацией. Придание фактической силы формальным принципам федерализма означало подталкивание центробежных сил. Уже первые обсуждения показали полный разнобой во взглядах и мнениях участников процесса. Пять республик (Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Грузия) выразили твердый отказ от встречи в Ново-Огареве. Автономии требовали себе такого же права голоса, как и союзные республики.

После долгих дискуссий было решено создать Союз Суверенных Государств, проект договора о котором был согласован руководителями республик 23 июля 1991 года. 15 августа он был опубликован в «Правде». Еще раньше, на встрече Михаила Горбачева, Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева в Ново-Огареве в ночь с 29 на 30 июля, было решено первый этап подписания (РСФСР, Казахстан, Узбекистан) провести 20 августа.

Согласно договору СССР (но уже Союз Советских Суверенных Республик) являлся рыхлой конфедерацией с плохо прописанными полномочиями. Такая схема изначально была неработоспособна и по большому счету не спасала страну от развала. Сегодня можно утверждать, что даже в случае его подписания в намеченные сроки принципиально ничего решено не было бы, ведь противоречия никуда бы

не делись. Кроме того, оставалась непонятной судьба пяти республик, отказавшихся от участия в Ново-Огаревском процессе. Означала ли их позиция, что они по умолчанию выходят из состава СССР? Не было ясно, подпишет ли договор Украина, поскольку ее руководство переносило сроки подписания на конец октября, да и с РСФСР не все было однозначно — российский Верховный Совет обставил подписание многочисленными условиями.

Для Горбачева акт 20 августа имел сугубо политическое значение — продержаться хоть еще сколько-то, поскольку кресло под ним шаталось все сильнее. На апрельском пленуме ЦК КПСС 1991 года его уже открыто критиковали высокие партийные руководители. Иван Кузьмич Полозков, первый секретарь российской компартии, сказал в своем выступлении: «Положение чрезвычайное. Надо вводить на определенное время чрезвычайное положение. Иного выхода нет. По крайней мере, это будет честнее, чем наблюдать, как льется кровь, голодают люди, растет преступность, разлагается общество… Да, под напором антикоммунизма, под грузом тягот и лишений партия несет потери. И не обижайтесь, Михаил Сергеевич, не нервничайте, когда вас называют одним из виновников того, что происходит, требуют отчета или ответа. Повод для этого вы дали. Многомиллионная партия, члены которой возглавляют ключевые посты в государстве, оказалась парализованной». Но прямо поставить вопрос об отставке генерального секретаря еще не решались, скованные партийной дисциплиной, чинопочитанием и страхом неизвестности, — что будет, если убрать Горбачева? К тому же после XXVIII съезда КПСС сделать это на пленуме стало невозможно, поскольку теперь генсека избирали делегаты съезда.

Отражением неминуемого развала Коммунистической партии стало подписание 1 июля Александром Яковлевым, Эдуардом Шеварднадзе, Александром Руцким, Иваном Силаевым, Гавриилом Поповым, Анатолием Собчаком, Сергеем Шаталиным, Аркадием Вольским, Николаем Петраковым заявления о создании Российского движения демократических реформ (РДДР). Пресс-центр КПСС откликнулся на это вялым объявлением о возможности сотрудничества с ним. Борис Ельцин стремительно укреплял свои позиции. 12 июня он был избран президентом РСФСР, получив в первом же туре более 57 процентов голосов. Горбачев не мог даже выдвинуть ему сколь-нибудь серьезной альтернативы.

20 июля 1991 года Ельцин нанес сильнейший удар по позициям партии, издав указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», фактически это означало ликвидацию парткомов на предприятиях и лишало КПСС реальных рычагов контроля и воздействия на ситуацию по месту работы. 25 июля состоялся пленум ЦК КПСС, принявший решение об ускоренной разработке новой программы социал-

демократического типа, которую намеревались принять на внеочередном съезде в конце года. Тем временем Шеварднадзе и Яковлев вышли из партии, причем последний накануне объявления о ГКЧП — 16 августа.

Советский Союз не знал государственных переворотов, но это не значит, что в нем не было борьбы за власть или что она протекала в цивилизованных формах, согласно Конституции СССР или уставу КПСС. В СССР не случилось «термидорианского» переворота, чего так опасались большевики и на который надеялись их противники. При тоталитарной, имевшей идеологическое основание диктатуре такой поворот был невозможен. Большевики всегда забирали влево, чтобы не допустить возможности «реставрации». На это же была ориентирована их кадровая политика, практически полное удаление из власти «старых» людей и создание нового управляющего класса.

Но внутри их правящей прослойки все 1920-е годы велась вполне напряженная борьба. После того как к 1930 году власть сконцентрировалась в руках Сталина, несанкционированные публичные выступления и аппаратные интриги прекратились. Однако Сталин регулярно проводил чистки, направленные именно на усиление единства власти. То, что режим смог пережить войну и не рухнуть после первых неудач и поражений, было следствием пресловутого 1937 года: у запуганного и атомизированного населения и мысли о бунте не возникало, а верхушка даже в самые трудные периоды оставалась сплоченной, ибо прекрасно знала, что в случае поражения ее не ждет ничего хорошего.

Однако после смерти Сталина режим вступил в полосу нестабильности, началась открытая борьба за власть, причем по законам уголовной банды. Консенсусное правление не продлилось и четырех месяцев. В июне 1953 года сложился заговор против Лаврентия Павловича Берии, который был арестован прямо на заседании Президиума ЦК КПСС в Кремле. Берия не представлял никакой угрозы, более того, он был ориентирован на решительные реформы и преодоление сталинского наследия и именно этой своей активностью напугал коллег, которые были не готовы пойти так далеко. Так страна упустила свой шанс двигаться по китайскому варианту реформирования социализма, а Берия не стал советским Дэн Сяопином.

Далее Никита Хрущев, бывший душой заговора против Берии, смог облапошить своего соратника в этом деле — Георгия Максимилиановича Маленкова и убрать его с должности главы правительства — в феврале 1955 года. Причем ему в вину ставились желание избежать мировой войны и стремление развивать производство товаров народного потребления. Третьей фазой внутрикремлевской послесталинской борьбы стало разоблачение «антипартийной» группы в июне 1957 года. Тогда большинство членов Президиума ЦК КПСС решили на своем заседании снять с поста первого секретаря Хрущева, все сильнее

проявлявшего признаки вождизма. Но он переиграл своих противников, поверивших в возможность игры «по-честному», через голосование. Хрущев с помощью главы КГБ Ивана Александровича Серова и министра обороны Георгия Константиновича Жукова тайно и срочно собрал первых секретарей обкомов, поставив верхушку президиума перед фактом ее организационной несостоятельности и политической недальновидности. Вскоре, в октябре того же 1957-го, точно так же тайком подготовили и осуществили отстранение от должности Жукова, показавшегося Хрущеву опасным. Через год за ним последовал Серов.

На семь лет в СССР установилось сравнительно стабильное управление, которое, впрочем, сам Хрущев постоянно пытался ослабить, правда, не доходя до того, до чего спустя 25 лет дошел Горбачев. Его авантюрные инициативы, такие как разделение обкомов на сельские и городские, обещания построить коммунизм к 1980 году, при том, что страну в 1963-м постиг тяжелый продовольственный кризис, навязывание возделывания кукурузы, призывы догнать и перегнать Америку по мясу и молоку раздражали партийно-правительственный аппарат. Инициированный Хрущевым Карибский кризис ясно показал военную слабость Советского Союза, особенно на фоне потери Китая.

Ответом стал заговор против Хрущева, которым руководил Леонид Брежнев. В нем приняли участие даже ближайшие соратники Никиты Сергеевича, им выдвинутые и полностью от него зависимые, такие как глава КГБ Владимир Ефимович Семичастный, — настолько одиозной и скомпрометированной стала к 1964 году его фигура.

Таким образом, в течение одиннадцати лет в СССР состоялось несколько заговоров, отражавших неустойчивость политической системы — сперва в отсутствие признанного лидера, затем ввиду его неадекватности. Но после 1964-го СССР вступил в пору стабильности, названной позже «застоем». Правление Брежнева, длившееся до самой его смерти в 1982 году (несмотря на тяжелую и всем очевидную болезнь в последние годы), отражало консенсус в правящих кругах — режиму был необходим безусловный и признанный лидер, чей авторитет внутри партии никем не ставился бы под сомнение. Это служило залогом, что не вспыхнет очередная борьба за власть.

Несколько поколений руководителей СССР сформировалось с четким пониманием того, что любая политика может вестись только внутри политбюро, а задача остальных — выполнять его решения. Собственно говоря, никто из них не был политиком, они являлись бюрократами, и потому дважды оказались слабыми в перестройку — с одной стороны, ориентировались на Горбачева как на легитимного в их глазах лидера, пусть и проводящего неверную политику, с другой — уступали новоявленным демократам в навыках публичных дебатов, выступлений перед избирателями. Виталий Сыроватко, в 1989—1991 годах председатель Брянского облисполкома, вспоминал: «Линию Горбачева

на местах не одобряли, он ведь, по сути, расшатывал основы партии. Но спорить с ним опасались».

Военные за 70 лет также были отучены от самостоятельности. В идеократическом государстве никакой Бонапарт был немыслим. Даже если не брать 1937 год, то, как поступили при Хрущеве с маршалом Георгием Жуковым или начальником Генштаба Сергеем Штеменко, напоминало генералам, чтобы они знали свое место. И не случайно при позднем Брежневе министром обороны стал штатский Дмитрий Устинов. Своей персоной он как бы олицетворял руководство партией военным делом.

КРЮЧКОВ

Владимир Александрович Крючков первые 27 лет своей жизни провел в Царицыне — Сталинграде. Та обстановка, что окружает нас в годы созревания и становления, затем оказывает влияние на всю последующую жизнь, ведь именно там формируется характер, усваивается начальный опыт, складываются привычки, взгляды.

Начиная со второй половины XIX века Царицын бурно развивался, став одним из крупнейших промышленных центров России. Этому способствовало выгодное географическое положение — в городе осуществлялась перевалка бакинской нефти, доставляемой на судах с Каспия, на железнодорожный транспорт. Царицын стал в известном смысле вотчиной Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, которому принадлежал так называемый Нобелевский городок, гигантский логистический центр, куда входили нефтяной порт, железнодорожная станция, крупнейшее в Европе нефтехранилище, а также административные и жилые помещения, в том числе коттеджи для рабочих. Вслед за перевалкой начали развиваться нефтепереработка, машиностроение. Английская фирма «Виккерс лимитед» по концессионному соглашению построила орудийный завод — в советское время переименованный в «Баррикады», где трудился отец Владимира Крючкова.

В результате Царицын стал одним из крупнейших уездных городов России. В 1913 году в нем даже появился собственный трамвай. Относясь к Саратовской губернии, Царицын был вполне самодостаточным центром. Не случайно после 1917 года, когда большевики начали перекраивать административное деление России, они уже в 1919 году организовали Царицынскую губернию, и с тех пор город, за исключением краткого пребывания в Нижне-Волжском крае, был центром самостоятельного региона, а в 1932—1934 годах — главным городом упомянутого края.

Сама Царицынская губерния (потом Сталинградская, позже Волгоградская область) была организована большевиками из трех частей — северо-восточной половины земель Войска Донского, части Саратовской губернии — узкой полоски вдоль правого берега Волги вместе с Царицыном и заволжской территории, ранее относящейся к

Астраханской губернии. Сделано так было не только по соображениям удобства управления, но и для того, чтобы стереть память о донском казачестве, раздробив его земли.

В 1925 году Царицын переименовали в Сталинград. Он стал вторым городом после Юзовки — Сталино — Донецка, названным в честь генсека. Причин было две — само слово «Царицын» слишком уж напоминало ненавистных большевикам царя и царицу, хотя на самом деле оно происходит от тюркского «сары-чин» — «желтый остров». Вторая причина — в 1918-м обороной Царицына от войск Петра Краснова какое-то время руководил Иосиф Сталин. Впоследствии этот не самый важный эпизод Гражданской войны был сильно раздут советской пропагандой, а «красный граф» Алексей Толстой написал о тех событиях повесть «Хлеб».

Стоит заметить, что переименование в честь Сталина таких крупных промышленных центров, как Юзовка и Царицын, состоялось в 1924—1925 годах, когда имя генерального секретаря ЦК ВКП(б) было еще не известно ни стране, ни миру. На слуху были Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков. Однако «кому надо», уже словно предвидели, кто в ближайшие годы станет главным человеком в стране, и потому присваивали городам имя в общем-то публично незаметного аппаратчика. Впрочем, в том же Сталинграде до 1935 года имелся и Рыковский район.

В первую пятилетку индустриализация Сталинграда продолжилась. Здесь развернулось строительство тракторного завода, одного из знаковых объектов новой социалистической промышленности, по проекту американского архитектора Альберта Кана. СТЗ задумывался как завод двойного предназначения, помимо тракторов он должен был выпускать и танки. Но советская индустриализация была совсем не той, что до революции. Она осуществлялась за счет жесточайшего ограбления деревни и резкого падения жизненного уровня населения. В жилье, дороги, коммунальную инфраструктуру средства почти не вкладывались. Рабочие заводов жили в ужасной скученности в бараках без элементарных удобств, в условиях дефицита буквально всего, помноженного на низкую зарплату. Независимые воспоминания и дневники того времени рисуют чудовищную картину повседневного быта советских людей. Но пробиться сквозь плотную стену пропаганды и страха, особенно молодому поколению, которое не застало жизни в старой России, и взглянуть на свою жизнь без прикрас было трудно.

Подросток Володя Крючков относился к тем, кто воспринимал окружающую реальность как безальтернативную. К тому же его семья проживала в отдельном домике, а не в переполненной коммуналке или комнате в бараке, как большинство завербованных на заводы. Его отец, Александр Ефимович, относился к мелкому заводскому начальству, дослужившись до должности начальника цеха на «Баррикадах». Карьере способствовало членство в ВКП(б), куда он вступил в 1924 году по

«ленинскому призыву». Рабочих-коммунистов в первую очередь выдвигали на руководящие должности. Компетентность в сравнении с политической лояльностью была не важна. При старом режиме отец вряд ли поднялся бы так высоко. Хотя он и был сыном писаря, выбившегося из рабочих, но это была слишком низкая ступенька для успешного старта. Впрочем, он, наверное, неплохо зарабатывал для простого пролетария и до 1917 года, выезжая с артелью котельщиков в самые разные уголки империи. Но, подобно многим, после революции он сделал выбор в пользу большевиков, приняв участие в Гражданской войне на их стороне. Вряд ли это был сознательный выбор марксизма и коммунизма, скорее ситуативное решение, основанное на осознании того, за кем сила, и на вере в возможность быстрого социального продвижения. В этом смысле карьера Александра Ефимовича Крючкова была типичной для десятков тысяч советских лоялистов, поставивших на новый строй и от этого выбора не проигравших.

1937 год обошел семью Крючковых стороной, они жили в сравнительном достатке, Владимир мог учиться в старшей школе, и, как он сам вспоминал, утро 22 июня 1941 года началось с того, что он отправился с родителями на базар для покупки велосипеда. По тем временам двухколесная машина была немыслимой роскошью, пределом мечтаний для подростков. Так что причин для недовольства советской властью у него с родителями не имелось.

Впрочем, правильное происхождение (отец — рабочий-большевик, мать — из крестьян) вовсе не предрешало успешной карьеры. Если один из братьев Владимира стал офицером-летчиком и погиб в самом начале войны, то другой брат и сестра выросли социально неблагополучными. Сестра спилась и попала в тюрьму. «Темным пятном», еще более «потемневшим» после 1941 года, было происхождение бабки по отцу — она была из поволжских немцев, которые проживали неподалеку от Царицына. Бабушка, словно предчувствуя будущие проблемы, упорно отказывалась учить внучка своему родному немецкому языку, о чем он впоследствии жалел.

В 1941 году Владимиру Крючкову исполнилось 17 лет (он родился 29 февраля 1924-го, в високосный год, так что «нормальный» день рождения мог справлять только раз в четыре года). Его одногодки составили поколение, почти полностью выбитое войной, но Владимиру повезло: поскольку в начале войны он еще не подлежал призыву по возрасту, то пошел работать на оборонное предприятие — отцовский завод «Баррикады», на который распространялась бронь. Когда осенью 1942-го немцы подошли к Сталинграду, Крючков вместе с заводом эвакуировался сперва на левый берег Волги, а в ноябре — вверх по реке в Горький. Правда, он успел застать бомбежки и обстрелы и даже, по его словам, был немного контужен. Так что сказать, что он совсем пороху не нюхал, о нем нельзя. Какое-то время он пробыл в прифронтовой зоне.

Конечно, когда большинство ребят его возраста ушли на войну и многие с нее не вернулись, Крючков не мог не ощущать себя дискомфортно, хотя никаких претензий быть к нему не могло — он трудился на оборонном предприятии, все было по закону. Тем не менее еще несколько десятков лет мужчины его поколения делились на тех, кто воевал, и кто не воевал, на фронтовиков и не фронтовиков.

В апреле 1943 года Крючков вернулся в полностью разрушенный Сталинград, а летом того же года его перевели на комсомольскую работу. Он стал комсоргом Особой 25-й строительно-монтажной части Министерства по строительству СССР в Сталинграде. Через год он уже был первым секретарем райкома ВЛКСМ Баррикадного района Сталинграда. Такой быстрый взлет и само попадание в аппарат можно объяснить и социальным происхождением, и личными качествами. Начальство, наверное, заметило в девятнадцатилетнем Крючкове некие задатки руководителя. Следует также учитывать страшный кадровый дефицит того времени — большинство молодых парней были на фронте, образовательный уровень молодежи оставался низким, так что выбирать было особо не из кого.

Интересно сравнить Крючкова с одним из его предшественников по руководству КГБ — Владимиром Семичастным. Тот тоже родился в 1924 году, был сыном рабочего-коммуниста, вступившего в партию по «ленинскому призыву», и тоже не попал на фронт — по болезни. Уже в 1943-м он стал первым секретарем райкома комсомола. Так что старт Владимира Крючкова был довольно типичен и объяснялся по большей части экстремальными условиями военного времени. Затем, правда, Семичастный его далеко обогнал, стремительно взлетев на вершину власти в молодом возрасте, но и падение его случилось быстрее. Так что древняя мудрость «поспешай медленно» как нельзя кстати применима к Семичастному. Карьера же Крючкова развивалась неторопливо.

В отличие от Семичастного, Владимир Крючков не остался на комсомольской работе. В 1945 году он поступил на очное отделение Саратовского юридического института — примечательный шаг. В советское время юридическое образование не сулило большой карьеры — в неправовом государстве ни судьи, ни адвокаты, ни даже прокуроры особой роли не играли, а структуры КГБ и МВД формировались не из них. Значит, власть сама по себе Крючкова не интересовала и особых планов на продвижение к высоким должностям он не имел. Скорее его привлекала ясная и понятная карьера в юридических органах. Уже через год, из-за ограниченности в средствах (в 20 лет сидеть на шее у отца — только он имел маленькую пенсию, мать вообще ничего не получала — было невозможно), он перевелся во Всесоюзный заочный юридический институт и начал работать следователем в прокуратуре. (Перед принятием этого решения его на короткое время избрали вторым секретарем Сталинградского городского комитета ВЛКСМ, судьба второй раз искушала его

возможностью комсомольско-партийной карьеры, но он сделал определяющий шаг и как будто навсегда расстался с такой возможностью.)

После работы в горкоме комсомола Владимир Крючков служил следователем прокуратуры Тракторозаводского района города Сталинграда. В 1947 году стал прокурором следственного отдела Сталинградской прокуратуры.

В 1949 году он окончил Всесоюзный заочный юридический институт и стал дипломированным юристом.

В 1950 году Крючков уже работал районным прокурором в Сталинграде.

К тому времени он успел жениться, и в тот год родился его старший сын Сережа. Супруга — Екатерина Петровна была простой женщиной, но в отличие от мужа побывала на войне. Работала учительницей русского языка и литературы. Она всегда держалась в тени, в дела мужа не вмешивалась и специально никогда его работой не интересовалась. Когда порой он объявлял ей, что получил очередной орден, жена лишь замечала, что лучше бы дали прибавку к зарплате.

Быстрому подъему по карьерной лестнице не стоит удивляться. Советский Союз того времени — страна с малым числом образованных людей, а у Владимира Крючкова уже в 1949 году был диплом о высшем юридическом образовании. Ну и, конечно, способности и характер сбрасывать со счетов не приходится — прилежание, ответственность, пунктуальность Крючкова свою роль в его продвижении играли. Пять лет работы в прокуратуре и полученный там опыт, несомненно, отозвались в будущем, когда он попал в КГБ. Ему, в отличие от других партийных выдвиженцев в этой организации, не пришлось начинать с нуля.

И опять же — роль Его Величества Случая в жизни человека. Не приди в Сталинградский обком партии летом 1951 года разнарядка из ЦК КПСС о направлении двух человек на учебу в Высшую дипломатическую школу Министерства иностранных дел (МИД) СССР, вряд ли имя Владимира Крючкова стало бы известно кому-то еще, кроме его ближайших сослуживцев и родных. Он мог бы стать в итоге прокурором области, а мог и не стать. Мог перейти на работу в Москву в аппарат Прокуратуры СССР или РСФСР, быть перекинутым в другую область. Но вряд ли он стал бы первым лицом ведомства, поскольку это — лотерея и цепь случайностей. Какими-то выдающимися способностями Крючков не обладал, да они и не требовались в советских ведомствах, напротив, нестандартность скорее могла мешать.

Крючков с энтузиазмом откликнулся на предложение — до того он ни разу не бывал в Москве. В сталинские времена, да и позже, подобного рода наборы слушателей или студентов редкостью не являлись. Система была заинтересована в пополнении столичных ведомств свежей кровью, чтобы тот же МИД не превратился в касту для избранных. А в 1951-м,

после отставки главы Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР Виктора Семеновича Абакумова, на высшие должности в ведомстве был произведен массовый набор партийных работников. В наше время принято говорить об «отрицательном отборе», мол, выдвигались малообразованные люди с периферии. Однако в этом имелась своя логика — люди, подобные Владимиру Крючкову, которым выпал шанс попасть в столицу из провинции, работали истово и преданно. Напротив, уже первое поколение детей советских дипломатов, избалованных и развращенных благами родителей, пусть и очень скромными по сегодняшним меркам, были заражены снобизмом, диссидентствовали, с усмешкой относились к ценностям отцов, достаточно вспомнить писателя Виктора Ерофеева, сына Владимира Ивановича Ерофеева, советника советского посольства в Париже, личного переводчика Сталина.

Крючков успешно сдал вступительные экзамены, прошел собеседование на предмет политической зрелости и мотивации. (Второй выдвиженец из Сталинграда поступить не смог.) На три года он погрузился в постижение дипломатических мудростей. Впрочем, самым сложным оказалось изучение иностранных языков. Помимо немецкого, Крючков должен был выучить венгерский. В группе венгерского языка изначально было три студента, но очень быстро остался он один — оба товарища сбежали, испугавшись трудностей постижения языка, столь сложного и отдаленного от родного русского. Крючков же проявил упорство и смог пройти курс венгерского до конца, с его обилием падежей, сингармонизмом и структурой типичного угро-финского языка, принципиально отличающегося от индоевропейских, в том числе русского.

Само пребывание в иной культурной среде должно было оказать на будущего дипломата определенное воздействие. Голова не болела от забот о хлебе насущном, он мог заниматься с раннего утра до позднего вечера, компенсируя недостатки своего образования. Конечно, учебная программа была крайне идеологизированной, но тем не менее некий кругозор она давала. То, что Крючков изучал в дипломатической школе, очень пригодилось ему впоследствии, во время работы в разведке.

5 марта 1953 года умер Сталин, в стране постепенно начиналась оттепель, разговоры студентов и преподавателей становились свободнее. После трех лет обучения Владимира Крючкова, получившего красный диплом, приняли на работу в МИД, в Четвертый европейский отдел, в венгерскую референтуру.

В 1954-м советская дипломатия находилась на перепутье. При Сталине отношения с Западом к 1953 году зашли в тупик. Посольство США в Москве фактически не работало, советская пропаганда захлебывалась в антиамериканской истерии. В Корее третий год шла война, в которой советские летчики сражались с американскими (хотя официально этого не признавалось). Германия была расколота, и

ее правовой статус оставался неурегулированным. Австрия продолжала оставаться оккупированной страной. Титовская Югославия демонизировалась.

Новое советское руководство понимало, что нищая, еще никак не оправившаяся от войны страна не может далее нести бремя огромных трат на оборону и противостояние в рамках холодной войны с самой богатой страной мира. Ведь после Второй мировой войны надо было создавать атомное и ракетное оружие, системы ПВО и многие другие новейшие виды вооружений. Причем противостояние в той же Корее было вовсе не «холодным». Требовались срочные улучшения и изменения на внешнеполитическом фронте.

Уже в 1953 году были восстановлены дипломатические отношения с Югославией, а в 1955-м, во время визита Никиты Хрущева в Белград, взаимоотношения были полностью нормализованы. В 1955 году была подписана Декларация о независимости Австрии, по которой ей возвращался суверенитет, а оккупационные силы, в том числе советские, покидали территорию страны. В том же году СССР вернул Финляндии арендованную военно-морскую базу Порккала-Удд. Также в 1955-м советские воинские части были выведены из Порт-Артура в Китае.
В 1953-м закончилась Корейская война подписанием перемирия в Паньмынчжоне (Пханмунджоме). Через год, на Женевской конференции, было достигнуто соглашение об окончании войны во Вьетнаме. В обоих случаях страны были разделены на «коммунистический» Север и «капиталистический» Юг.

Все эти инициативы советского руководства реализовывал, пусть даже вопреки своему желанию, старый новый министр иностранных дел — Вячеслав Михайлович Молотов. Прежнего — последнего главу сталинской дипломатии Андрея Януарьевича Вышинского — отправили как постоянного представителя СССР при ООН в Нью-Йорк, где он и скончался в начале 1954-го. Молотов, служивший на Западе олицетворением советской внешней политики ввиду своего прежнего десятилетнего пребывания во главе МИДа — с 1939 по 1949 год, не был профессиональным дипломатом, языков не знал и вообще, обладал узким кругозором. Но он был жестким переговорщиком, стоявшим на ортодоксальных позициях. Его вернули в МИД в марте 1953-го в рамках общего возвращения кадров, отстраненных в последние годы Сталиным.

Вячеслав Молотов отличался сухостью и склонностью к бюрократизму, дипломаты при нем носили, подобно военным, форму, каких-то привлекательных человеческих качеств он был лишен. Хорошо, что во второй его приход уже запретили практику задержки на работе до глубокой ночи. Вообще, в 1953—1956 годах он был уже не тем Молотовым, что прежде. Сказывались и возраст, и его неполноправное положение в руководстве, когда власть все отчетливее сосредоточивалась в руках Хрущева и его сторонников. Работать под его

руководством в тот период, когда в МИД пришел Владимир Крючков, было легче.

Следует также учитывать, что в Советском Союзе основные решения во внешней политике принимались не в Министерстве иностранных дел — оно выступало лишь проводником решений ЦК КПСС. После нескольких месяцев пребывания во главе Наркомата иностранных дел Льва Троцкого — относительно самостоятельной фигуры — главными дипломатами Страны Советов становились второстепенные в политическом отношении люди — Георгий Чичерин, Максим Литвинов, использовавшиеся как простые исполнители. Затем в течение десяти лет МИДом руководил Вячеслав Молотов, второй человек в государстве, откомандированный туда в связи с экстремальной ситуацией накануне и в ходе Второй мировой войны. Следующим министром иностранных дел стал Андрей Вышинский, также фигура второстепенная. И в дальнейшем министрами были то Дмитрий Шепилов, то Андрей Громыко, который не являлся членом Политбюро до 1973 года, и только в последние годы жизни Брежнева вошел в его ближайшее окружение, а при Хрущеве он являлся простым исполнителем постоянно менявшегося курса непредсказуемого первого секретаря. Такими же малозначительными деятелями были и два последних министра иностранных дел СССР — Александр Бессмертных и Борис Панкин.

После года работы в центральном аппарате МИДа Владимир Крючков наконец получил назначение в советское посольство в Венгрии и впервые в жизни отправился за границу. Страна, куда лежал его путь, в 1955 году находилась в непростом положении. Во время войны вся ее территория служила ареной ожесточенных боев. Столица — Будапешт, где несколько месяцев сражался в окружении немецкий гарнизон, была сильно разрушена. Будайская крепость на холме в центре города — национальное сокровище, символ страны — все еще лежала в руинах. На тяготы, вызванные военным опустошением, накладывались последствия коммунистического террора и национализации после установления коммунистической власти. Во главе Венгрии стоял Матьяш Ракоши — «венгерский Сталин». Легендарный коммунист, проведший 15 лет в заключении (с 1925-го по 1940-й), он активно строил социализм по советскому образцу — с уничтожением инакомыслия, арестами подозрительных (в целом подверглись преследованиям 650 тысяч человек), огосударствлением и милитаризацией экономики. При этом Венгрия должна была выплачивать репарации в пользу СССР (до 1949 года) как бывшая союзница нацистской Германии, что доходило до четверти ВНП.

Смерть Сталина означала изменение политики в отношении социалистических стран. Июньские события в ГДР, где произошли волнения, подавленные советскими танками, наглядно показали всю степень недовольства населения в советской сфере влияния. В начале июня 1953 года Ракоши был вызван в Москву, где ему устроили

форменную головомойку, причем активнее всех его критиковал Лаврентий Берия. Венгерскому вождю вменяли многочисленные ошибки. В ответ на критику советских старших товарищей он отказался от поста главы правительства, который с июля 1953-го занял Имре Надь, бывший одно время министром земледелия, который запомнился венгерским крестьянам как тот человек, который «раздавал землю». Надь свернул программу массовых капиталовложений в оборону и производство средств производства, отменил принуждение к вступлению в коллективные хозяйства, осуществил поворот к большему удовлетворению потребностей довольно бедно живущего населения.

Впрочем, Ракоши рассматривал назначение Надя как временный ход, сделанный под нажимом советского руководства. Реальную власть он из своих рук не выпускал и при первой возможности, в апреле 1955 года, сместил его, воспользовавшись тем, что в Москве отправили в отставку Георгия Маленкова, считавшегося покровителем либеральных реформ Надя. Неудавшегося реформатора исключили из партии. Новым премьером Венгрии стал Андраш Хегедюш, 32-летний технократ, целиком зависимый от «старой гвардии» — Матьяша Ракоши и Эрнё Герё (второго человека в стране, также сталиниста).

Так что Владимир Крючков прибыл в Будапешт в смутное время. Первая попытка «оттепели» была задавлена, но и к старым порядкам в полном объеме возврата не было. Страна сознавала, что время Ракоши уходит не по дням, а по часам, но на решительные действия никто способен еще не был. Приехавшему из голодного и нищего Советского Союза Крючкову Венгрия казалась страной изобилия, и он не мог понять, чем же венгры могут быть недовольны. Понять их ощущение национального унижения, обиды за попранную религию, ломку традиционной структуры общества, экономики, культуры он был неспособен. Крючков рассуждал, как обычный советский чиновник, считавший, что Советы на своих штыках принесли Венгрии освобождение и прогрессивный строй.

Владимир Крючков был назначен третьим секретарем посольства — пресс-атташе. Послом же в Венгрии работал Юрий Владимирович Андропов — состоялось знакомство, ставшее еще одним из проявлений воли Случая, определившего дальнейшую жизнь. При Сталине послами в странах «народной демократии» работали только кадровые дипломаты. После его смерти было принято решение направлять в соцстраны бывших партийных работников, представлять советские интересы. В мае 1953 года работника ЦК КПСС Юрия Андропова назначили заведующим Четвертым европейским отделом МИДа (Польша, Чехословакия), а через два месяца направили в Будапешт советником-посланником, то есть вторым человеком в посольстве. Через год он стал Чрезвычайным и Полномочным Послом.

Будучи на десять лет старше Крючкова, Андропов к моменту их встречи имел за плечами куда более широкий жизненный и

политический опыт. Юрий Владимирович принадлежал к самым молодым выдвиженцам 1937 года — в 24 года он стал первым секретарем Ярославского обкома комсомола, потом перешел на аналогичный пост в Карелии (имевшей тогда статус союзной республики), затем находился на партийной работе, дойдя до должности второго секретаря компартии республики. Стоит отметить, что когда в 1950 году сняли с работы, а затем арестовали первого секретаря Карелии Геннадия Николаевича Куприянова в связи с «ленинградским делом», то Андропова преемником не утвердили. Но уже в 1951-м его перевели в Москву в аппарат ЦК КПСС. Андропов был осторожным чиновником, холодным в общении, но собиравшим вокруг себя преданных людей. Крючкова он сразу оценил, и тот попал в «ближний круг» своего многолетнего патрона.

Вскоре после прибытия Владимира Крючкова в Будапешт события начали лихорадочно ускоряться. В феврале 1956 года в Москве прошел XX съезд КПСС, на котором Никита Хрущев выступил со знаменитым докладом «О культе личности и его последствиях». Ничего сенсационного доклад не содержал — для любого способного непредвзято смотреть на вещи человека, жившего за «железным занавесом», все было и так понятно. Но дело было не в содержании, а в форме — сама партия отчасти признавала то, в чем ее упрекали противники. Хотя доклад не предназначался для опубликования, его довольно скоро напечатали на Западе, и вот тут-то случился информационный и идеологический взрыв. С текстом выступления, демонстрировавшим, что вожди Советов после временного отступления вновь поднимают на щит реформы, познакомились и в сателлитах СССР, это пробудило желание перемен.

Прорыв произошел в Польше и Венгрии. Если в первой ее руководитель Болеслав Берут скоропостижно скончался в Москве, не вернувшись домой со съезда, и тем самым открыл путь к переменам, то в Венгрии Матьяш Ракоши пытался удержаться у власти. Чтобы его убрать, в Будапешт в июле 1956 года пришлось командировать Анастаса Микояна. На пленуме «венгерского Сталина» отправили в отставку, а потом фактически насильно вывезли в Советский Союз, где он навсегда остался в изгнании. Главой партии избрали Эрнё Герё, такого же твердолобого сталиниста, но который пребывал в растерянности и не контролировал ситуацию.

С конца 1955 года в Будапеште действовал так называемый «кружок Петёфи» — дискуссионный клуб, на котором обсуждались вовсе не стихи великого национального поэта, а злободневные проблемы современности и который стал сосредоточением фрондирующей молодежи и интеллигенции. Венгерская общественность воспрянула после ухода Ракоши и оказывала давление на власть, требуя и реабилитации репрессированных, и возвращения к власти Имре Надя.

6 октября состоялось перезахоронение останков Ласло Райка, одного из коммунистических вождей Венгрии, организатора массовых репрессий, но самого попавшего под их каток и расстрелянного в 1949 году. На похороны пришли 100 тысяч человек, которые хотели продемонстрировать не столько уважение к Райку, сколько выразить протест против преступлений коммунизма. Это стало первым крупным публичным протестом в Венгрии за многие годы. Избрание 21 октября главой партии в Польше репрессированного Владислава Гомулки побудило 23 октября выйти на улицы Будапешта уже 200 тысяч человек. Спонтанная демонстрация переросла в восстание — начали сносить памятник Сталину, затем произошел штурм радиостанции. Полиция растерялась, как растерялись и партийные органы. Герё говорил по радио о провокаторах, но его уже никто не слушал.

24 октября случилось два важных события — премьером Венгрии стал Имре Надь, и советские танки вошли в Будапешт для подавления волнений. (Еще летом Владимир Крючков организовывал тайную встречу прибывшего в страну Анастаса Микояна с находящимся на тот момент в отставке Имре Надем. Микояну было важно прозондировать настроение сверхпопулярного у себя на родине Надя.) Будапешт на несколько дней оказался в кровавом хаосе. Толпы захватывали воинские части, полицейские участки и вооружались. Происходили расправы с партийными работниками — как после штурма 30 октября здания Будапештского горкома — и работниками госбезопасности, которых подвергали перед казнью пыткам, сжигали живьем.

Имре Надь оказался слабым руководителем, который безвольно плыл по волне событий. Если в начале бунта он называл боевиков «контрреволюционерами», то через несколько дней уже говорил о «национальном демократическом движении». Впрочем, поначалу казалось, что можно избежать худшего. 29 октября было достигнуто соглашение о выводе советских войск из Будапешта. Советские руководители были готовы на серьезные уступки, благо в Польше только что получилось не доводить дело до кровопролития — были заключены соглашения с Владиславом Гомулкой, что тот может распустить колхозы, дать иные поблажки населению, в обмен на сохранение в Польше социалистического строя и ее полной лояльности СССР. Хрущев полагал, что Венгрия под руководством Надя пойдет по пути Польши.

Увы, этого не произошло. Надь резко уходил в сторону от Москвы, было создано правительство с участием «буржуазных» партий, министром обороны стал полковник Пал Малетер, перешедший на сторону повстанцев, формировалась национальная гвардия из боевиков, отряды которых не думали распускаться и фактически диктовали свою волю. Расправы над коммунистами продолжались. 1 ноября Имре Надь объявил о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора, что, видимо, стало последней каплей,

переполнившей чашу терпения Кремля. Было принято решение о вооруженном вторжении.

Все эти трагические дни на сотрудниках советского посольства лежала огромная нагрузка. Они отслеживали и анализировали быстро меняющиеся события и сообщали о них в Москву, организовывали тайную переправку в СССР венгерских руководителей, которых надо было либо спасать от народного гнева, как Эрнё Герё, или готовить к выполнению важной миссии — как Яноша Кадара и Ференца Мюнниха. При этом бои шли вокруг посольства, на территорию которого также залетали шальные пули, так что существовала реальная угроза для жизни.

Избрание Яноша Кадара главой Венгерской социалистической рабочей партии в последних числах октября прошло незамеченным на фоне иных событий. Но когда 4 ноября Советская армия начала наступление на Будапешт и иные центры страны, именно он выступил по радио и объявил о создании «рабоче-крестьянского» правительства, которое и возглавил. К сожалению, Кадар вышел на политическую арену поздно, когда уже пролилась кровь. И хотя бои продолжались всего несколько дней, в них погибли около 2,5 тысячи венгров. Обанкротившийся Имре Надь утром 4 ноября бежал в югославское посольство, где находился до 22 ноября. Следует отметить, что Москва заручилась согласием на интервенцию со стороны всех социалистических стран, в том числе и титовской Югославии.

Янош Кадар смог наладить процесс возвращения к спокойной жизни, и при нем Венгрия была известна как одна из двух, наряду с Польшей, самых свободных стран восточного блока. Им были инициированы довольно смелые экономические реформы, позволившие говорить о «гуляшном социализме» в Венгрии.

Для Владимира Крючкова события, очевидцем которых он явился, стали уроком на всю жизнь. Когда в августе 1991-го он вошел в состав ГКЧП, он не мог не вспоминать о кровавом хаосе 35-летней давности. Но стоит заметить, что все же венгерский урок впрок ему не пошел, и пойти по пути Кадара и Гомулки он не сумел. За работу в октябре—ноябре 1956 года его наградили орденом Трудового Красного Знамени. Но тогда, по свежим следам, будапештские события больше всего повлияли на карьеру посла Юрия Андропова, действия которого во время кризиса были высоко оценены советским руководством. Уже через несколько месяцев, в апреле 1957 года, он был назначен заведующим отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

В Будапеште его сменил Евгений Иванович Громов, крупный партийный босс, завотделом ЦК КПСС по союзным республикам. Но для него, в отличие от Андропова, Венгрия стала не ступенькой в карьере, а началом падения. Владимир Крючков, хотя еще два с половиной года пребывал в Венгрии, с новым послом близкого контакта не наладил.

Проработав в Будапеште ровно четыре года, в августе 1959-го Владимир Крючков вернулся в Москву. И буквально на следующий день получил приглашение перейти на работу в ЦК КПСС в отдел к Андропову. МИД он покинул без сожалений — работа в ЦК считалась более престижной. Кроме того, политика в отношении Восточной Европы целиком определялась именно там, а не в Министерстве иностранных дел, поскольку посольства в соцстранах играли чисто формальную роль, а послы с 1950-х годов назначались из числа партийных работников и отвечали в первую очередь перед Кремлем.

Кроме того, был важен личный фактор — пришло приглашение от Юрия Андропова. Это служило знаком доверия к Владимиру Крючкову, отказаться поэтому он не мог — и не прогадал. Именно ставка на Андропова и обеспечила его взлет. Переход на работу в ЦК КПСС стал вторым принципиальным шагом Крючкова, после согласия учиться в Москве на дипломата, определившим его судьбу.

К этому времени Андропов уже плотно «сидел» на тематике соцстран, пользуясь доверием Хрущева. В 1962-м его повысили в статусе, сделав не просто завотделом, но и секретарем ЦК КПСС, в члены которого он был избран на XXII съезде в 1961 году. Карьера Владимира Крючкова протекала под его руководством. В 1959—1963 годах он референт в секторе Венгрии и Румынии, в 1963—1965-м — заведующий сектором, в 1965—1967-м — помощник Андропова, ставшего секретарем ЦК.

Не следует считать, что работа на направлении соцстран была рутиной. Если Сталин «потерял» Югославию, то Хрущев потерял куда больше (при этом лишь формально «вернув» Белград — югославы так и не вошли ни в СЭВ, ни в ОВД и оставались полностью самостоятельными и неподконтрольными) — Китай, Албанию, которые стали решительными врагами, утратил контроль за Румынией и Северной Кореей, да и с Северным Вьетнамом отношения складывались не лучшим образом. Правда, число соцстран пополнилось Кубой, но ее переход в социалистический лагерь был больше пропагандистским достижением, экономически «дружба» с ней повисла бременем на шее СССР, геополитически особых преимуществ Москва также не получила. Попытка разместить на острове стратегическое оружие поставила мир на грань ядерной войны в 1962 году (Карибский кризис) и больше не повторялась. СССР удовлетворился базой радиоэлектронной разведки в пригороде Гаваны Лурдесе.

Всеми этими драматическими перипетиями и пришлось заниматься Андропову с Крючковым. Ситуация с Румынией касалась последнего напрямую. Георге Георгиу-Деж, глава румынской компартии, твердый сталинист, оказался ловким политиком. Он, не меняя внутри страны порядков и сохраняя свою абсолютную власть, начал дистанцироваться потихоньку от СССР. В 1958 году он добился вывода советских войск из страны, в начале 1960-х выступил против предлагавшихся Хрущевым планов по разделению труда в рамках СЭВ, так как полагал, что

из Румынии хотят сделать поставщика сырья, а в советско-китайском споре занял равноудаленную позицию. Сменивший его в 1965-м Николае Чаушеску продолжил линию предшественника в еще более зримом виде.

Тот факт, что крошечная Албания щелкнула по носу СССР, был унизителен, и реакция Хрущева оказалась яростной — он прервал дипотношения с Тираной, прекратил оказание ей экономической помощи. Албания была важна для СССР как база для советских подлодок в Средиземном море, но гнев Хрущева был вызван в первую очередь тем, что безнаказанно брошен вызов авторитету Советского Союза. Ему не удалось сместить Энвера Ходжу, так же как не удалось убрать Ким Ир Сена или того же Георгиу-Дежа.

Противоречивым образом провозглашавший себя борцом со сталинским наследием Хрущев вел себя так же непредсказуемо и экспансивно, как Сталин в отношении Тито в свое время. Так, в 1960 году он распорядился отозвать на родину всех советских специалистов из Китая, в том числе работавших по атомной тематике. Но ни этот, ни другие резкие шаги не могли изменить реальности — многосотмиллионный Китай под руководством Мао Цзэдуна отходил от СССР и становился все враждебнее. Как ни пытались в Москве скрывать разрыв с Пекином, в 1963-м пришлось объявить об этом своему населению и начать с китайцами полемику.

Разумеется, во всех этих острых столкновениях отдел Андропова играл вспомогательную роль. Он никоим образом не был архитектором политики, которую целиком и полностью определял Хрущев, а конкретные вопросы идеологической полемики курировали Михаил Суслов и Леонид Ильичев. Судя по тому, что Андропов в 1962 году пошел на повышение, Хрущев был доволен его работой, несмотря на очевидные формальные провалы.

Смещение Хрущева с должности в октябре 1964 года ничего не изменило в расстановке сил в соцлагере. Единства восстановить не удалось, зондаж во время визита в ноябре 1964-го делегации во главе с Чжоу Эньлаем, главой правительства Китая, ни к чему не привел. Стороны остались на своих позициях. Сам Андропов моментально переориентировался на Брежнева, который ценил его как эксперта. Хотя Андропов и не принимал участия в подготовке смещения Хрущева с должности, он должен был помогать Брежневу объяснять эту пертурбацию руководителям социалистических стран, которых, разумеется, взбудоражили перемены в Москве. Владимиру Крючкову выпало сопровождать Леонида Брежнева и Николая Подгорного во время их визита в Венгрию в феврале 1965 года к Яношу Кадару.

Работа в ЦК КПСС принесла Крючкову не только повышение по службе, дала более широкий кругозор, но и принесла материальное благополучие. Почти сразу с попаданием в аппарат партии он получил двухкомнатную квартиру — предмет зависти его друзей и знакомых. Однако партийная карьера долго не продлилась. В мае 1967 года его

жизнь круто повернулась и отныне до самого ареста в 1991-м оказалась связанной с КГБ.

Брежнев, при отстранении Хрущева от власти, опирался в том числе на поддержку Владимира Семичастного, тогдашнего руководителя КГБ. Он родился в 1924 году и возглавил спецслужбы в 1961-м, то есть в возрасте тридцати семи лет. По тем временам это было сенсационно. Правда, за плечами у него имелся немалый опыт руководящей работы, в первую очередь комсомольской. В 23 года он уже стал главой комсомола Украины. В 26 — перебрался в Москву, на работу секретарем ЦК ВЛКСМ, а в 1958-м возглавил комсомол страны. Правда, главным комсомольцем он пробыл ровно год (успев отметиться в травле Бориса Пастернака), а затем был переведен на должность завотделом ЦК КПСС на несколько месяцев, а после два года проработал вторым секретарем в Азербайджане.

Семичастный принадлежал к комсомольской команде, на которую делал ставку Хрущев, — перед ним КГБ три года возглавлял Александр Николаевич Шелепин, которого он сменил на посту главы ВЛКСМ. Почему Хрущев продвигал в руководители КГБ молодых «комсомольцев» — точно неизвестно. Наверное, было две основные причины. Первая — он хотел освежить кадры, убрать чекистов сталинского времени, которым он не доверял. Вторая — ему нужны были именно молодые, целиком зависимые от него и ему обязанные своим выдвижением люди. От таких он мог бы не опасаться интриг и нелояльности. В этом пункте, впрочем, Хрущев ошибся. И Шелепин, и Семичастный приняли активное участие в антихрущевском заговоре. Стоит отметить, что ни Шелепин, ни Семичастный во время работы в КГБ не были членами политбюро, равно как и предшествовавший им Иван Александрович Серов. Этим как бы подчеркивалось, что Лубянка не играет самостоятельной политической роли.

Брежнев и Семичастный принадлежали к разным поколениям советских руководителей. Разница в 18 лет была очень существенной. Леонид Ильич прошел огромную жизненную школу, возглавлял два обкома, две союзные республики, был на войне, участвовал в аресте Берии, отвечал за ВПК, как секретарь ЦК КПСС, руководил президиумом Верховного Совета, будучи формальным «президентом» СССР. Семичастный же с его стремительным восхождением наверх оставался в глазах многих «комсомольцем», фигурой несерьезной. Но Брежнев не был нацелен на полную зачистку и резкие кадровые перестановки, он как бы давал шанс каждому зарекомендовать себя. Поначалу работа с Семичастным шла в нормальном режиме. Однако проблемы в отношениях накапливались. Брежнев продвигал в КГБ на высокие посты своего старого знакомого по Днепропетровску Георгия Карповича Цинёва, чему противился Семичастный, вынужденный в итоге сделать того начальником военной контрразведки. Затем генсек схлестнулся с председателем КГБ относительно кандидатуры министра

внутренних дел (в 1966 году было решено воссоздать союзное министерство, упраздненное Хрущевым в 1960-м). Семичастный предлагал сделать им Вадима Степановича Тикунова, на тот момент главу милиции РСФСР, в прошлом — своего заместителя в КГБ. Брежнев видел в этом кресле Николая Анисимовича Щелокова, также своего старого знакомого по Днепропетровску.

Последним инцидентом стало бегство дочери Сталина Светланы за границу. Выехав в Индию на похороны своего мужа Браджеша Сингха, она не вернулась домой, скрывшись в американском посольстве. В мае 1967 года вызванному на заседание политбюро Семичастному объявили о его переходе на работу на Украину первым заместителем тамошнего предсовмина — оставлять в Москве сочли нецелесообразным — он слишком много знал, и Брежнев не хотел, чтобы он путался в столице под ногами.

Важнее, впрочем, была не фигура отставника, а того, кто пришел на его место. Им, к удивлению многих, стал Юрий Андропов. Почему именно на нем остановился выбор Брежнева — существует множество версий. Сам Владимир Крючков объяснял выдвижение шефа… противостоянием с Косыгиным, мол, его убрали в КГБ из-за споров с главой правительства. Но как и о чем мог Андропов спорить с Косыгиным, если их компетенции практически не пересекались, да и аппаратный и политический вес был несоизмерим. Скорее всего, он устраивал генсека (и членов политбюро, их голос тогда имел значение, и единолично Брежнев не мог провести такое решение) тем, что, во-первых, имел соответствующий опыт — и как посол, и как секретарь ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран. Во-вторых, был лично обязан Брежневу своим возвышением. В-третьих, не принадлежал ни к каким группировкам, не претендовал на самостоятельную игру. К тому же Брежнев сделал двумя заместителями председателя КГБ своих доверенных людей — упомянутого Цинёва и Семена Цвигуна — и мог отныне быть полностью спокойным за спецслужбы. Следует иметь в виду, что если бы старый знакомый Брежнева — Николай Романович Миронов, заведующий административным отделом ЦК КПСС, а до того начальник Ленинградского КГБ, не погиб в авиакатастрофе над Белградом в октябре 1964 года, то с большой долей вероятности именно он возглавил бы Лубянку. Но история не знает сослагательного наклонения.

Вместе с Андроповым в 1967 году в КГБ пришел и Владимир Крючков — помощником, а вскоре начальником секретариата. Надо сказать, что из партии, как из комсомола, переход людей на руководящие должности в КГБ продолжался всегда. Руководство страны не хотело, чтобы спецслужбы превращались в замкнутую касту. Так, в том же 1967-м начальником управления кадров КГБ стал Виктор Чебриков, до того — второй секретарь Днепропетровского обкома КПСС.

С первого же дня Андропову с Крючковым пришлось решать конфликтные ситуации — сдача власти от Семичастного новой команде прошла нервно и недружественно. Отставник задирался и дерзил, а Андропов настаивал на его немедленном уходе из кабинета. С точки зрения интересов Брежнева его кадровый выбор был идеален. За все 15 лет работы в КГБ Андропов ни разу не дал повода усомниться в себе — ни в своей лояльности генсеку, ни в профессиональной компетентности.

Вспомним, какие задачи стояли перед органами в то время. Буквально через несколько дней после назначения Андропова началась шестидневная война, и требовались значительные усилия советской разведки на Ближнем Востоке, который на долгие годы оставался взрывоопасным регионом. Продолжалась война во Вьетнаме, и надо было не только помогать Ханою в противостоянии с Америкой, но и бороться там за влияние с Китаем. С Пекином же отношения стремительно ухудшались, дойдя до прямых вооруженных конфликтов в 1969 году в Приморье и на границе с Казахстаном (пограничники входили в состав КГБ). В 1968-м начался кризис в Чехословакии, который пришлось решать вводом войск. Во всех этих кризисных ситуациях КГБ играл важнейшую роль.

На домашнем фронте к 1967 году росло и ширилось диссидентское движение, по рукам начал ходить разнообразный самиздат — от трудов Солженицына и Сахарова до рукописей неизвестных авторов. С исчезновением запрета на общение с иностранцами и увеличением граждан, выезжающих за рубеж, увеличивалось число шпионов и перебежчиков. В 1969-м произошло покушение на Брежнева во время встречи космонавтов.

КГБ в советское время представлял собой сложнейшую организацию, включавшую в себя то, что в зарубежных странах относилось к самым разным ведомствам. В него входили и внешняя разведка, и контрразведка, и охрана высших руководителей государства, и пограничные войска, и спецсвязь, и электронная разведка, и наружное наблюдение, и борьба с диссидентами, и курирование промышленности и транспорта на предмет безопасности, и идеологический контроль в образовании, науке и культуре, и отслеживание религиозной деятельности, и многое другое. В системе КГБ, по оценке его последнего председателя Вадима Бакатина, работали около 500 тысяч человек, из них в центральном аппарате 73 тысячи.

Всем этим необъятным хозяйством заведовал человек с непроницаемым лицом, не умевший шутить, и с непонятным происхождением — Юрий Владимирович Андропов. Сын Евгении Карловны Флекенштейн — приемной дочери богатых часовщиков-евреев, подданных Финляндии, и Владимира Константиновича Андропова, железнодорожного служащего, родом из казаков, Андропов старался обходить свое детство молчанием. Равно как не говорил и

о своем первом браке и неудавшемся сыне, жившем и спившемся в Тирасполе. Но при всей своей личной закрытости — по закону дополнения, как бы сказал Солженицын, — Андропов пописывал неплохие любительские стишки, мог спеть в компании, подбирал к себе в помощники «либералов», которые и веселили его.

Владимир Крючков к либералам-интеллектуалам, обслуживавшим секретаря ЦК КПСС, а после — председателя КГБ, таким как Александр Бовин или Георгий Арбатов, не относился. Его амплуа было обеспечение канцелярской работы для шефа, бумагооборот, планирование рабочего дня. В этом плане он сразу стал одной из самых влиятельных фигур внутри КГБ, хотя и «теневых». Понятно, что определение «теневой» для такой закрытой организации показывает дважды закрытость Крючкова для публики.

После того как Андропову при помощи Крючкова удалось выстроить работу КГБ так, как он считал нужным, он задумался о будущем своего незаменимого порученца. Владимиру Крючкову уже исполнилось 46 лет, когда Андропов завел с ним соответствующий разговор. Собственно, нужды передвигать Крючкова куда-то еще не имелось. Для многих пост руководителя секретариата был бы венцом карьеры, несбыточной мечтой. Однако Андропов, видимо, считал необходимым поощрить исполнительного помощника, а может, видел в нем потенциал, готовность и способность играть самостоятельную роль. Но прежде шеф КГБ определился с преемником Крючкова по секретариату — новым главным канцеляристом спецслужбы стал Павел Павлович Лаптев, который прошел схожий путь — тоже поработал в прокуратуре и комсомоле, окончил ту же Высшую дипломатическую школу МИДа и работал в ЦК КПСС в отделе соцстран.

Андропов решил «бросить» Владимира Крючкова на укрепление разведки. К тому времени уже 15 лет Первым главным управлением (ПГУ) КГБ СССР — внешней разведкой — руководил Александр Михайлович Сахаровский. Требовалась свежая кровь. Но Андропов поступил дипломатически тонко. В 1971 году Сахаровского сменил его первый зам Федор Константинович Мортин, а Крючков был назначен, в свою очередь, первым замом и оставался им три года, входя в курс дела. И только в возрасте пятидесяти лет, в 1974-м он стал начальником ПГУ. Как раз в это время, в 1972 году, внешняя разведка переехала в новую штаб-квартиру в Ясеневе — 22-этажное здание в лесу за МКАД (отсюда его название на жаргоне чекистов — «Лес»), построенное по финскому проекту. Так что территориально Крючков от Андропова находился теперь довольно далеко. Этим таинственным размещением словно подчеркивался особый статус разведки. У Владимира Крючкова, таким образом, имелась не просто своя структура, но и комплекс помещений, где он был царь и бог. Численность сотрудников ПГУ, по некоторым подсчетам, составляла 8,5—9 тысяч человек.

На фото конца 1960-х — начала 1970-х Крючков еще совсем не тот рано постаревший, седой человек, подслеповато смотрящий через очки, каким мы привыкли видеть его, когда он в конце 1980-х годов стал публичной фигурой. Напротив, это круглолицый, лобастый, прямо и уверенно смотрящий перед собой мужчина средних лет, не субтильного сложения. На Леонида Ильича Брежнева при представлении перед назначением на должность в самом конце 1974 года он произвел благоприятное впечатление, и генсек даже прослезился. Хотелось прослезиться и Крючкову, когда он увидел, в каком немощном состоянии находится лидер государства. Хорошо еще, что Андропов заранее предупредил его о болезни Брежнева. Но, несмотря на физическую слабость, генсек до последних дней внимательно следил за работой КГБ и принимал основные решения. Так, за полгода до смерти он назначил преемником Андропова, вернувшегося в ЦК (тоже знаменательный кадровый ход!), Виталия Васильевича Федорчука, совсем не близкого Юрию Владимировичу человека.

В послесталинские времена разведка стала считаться главной задачей КГБ. Репрессивные функции отошли на второй план, и недаром ПГУ имело в структуре КГБ номер один. Не случайно с конца 1960-х годов началась целая волна фильмов про советских разведчиков — и «Ошибка резидента», и «Мертвый сезон», и «Щит и меч», и «Путь в “Сатурн”», и как апофеоз — «Семнадцать мгновений весны».

Достижений у разведки было немало. Самым главным являлось проникновение в атомные секреты Америки во время Второй мировой войны, что значительно облегчило задачу создания собственного ядерного оружия. Но парадоксальным образом основные достижения разведки относились к сталинским временам, когда в тех же США советские шпионы и агенты влияния буквально пронизывали всю структуру власти. К ним относились такие высокопоставленные чиновники, как Гарри Декстер Уайт — помощник министра финансов, а затем директор Международного валютного фонда от США, создатель Бреттон-Вудской валютной системы, Элджер Хисс — директор одного из отделов в Государственном департаменте США, входящий в число создателей ООН, председательствовавший на ее учредительной конференции в Сан-Франциско, член американской делегации на Ялтинской конференции, Локлин Карри — экономический советник президента Франклина Делано Рузвельта. В Великобритании члены «Кембриджской пятерки» также достигли высоких постов, Ким Филби даже стал одним из руководителей английской разведки МИ-6. Но уже к концу жизни Сталина большинство советских шпионов были разоблачены.

Успехи советской разведки в 1930—1940-х годах базировались на привлекательности коммунистической идеологии. Люди сами искали контакта с представителями СССР, чтобы сообщить секреты — так они думали внести свой вклад в построение справедливого общества.

Владимиру Крючкову же выпало работать в иное, меркантильное время. Конечно, еще оставались искренние идеалисты, видевшие в Советском Союзе образец для подражания, но они уже составляли меньшинство. Теперь надо было больше полагаться на тех, кто работал за деньги, стал жертвой шантажа или мстил за что-то своему начальству.

Вопреки мифам о разведке, созданным фильмами и книгами и у нас, и на Западе, в ней работали самые обычные люди. Тот же Крючков является тому примером — он был ничем не примечательным работником ЦК КПСС, которого передвинули в КГБ, а там уже и в разведку. Если обратиться к биографиям наших резидентов, да и нелегалов, в них нет ничего особенно выдающегося. Возьмем Павла Михайловича Фитина, руководителя разведки в 1939—1946 годах, когда и были получены наивысшие результаты. Он возглавил ее в возрасте всего тридцати одного года. Еще за полгода до своего назначения этот выходец из простой крестьянской семьи работал… заместителем редактора в издательстве «Сельхозгиз».

Владимиру Крючкову помогали дипломатическое образование и опыт, трудолюбие и прилежание, также отличная память. Леонид Владимирович Шебаршин, сменивший его на посту начальника разведки, вспоминал о своей первой встрече с Крючковым, тогда еще начальником секретариата КГБ. «В ходе проверки обнаружилось, что за мной уже несколько месяцев числится документ довольно деликатного содержания. У меня его нет. Начальник отдела смутно припоминает, что он, как ему кажется, мог передать этот документ начальнику секретариата КГБ Крючкову для доклада Ю. В. Андропову, и советует мне обратиться к Крючкову. Секретариат комитета для простых смертных — учреждение таинственное, могущественное, и лучше дела с ним не иметь. Но потерять документ никоим образом невозможно, я иду с девятого этажа старого здания на Лубянке на третий этаж, разъясняю генерал-майору Крючкову, зачем я его беспокою. В этот момент Владимир Александрович удивил меня своей памятью. Услышав название документа, попавшего к нему несколько месяцев назад, он немедленно открыл сейф и из толстенной пачки бумаг сразу же достал именно то, что требовалось. Мне показалось, что я имею дело с человеком в каком-то отношении необыкновенным».

Кроме того, в разведке Владимир Крючков оказался после четырех лет работы в КГБ на очень ответственном посту. Важнейшим фактором его успехов было и личное доверие Юрия Андропова, с которым он теперь общался хоть и не каждый день, как прежде, но чье внимание и поддержку получал неизменно. Однако теперь Крючков находился на самостоятельной работе и должен был повседневно решать множество не только чисто профессиональных, но и управленческих задач.

Крючков пришел в разведку как эмиссар Андропова. Ветераны ПГУ относились к нему поначалу с недоверием. Недаром он в своих мемуарах ничего не пишет о предшественниках — видимо, болезненно относился к

сравнению с ними. В разведке собирались люди, которым был свойствен снобизм по отношению к пришельцам со стороны, чужаков там принимали неохотно. Само ПГУ также делилось на кланы по географическому принципу. Работавшие в нем считались элитой КГБ, служить там было престижно — возможность подолгу бывать за рубежом, соответственно, закупаться в тамошних магазинах, доступ в высшие сферы политики, сравнительно «чистая», интеллектуальная служба.

Крючкову пришлось одновременно и убеждать в своем профессионализме, и твердо проводить линию на недопущение групповщины, интриг, отгороженности разведки от других подразделений КГБ. Шебаршин вспоминал: «Обладал Владимир Александрович и незаурядным умением находить выход из сложных ситуаций. В. А. Крючков, назначенный на должность первого заместителя начальника разведки, сразу этой специфики не уловил. Сделали естественную ошибку и профессионалы руководители, применившие к Крючкову обычную тактику — неформальные договоренности, массированное давление с разных, казалось бы никак не связанных между собой, сторон, навязывание готовых, не подлежащих критике и обсуждению, решений. Крючков выдержал нажим. Его перспектива была определена заранее… К тому времени он уже разобрался в существовании в ПГУ неформальных структур, распознал механизм их формирования и функционирования и приступил к систематической борьбе с ними».

Структура ПГУ была многосоставной. Во-первых, линия резидентов, действовавших обычно под посольским прикрытием (то есть формально являвшихся сотрудниками МИДа либо журналистами и т. д.). Их не любили коллеги-дипломаты, называя «соседями» и считая их за бездельников и карьеристов, не зная в полном объеме о их работе. Во-вторых, линия нелегалов, то есть лиц, не имевших дипломатической неприкосновенности и работавших в стране пребывания под «легендой» — с вымышленными именами и фальшивыми либо не принадлежащими им документами (таковым являлся знаменитый Рудольф Абель, в реальности Вильям Фишер, законспирированный как владелец фотоателье). В-третьих, радиоэлектронная разведка. В-четвертых, разведка с территории СССР, то есть вербовка иностранцев, использование советских граждан, выезжающих за границу, и т. д. Имелись и собственная контрразведка (ее одно время возглавлял небезызвестный Олег Калугин), и институт (после 1984 года получивший имя Андропова), готовивший разведчиков, и служба дезинформации, и служба аналитики, и даже диверсионное подразделение, научно-исследовательский институт разведывательных проблем.

Интересы советской разведки в 1970—1980-е годы простирались по всему миру, но главным объектом работы являлись, конечно, Соединенные Штаты — «главный противник», как их называли чекисты

между собой. Именно на американском направлении были сосредоточены основные усилия ПГУ. Необходимо было знать точный оборонный потенциал США, внутриполитический расклад, добывать новинки науки и техники, особенно военного применения, получать информаторов в спецслужбах и вооруженных силах. К этому времени ФБР уже не повторяло ошибок времен Второй мировой войны, когда советские агенты действовали почти беспрепятственно. Не дремало и ЦРУ, которое со второй половины 1950-х годов перешло в наступление и активно вербовало своих агентов за «железным занавесом» — то, чего в прежние времена нельзя было себе представить. Так что советской разведке в 1970-х годах приходилось действовать в более сложных условиях, чем во время войны, когда американцы воспринимали Москву как друга, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем не менее Крючкову было чем гордиться, его людям удалось завербовать, например, таких агентов в спецслужбах и вооруженных силах США, как Эдвард Ли Говард, Олдрич Эймс, Роберт Ханссен, Гленн Майкл Соутер, Джон Энтони Уокер.

Одновременно шла работа и против НАТО, крупных европейских государств. На этом направлении Владимир Крючков действовал в тесном сотрудничестве с коллегами из спецслужб соцстран, в первую очередь ГДР, обладавшей наиболее сильной разведкой во главе с Маркусом Вольфом. При этом действовало негласное правило — не раскрывать друг перед другом источники информации, своих агентов. Иногда это приводило к негативным последствиям. Так, в разгар потепления отношений с ФРГ при канцлере Вилли Брандте, министерство государственной безопасности ГДР («Штази») продолжало свою операцию по внедрению в его ближайшее окружение своего агента — Гюнтера Гийома, дослужившегося до личного референта бундесканцлера. Его арест в апреле 1974 года послужил поводом для отставки Брандта в следующем месяце с поста главы правительства, что не могло не отразиться негативно на советско-германских отношениях.

На время работы Крючкова в разведке пришлось и потепление отношений СССР с Западом, и их последующее охлаждение. Рассматривая с позиций сегодняшнего дня происходившее тогда, нельзя не заметить, что вина в том, что на смену разрядке вернулась вновь конфронтация, лежит и на Соединенных Штатах Америки. Вместо того чтобы всячески поощрять Советский Союз к сотрудничеству с Западом (кульминацией чего явилось подписание акта в Хельсинки в 1975 году), американцы начали кампанию по борьбе за «права человека». В результате советские руководители, которые выросли в сталинские времена на пропаганде самого злобного антиамериканизма, а еще раньше на ленинском черно-белом восприятии мира как борьбы труда и капитала, но которые смогли сделать вопреки впитанным установкам первые шаги навстречу Западу, ничего не получили от своей открытости, кроме потока оскорблений и инсинуаций. Это особенно заметно на фоне

того, как развивались отношения США с Китаем. Ричард Никсон совершил в 1972 году два прорывных визита — в Пекин и в Москву, играя на противоречиях между двумя ведущими коммунистическими странами. Однако от маоистского Китая, где ни о каких диссидентах не могло быть и речи и люди были низведены до положения винтиков, ни до, ни после американцы не требовали ничего по части прав человека и при этом вкладывали в него огромные деньги. А к либеральному на его фоне брежневскому СССР, с его расцветом самиздата, предъявлялись требования словно к стандартной демократической стране. Взять вопрос положения евреев — если при Сталине в 1952—1953 годах развертывались и дело Еврейского антифашистского комитета, и «дело врачей», обвиняемых по ним и расстреливали, и пытали, то уже меньше чем через пятнадцать лет — при Брежневе, по его личной инициативе и еще задолго до всякого давления Вашингтона, разрешили эмиграцию евреев в Израиль, являвшийся противником СССР, с которым в 1967 году порвали дипломатические отношения. Да уже за одно это Брежневу в порядке поощрения стоило присудить Нобелевскую премию мира. Ведь еще при Хрущеве нельзя было и заикнуться — «я еврей и хочу жить в Израиле». Но американцы поступили ровным счетом наоборот, приняв поправку Джексона—Веника, ставившую торговые отношения между СССР и США в зависимость от еврейской эмиграции. То есть за самыми первыми шагами к сближению и взаимопониманию незамедлительно учинялись провокации, делавшие невозможными нормальное развитие отношений. Вместо того чтобы убеждать советских руководителей, в массе своей твердолобых ортодоксов, еще вчера подручных Сталина, как, например, Алексей Косыгин, в том, что «Запад не кусается», что сотрудничество с ним перспективно и сулит конкретные выгоды — политика, которую проводили в отношении Китая, — их начали травить и пугать с новой силой.

Работа разведки шла на всех континентах, поскольку Советский Союз, как одна из двух сверхдержав на планете, расколотой холодной войной, имел интересы практически повсюду. В третьем мире страны также делились на союзников и врагов. После победы во Вьетнаме дружественные СССР силы восторжествовали в Камбодже и Лаосе. В том же 1975-м они пришли к власти в Анголе и в Мозамбике. Как и в Камбодже, в этих двух африканских странах вспыхнули гражданские войны, в которые Москва была тесно вовлечена. Годом ранее в Эфиопии левые военные свергли императора Хайле Селассие, и через три года страна перешла в советский лагерь. Правда, за этот геополитический успех пришлось заплатить потерей Сомали с его выгодным расположением в Индийском океане. Во вспыхнувшей эфиопо-сомалийской войне (1977—1978) СССР поддерживал Аддис-Абебу. На юге Африки неизменно оказывалась помощь борющимся с режимом апартеида Африканскому национальному конгрессу (АНК) в ЮАР и Народно-освободительной армии Намибии (СВАПО).

В Латинский Америке, после Кубы, в 1979 году настала очередь Никарагуа избрать антиамериканский просоветский курс. Затем разгорелась жаркая гражданская война в Сальвадоре (1979—1992), когда казалось, что тамошний режим вот-вот будет свергнут. Правда, в 1973 году в данном регионе СССР постиг тяжелый провал — свержение президента Сальвадора Альенде, в победу и удержание которого у власти было вложено много сил и средств. Это означало, что КГБ в сотрудничестве со «Штази» должны были вести против генерала Аугусто Пиночета войну — как пропагандистскую, так и вполне реальную, поддерживая и вооружая повстанцев Патриотического фронта имени Мануэля Родригеса (ПФМР), а ранее провернув операцию по освобождению (взамен на диссидента Владимира Буковского) лидера Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана, которому позже сделали пластическую операцию для конспиративной работы на родине.

Не прекращалось кровавое противостояние на Ближнем Востоке. Советский Союз выступал как союзник Организации освобождения Палестины (ООП), которая вела диверсионную борьбу против Израиля. Правда, Египет — до того важнейший союзник в регионе, при президенте Анваре Садате был потерян, но взамен оказывалась помощь другим «прогрессивным» режимам — в Сирии, Ливии, Южном Йемене и даже в Ираке, власти которого при этом истребляли коммунистов. Одновременно СССР был замешан в очень сложный межконфессиональный конфликт в Ливане. Во всех случаях участие разведки было неизбежным и самым активным.

В Южной Азии СССР решительно поддерживал Индию, с руководством которой во времена премьер-министра страны Индиры Ганди удалось наладить стратегическое партнерство, которое привело к разгрому Индией в 1971 году Пакистана — американского союзника — и его распаду. В том, что Индия выступала надежным другом Советского Союза, огромную роль сыграла разведка. Страна была демократической, и потому правительство формировалось по итогам выборов. Для Кремля было крайне важным удержать у власти Индиру Ганди в условиях хаотичной политической системы, расколов в ее собственной партии — Индийский национальный конгресс (ИНК), столкновения самых разных конфессиональных, этнических, региональных интересов. Для этого через советских разведчиков передавались суммы в несколько миллионов рупий как для партийного аппарата ИНК (с ведома Индиры Ганди), так и отдельным политикам, шедшим на выборы, попадание которых в парламент считалось отвечающим интересам Советского Союза.

Согласно «архиву Митрохина» (работника ПГУ, перебежавшего в 1992 году в Великобританию с накопленным им за несколько десятилетий собранием секретных выписок из документов) в 1978 году в индийских спецслужбах было десять завербованных КГБ агентов. В 1977-м советская разведка финансировала избирательные кампании

двадцати одного политика, среди которых — четыре федеральных министра. В 1973-м КГБ спонсировал десять газет, не считая новостных агентств. В 1975-м, в разгар политического кризиса, с целью поддержки Индиры Ганди ПГУ инициировало появление 5510 статей.

Противостояние между Индией и Пакистаном породило ядерную гонку на юге Азии, которую тоже должен был отслеживать КГБ. Чекисты лоббировали на самом высоком уровне индийского истеблишмента интересы советского ВПК, чтобы в Дели покупали оружие и технику производства СССР. Для этого, например, оказывалась денежная поддержка избирательной кампании министра обороны Кришны Менона. Через завербованного дипломата индийского посольства в Москве по кличке «Прохор» КГБ получил доступ к зашифрованной переписке посла с его МИДом.

Хуже складывались дела у разведчиков в отношении другой великой державы континента — Китая. В отличие от Индии, деятельность немногочисленной советской колонии в Пекине плотно контролировалась китайскими спецслужбами. Свободно по стране разъезжать советские граждане не могли, да и общаться с китайцами в неформальной обстановке также. В известном смысле они находились примерно в том же положении, что и западные дипломаты в Москве при Сталине. Так что Поднебесная в известном смысле была для КГБ *Terra incognita*. Возможно, в этом кроется одна из причин, что в перестройку советские руководители не думали интересоваться китайским опытом реформ.

А ведь в той же Азии надо было еще следить за быстро растущими антикоммунистическими «тиграми» — режимами в Южной Корее и Тайване, заниматься помощью индонезийским коммунистам, почти под корень выведенным президентом Сухарто в третьей по численности стране региона, мониторить ситуацию в Японии, где проблема «северных территорий» никогда не снималась с повестки дня. Надо было пытаться попасть в страны, с которыми у СССР не имелось дипломатических отношений, — Израиль и Саудовскую Аравию, каждая из которых была по-своему важна и которые являлись яростными противниками по отношению друг к другу. Самым известным советским шпионом в Израиле в те годы стал Шабтай Калманович, впоследствии известный авторитетный бизнесмен.

Важным направлением деятельности разведки всегда оставалось получение промышленных секретов с Запада. Этим в составе ПГУ занималось целое научно-техническое управление. СССР хронически отставал в технологическом состязании в силу устройства своей экономики. К тому же существовал запрет на импорт в Советский Союз новейших технологий, которые могли бы использоваться в оборонном секторе, что отслеживал Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ), специально созданная международная организация. Сам Крючков вспоминал как свою особенную заслугу, что его

сотрудникам удалось добыть информацию по обеспечению безопасности атомных станций — как раз незадолго до Чернобыльской аварии. Однако полученные сведения не заинтересовали Министерство энергетики и электрификации — пример, показывающий, что информацию мало добыть, надо еще уметь ею правильно распорядиться.

На Западе в 1970-е годы происходила информационная революция, появились персональные компьютеры, молодые ребята — Билл Гейтс, Стивен Джобс, которым едва перевалило за двадцать, — совершали удивительные изобретения, которые переворачивали мир. В СССР же в это самое время судьбы ЭВМ решали старики в министерствах, и поставляемые разведкой сведения о новейших технологиях в информатике оседали в кабинетах. Даже если кто-то в СССР и понимал огромное значение компьютеров, то все равно в имеющихся условиях не мог повлиять на скорость и масштаб их разработки. Для создания атомной бомбы, на что были брошены все силы государства, научно-техническая разведка еще могла играть ведущую роль, но в дальнейшем шпионаж в этой сфере уже не мог «вывозить» на себе технический прогресс. Нужны были коренные изменения всей системы. Пример с добытыми с огромным трудом и оказавшимися невостребованными сведениями по атомной безопасности убедил в этом Владимира Крючкова, что и стало одной из причин того, что он практически до самого последнего момента поддерживал Михаила Горбачева. Крючков, как человек, отвечавший в том числе за снабжение СССР последними новостями науки и техники, слишком хорошо знал об отставании родной страны от Запада и потому был сторонником реформ.

Что касается «мокрых дел», которыми чекисты особенно «прославились» в 1930-е годы, то после бегства в 1961 году убийцы Степана Бандеры — Богдана Сташинского, который своими откровениями наделал много нежелательного для СССР шума, был введен запрет на убийства кого бы то ни было. Советский Союз 1960—1980-х годов уже вступил в свою «вегетарианскую» пору. С теми же Сахаровым и Солженицыным, которых при Сталине немедленно бы расстреляли, а при Хрущеве на долгие годы упекли бы за решетку, при Брежневе поступали более чем гуманно — один отправился в ссылку в Горький, второго выслали за границу. Так же относились и к политическим противникам за рубежом. Перебежчиков предпочитали дискредитировать, шантажировать, склоняя к возвращению, или просто о их бегстве замалчивалось. К тому же в то время на Западе уже не было сколь-нибудь влиятельной эмиграции, которая могла бы всерьез угрожать стабильности СССР. Ни «вторая», ни «третья» ее волны не представляли серьезной угрозы. В перестройку это подтвердилось — влияние эмигрантских кругов на политические события в СССР и Российской Федерации было близким к нулю. Какой-нибудь Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС) представлял собой

тусовку маргиналов, хотя и пугал кого-то в Москве самим фактом своего существования.

За все время руководства Владимиром Крючковым ПГУ было осуществлено лишь одно похищение, приведшее к смертельному исходу. В декабре 1975 года в Вене был захвачен Николай Артамонов, капитан эсминца Балтийского флота, в 1959 году бежавший в Швецию и передавшийся американцам. Похищали его не с целью привести в исполнение смертный приговор, вынесенный 16 лет назад, по свежим следам после побега, — это было бы слишком затратно. Перебежчик был нужен для допроса как носитель важной информации, поскольку его задействовала в своих играх американская разведка. Руководил операцией начальник отдела контрразведки ПГУ Олег Калугин. Артамонова удалось похитить, но от дозы усыпляющего средства и условий транспортировки у него отказало сердце, и он скончался прямо на границе. Операция, таким образом, была сорвана. Более того, неудача опять нанесла удар по имиджу СССР, представив его похитителем людей. Однако Крючков прикрыл своего незадачливого подчиненного, и Калугин отделался легким испугом, хотя с того времени начальник ПГУ стал относиться к нему подозрительно.

Контрразведка занимала особое место в работе разведывательного управления, поскольку последняя тесно связана с секретностью и обеспечением безопасности, на что Крючков всегда обращал особое внимание. Резидент ПГУ в Нью-Йорке Юрий Иванович Дроздов вспоминал об установочной беседе с Крючковым: «Как всегда, был краток, рекомендовал попытаться внести в работу свой наступательный метод, не похожий на то, к чему уже привыкли американские спецслужбы. Сотрудники резидентуры должны почувствовать, что приехал свежий человек. Нужно снять с коллектива напряжение ожидания нового руководителя, расположить его к себе и добиться откровенности. При этом — никаких любимчиков, на сильных, средних и слабых не делить. Беречь и укреплять положительные традиции резидентуры и авторитет моих предшественников, которые сделали много полезного за годы своей деятельности в Америке. Главное — организация активной оперативной работы. Начальник разведки подчеркнул особую важность конспирации, тщательного изучения всех американских объектов, призывал, учитывая активность американских спецслужб, быть недоверчивым, сомневающимся в оценке “чистоты” контактов и связей».

История советской разведки 1970—1980-х годов — это и история перебежчиков, которые оставались на «той» стороне, унося с собой порой секреты огромной важности, включая информацию о завербованных зарубежными спецслужбами шпионов. Первый же год работы Крючкова в ПГУ запомнился побегом Олега Лялина, сотрудника резидентуры в Лондоне. Как следствие, Британия выслала в 1971 году 105 наших дипломатов, чем нанесла огромный ущерб деятельности ПГУ

в стране. Владимир Пигузов, секретарь парткома Краснознаменного института КГБ СССР имени Ю. В. Андропова, передавал на протяжении долгого времени списки обучавшихся, нейтрализуя тем самым усилия советской разведки. Герой Советского Союза Алексей Кулак сотрудничал с ФБР и ЦРУ. Полковник Владимир Ветров из научно-технической разведки до своего ареста в 1982 году успел передать французской контрразведке *DST*[1] имена 250 советских оперативников по всему миру. Самым же известным советским перебежчиком стал работавший на британскую МИ-6 Олег Гордиевский, заместитель резидента в Лондоне, который сумел бежать прямо из Москвы — его перевезли через финскую границу англичане в багажнике машины с дипломатическими номерами в 1985 году. Несколько парадоксальным образом волна разоблачений американских агентов в ПГУ прошла уже в перестройку, незадолго до развала СССР, когда были арестованы и казнены Леонид Полещук и Геннадий Сметанин. Разоблачение их и других шпионов стало возможно благодаря Олдричу Эймсу, работавшему в ЦРУ как раз на советском направлении.

Немалое количество предателей (а они имелись и в других структурах — в ГРУ, например, генерал Дмитрий Поляков — самый высокопоставленный шпион за все время существования СССР; к американцам ушел Аркадий Шевченко — заместитель Генерального секретаря ООН, до того — помощник министра иностранных дел Андрея Громыко) заставляли Владимира Крючкова с большим недоверием относиться к людям — профессиональная болезнь любого руководителя спецслужб.

Но едва ли не важнейшей задачей Владимира Крючкова после 1978 года был Афганистан. С ноября того года он, кстати, прибавил к своей должности — начальник Первого главного управления — приставку «заместитель председателя КГБ», свидетельство доверия и поощрения со стороны Юрия Андропова и лично Леонида Брежнева. В апреле 1978 года неожиданно для СССР, и в том числе для его спецслужбы, в Афганистане произошла революция.

Начиная с 1930-х годов у Советского Союза с Афганистаном были самые наилучшие отношения. Горная отсталая страна, отрезанная от выхода к морю, побаивалась великого соседа, а Москва, в свою очередь, вполне удовлетворялась нейтралитетом Кабула, тем, что он не создавал для нее проблем. СССР оказывал разнообразную помощь соседней стране, не пытаясь вмешиваться в ее внутреннюю политику. Все 40 лет правления Мухаммеда Захир-шаха — с 1933 по 1973 год — король старался держаться между Западом и Востоком, проводя курс на умеренную и очень осторожную модернизацию крайне консервативного общества. В этом его политика была типична для исламского Востока своего времени. Но Афганистан преследовали те же беды, что и другие мусульманские страны — с одной стороны, желание поспешных реформ, с другой — фундаменталистская реакция на перемены. В Египте, Ливии,

Ираке первая тенденция привела к свержению монархий и установлению светских военных диктатур. Вторая тенденция восторжествовала в странах Аравийского полуострова, богатых нефтью, а в 1979 году и в Иране, где, впрочем, к власти в результате исламской революции пришли не заскорузлые монархисты-традиционалисты, а скорее республиканцы-фанатики.

Сегодня понимаешь, что в исламском мире успеха добивались те страны, которые не спешили экспериментировать. Наивысший жизненный уровень поддерживается именно в Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре, Саудовской Аравии и т. п. И дело здесь не в нефти, она есть и в Ираке, и в Ливии, где короли были свергнуты, а именно в том, что общество не подвергалось разного рода «прогрессивным» экспериментам. Принцип «поспешай медленно» и здесь доказал свою истинность.

Афганистану не удалось остаться в стороне от устремлений своего времени. Нефти в нем не было, народ жил бедно, и потому та часть верхушки, которая по тем или иным причинам находилась в оппозиции королевскому двору, негодовала оттого, что страна по-прежнему находится на обочине прогресса. Мухаммед Дауд, близкий родственник короля и бывший премьер-министр, ставший центром сосредоточения сил, нелояльных монарху, организовал в 1973 году переворот во время визита Захир-шаха в Италию и стал во главе государства. Афганистан был провозглашен республикой, а Дауд — президентом. Корни будущих проблем страны были заложены именно тогда. Легитимность новой власти изначально была поставлена под сомнение. Резкие перемены, хотя и несоциалистического типа, ожесточили духовенство, которое начало борьбу с новым режимом, будущие вожди душманов — Гульбеддин Хекматияр, Бурхануддин Раббани эмигрировали в Пакистан и заявили о себе как раз в то время. Советский Союз принял к сведению перемену власти в Афганистане и продолжал поддерживать дружеские отношения и с новым правительством.

Но через пять лет последовала очередь самого Дауда. Из-за убийства одного из активистов марксистской Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) и ареста ее лидеров, таких как Бабрак Кармаль и Нур Мухаммед Тараки, сторонники последней, из числа офицерства, окружили и взяли штурмом президентский дворец. При этом и президент, и члены его семьи были убиты. Революция, или скорее военный переворот, победила. Власть оказалась в руках левых политиков просоветской ориентации. На плечи СССР упал нелегкий груз в виде нового союзника. Москва не могла отречься от Афганистана под властью НДПА, которая провозгласила ориентацию на Советский Союз, это было следствием господствующих идеологических установок.

Однако «приобретение» с самого начала оказалось проблемным. Во многом еще средневековая страна не просто не воспринимала «прогрессивные» преобразования, сводившиеся к борьбе с религией,

устоявшимися бытовыми обычаями, ломке традиционных отношений в обществе и в землепользовании, но и активно им сопротивлялась. Практически сразу начали вспыхивать мятежи и восстания, благо уже имелись вожди сопротивления, выдвинувшиеся при Дауде. Еще хуже было то, что небольшая НДПА, захватившая власть в стране, была изначально расколота на две враждебные фракции — «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ»). Борьба между ними продолжилась и после революции, накладываясь на все более ужесточающийся террор по отношению к населению.

Уже в мае 1978 года правительство Тараки запросило помощи в виде советников из КГБ, летом того же года было создано представительство КГБ в Афганистане и подписано соглашение о сотрудничестве между спецслужбами двух стран. В июле Кабул посетил Владимир Крючков, приехавший для рекогносцировки и анализа ситуации. Он встретился с революционным главой Афганистана Мухаммедом Тараки — плодовитым писателем, но одновременно весьма фанатичным политиком, не жалевшим людей для воплощения своих планов, и его первым заместителем энергичным и хитрым Хафизуллой Амином. Позднее Крючков вспоминал, что его неприятно поразили наивность и утопизм Тараки и жесткость и беспощадность Амина. Но, вероятно, он проецировал последующее свое отношение к этим лидерам на их оценку в прошлом. СССР продолжал поддерживать НДПА, впрочем, альтернативы этому курсу не было. Москва не могла отказаться от своей риторики о социализме и его продвижения по планете. Афганская революция служила подтверждением правоты марксистской идеологии, а от союзников не принято отказываться.

Обращения за военной помощью к Советскому Союзу последовали уже в начале 1979 года в обстановке уже идущей де-факто гражданской войны. Лидеры в Кабуле понимали, что теряют власть, а своими силами справиться с «контрреволюцией» не в состоянии. Однако советские руководители поначалу отказывали в той просьбе. И Брежнев, и другие члены политбюро решительно выступали против вооруженного вмешательства в дела Афганистана. К тому времени в высшем руководстве уже сложилась группировка наиболее приближенных к генеральному секретарю лиц — Дмитрий Устинов, министр обороны, Андрей Громыко, министр иностранных дел, и Юрий Андропов, председатель КГБ. Вчетвером они и принимали все принципиальные решения во внешней политике. Важно отметить, что все трое ближайших соратников Брежнева на момент его прихода к власти в 1964 году не были членами политбюро. Андропов и Громыко вошли в него в 1973 году, Устинов в 1976-м. Владимир Крючков, как ближайший помощник Андропова по разведке, играл важнейшую роль, поставляя для политбюро информацию об обстановке в Афганистане.

В сентябре 1979 года ситуация ухудшилась — Амин сверг Тараки, которого затем задушили подушками. Еще раньше советской разведке

пришлось вывозить из Афганистана ряд высокопоставленных деятелей НДПА, которые могли пасть жертвой интриг Амина. Впрочем, его фигура демонизировалась после вторжения СССР в Афганистан.
На самом деле Амин ничем не отличался от других своих коллег. Все они выступали за террор, за беспощадную ломку сложившихся общественных отношений. И все они боролись за власть между собой, не брезгуя никакими методами. Просто Амин оказался хитрее и сильнее остальных. Что касается свержения Тараки, то оно произошло в ответ на покушение на жизнь Амина, когда тот приехал к президенту. Но Брежнев испытывал особенно теплые чувства к Тараки и воспринял его гибель как личное оскорбление. То, что разведка поставляла о Тараки информацию, что он может передаться американцам или даже является агентом ЦРУ, не отвечало действительности. Скорее это было желание угодить заказчику.

Амин до последних дней продолжал направлять обращения к Москве с просьбой ввести войска ввиду все более ухудшающейся ситуации.
В Кремле стояли перед нелегким выбором — допустить крушение режима НДПА теперь означало получить на своих южных границах сугубо враждебный режим. После полутора лет правления НДПА, которая опиралась на помощь Советского Союза и которая совершила немало кровавых дел, нельзя было надеяться на мирное сосуществование с ее исламистскими преемниками, а на смену прийти могли только они. «Исламский фактор» как раз в этот год встал во всей своей остроте.
В январе 1979 года был свергнут шахский режим в Иране. Вместо шаха, при всей своей проамериканской ориентации, относившегося к СССР достаточно дружелюбно, на южных рубежах появился непредсказуемый режим, выступавший с резкими нападками на политику Москвы.
Поначалу советская пропаганда пыталась представить события в Иране как крупный провал Америки, но вскоре в Кремле убедились, что они ничего не выиграли от фиаско американцев.
По обоим берегам пограничной реки Пяндж жили таджики, кроме того, в Афганистане проживали туркмены и более миллиона узбеков. Поэтому обстановка в этой стране влияла на ситуацию в Средней Азии и избежать этого было невозможно. Кроме того, сам факт падения советского друга и союзника имел бы самые негативные последствия для имиджа СССР, говорил бы о его слабости и неспособности защитить дружественное государство. Кроме того, Амин мог бы запросить помощи у Китая, с которым Советский Союз продолжал находиться в геополитической конфронтации. Единственной альтернативой было введение войск для спасения революционного режима.

Но при этом спасать предполагалось вовсе не Амина, его Москва уже списала со счетов. Он должен был быть отстранен от власти вооруженным путем, ему на смену готовили Бабрака Кармаля, вынужденного уехать послом в Чехословакию, лидера враждебной фракции «Парчам» (Амин и Тараки принадлежали к «Хальку», что

не мешало им в итоге поссориться). К концу года в политбюро уже никто не выступал против введения войск, понимая неизбежность этого шага. Но СССР не был правовым государством, все решали несколько человек, для вторжения не требовалось санкций Верховного Совета. 12 декабря 1979-го политбюро приняло невнятный документ:

«К ПОЛОЖЕНИЮ В “А”

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т.т. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А. Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро ЦК. Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить т.т. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий».

Как видим, тремя главными организациями, отвечавшими за Афганистан, были МИД, Министерство обороны и КГБ. На долю последнего, а конкретно Владимира Крючкова, выпало участие в важнейшей задаче — свержение Амина и его замена Бабраком Кармалем. Он вылетел в Прагу, чтобы скрытно вывезти последнего на советскую базу в Ташкенте, откуда предполагалось перебросить его в Афганистан, но в последний момент Андропов решил, что Крючкову не нужно «светиться» и лично встречаться с Кармалем. В операции «Шторм-333» по штурму резиденции Амина принимали участие заместители Крючкова — Юрий Дроздов, Вадим Кирпиченко, Борис Иванов. Погибший при штурме начальник спецназа Григорий Бояринов также работал в структурах ПГУ. Операция была детально отработана. В окружение Амина внедрили агентов, которые попытались отравить его, но вызванный советский врач, не предупрежденный о том, что отравление запланировано, привел его в чувство. Несмотря на гибель нескольких человек, в том числе пяти из КГБ, операцию можно было считать осуществленной, все заняло 40 минут, Амин был ликвидирован, хотя его предполагалось арестовать. Бабрак Кармаль выступил по радио с обращением о наступлении «второго этапа» революции.

Но свержение Амина и ввод войск в Афганистан не означали победы. Первоначально предполагалось, что армия пробудет «за речкой» недолго, до укрепления режима, а потом будет выведена. Но «недолго» растянулось почти на десять лет. Вторжение вызвало международный кризис и конец разрядки. Самым ярким последствием стали бойкот Московской олимпиады в 1980 году и эмбарго на поставки зерна из США, введенные президентом Джимми Картером. С позиций сегодняшнего дня понимаешь, что антисоветские санкции, отражавшие апокалиптический ужас, воцарившийся тогда на Западе, не являлись

адекватными ситуации. Но тогда в мире возобладала логика холодной войны и обострения борьбы, в которой опять на первое место выходила деятельность разведслужб, особенно после прихода к власти в январе 1981 года администрации Рональда Рейгана, взявшей курс на резкое увеличение военных расходов и глобальное противостояние советскому влиянию.

За годы войны США оказали вооруженную помощь афганским моджахедам на общую сумму три миллиарда долларов. Курировало каналы снабжения ЦРУ, чей директор Уильям Кейси много раз тайно посещал Пакистан, ставший важнейшим союзником Америки в Южной Азии ввиду его соседства с Афганистаном. Одновременно огромный поток финансов и оружия шел от Саудовской Аравии, частных исламских фондов (именно в роли сборщика средств, а позже воюющего добровольца начал свою карьеру Усама бен Ладен), а также Китая. По своей линии Иран поддерживал шиитскую «восьмерку» оппозиции (американцы, китайцы, пакистанцы, саудиты вооружали пешаварскую «семерку» суннитов). В тесном контакте с ЦРУ работала пакистанская разведка *ISI*[2]. Кульминацией поддержки моджахедов стали поставки им, начиная с 1986 года (уже во время перестройки в СССР!), переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер», драматически осложнивших положение советских войск.

Всему этому потоку оружия, советников и боевиков, а также информационному давлению должна была противостоять советская разведка, одновременно работавшая и в самом Афганистане. Так что Владимир Крючков гораздо чаще, чем Уильям Кейси, посещал опасный регион, по его собственным подсчетам, около тридцати раз. Его людям пришлось и изыскивать способы заводить агентуру в отрядах моджахедов, и проникать в лагеря беженцев в Пакистане, и работать против *ISI* и других спецслужб, в первую очередь ЦРУ, китайских и иранских. Через Афганистан прошли тысячи чекистов, и он стал хорошей школой для всех — разведчиков, контрразведчиков, охраны и т. д. Став генеральным секретарем, Михаил Горбачев узнал Владимира Крючкова в первую очередь именно по Афганистану.

Но до этого было еще далеко. В мае 1982 года из КГБ ушел долголетний патрон Владимира Крючкова — Юрий Андропов. Леонид Брежнев решил им заменить скончавшегося в начале года Михаила Суслова — секретаря ЦК КПСС по идеологии, должность, считавшуюся «номером два» в партийной иерархии. Суслов не входил в ближайшее брежневское окружение. Но с ним считались в силу его авторитета и занимаемого поста. Теперь же Андропов становился в полном смысле вторым секретарем ЦК — и ввиду полномочий (а это не только идеология, но ведение секретариата), и ввиду доверия Брежнева и близости к нему. Он де-факто и становился наследником Леонида Ильича, и это тоже все в руководстве понимали, поскольку на семьдесят шестом году жизни генсек совсем одряхлел.

Выбор именно Андропова был логичен и закономерен. На посту председателя КГБ он также занимался идеологией, отвечал за важнейшие вопросы жизни и безопасности страны, участвовал в составлении речей для Брежнева, был его ближайшим соратником и помощником. С точки зрения генсека, он хорошо проявил себя в роли главного чекиста, практически ликвидировав к 1982 году диссидентское движение. Да и на протяжении почти тридцати лет он был профессиональным комсомольским и партийным работником. Единственное, ему не хватало опыта работы на производстве.

Однако Брежнев так же в своем духе сделал и второй кадровый шаг — новым председателем КГБ он назначил Виталия Федорчука, человека Андропову постороннего, председателя КГБ Украины. Этого назначения никто не ожидал, да и для самого Федорчука оно было прыжком через несколько ступеней наверх. До Украины, где он проработал 12 лет, всю карьеру он прослужил в военной контрразведке и не отличался познаниями в мировой политике и, в частности, в разведке. Федорчук нужен был Брежневу для создания естественного противовеса Андропову. Впрочем, Владимир Крючков проработал под его руководством только полгода. В декабре того же 1982 года, сразу после смерти Леонида Ильича, Федорчука сменил Виктор Чебриков, работавший в центральном аппарате КГБ с 1967 года и гораздо более удобный для Андропова, ставшего генсеком. С Чебриковым и Крючкову было работать привычнее.

При новом генеральном секретаре для КГБ настал звездный час. На него возлагалась ответственность за наведение порядка в стране, подтягивание дисциплины. Конкурирующее правоохранительное ведомство — МВД — было буквально разгромлено, ненавистный Андропову Николай Щелоков снят с работы и исключен из партии, на его место пришел Федорчук, привлекший к работе множество чекистов.

Владимир Крючков в этих внутриполитических пертурбациях не участвовал. Ему хватало забот за рубежом. В начале 1980-х, после вторжения в Афганистан, международная обстановка обострилась и еще более ухудшилась после избрания президентом Рональда Рейгана.
С 1980 года полыхала ирано-иракская война. Летом 1982-го началось вторжение Израиля в Ливан, взорвавшее обстановку на Ближнем Востоке и притянувшее туда воинские контингенты США и других стран НАТО. В том же году произошел конфликт Аргентины и Великобритании из-за Фолклендских островов. В 1983-м случилось вторжение американских войск на Гренаду. Вовсю шли гражданские войны на территории союзников СССР — Никарагуа, Кампучии, Эфиопии, Анголы, Мозамбика. После вторжения 1979 года Китая во Вьетнам не прекращались столкновения на их границе. В Европе странами НАТО было принято так называемое «двойное решение» по размещению американских ракет средней дальности, против которого Советский

Союз вел мощную пропагандистскую кампанию. В декабре 1981-го военное положение было введено в Польше — с соответствующей реакцией на Западе. Через Одиннадцатый отдел ПГУ осуществлялась связь со спецслужбами социалистических стран, так что Восточная Европа также находилась в сфере внимания разведки. Не забудем и такой эпизод, как покушение на Рональда Рейгана в марте 1981 года — о его возможных последствиях Крючков также должен был докладывать политбюро.

К тому времени, отработав в разведке более десяти лет, он мог уже считаться крепким профессионалом, ни в чем не уступающим своему визави в США — директору ЦРУ Уильяму Кейси. Тот имел опыт в разведке во время Второй мировой войны, когда руководил вербовкой агентуры в Европе. Затем он сделал успешную карьеру на Уолл-стрит, став при президенте Ричарде Никсоне председателем комиссии по ценным бумагам, заместителем госсекретаря и главой Экспортно-импортного банка. При Джимми Картере он входил в консультативный совет по разведке при президенте. Кейси возглавил избирательную кампанию Рональда Рейгана и в награду получил пост директора ЦРУ с широчайшими полномочиями. Во всех смыслах это был опаснейший противник.

Владимир Крючков подобрал свою команду. Его первыми заместителями были Иван Алексеевич Маркелов и Вадим Алексеевич Кирпиченко. Если первый был политическим назначенцем, не имевшим отношения к разведке, но располагавшим обширными связями в аппарате КГБ, а в свою бытность начальником Рязанского КГБ, боровшимся с Солженицыным, то второй много лет провел в Египте, где являлся резидентом, был по образованию востоковедом и прекрасно знал регионы Африки и Ближнего Востока. Маркелова затем сменил Виктор Федорович Грушко — выпускник МИМО, бывший резидент КГБ в Норвегии, доверенный человек Крючкова, ставший в 1991 году его первым заместителем как главы КГБ. Среди его заместителей были такие профессионалы, как Яков Медяник, Юрий Дроздов и Николай Леонов, который станет широко известным в 1990-е годы.

1985 год Владимир Крючков встретил в начале седьмого десятка лет. Он был еще достаточно полон сил, хотя выглядел уже старовато. То, что Горбачев сменил прежних стариков, казалось ему само собой разумеющимся, и он связывал с ним немало надежд. То, что отношения с Западом дошли до крайней точки и необходимы шаги по их улучшению, также не вызывало сомнений. Нужно было решать и афганскую проблему, все больше превращающуюся в гангрену, отравляющую весь организм. Поэтому Владимир Крючков с энтузиазмом откликался на инициативы Горбачева как во внешней, так и во внутренней политике. Надо отметить, что как раз на начало перестройки пришелся пик удач ПГУ — Олдрич Эймс сдал много американских шпионов в советских спецслужбах, которые были

арестованы и расстреляны. Единственный, кому удалось уйти, — Олег Гордиевский, но он работал не с ЦРУ, потому и спасся.

Переговоры и консультации по Афганистану, в которых Владимир Крючков принимал активное участие, привели к подписанию в апреле 1988 года в Женеве соглашений о выводе советских войск к 15 февраля 1989 года. В ходе мирного урегулирования афганской проблемы ему пришлось много контактировать с новым министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, до того — первым секретарем грузинской компартии. Хотя Крючков никогда не пытался влиять на кадровую политику в высших эшелонах власти, он, узнав от Чебрикова, что Шеварднадзе планируют назначить в МИД, пытался отговорить руководство страны от подобного шага, считая, что тот, в силу своей полной неподготовленности для занятия такого поста, не сможет эффективно работать. Соглашения хотя и привели к окончанию участия советских войск в афганской войне, но они ничего не гарантировали, в частности, безопасности дружественного СССР режима. Моджахеды их не подписывали и продолжали воевать. Как вспоминал Крючков, в советских верхах Афганистан практически был списан со счетов, и ожидалось падение режима Наджибуллы вслед за выводом Советской армии. Крючков был в числе немногих, кто верил в его перспективы. И действительно, власть НДПА продержалась до 1992 года.

По Афганистану Владимир Крючков плотно работал с Михаилом Горбачевым. Возможно, именно тогда генеральный секретарь и решил, что именно Крючков станет преемником Чебрикова на посту главы КГБ. Тот слишком уж ассоциировался с прежними временами и наследием Андропова, что мешало в эпоху гласности и демократизации. Поэтому Горбачев предложил следующую кадровую перестановку — Чебриков переходит на пост секретаря ЦК, курирующего правоохранительные органы, а на его место назначается Владимир Крючков. Напомним, на тот момент он даже не являлся первым заместителем председателя КГБ, каковым был Филипп Денисович Бобков (другим первым заместителем числился Николай Павлович Емохонов, который отвечал за чисто технические вопросы, будучи инженером, и на руководство комитетом претендовать не мог), а всего лишь рядовым замом — начальником ПГУ.

В пользу кандидатуры Владимира Крючкова сработали следующие факторы. Он, как отмечалось выше, не был причастен к борьбе с диссидентами — в отличие от Бобкова. Как разведчик, хорошо знал окружающий СССР мир, не обладал провинциальностью и узостью взглядов. Крючков тесно работал с новой командой — Шеварднадзе и самим Горбачевым по афганской проблематике — и мог считаться в этом смысле «своим» человеком в КГБ. Также его хорошо знал «серый кардинал» — Александр Яковлев, 12 лет проработавший послом в Канаде и в таковом качестве близко сотрудничавший с разведкой, поскольку под крышей его посольства служило немало людей из КГБ.

Кроме того, Крючков, как и сам Горбачев, считался человеком Андропова, что их сближало.

С позиций сегодняшнего дня представляется, что ему не надо было соглашаться на предложение Горбачева. Все-таки по большому счету Владимир Крючков не был готов к тому, чтобы руководить КГБ. В тот момент на первый план выходили внутриполитические проблемы, в которых он слабо разбирался. Это обстоятельство сыграло свою роль во время подготовки и реализации ГКЧП, когда проявилась неподготовленность Крючкова к решению тех задач, на которые он замахивался. Возможно, его стоило назначить на должность министра иностранных дел — как спустя несколько лет поступил Борис Ельцин с Евгением Примаковым, переведя того из Службы внешней разведки в МИД. Там, в высотке на Смоленской площади, Крючков мог бы принести больше пользы со своим чутьем государственника.

Но, как бы там ни было, вопреки опасениям жены он согласился на предложение генсека и 1 октября 1988 года возглавил КГБ СССР. Для любого чекиста все-таки представлялось почетным занять место «железного Феликса». Второго шанса не будет — понимал Крючков, а завершить свою карьеру на Лубянке должностью председателя КГБ — предел мечтаний для любого чекиста. Кроме того, по сложившейся традиции это автоматически подразумевало вхождение в политбюро, то есть причастность к важнейшим государственным решениям.

Владимир Крючков занял пост главы спецслужбы в критическое время и для страны, и для ведомства. Процессы разрушения были уже запущены. Нагорный Карабах пылал, границу Азербайджана и Ирана прорывали толпы демонстрантов, и пограничники — подчиненные Крючкова — не могли их остановить. А через год-полтора погромы и столкновения происходили в Фергане, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье. В Прибалтике создавались народные фронты, в Грузии вышел на сцену Звиад Константинович Гамсахурдиа, Ельцин уже перешел в открытую политическую оппозицию после XIX партконференции и готовился к выборам народных депутатов. В печати при поддержке Александра Яковлева начинала преобладать линия журнала «Огонек». В ноябре 1988 года перестали глушить последний из западных голосов — радио «Свобода». Впервые за все годы советской власти СМИ начали критиковать Комитет государственной безопасности. Стала печататься ранее запрещенная литература, а цензура сдавала свои позиции. К тому времени были возвращены из ссылки и выпущены из тюрем практически все диссиденты. Стремительно росла коррупция, в сфере экономики стали совершаться преступления, о которых раньше не могли и помыслить — на всю страну прогремело дело кооператива «АНТ», созданного, как утверждалось, не без участия КГБ, который пытался вывезти за границу танки под видом тягачей, хотя именно Комитет госбезопасности принял активное участие в расследовании.

Вовне страны происходили аналогичные процессы. Несмотря на «горбиманию», охватившую мир, разрядку напряженности, переговоры с Америкой и Китаем, империя стремительно сдавала свои позиции. В 1989-м рухнуло «социалистическое содружество» в Европе. В августе того года было сформировано первое некоммунистическое правительство в Польше во главе с Тадеушем Мазовецким, и это воспринималось как сенсация, а к концу года во всех странах бывшего СЭВ прошли «бархатные революции». Правда, в Румынии она оказалась не бархатной, а весьма кровавой, с сотнями жертв и со скоропалительным расстрелом четы Николае и Елены Чаушеску. Про ситуацию в Афганистане после вывода советских войск написано выше. Восторг относительно лично Горбачева никак не распространялся на его государство. Та идея, с которой ассоциировался СССР в глазах его сторонников, быстро увядала. Владимир Крючков вспоминал: «1988—1991 годы для разведчиков, особенно нелегалов, были исключительно трудным временем. Они старались работать активно, проявляли инициативу, стремились в полном объеме выполнять поставленные задания. Какие тревожные, тяжелые письма они направляли в центр! Сколько в них было переживаний, непонимания!»

КГБ оказался в парадоксальной позиции — его поливали грязью с высоких трибун и в печати, полномочия постоянно обрубались, но в то же время от него требовали информации об оппозиции и противодействия развалу страны. Сотрудники дезориентировались. Свидетельством нелегкого выбора чекистов в то время служит судьба Владимира Путина, достаточно типичная. Вернувшись в самом начале 1990 года после пятилетней командировки в ГДР, он не узнал своей страны. Дальнейшие горизонты карьеры были неясны. В результате перспективный работник уволился и пошел работать на «демократов», разносивших в своих выступлениях Комитет госбезопасности. При этом те же «перестройщики» в лице Анатолия Собчака охотно воспользовались услугами кагэбэшника Путина.

Другие сотрудники КГБ попробовали себя в публичной политике, например, с разрешения начальства, они баллотировались в депутаты различных уровней, например начальник Иркутского КГБ Иван Федосеев, которого потом Владимир Крючков перевел в центральный аппарат. Но были и иные чекисты, избравшие путь активного отрицания своего прошлого и разоблачения «темных» тайн. Таким стал Олег Калугин, выходец из Первого главного управления, много лет проработавший разведчиком в США, после возглавлявший внутреннюю контрразведку ПГУ. В 1980-м его перевели первым заместителем начальника Ленинградского КГБ, и Калугин счел это понижением и оскорблением, хотя формально это было повышение. Но он хотел оставаться в разведке, работать в Москве или за границей. На время Калугин затаил свои чувства. В перестройку его вывели за штат, но оставили в действующем резерве КГБ, дав должность начальника

отдела режима Министерства электронной промышленности.
С 1990 года генерал-майор Калугин начал выступать с «разоблачениями» своей родной конторы.

Разумеется, реакция КГБ и лично Владимира Крючкова была резко отрицательной. Они не могли смириться с таким вопиющим предательством. Калугина лишили наград, генеральского звания, персональной пенсии. Но уже летом того же года Олег Калугин баллотировался на Кубани в народные депутаты СССР и победил с явным преимуществом — таковы были господствующие настроения в обществе, что он воспринимался как герой, пошедший против Системы. Леонид Шебаршин вспоминал: «Гонения, развернутые В. А. Крючковым против О. Д. Калугина, выступившего с открытой критикой КГБ, приняли беспрецедентный, не совместимый с новой общественной атмосферой характер. Столкнулись два непримиримых старинных врага. Калугин клеймил КГБ и лично Крючкова, выступал в печати и на митингах. Крючков действовал закулисно, чужими руками. Руководство ПГУ не питало симпатий к Калугину. Бунт генерала разведки, даже отставного, плохо сказывался на дисциплине. Его публичные выступления вызывали нервную реакцию у наших источников, опасавшихся за свою судьбу и за будущее службы, с которой они связали жизнь. (В перерыве между заседаниями XXVIII съезда КПСС главный редактор “Московских новостей” Е. В. Яковлев выразил мне свое возмущение решением о лишении О. Д. Калугина воинского звания и наград. Я изложил ему эти соображения. Он их, естественно, не разделил.) Мы, однако, предвидели издержки открытой конфронтации с отступником и пытались убедить Крючкова, что благоразумнее не привлекать внимание публики к Калугину, надо позволить ему выговориться. Думаю, что именно глубочайшая личная неприязнь к Калугину побудила Крючкова идти напролом. Тот же мотив, видимо, побуждал и Калугина ввязываться в прямую конфронтацию с председателем КГБ. Вся история, таким образом, уходила корнями во вторую половину семидесятых годов».

Владимир Крючков пытался создать свою команду, выдвигая на руководящие должности новых людей. После того как в январе 1991 года ушел в отставку первый заместитель Филипп Бобков, первыми замами председателя КГБ стали его старый соратник по разведке Виктор Федорович Грушко и (чуть раньше) Гений Евгеньевич Агеев, в прошлом партийный работник. Кроме того, двумя замами стали генерал-майоры Валерий Федорович Лебедев («аналитик»), которому было только 45 лет — детский возраст для организации, и Алексей Алексеевич Денисов («технарь»). Третьим «простым» замом был назначен генерал-лейтенант Иокубас Петровас («пограничник»). Тенденция к обособлению республик не обошла и госбезопасность. В мае 1991-го на модной волне было создано КГБ РСФСР, председателем которого назначили

сравнительно молодого выходца из Тюмени Виктора Валентиновича Иваненко, работавшего до этого в инспекторском управлении.

В силу своей должности Владимир Крючков был наиболее информированным среди советских руководителей, к нему стекались сведения о происходившем в стране, и уже он знакомил с ними Горбачева и других лидеров страны. Будучи умным человеком, он понимал — куда движется страна и что ее ждет. И осознавал это острее других. Поэтому именно он стал подлинным лидером ГКЧП, его отцом-создателем.

Но всей своей предыдущей жизнью он был воспитан так, что не мог прямо пойти против начальства. Горбачев в его глазах был пусть заблуждающимся, но «своим». В письмах Владимира Крючкова на имя президента СССР после провала ГКЧП это особенно явственно ощущается. Поэтому подготовить «переворот» он не мог, ГКЧП мыслился им как удобный инструмент для использования президентом. Если не Михаилом Горбачевым, то исполняющим обязанности Геннадием Янаевым. Иными словами, речь шла только о действиях нынешнего руководства страны в рамках его полномочий. Ничего похожего на Чили-73 со свержением президента, штурмом его резиденции быть не могло. Даже верхушечный переворот по образцу октября 1964-го в планах Крючкова не стоял.

То, что назвали «путчем», в его глазах должно было быть коррекцией курса, выполнением, может быть, неприятной, но необходимой работы. И при этом не расходящейся с конституцией. Да, ГКЧП готовился втайне, но Крючков полагал, что когда Горбачева уведомят о планах, он с ними согласится, а если нет, то просто будет на время оставлен не у дел, а потом, постфактум, согласится со всем сделанным и одобрит задним числом.

В этом и заключалась основная причина неудачи ГКЧП. Бесчисленные обвинения его организаторов в организационной бездарности, политической недальновидности и просто глупости, а то и трусости, не принимают во внимание данный факт. ГКЧП ни в коей мере не являлся классическим переворотом, направленным на захват и удержание власти. Ему даже трудно подобрать адекватное определение. Мировая история мало знает подобных прецедентов. Во Франции в 1630 году враги попытались путем интриг отстранить от власти кардинала Ришелье, и казалось, что им уже улыбнулась удача, когда мать-королева публично потребовала от сына — короля Людовика XIII — сделать выбор между ней и своим первым министром. Король дрогнул, поддался давлению, но к концу дня передумал и вернул незаменимого кардинала. Эти события вошли в историю Франции как «День одураченных». Наверное, подобным образом можно назвать и историю с ГКЧП.

Владимир Крючков как верный солдат партии, как ее представитель в органах КГБ был не способен на самостоятельную долгосрочную игру. К тому же он поднялся в верхний эшелон правящей элиты совсем

недавно, в конце 1988 года, только через год стал членом политбюро и чувствовал себя не вполне уверенно. Взять на себя ответственность он не мог по множеству причин — от состояния здоровья и возраста до отсутствия какого-либо практического опыта — работы на производстве, самостоятельного политического управления. В партии он был чиновником-исполнителем, в КГБ — тенью Андропова, его порученцем. Одного лишь руководства разведкой было маловато для успешного выведения сверхдержавы из тяжелейшего кризиса, и Крючков это ясно понимал. Его бесплодность в три дня ГКЧП — отражение этой реальности.

В феврале 1991 года под грифом «Совершенно секретно» председатель КГБ направил на имя президента СССР письмо «О политической обстановке в стране». В нем говорилось:

«Острый политический кризис, охвативший страну, поставил под угрозу судьбу перестройки, процессов демократизации, обновления общества. Стали явственными возможности развала единства Союза ССР, демонтажа общественно-политической и экономической системы. Спровоцированная решениями ряда союзных республик “война суверенитетов” практически свела на нет усилия по стабилизации экономики, резко осложнила условия для подписания нового Союзного договора. Под влиянием известных решений Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР конфронтация между Центром и союзными республиками получила мощный импульс. Глава Российского парламента вкупе с определенными силами, круги из теневого бизнеса явственно заявили свои претензии на создание “второго центра” в противовес государственному политическому руководству СССР. Этим не преминули воспользоваться для закрепления своих позиций практически все оппозиционные партии и течения. Усилились национал-шовинистические и сепаратистские тенденции во многих регионах страны.

Подтвердились наши оценки, что политика умиротворения агрессивного крыла “демократических движений” не в состоянии предотвратить возрастание деструктивных процессов, позволяет псевдодемократам беспрепятственно реализовывать свои замыслы по захвату власти и изменению природы общественного строя.

Опасность этой тенденции усугубляется ростом числа и увеличением мощи незаконных военизированных формирований. Сегодня они располагают самыми современными видами оружия — автоматами, пулеметами, вплоть до реактивных снарядов. С учетом этого фактора социальные и национальные конфликты могут приобрести новое качество, превратиться в многочисленные очаги гражданской войны…

…Нельзя не считаться с тем, что большие социальные группы защищены слабо, зачастую бедствуют. Реальной возможности поднять сегодня их благосостояние нет… Углубляющееся имущественное расслоение вызывает рост социальной напряженности…

Разрушительными для единства Союза ССР и общества являются эскалация развязанной антикоммунистами пропагандистской войны против собственного народа и расширившиеся материальные возможности для ее ведения, в том числе с привлечением теневого капитала. Происходит завоевание одного пропагандистского органа за другим, а когда это не удается, — создаются новые… учитывая глубину кризиса и вероятность резкого осложнения обстановки, нельзя исключать возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР.

Такой шаг потребовал бы мощной пропагандистской поддержки, прямого обращения к народу с призывом объединиться для сохранения Союза ССР, защиты общественного строя».

Но к тому времени Горбачев уже давно был пленником своего имиджа реформатора и больше обращал внимание на то, что о нем скажут на Западе, а также оппозиция внутри собственной страны, реакции от него не последовало. Поэтому, когда пришло время к подписанию Ново-Огаревских соглашений, Крючков понял, что медлить больше нельзя. Дальнейшие его действия больше напоминали плохо продуманную импровизацию.

17 июня он выступил на закрытом заседании Верховного Совета. Владимир Крючков сказал, обращаясь к депутатам:

«…Реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране.

Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза ССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране… Уважаемые товарищи депутаты! В ваших руках находится судьба народов нашей огромной страны, Советского государства, от вашей мудрости и решительности зависит — быть или не быть великой державе, сумеем ли мы сегодня остановиться на краю пропасти. Обстановка, видимо, сегодня такова, что требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному, и прежде всего — борьбе за сохранение Союза. Все остальное, мне думается, должно быть подчинено этому…»

Еще Крючков вспомнил в докладе записку Андропова об «агентах влияния», породив разного рода домыслы у депутатов — кого он имел в виду?

23 июля в газетах «Советская Россия» и «День» было опубликовано «Слово к народу», трое из его подписавших в дальнейшем были арестованы по делу ГКЧП — Валентин Варенников, Василий Стародубцев и Александр Тизяков. В его высокопарно-риторическом стиле («Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие… Среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал») чувствуется рука журналиста и писателя Александра Проханова — одного из подписантов. К тому времени он был главным редактором газеты «День» и пытался активно участвовать в политике. Но обращенный к абстрактным государственническо-имперским идеалам, причем не дореволюционного, а сталинистского типа, написанный лубочным стилем (одновременно — бездарное подражание Солженицыну) текст «Слова к народу» не оказал никакого влияния на текущую политику и на широкие массы населения. В этот момент другое имело успех, то, что звало на Запад и решительно отрицало настоящее и прошлое.

«Слово» стало попыткой Владимира Крючкова (он был в курсе подготовки текста и принял активное участие в его публикации) повлиять на Горбачева и, одновременно, начать сплочение недовольных. Но подписавшие его (Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников, Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов, Людмила Зыкина, Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин, Василий Стародубцев, Александр Тизяков) не были людьми, способными сплотить вокруг себя значимые силы. Между ними было мало общего. Никто из них не являлся сильным публичным политиком, способным повести за собой массы. Эффект оказался в итоге еще меньшим, чем от письма «Не могу поступаться принципами» Нины Андреевой, опубликованного в той «Советской России» в марте 1988 года. Тогда Андреева, сама того не желая, спровоцировала резкое усиление либералов в руководстве, поскольку Горбачев был сильно недоволен ее публикацией. Сейчас же «Слово» прозвучало бессильным стоном отчаяния. Было очевидно, что «общественность» не способна объединиться под антигорбачевскими лозунгами и повлиять на власть. Оставалось действовать изнутри власти.

4 августа Михаил Горбачев улетел в Крым отдыхать на своей форосской даче, лишь недавно построенной специально по его приказу. Генсека не смущали ни стоимость, ни моральный аспект строительства, проходившего в разгар борьбы с привилегиями. Как вспоминал

начальник Девятого управления Министерства обороны СССР, отвечавшего за строительство особо защищенных резервных пунктов управления для высшего руководства страны, генерал-лейтенант Олег Байков, чете Горбачевых не понравилась резиденция Брежнева в Ореанде, и было принято решение о строительстве новой. Работы велись с большим размахом и интенсивностью, стройку лично курировал министр обороны Дмитрий Язов. Требовалось учесть все аспекты безопасности, в том числе сейсмические, обеспечить спецсвязью. Интерьеры переделывались по многу раз по требованию Раисы Горбачевой. Валентин Павлов, будучи первым заместителем министра финансов, даже не знал о ее строительстве, хотя подписывал бюджеты и Минобороны, и КГБ — настолько объект был засекречен. Ее возводили за счет ассигнований на жилищное строительство для офицеров. По оценкам Павлова, стоимость дачи была эквивалентна десяткам многоэтажных жилых домов. Добавим, что одновременно такими же стахановскими темпами возводили под Москвой дачу для Горбачева в Раздорах («Барвиха-4»), не менее «навороченную».

Владимир Крючков решил действовать. Помимо опасений за судьбу страны, он беспокоился и о своей личной судьбе — по материалам прослушки ему стало известно, что на встрече Горбачева, Ельцина и Назарбаева обсуждался вопрос и о его замене.

С 6 августа начались встречи высших руководителей страны на секретном объекте АБЦ (Архивно-библиотечный центр) в Теплом Стане, принадлежавшем ПГУ. Здесь, в хорошо охраняемом месте, руководители разведки и КГБ могли проводить переговоры, не привлекая внимания и без опасений быть замеченными. Сейчас же все нервничали — приближалась дата 20 августа, после которой они могли проснуться в другой стране. В первой встрече приняли участие Владимир Крючков, руководитель аппарата президента Валерий Болдин, первый заместитель председателя Совета обороны Олег Дмитриевич Бакланов, секретарь ЦК Олег Семенович Шенин, министр обороны Дмитрий Тимофеевич Язов.

Таким образом, собственно подготовка к ГКЧП заняла менее двух недель. Поэтому ни о каком детальном планировании заговора не могло идти и речи. ГКЧП был поспешной импровизацией — и ничем более. Руководители страны как бы проснулись и засуетились, поняв, что Горбачев не шутит и что Советскому Союзу приходит конец. Их волновало не столько название (хотя аббревиатура, как я отметил выше, не осталась прежней), сколько факт распада страны, смены общественно-политического строя. Наконец до сервильных советских руководителей дошло, что их главный вождь окончательно зашел в тупик и их всех погубит. Но импровизация, повторю, никоим образом не носила характера путча — «заговорщики» старались максимально уместиться в конституционных рамках. Расстаться с Горбачевым они не могли даже сейчас, в критический момент. В их планы не входила его отставка.

Трусость и нерешительность, отсутствие воли и воображения вполне предвещали события на Украине в 2004 и 2013—2014 годах, когда верховная власть шла на попятную, испугавшись шумливой толпы и интриг в верхушке. Напротив, они резко контрастировали с твердой решимостью, проявленной Дэн Сяопином в критические дни июня 1989 года, когда он взял на себя ответственность за разгон демонстрантов на площади Тяньаньмэнь. Тогда верховный лидер Китая спас страну для продолжения успешных реформ, не позволил начать полномасштабные гражданские волнения.

По итогам первого дня обсуждений было принято перейти к конкретным действиям. Согласно договоренностям 7 августа Язов вызвал к себе Павла Сергеевича Грачева — командующего воздушно-десантными войсками и поручил ему отправиться к Крючкову для работы над важным документом. Выбор Грачева был не случаен. Он являлся одним из наиболее перспективных молодых генералов. В свои 43 года он уже возглавлял ВДВ, окончив Академию Генерального штаба. За плечами было пять лет службы в Афганистане, в том числе три года командующим 103-й воздушно-десантной дивизией, за что Грачев получил звание Героя Советского Союза. Крючков хорошо помнил, что именно десантники сыграли ключевую роль в 1968 году в Чехословакии, заняв ключевые позиции в Праге и обеспечив изоляцию и вывоз в СССР руководства страны.

Крючков познакомил Грачева с Владимиром Ивановичем Жижиным и Алексеем Георгиевичем Егоровым, соответственно заместителем начальника ПГУ и помощником первого зампреда КГБ Грушко. До недавнего времени Жижин возглавлял секретариат Крючкова и считался одним из самых близких ему людей. Как видим, Крючков и во внутренних делах предпочитал опираться на разведчиков. Еще в самом конце года он давал Жижину и Егорову поручение продумать — какие первоочередные меры могут быть предприняты в случае введения в стране чрезвычайного положения. Теперь дошло дело до конкретного их прописывания. Все трое со следующего дня работали на еще одном объекте КГБ, теперь уже Второго главного управления, под Химками.

Выбор Грачева, хотя и был логичен, оказался неверен. Дорогу к Павлу Сергеевичу уже нашел Борис Ельцин. Во время своей предвыборной поездки в Тулу он посетил Тульскую дивизию ВДВ, где на правах хозяина его встречал Грачев. В приватных разговорах Ельцин, остро нуждавшийся в поддержке военных, силовиков вообще, понимая, что опоры на «демократов» совершенно недостаточно, «перевербовал» главкома ВДВ и поддерживал с ним связь через своего фаворита — Юрия Скокова, первого зампреда Совмина РСФСР. Разумеется, речь не шла о тайной работе Грачева на «демократов». На том этапе для Ельцина было важно иметь доверительные отношения с кем-то из высокопоставленных генералов. Ему понравился главком ВДВ, у Грачева

он также вызывал симпатии. Оба были сильные, властные, многого ждали от будущего.

Тем не менее Грачев исполнял приказ (Язов подтвердил ему необходимость выполнять задание Крючкова). В первом наброске планов, написанных за два дня, авторы отмечали, что не имеется легальных оснований вводить чрезвычайное положение и что реакция населения может оказаться непредсказуемой. Это не очень понравилось Язову. 14 августа Грачев, Жижин и Егоров вновь были вызваны к Крючкову, который поручил завершить работу и оперативно подготовить все необходимые документы для введения чрезвычайного положения. Их курировали Владислав Алексеевич Ачалов, заместитель министра обороны, командующий ВДВ до Грачева, и Грушко. Таким образом, вся работа по подготовке ГКЧП была сосредоточена в руках КГБ при активном участии армии. Обращает внимание, что ключевые тексты ГКЧП — постановление № 1, «Заявление советского руководства», «Обращение к советскому народу» — писали люди, совершенно далекие от пропаганды, изучения общественного мнения. Грачев как «райтер» был совершенно неуместен и, наверное, сам сознавал комичность своего положения. Но Крючков и Язов этого не понимали, что показывает всю их оторванность от реальной жизни и умонастроений общества. В противном случае в «Постановлении» не появились бы такие перлы, как «незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село».

16 августа к процессу подключили Анатолия Лукьянова, председателя Верховного Совета СССР, на тот момент находившегося на отдыхе на Валдае. Ему позвонил Олег Шенин и намекнул, что нужно быть готовым в любой момент вернуться в Москву. К тому времени, отметим, ни министр внутренних дел Борис Пуго, ни министр иностранных дел Александр Бессмертных еще не догадывались о готовящемся вводе чрезвычайного положения в стране! Не знали об этом ни глава кабинета Валентин Павлов, ни вице-президент Геннадий Янаев, ни заместитель генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Ивашко, лечившийся в санатории. Повторю, ГКЧП был импровизацией нескольких чекистов и военных под общим руководством Владимира Крючкова. Лукьянов сказал об этом позже так: «…это была отчаянная, но плохо организованная попытка группы руководителей страны спасти Союз, попытка людей, веривших, что их поддержит президент, что он отложит подписание проекта союзного договора, который означал юридическое оформление разрушения Советской страны». Он не уточняет, что большинство «руководителей страны» узнали о попытке в последний момент. Это обстоятельство также имело катастрофические последствия для всей затеи, ибо люди были буквально ошарашены случившимся и не знали, что им конкретно предпринимать.

Владимир Крючков каждый день — единственный из всего руководства — разговаривал с Михаилом Горбачевым во время пребывания того в отпуске. Это успокаивало президента и одновременно помогало вводить его в заблуждение относительно лояльности силовиков и вообще, оставшихся в Москве соратников.

17 августа, в субботу, в курс дела ввели премьера Павлова. Это произошло все на том же объекте АБЦ, где собрались Крючков, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин, Ачалов, Грушко и Валентин Варенников, главком сухопутных войск, заместитель министра обороны. Варенникова ввели в игру не случайно — он был Героем Советского Союза, прошел и через Великую Отечественную, и через афганскую войну, руководил ликвидацией последствий чернобыльской аварии, считался сильным антикризисным управляющим, говоря современным языком, к тому же был известен своим критическим отношением к политике Горбачева.

На встрече было решено отправить делегацию к Горбачеву в Форос, потребовать от него введения чрезвычайного положения. В случае отказа президента следовало на время изолировать и взять руководство в свои руки. Состав делегации наметили тут же — Шенин, Бакланов, Варенников и Болдин. Первый представлял партию, второй — ВПК, третий — военных, а Болдин фактом присутствия показывал, что и в своем аппарате у Горбачева нет более опоры. Крючков оставался на месте, контролировать обстановку. Будущий временный «президент» Геннадий Янаев еще ни о чем не подозревал. Насчет Ельцина, находившегося в Алма-Ате и возвращавшегося в Москву вечером 18-го, четкого решения принято не было. Предполагалось, что его встретит в аэропорту Язов и переговорит с ним на предмет серьезности намерений ГКЧП и чтобы он не мешал наводить порядок. Но конкретно ни о чем не договорились, вообще российское руководство ими недооценивалось, считалось, что от него не будет особенных помех.

Крючков по своей линии начал готовить аппарат КГБ к конкретным действиям. Теперь в дело вступили сотрудники знаменитой «девятки» — Девятого управления (с февраля 1990-го — Служба охраны) КГБ, отвечавшего за охрану высшего руководства страны. Им руководил Юрий Сергеевич Плеханов, человек, прошедший путь, похожий на путь Крючкова. Он тоже работал в ЦК — секретарем у Юрия Андропова и также перешел с шефом в КГБ в 1967-м, где начал со старшего офицера приемной председателя. Затем руководил отделом, отвечавшим за прослушивание телефонов и помещений, а когда Андропов стал генсеком, то он поставил Плеханова начальником Девятого управления. При Горбачеве Плеханов сохранял свой пост. Надо иметь в виду, что начальник «девятки» традиционно был человеком, который напрямую выходил на первое лицо в стране и получал от него указания. То есть его значимость была выше, чем у простого начальника одного из управлений КГБ. Он продумывал маршрут всех передвижений генсека, его визитов,

отдыха. Все резиденции руководителя страны находились на его балансе. Поэтому Крючков решил, что именно Плеханов полетит с делегацией в Крым и обеспечит как ее прохождение к Горбачеву на строго охраняемый объект, так и изоляцию президента в случае его несогласия с предложениями «товарищей».

В свою очередь, Плеханов вызвал Вячеслава Владимировича Генералова вечером 17 августа с дачи (это была суббота) и поставил перед ним задачу лететь завтра в Крым. Генералов возглавлял Специальное эксплуатационно-техническое управление (СЭТУ-2), входившее в Хозуправление КГБ, но оперативно подчинявшееся Службе охраны, то есть Плеханову. СЭТУ-2 было создано незадолго до того, и в него вошли все хозяйственные службы «девятки», в том числе правительственные дачи в Крыму и на Кавказе.

18 августа настал решающий день. В 14.30 на личном самолете Язова в Крым вылетела делегация; помимо начальства (Болдина, Бакланова, Варенникова, Шенина) в нее входили Плеханов, Генералов, сотрудники Управления правительственной связи (в том числе заместитель начальника генерал-майор Александр Глущенко) и другие чекисты. Ранее днем, часов в 11—12, президенту звонил еще ничего не подозревавший Янаев, спрашивал, когда тот вернется, обещал его встретить в аэропорту вечером 19-го. Уже в самолете перед связистами поставили задачу — полностью отключить связь у Горбачева, как только самолет приземлится.

Дальше все шло, как по часам, прилетевшие специалисты взяли на себя управление связью, у Горбачева были отключены все аппараты спецсвязи. Охрану также возглавили «москвичи». Делегацию беспрепятственно пропустили на дачу — многочисленные охранники не могли задерживать своих же руководителей во главе с Плехановым. Владимир Медведев — начальник личной охраны Горбачева — сказал ему о приезде неожиданных гостей. Горбачев удивился, но не принять их не мог. Перед тем он обнаружил неприятный сюрприз — все телефонные аппараты у него не работали. Президент не пустил к себе лишь Плеханова, не считая его политической фигурой.

Разговор получился не из приятных. Горбачев, плохо себя чувствовавший из-за приступа радикулита, подписывать решение о введении чрезвычайного положения отказался, как и отказался подавать в отставку, что ему предложил сделать Варенников. Но — и это важно понять — общение хотя и шло на повышенных тонах, было общением коллег, а не врагов. Как вспоминал сам Горбачев, Бакланов ему сказал: «Михаил Сергеевич, да от вас ничего не потребуется. Побудьте здесь. Мы за вас сделаем всю грязную работу».
На прощание — и в этом сходятся все мемуаристы — Горбачев пожал своим гостям руки, жест в высшей степени символический. В остальном показания расходятся, сам Михаил Сергеевич утверждает, что он

обматерил гостей, они говорят, что он попрощался двусмысленно: «Черт с вами, делайте, что хотите! Но доложите мое мнение».

В любом случае желаемого визитеры не добились. Как всегда, в решающий момент Горбачев дрогнул и не пошел на жесткие меры, убоявшись ответственности, думая о своем имидже гуманиста и демократа. Так он поступал и в Карабахе, и в Тбилиси, и в Баку, и в Вильнюсе, в любом другом конфликте, которых так много вспыхнуло в перестройку. Горбачев не позволял решительно пресекать беспорядки, решать проблемы на базовом уровне, почему они и полыхали не переставая.

Как бы там ни было, переговорщики возвращались назад невеселыми — максимума возможного они не добились, предстояло действовать без прикрытия президентского авторитета. Был достигнут минимум — Горбачев изолировался на даче в Форосе и по крайней мере в первые дни мешать был не должен. Вопрос о степени изоляции президента обсуждается до сих пор. Кто-то утверждает, что он был отрезан от внешнего мира, кто-то — что сохранялось немало каналов выхода в свет. Непонятна и ситуация с его физической изоляцией — мог ли он или нет свободно покинуть резиденцию? Скорее всего, правы те, — в том числе и Борис Ельцин, — кто утверждает, что Горбачев после встречи с переговорщиками и после того, как увидел, что основные каналы связи отключены, самоустранился и выжидал: чья возьмет?

По крайней мере он не делал решительных попыток прорваться. Да, начальник личной охраны Медведев, подчиняясь приказу Плеханова, отбыл в Москву. На даче остался Генералов для контроля за обстановкой. Однако охранники не могли не подчиняться президенту. Если бы он им скомандовал, — они бы его приказы выполнили. Иными словами, Горбачев находился в самоизоляции. Отметим, что с ним был его помощник Анатолий Сергеевич Черняев, который также мог предпринимать какие-то действия. В любом случае, президент мог пойти на обострение ситуации, бросить тот или иной вызов, но он этого не сделал.

К восьми вечера все основные действующие лица начали подтягиваться в Кремль, в кабинет Павлова, ожидая доклада вернувшейся делегации (только Варенников полетел из Симферополя, проведя совещание с рядом командующих округами и главкомом Черноморского флота, в Киев). Впрочем, Владимир Крючков основной результат переговоров уже знал, его сразу же проинформировали по телефону из самолета. С Валдая вылетел в Москву на вертолете Лукьянов, срочно нашли находящегося в гостях Геннадия Янаева, из Крыма прилетел еще днем Борис Пуго, а из Белоруссии на посланном за ним самолете Министерства обороны летел министр иностранных дел Александр Бессмертных. Эти четверо только в тот день узнали о планах Крючкова и К°. Стоит отметить, что на совещание не приглашались ни первые вице-премьеры, ни секретари ЦК (кроме Шенина), что

показывает, в чьих руках реально находилась власть в стране. Двух будущих гэкачепистов — Тизякова и Стародубцева в Кремле не было, хотя первый уже с утра прибыл в Москву из Свердловска.

Днем Крючков и Язов уже провели необходимую подготовительную работу в своих ведомствах, а затем два с половиной часа совещались между собой в Министерстве обороны. Язов велел подчиненным в любой момент быть готовыми к вводу войск в Москву, Крючков также раздал задания сотрудникам, в том числе списки тех, за кем нужно было особенно строго следить и при команде арестовать.

В Кремле на совещании говорили о болезни Горбачева, как бы уверяя и себя, и других в том, что они, отстраняя президента от власти, не действуют против его воли. Но надо было определиться как с составом ГКЧП, так и с его председателем. Сперва взоры присутствующих обратились к Лукьянову, но он наотрез отказался ни входить, ни тем более возглавлять ГКЧП. Впрочем, это было очевидно — исполнять обязанности президента в случае его недееспособности должен вице-президент. Янаев сначала поупирался, но затем согласился и подписал —

«УКАЗ

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127.7 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР

Г. И. ЯНАЕВ».

В члены ГКЧП отказался войти и прибывший позже всех в Кремль Бессмертных, объясняя, что в противном случае он не сможет встречаться с иностранными дипломатами. Лукьянов со своей стороны согласился написать и передать для публикации свое заявление о несогласии с текстом проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, которое он датировал 16 августа, тем самым подчеркивая свою обособленность от ГКЧП.

Посиделки затянулись до полуночи, были окончательно утверждены и подписаны все подготовленные ГКЧП документы — «Заявление советского руководства» за подписью Янаева, Павлова и Бакланова, «Обращение к советскому народу», постановление № 1, «Обращение и. о. Президента СССР Янаева к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН», которые вместе с двумя вышеуказанными предполагалось передать в СМИ в первую очередь.

Около полуночи Крючков, Болдин, Язов, Ачалов покинули Кремль. Оставшиеся же решили добавить к приносимому официантами кофе спиртные напитки, началась пьянка. Тут следует отметить — как часто слово «алкоголь» встречается в описаниях событий, связанных с ГКЧП.

Его участники (но не все, как, например, Стародубцев), будучи типично советскими людьми своего времени с соответствующей культурой потребления спиртного, выпивали часто и охотно. Они пили и на объекте АБЦ, пили и в самолете, возвращаясь из Крыма от Горбачева, пили и в Кремле. Янаев туда заявился уже пьяным со встречи с другом. Так они снимали стресс, стараясь забыться от неизбежных невеселых дум о своем ближайшем будущем. Советское начальство вообще пило много, мало отличаясь в этом отношении от простого народа. Непьющий человек вызывал подозрение и пробиться в высшее руководство не мог. Даже малопьющий Крючков после своего ареста 22 августа обратился к следователям: «Я, знаете ли, привык снимать стресс небольшим количеством виски — граммов пятьдесят с добавлением воды. Нельзя ли в отношении этой малости пойти мне навстречу?» Увлечение спиртным сыграло свою роль — Валентин Павлов в ночь с 18-го на 19-е упился так, что не мог работать, у него случился гипертонический криз, с вечера 19-го он фактически выпал из активной жизни и был госпитализирован.

Пока в Кремле шла пьянка, запущенный маховик начинал раскручиваться. Олег Шенин передал документы ГКЧП другому секретарю ЦК — Юрию Алексеевичу Манаенкову, который, в свою очередь, полпервого ночи пригласил к себе руководителя Гостелерадио Леонида Петровича Кравченко и вкратце рассказал о готовящемся вводе чрезвычайного положения и необходимости с утра по телевидению и радио информировать население о случившемся. Тот вызвал всех необходимых сотрудников, а в пять утра Кравченко пришел к Олегу Шенину, чтобы окончательно обсудить все детали вещания в чрезвычайной ситуации.

С шести утра 19 августа дикторы телевидения и радио Советского Союза начали зачитывать скорбно-торжественными голосами:

«ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127.7 Конституции СССР полномочия Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу.

В целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной, гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества.

Исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик (СССР), руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей,

ЗАЯВЛЯЕМ:

1. В соответствии со статьей 127.3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения”, и идя навстречу требованиям широких слоев населения, о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечении законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов утра по Московскому времени с 19 августа 1991 года.

2. Установить что на всей территории СССР безусловное руководство имеют Конституция СССР и Законы СССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР), в следующем составе:

Бакланов Олег Дмитриевич — первый заместитель председателя Совета обороны СССР;

Крючков Владимир Александрович — председатель КГБ СССР;

Павлов Валентин Сергеевич — премьер-министр Кабинета Министров СССР;

Пуго Борис Карлович — министр внутренних дел МВД СССР;

Стародубцев Василий Александрович — председатель Крестьянского союза СССР;

Тизяков Александр Иванович — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР;

Язов Дмитрий Тимофеевич — министр обороны СССР;

Янаев Геннадий Иванович — вице-президент СССР, исполняющий обязанности Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Подпись: *Г. Янаев*, *В. Павлов*, *О. Бакланов*.
18 августа 1991 года».

«ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие,

апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто по существу ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями.

Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того, чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, более страшная, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народно-хозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с

разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение — в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос.

Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получала такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящих под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться

по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больнее всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность. Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто

не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества».

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелого кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения, в соответствии с Законом Союза ССР о правовом режиме чрезвычайного положения и постановлениями ГКЧП СССР.

В случае неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лица специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) в СССР временно берет на себя функции Совета безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД СССР, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случае отказа изымать их в принудительном порядке, с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД СССР, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и вооруженных сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения” и постановлениями ГКЧП СССР.

Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территорий, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима.

Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану, важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а также системы жизнеобеспечения.

Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновения должностным лицам, обеспечивающим соблюдения режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства. Строгое выполнение мер по сохранению, восстановлению, на период стабилизации, вертикальных и горизонтальных связей между субъектами хозяйствования на всей территории СССР, неукоснительное выполнение установленных объемов производств, поставок, сырья, материалов и комплектующих изделий.

Установить и поддерживать режим строгой экономии, материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра.

Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо принимать меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищения, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики.

Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимым работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету Министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольственных товаров первой необходимости. Доложить народу, чем располагает страна. Взять под строжайший контроль их сохранность и распределение.

Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства. Жестко контролировать соблюдение такого порядка.

Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных, детских учреждений (детских домов, школ, среднеспециальных и высших учебных заведений, больниц), а также пенсионеров и инвалидов.

В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышение заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан.

В двухнедельный срок разработать мероприятия по упорядочению размеров заработной платы руководителей всех уровней государственных, общественных, кооперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовки, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и так далее. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село.

13. Кабинету Министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991 и 1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ, в размере до пятнадцати сотых гектара.

14. Кабинету Министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечению населения жильем.

В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного кооперативного и индивидуального строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в целом, в центре и на местах, уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования».

Также были зачитаны заявление Анатолия Лукьянова и указ Геннадия Янаева о принятии им на себя исполнения обязанностей президента СССР и его обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН.

Так страна узнала о ГКЧП.

Телецентр в Останкино был окружен войсками, по его коридорам ходили сотрудники КГБ, которым поручался надзор за работой. Но на этом фантазия Владимира Крючкова заканчивалась. Леонид Кравченко потом вспоминал, что ничего не было продумано: «Ведь если всерьез было решено поставить самое мощное пропагандистское оружие — телевидение и радиовещание — под контроль ГКЧП, меня заранее (хотя бы за сутки) ввели бы в курс дела. А тут при самых таинственных обстоятельствах вывозят ночью с государственной дачи и заговорщически сообщают сенсационную новость. Сообщают в последний час, не понимая специфики работы телевидения и радиовещания. Ведь, скажем, информационно-развлекательная передача “Телеутро” еще в 10 часов вечера предыдущего дня пошла в прямом эфире на Дальний Восток (там уже было 6 утра местного времени). И через каждые два часа она повторялась в том же режиме на другие регионы страны, постепенно приближаясь к Москве, то есть в шесть утра, когда надо было выпускать “Телеутро” на центральные области России, должен был состояться пятый выход программы. Парадокс в том, что к шести утра, когда в Москве была отменена развлекательная программа “Телеутро” (какие уж тут развлечения, когда телецентр окружен бронетранспортерами и воинскими подразделениями), вся остальная страна — за Уралом, в Казахстане, Средней Азии — успела посмотреть многие программы телевизионного дня в том варианте, какой заранее объявлялся. Ничего этого не учитывали в ГКЧП».

Все три дня информационная политика ГКЧП отличалась крайней бестолковостью, неоперативностью и неизобретательностью. Его члены показали себя людьми старого времени, не понимавшими всей важности перехвата медийной повестки дня, распространения новых видов связи, как тех же факсов, по которым распространялись документы российского руководства. Информационный бой ГКЧП проиграл вчистую. Но на его уроках, впрочем, учились те, кто осенью 1999-го начал пропагандистское

обеспечение второй чеченской войны, а затем и всей деятельности Владимира Путина, выступившего в известном смысле наследником гэкачепистов.

Но помимо задачи удержания в руках телевидения и радио необходимо что-то было решить и с Борисом Ельциным. Идея беседы с ним прямо в здании аэропорта по возвращении из Алма-Аты отпала. Рано утром 19 августа Владимир Крючков послал в дачный поселок Архангельское, где проживало руководство РСФСР, в том числе Ельцин, отряд группы «Альфа» во главе с ее командиром Виктором Федоровичем Карпухиным для рекогносцировки. Четкого плана действий у спецназовцев не имелось, как не было его и у самого Крючкова. Получив противоречивые сведения от Карпухина о происходящем вокруг ельцинской дачи, председатель КГБ решил «Альфу» никак не задействовать и дать возможность президенту РСФСР беспрепятственно выехать в Москву.

В Москву тем временем входили военная техника и подразделения Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой дивизий, а также Тульской воздушно-десантной дивизии. Вид танков и БТР на улицах столицы оказывал гнетущее впечатление. Но на проносившихся мимо них Бориса Ельцина и его соратников военная техника действовала, напротив, вдохновляюще. Ехали они поодиночке — на случай попыток задержания, чтобы не попасться всем вместе. Но тот факт, что их не арестовали с утра и дали возможность свободно выехать, а перед этим свободно связываться с руководителями союзных республик, убеждал российское руководство в том, что ГКЧП — это колосс на глиняных ногах и его не стоит серьезно опасаться. Они уже поняли, что ГКЧП можно представить не как свидетельство силы, а, напротив, бессилия ненавистного им союзного центра. Об этом говорило подписанное ими обращение, которое они везли в Белый дом на Краснопресненской набережной:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным антиконституционным переворотом. При всех трудностях и тяжелых испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер.

Народы России становятся хозяевами своей судьбы, существенно ограничивают бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания — 20 августа. Такое

развитие событий вызвало озлобление реакционных сил, толкнуло их на безответственные авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота. Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы, они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас ОБЪЯВИТЬ НЕЗАКОННЫМ ПРИШЕДШИЙ К ВЛАСТИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ КОМИТЕТ. Соответственно объявляются незаконными все решения и распоряжения этого комитета. Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию. Безусловно, необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом.

Требуем немедленного созыва Чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР. Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов.

Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

Для выполнения этих требований ПРИЗЫВАЕМ К ВСЕОБЩЕЙ БЕССРОЧНОЙ ЗАБАСТОВКЕ. Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого переворота.

Президент РСФСР *Ельцин*,

Председатель Совета Министров РСФСР

Силаев,

И. о. Председателя Верховного Совета РСФСР *Хасбулатов*

Москва, 19 августа 1991 года, 9.00».

Как видим, руководство РСФСР очень верно нашло нужный тон, который резонировал с населением большинства страны. Если документы ГКЧП отдавали стилистически передовицами «Правды», то обращение звучало очень современно, как статья из популярной перестроечной прессы. Ельцин и К° предлагали простые оценки — «путчисты», «переворот», причем «правый» (!), что показывало изначальную левизну перестройщиков, которые буквально завтра уже начнут ультраправые реформы. Советские люди в тот момент, измученные материальными и бытовыми трудностями, более не верили обещаниям решить проблемы через укрепление дисциплины, что предлагал ГКЧП. Они выбирали красивую сказку, предлагавшуюся «демократами».

Удачно запущенные ярлыки моментально распространялись в виде надписей на стенах, самодельных плакатов, заверявших, что «фашизм» не пройдет, и требовавших отправить в отставку «хунту». Во всем этом причудливо отражались горячие споры между либералами и консерваторами, которым первые приписывали черносотенный национализм. Думается, Крючкова и его товарищей их объявление «фашистами» должно было поразить до глубины души. И опять-таки — клеймя хунту, уже скоро иные либералы начнут восхищаться Пиночетом, вокруг которого в известных кругах будет создаваться культ как решительного «правого» реформатора.

Приехав беспрепятственно в Белый дом, Борис Ельцин продолжил информационную атаку на ГКЧП, подписав еще два указа и передав их в СМИ —

«В СВЯЗИ С ДЕЙСТВИЯМИ ГРУППЫ ЛИЦ, ОБЪЯВИВШИХ СЕБЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принятые от имени так называемого Комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действие Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Предпринята попытка государственного переворота, отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, премьер-министр СССР, председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственное преступление. В результате этих действий деятельность законно избранной исполнительной власти Союза ССР оказалась парализованной.

В сложившейся чрезвычайной ситуации

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. До созыва внеочередного съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, ПЕРЕХОДЯТ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ИЗБРАННОГО НАРОДОМ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР.

2. Комитету государственной безопасности РСФСР, Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по оборонным вопросам временно осуществлять функции соответствующих органов Союза ССР на территории РСФСР.

Все территориальные и иные органы МВД, КГБ и Министерства обороны на территории РСФСР обязаны немедленно исполнять указы и распоряжения Президента РСФСР, Совета Министров РСФСР, приказы КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам.

3. Всем органам, должностным лицам, гражданам РСФСР принять незамедлительные меры к тому, чтобы исключить выполнение любых решений и распоряжений антиконституционного Комитета по чрезвычайному положению.

Должностные лица, выполняющие решения указанного комитета, отстраняются от исполнения своих обязанностей в соответствии с Конституцией РСФСР. Органам Прокуратуры РСФСР немедленно принимать меры для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности».

Причем местом подписания обоих указов был обозначен Кремль. Реальных последствий в смысле переподчинения они не имели, но имели громадное значение символическое. Указы демонстрировали, что российская власть не просто продолжает существовать, но и активно сопротивляется и бросает вызов ГКЧП. Важны были жесты — Ельцин забрался на танк и с него читал обращение — эта картинка облетела мир. В фото попали и стоявшие возле президента Александр Коржаков, начальник личной охраны Ельцина, на тот момент совсем неизвестный широкой публике, и Виктор Золотов — тогда простой охранник, а ныне командующий Росгвардией. Если в первые часы москвичи пассивно взирали на движение военной техники, то начиная с полудня, после получения информации о действиях Ельцина, они начали собираться вокруг Белого дома, а также у Моссовета и на Манежной площади.
К концу дня у здания Правительства РСФСР собрались десятки тысяч человек, воздвигали баррикады. Получили широкое хождение такие листовки:

«СТРАНА В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ!

Группа коммунистических преступников совершила государственный переворот, ввергая страну в пучину насилия и беззакония. Если сегодня граждане России не противопоставят действиям путчистов гражданское сознание, решительность и мужество, вновь вернутся мрачные времена сталинизма, вновь по улицам наших городов будут разъезжать черные воронки, вновь сотни тысяч невинных будут брошены в лагеря ГУЛАГа. Мы призываем всех граждан России начать бессрочную политическую стачку, не подчиняться ни одному распоряжению узурпаторов власти, оказывать активное сопротивление военно-фашистскому режиму Крючкова — Язова — Пуго — Янаева.

Если ты не сопротивляешься государственным преступникам —

- ты предаешь СВОБОДУ!
- ты предаешь РОССИЮ!
- ты предаешь СЕБЯ!»

«ПАМЯТКА

НЕ СТРЕЛЯЙ в народ, это твои братья и сестры, отцы и матери.

НЕ ВЫПОЛНЯЙ указов и приказов хунты.

НЕ ВЕРЬ лживым словам Язова, Пуго и Янаева и их преступной компании.

ПОМНИ: от тебя зависит, будешь ли ты, твоя жена и дети жить в свободной стране или установишь в ней кровавую и беззаконную диктатуру.

НЕТ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА НИЧЕГО ВЫШЕ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ!»

Часто употребляемый эпитет «фашистский» был абсолютно бессмысленным, но об этом никто не задумывался. Стены зданий покрывали плодами интеллигентского остроумия — «Хуже ига Мамаева руководство Янаева!», «Забью снаряд я в тушку Пуго» или «Кошмар — на улице Язов» (ироничное пародирование названия популярного тогда фильма).

А что же ГКЧП? На бурную активность оппонентов его лидеры ответили указом Янаева:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127-3 Конституции СССР

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Калинина Н.В., который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Этот указ не имел никаких реальных последствий — защитники Белого дома, митингующие в других местах, и не думали расходиться. Напротив, такие замахи на удар без удара лишь распаляли ярость протестующих. На информационном поле — помимо запретов —

«О ВЫПУСКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ, МОСКОВСКИХ ГОРОДСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ГАЗЕТ

В связи с введением с 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом l4 статьи 4 Закона СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения” Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: “Труд”, “Рабочая трибуна”, “Известия”, “Правда”, “Красная звезда”, “Советская Россия”, “Московская правда”, “Ленинское знамя”, “Сельская жизнь”.

2. Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР».

И самоуспокоительного заявления —

«Уже первый день действия чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР показал, что люди вздохнули с облегчением.

Сколько-нибудь серьезных эксцессов нигде не отмечалось. В ГКЧП СССР поступают многочисленные обращения граждан в поддержку принимаемых мер по выводу страны из тяжелейшего кризиса. Первая реакция из-за рубежа на события в нашей стране также характеризуется определенным пониманием, потому что худший из мыслимых сценариев развития, который больше всего беспокоит иностранные государства, — это хаос и анархия в нашей ядерной стране. Разумеется, и внутри нашего общества, и за границей в связи с введением чрезвычайного положения высказываются и недоверие и опасения. Что ж, они имеют под собой основание: ведь в последние годы, к сожалению, очень часто реальные дела в нашем государстве не имели ничего общего с провозглашенными целями. Надежды народа неоднократно оказывались обманутыми.
На этот раз мы сделаем все, чтобы деятельность советского руководства заслужила доверие.

В большинстве союзных и автономных республик нашей Родины поддерживают принятые меры, вызванные исключительно острой

ситуацией. Народы понимают, что ГКЧП СССР никоим образом не намерен посягать на их конституционные суверенные права.

Диссонансом в этот критический момент, когда требуется общенациональное согласие, прозвучало обращение, подписанное утром 19 августа сего года руководителями РСФСР Б. Ельциным, И. Силаевым и Р. Хасбулатовым. Оно выдержано в конфронтационном духе. Есть в этом обращении и прямое подстрекательство к противоправным действиям, несовместимое с установленным законом режимом чрезвычайного положения.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, проявляя терпение и стремление к конструктивному сотрудничеству, считает возможным ограничиться на этот раз предупреждением против безответственных, неразумных шагов. В очередной раз в российском руководстве возобладала амбициозность, а ведь народ ждет внесения таких коррективов в политику, которые отвечали бы коренным интересам россиян.

Хотели бы еще раз подчеркнуть, что на всей территории Союза ССР отныне и впредь восстановлен принцип верховенства Конституции СССР и законов СССР. Заверяем, что наша практика в отличие от набивших оскомину пустых обещаний будет безусловно подкрепляться реализацией принятых решений», — ГКЧП отметился только пресс-конференцией, начавшейся в 17.00 в агентстве печати «Новости». В ней приняли участие Геннадий Янаев, Борис Пуго, Олег Бакланов, Василий Стародубцев, Александр Тизяков. Какого-то пиаровского прорыва не произошло. Янаев сначала читал по бумажке заявление, повторяя уже известные документы ГКЧП. Вопросы задавали самые разные, журналисты, в том числе советские, не демонстрировали никакой боязни. Молодая корреспондентка «Независимой газеты» Татьяна Малкина спросила прямо: «Скажите, пожалуйста, понимаете ли вы, что сегодня ночью вы совершили государственный переворот? И какое из сравнений вам кажется более корректным — с 17-м (когда произошла Октябрьская революция) или 64-м (когда от власти отстранили Хрущева) годом?»

Янаев упирал на то, что Михаил Сергеевич «устал», находится на отдыхе в Крыму, а поправившись, вернется к исполнению своих обязанностей. Он выражал надежду на то, что как только состояние здоровья позволит, Горбачев «с удовольствием» встретится с журналистами. Также Янаев обещал опубликовать медицинское заключение о состоянии здоровья президента и даже произнес в его адрес хвалебную тираду, говоря о том, что Горбачев сделал неизмеримо много для перестройки, заслуживает всяческого уважения и «понимает нас». Янаев сказал весьма примирительно, что общался с «Борисом Николаевичем Ельциным», предупредил журналистов о готовящихся провокациях, намекая на воззвания властей РСФСР, и призывал к сотрудничеству с союзными республиками. Кроме того, формальный

глава ГКЧП несколько раз повторил, что они ждут 27 августа — сессии Верховного Совета, для подтверждения введения чрезвычайного положения, а на данный момент юридические и конституционные нормы были соблюдены. Что касается вопроса Малкиной, то Янаев сказал, что любые аналогии «просто опасны».

Общее впечатление от пресс-конференции было неутешительным для ГКЧП. Вопрос о здоровье Горбачева, педалируемый самим Янаевым, повис в воздухе неразъясненный, никакой конкретики о программе и ближайших действиях ГКЧП не прозвучало. Объективности ради следует сказать — пресловутые дрожащие руки Янаева в глаза не бросались, я специально несколько раз пересмотрел этот момент, и продолжалось это несколько секунд — и то неотчетливо. «Дрожь» в руках как основное событие пресс-конференции скорее стала журналистской легендой, распространенной постфактум.

Примерно в то же время проходило заседание Правительства СССР. Его вел с багрово-красным лицом Валентин Павлов. Только сейчас министры узнали от своего главы о планах ГКЧП, точнее о их отсутствии. Они недоуменно задавали вопросы о том, что будет с экономикой Советского Союза в случае бойкота Запада в условиях все усугубляющегося кризиса. Павлов, с утра уже чувствующий себя плохо, был госпитализирован сразу же после заседания — гипертонический криз. Исполнять его обязанности назначили Виталия Хуссейновича Догужиева, первого вице-премьера, к его большому неудовольствию. Сообщение о болезни Павлова не могло не подействовать деморализующе на тех, кто приветствовал создание ГКЧП. Ключевой игрок, глава правительства, выбывает из игры.

В регионах, как и в Москве, шумны и заметны были противники Крючкова и К° (впрочем, для публики на первом плане скорее был Янаев, но она не знала подлинных раскладов во власти). Например, Ленсовет отказался признавать комитет. И в городе на Неве, и в Нижнем Новгороде, Свердловске, Новосибирске, Тюмени проходили митинги против ГКЧП. Стоит заметить, что за все три дня не состоялось ни одной массовой акции в поддержку ГКЧП. Население в целом демонстрировало безразличие к происходящему, интуитивно правильно расценивая его как разборки внутри власти, не имеющие отношения к нуждам простых людей. Однако, как всегда бывает в подобных случаях, все определяло активное меньшинство. К Белому дому в Москве пришло не более одного процента москвичей. Но именно они создавали информационную картинку дня и влияли на принятие решений. То, что никто из руководителей союзных республик, за исключением РСФСР, не выступил прямо и открыто против ГКЧП (даже президент Грузии Звиад Гамсахурдиа), создавало у последних иллюзию уверенности, но не вводило в заблуждение их противников, понимавших, что отсутствие внятной позиции у Кремля говорит о его неуверенности.

Из политиков внутри страны ГКЧП поддержал безоговорочно разве что лидер Либерально-демократической партии Советского Союза Владимир Жириновский. Но этот талантливый демагог, поразивший Россию тремя месяцами ранее во время президентской кампании своим эксцентричным поведением, ничем реально помочь не мог. Многомиллионная КПСС в который раз показала свою чисто формалистическую сущность, не став и не попытавшись стать боевым штабом в поддержку ГКЧП, мобилизующим массы и аппарат чиновников механизмом. Партия и ее руководство не способны были определиться. Все ограничилось рассылкой 19 августа телеграммы Олегом Шениным, бывшим «на хозяйстве»:

«Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, райкомов, крайкомов и обкомов партии. В связи с введением чрезвычайного положения примите меры участия коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР. В практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР. О Пленуме ЦК и других мероприятиях сообщим дополнительно.

Секретариат ЦК КПСС».

С утра Владимир Крючков провел телефонные переговоры с Борисом Ельциным, пытаясь его «вразумить». Но президент РСФСР, понимая, что ветер дует в его паруса и у него то самое мгновение, которого иные ждут полжизни, отказывался идти на какой-либо компромисс. Однако, несмотря на то что 19-го к обеду у Белого дома было еще немного народа, пойти на арест российского руководства ГКЧП не решился, упустив какой уже раз за день инициативу. Были задержаны лишь незначительные фигуры, ни на что не влиявшие, — народный депутат СССР Тельман Гдлян, народный депутат РСФСР, председатель общества «Щит» Виталий Уражцев, народный депутат РСФСР Владимир Комчатов и полковник Николай Проселков из «демократов». Арест последнего вылился в трагифарс, полковник при задержании орудовал топором, пытаясь зарубить приехавших за ним, пролилась кровь, к счастью, никто не был ранен серьезно. Почему для задержаний были избраны именно эти персонажи — непонятно до сих пор. Тем более что никаких допросов не проводилось, в тюрьму они также не направлялись, а вывозились на территорию воинской части в Подмосковье. Уражцева, кстати, освободили еще 19 августа.

Во вторник ГКЧП подвел итоги вчерашнего дня в бессмысленно примиренческом коммюнике: «Уже первый день действия чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР показал, что люди вздохнули с облегчением…»

На Западе — отношения которого к происходящему ГКЧП не могло не учитывать, в том числе ввиду экономической зависимости Москвы от западной помощи, — к событиям в стране отнеслись отрицательно-настороженно. Уже 19 августа президент США Джордж Буш выпустил заявление о происходящем в СССР, написанное в жестком стиле.

Он упоминал об «ошибочных и незаконных усилиях», осуждал «неконституционное использование силы», поддерживал требование Ельцина о «возвращении законно избранных органов власти и возвращении на свой пост президента СССР Горбачева». Буш отметил, что его администрация будет избегать всего, что походило бы на поддержку переворота, и пообещал не предоставлять экономической помощи в случае продолжения незаконных действий. Президент Америки дал команду только что назначенному послу США в СССР Роберту Страуссу незамедлительно вылететь в Москву. Один лишь президент Франции Франсуа Миттеран стоял особняком, выразив готовность сотрудничать с новым руководством СССР.

Обычно о зарубежном аспекте событий, связанных с ГКЧП, принято говорить в последнюю очередь, но стоит иметь в виду, что на дворе стоял не 1953 или 1964 год, и потому реакция Вашингтона — лидера западного мира была критически важна для ГКЧП. В случае отказа в кредитах и поставках экономику, глубоко подсевшую на зарубежную помощь, мог ожидать коллапс.

20 августа члены ГКЧП во главе с Владимиром Крючковым потратили большую часть времени на обсуждение проблемы, которой они и предположить не могли заранее, — что делать с Белым домом, собравшейся вокруг него толпой и укрывавшимся в нем российским руководством? На обсуждениях в ГКЧП неоднократно предлагалось взять его штурмом. Но это означало бы перевести противостояние в кровавую фазу. Гэкачеписты были к этому не готовы. Они вообще были не готовы ни к жесткому противостоянию, ни к тонкой хитрой игре. И в том, и в этом их бесконечно превосходили Ельцин и его команда. 20 августа они отправили письмо председателю Верховного Совета:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

тов. ЛУКЬЯНОВУ А. И.

В связи с неконституционными действиями, предпринятыми группой лиц, именующих себя “советским руководством”, считаем необходимым незамедлительно осуществить следующие действия:

1. Организовать в течение 24 часов с момента получения Вами этого документа встречу Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева, Р. И. Хасбулатова с Президентом СССР М. С. Горбачевым. К встрече привлечь Г. И. Янаева.

2. Провести в ближайшие 3 дня медицинское освидетельствование Президента СССР М. С. Горбачева с участием специалистов-экспертов Всемирной организации здравоохранения. Валютные расходы российское правительство принимает на себя.

3. Результаты освидетельствования предать гласности. При положительных результатах незамедлительно обеспечить ему условия для возобновления выполнения обязанностей Президента СССР.

4. Немедленно отменить все ограничения на деятельность российских средств массовой информации, тем более что в других республиках такие ограничения не вводились.

5. Отменить действие чрезвычайного положения по всей территории РСФСР на время работы сессии Верховного Совета РСФСР, обеспечить беспрепятственный выезд и прибытие в Москву народных депутатов РСФСР.

6. Отвести войска в места их постоянной дислокации.

7. Обеспечить Президенту РСФСР беспрепятственное функционирование в его резиденции в Кремле.

8. Немедленно восстановить все виды связи для нормального функционирования российского руководства.

9. Прекратить угрозы в адрес российского руководства, обеспечить его неприкосновенность и свободу передвижения.

10. Объявить о роспуске незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР и отменить все его постановления и распоряжения.

ПРЕЗИДЕНТ РСФСР *Б. Н. ЕЛЬЦИН*

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ *А. В. РУЦКОЙ*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР *И. С. СИЛАЕВ*

И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР *Р. И. ХАСБУЛАТОВ*».

Еще 19 августа к Белому дому подъехало десять танков без боекомплекта — охранять по команде Минобороны. «Демократы» смогли представить ситуацию так, что танкисты, де, «перешли на сторону народа». Затем к Белому дому подъезжал генерал-десантник Александр Лебедь — проводил рекогносцировку местности, прикидывал возможности для проведения штурма. Поскольку его провели вовнутрь здания для общения с руководством, также возникла легенда, что и он «перешел на сторону народа». Его непосредственный начальник — Павел Грачев все время вел двойную игру. Как и в предыдущие дни, он разрабатывал планы штурма Белого дома и даже предложил военную хитрость — продвигаться к нему клином, расчищая путь для спецназа. Но при этом Грачев не собирался ничего выполнять из обсуждаемого, а через Юрия Скокова информировал защитников Белого дома, что штурма не будет.

С утра по команде Владимира Крючкова его первый заместитель Гений Агеев провел совещание по анализу того, как лучше завладеть Белым домом. Затем Агеев переместился в Министерство обороны, где к нему присоединились Ачалов, Грачев, первый заместитель министра внутренних дел Борис Громов, командиры «Альфы» Карпухин и «Вымпела» Борис Бесков. Но если Крючков, Ачалов, Агеев, Грушко, Бакланов, Варенников выражали твердое мнение, что Ельцина нужно «нейтрализовывать», их подчиненные не торопились с этим. Громов занимал позицию постороннего наблюдателя. А командующий

«Альфой» Карпухин докладывал от Белого дома, что потери у его бойцов могут быть слишком большими. Короче говоря, вся силовая верхушка, непосредственно отвечающая за возможный штурм Дома Правительства РСФСР, всячески саботировала его исполнение.

Вечером 20 августа точку в споре неожиданно поставил Геннадий Янаев, заявив на заседании ГКЧП, что он против штурма и готов сказать об этом публично. После обсуждения решено было заявления не делать, но и подготовку к силовой акции отменить. Перед этим вызванные на заседание вице-премьеры Виталий Догужиев и Юрий Маслюков докладывали о критическом состоянии в экономике, что запасов хватит всего на несколько дней. Тот же Догужиев на требование Олега Бакланова — своего недавнего шефа по Министерству общего машиностроения докладывать ему два раза в день о ситуации в экономике — ехидно возразил, что сбор оперативной статистики отменен. Аналогично Догужиев «динамил» и требования Янаева по немедленному снижению цен на ряд товаров.

В два часа ночи наступила развязка. Незадолго до этого случились первые человеческие жертвы — трое защитников Белого дома погибли, пытаясь помешать маневрам военной техники в транспортном проезде под Калининским проспектом. Министр обороны Дмитрий Язов стремительно переходил в лагерь «капитулянтов» — он отказался приехать на совещание к Владимиру Крючкову на Лубянку. На самом совещании царил разброд. На посланного министром обороны Ачалова накинулся Бакланов, обвиняя военных в трусости и нерешительности. Громов отказался вводить дивизию Дзержинского в Москву. Крючков сказал в итоге: «Что ж, операцию надо отменять». Утром 21 августа Язов резко поговорил с Крючковым по телефону: «Я выхожу из игры. Сейчас собирается коллегия, которая примет решение о выводе войск из Москвы. Ни на какие совещания к вам я не поеду!»

Крючков, Бакланов, Тизяков приехали к нему в Минобороны попытаться уговорить не падать духом и продолжать бороться за общее дело. Разговор был эмоциональный, но Язов уже их не слушал, спрашивая: «Мне что — стрелять?» — имелось в виду в народ. Без армии КГБ был бессилен. Крючков еще полагался на утренние договоренности с Ельциным (он контактировал с ним все три дня) о выступлении в Верховном Совете РСФСР, но они уже явно были ни к чему. В итоге решили вернуться к тому, с чего начали, — опять лететь к Горбачеву. В 14.15 Крючков, Язов, Бакланов, Тизяков, Лукьянов и Ивашко вылетели в Крым.

Вслед за ними, не успев их перехватить, полетели в Крым Александр Руцкой, Иван Силаев, взявшие с собой Вадима Бакатина и Евгения Примакова, а также несколько десятков вооруженных офицеров милиции. Ельцин, советуясь с главкомом ВВС Евгением Шапошниковым, рассматривал как вариант сбить самолет ГКЧП, но не решился на такой шаг, понимая взрыв негодования из-за невинных

жертв. В Форосе Горбачев отказался принимать гэкачепистов до прилета российской делегации. Охрана снова ему подчинялась и бдительно следила за его безопасностью. Владимир Крючков с товарищами ожидал у дверей дачи решения президента, у которого к тому времени восстановили связь.

Тем временем прибыла российская делегация, которая сразу же прошла к Горбачеву. Из числа делегатов от СССР он согласился принять только Лукьянова — для того, чтобы обвинить того в предательстве. Руцкой с Силаевым торопили Горбачева, и в полночь президент вылетел в Москву на своем самолете, куда, по предложению Руцкого, взяли и Крючкова — для гарантии безопасности, чтобы не сбили по пути. Крючков сидел отдельно ото всех в хвосте, под присмотром милиционеров. При возвращении он был арестован — первым из всех членов ГКЧП — российским прокурором Валентином Георгиевичем Степанковым, поджидавшим в аэропорту Внуково-2. В следующем самолете летели Язов, Тизяков и Бакланов. Двое первых также были арестованы, а Бакланов временно отпущен, ибо пользовался иммунитетом как союзный депутат.

Янаев, оставшийся ночевать в Кремле, был арестован там же утром 22 августа. Павлова, находившегося на больничном, арестовали только 23 августа, в тот же день, что и Стародубцева. Бакланова арестовала в ночь на 24 августа очнувшаяся союзная прокуратура, которая два дня не могла решиться на выдвижение обвинений против членов ГКЧП. Вместе с ним были задержаны Болдин и Плеханов. Еще раньше, 22 августа, застрелился Борис Пуго.

Крючкова, Язова, Тизякова сперва поместили в правительственный пансионат «Сенеж», поскольку своего надежного места у российской прокуратуры не имелось. Там прошли и первые допросы. Через несколько дней узников перевели в следственный изолятор МВД, известный как Матросская Тишина.

22 августа 1991 года бывший председатель КГБ СССР написал Горбачеву письмо:

«Лично! Президенту СССР товарищу М. С. Горбачеву

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Пока числюсь в задержанных по подозрению в измене Родине, выразившейся в заговоре с целью захвата власти и осуществлении его. Завтра может быть арест и тюремное задержание и далее по логике. Очень надеялся на обещанный Вами разговор, но он не состоялся. А сказать есть чего! Какой позор — измена Родине! Не буду сейчас писать Вам более подробное письмо, в нем ведь не скажешь, что надо. Прошу разговора краткого, но важного, поверьте. Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме. Одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий

домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно! Вчера послушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили!

По-прежнему с глубоким человеческим уважением

В. Крючков».

25 августа 1991 года Крючков отправил из Матросской Тишины другое послание Горбачеву:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Огромное чувство стыда — тяжелого, давящего, неотступного — терзает постоянно. Позвольте объяснить Вам буквально несколько моментов.

Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас, в отчаяние. Какая все-таки жестокая штука эта политика! Будь она неладна. Хотя, конечно, виновата не она.

18.8 мы последний раз говорили с Вами по телефону. Вы не могли не почувствовать по моему голосу и содержанию разговора, что происходит что-то неладное. Я до сих пор уверен в этом. Короткие сообщения о Вашем пребывании в Крыму, переживаниях за страну, Вашей выдержке (а чего это стоило Вам!) высвечивали Ваш образ. Я будто ощущал Ваш взгляд. Тяжело вспоминать об этом.

За эти боль и страдания в чисто человеческом плане прошу прощения. Я не могу рассчитывать на ответ или какой-то знак, но для меня само обращение к Вам уже стоит что-то.

Михаил Сергеевич! Когда все это задумывалось, то забота была одна — как-то помочь стране. Что касается Вас, то никто не мыслил разрыва с Вами, надеялись найти основу сотрудничества и работы с Б. Н. Ельциным. Кстати, в отношении Б. Н. Ельцина и членов российского руководства никаких акций не проводилось. Это было исключено.

В случае необходимости полагали провести временное задержание минимального числа лиц — до 20 человек. Но к этому не прибегли, считали, что не было нужды.

Было заявлено, что в случае начала противостояния с населением операции немедленно приостанавливаются. Никакого кровопролития. Трагический случай произошел во время проезда дежурной военной машины “БМП” по Садовому кольцу. Это подтвердит следствие.

К Вам поехали с твердым намерением доложить и прекращать операцию. По отдельным признакам уже в Крыму мы поняли, что Вы не простите нас и что нас могут задержать. Решили доверить свою судьбу Президенту. Войска из Москвы стали выводить еще с утра в день поездки к Вам. Войска в Москве просто были не нужны.

Избежать эксцессов, особенно возможных жертв, — было главной заботой и условием. С этой целью поддерживали контакты. У меня,

например, были контакты с Г. Поповым, Ю. Лужковым, И. Силаевым, Г. Бурбулисом и, что важно, многократно с Б. Н. Ельциным.

Понимаю реальности, в частности мое положение заключенного, и на встречу питаю весьма слабую надежду. Но прошу Вас подумать о встрече и разговоре со мной Вашего личного представителя.

С глубоким уважением и надеждами

В. Крючков».

Писал он в те же дни и Ельцину:

«Уважаемый Борис Николаевич!

С огромным волнением, страшными переживаниями прослушал Ваше выступление на траурном митинге. Это в целом. Упомянули мою фамилию. Мною, якобы, было сказано, что организаторам переворота надо было бы действовать против Российского руководства более энергично.

Нигде и никогда ничего подобного я не говорил. Пару дней назад у меня, уже задержанного, взял интервью тележурналист Молчанов. Оно короткое — 2—3 минуты. Может быть, Ваши слова связаны с этим интервью? Тогда кто-то не так интерпретировал Вам его. Очень прошу Вас просмотреть запись этого интервью, и Вы убедитесь.

Далее Вы сказали, что был список на 12 человек, определенных к убийству. Такого не было! Это категорично! Наоборот, строго подчеркивалось как непременное условие — никаких жертв, и выдвижение войск производить исходя из этого.

Хотел бы направить Вам подробное письмо. Думаю, что оно в какой-то мере могло бы пополнить и уточнить представление о случившемся.

С уважением *В. Крючков*. 24.8.91».

И Бакатину, сменившему его на посту главы КГБ:

«Уважаемый Вадим Викторович!

Обращаюсь к Вам как к Председателю Комитета госбезопасности СССР и через Вас, если сочтете возможным довести до сведения, к коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния и безмерного переживания по поводу трагических августовских событий в нашей стране и той роли, которую я сыграл в этом. Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление.

Разум и сердце с трудом воспринимают эту явь, и ощущение пребывания в каком-то кошмарном сне ни на минуту не покидает.

Осознаю, что своими преступными действиями нанес огромный ущерб своей Отчизне, которой в течение полувековой трудовой жизни отдавал себя полностью. Комитет госбезопасности ввергнут по моей вине в сложнейшую и тяжелую ситуацию.

Мне сказали, что в КГБ СССР была Коллегия, которая осудила попытку государственного переворота и мои действия как Председателя

КГБ. Какой бы острой ни была оценка моей деятельности, я полностью принимаю ее. Очевидно, что необходимые по глубине и масштабам перемены в работе органов безопасности по существу и по форме еще впереди.

Уважаемый Вадим Викторович! После всего происшедшего, да и в моем положении заключенного, считаю в моральном отношении не вправе обращаться к коллективу органов безопасности, доверие которого не оправдал, с просьбой о каком-либо снисхождении. Но убедительно прошу не оценивать всю мою жизнь только по августу 1991 года.

С уважением *В. Крючков.* 24.8.91».

Эти написанные по свежим следам документы, на мой взгляд, яркое свидетельство не трусости Крючкова, как считают иные, а того, что он не рассматривал свои действия как заговор. Его слова, обращенные к Горбачеву, Ельцину, Бакатину, — это слова человека искренне недоумевающего, что все произошло именно так, точнее, не понимающего, что именно произошло. Адресаты его писем — для Крючкова «свои», вовсе не враги. Разумеется, он был ошеломлен той волной, которая поднялась и против всех членов ГКЧП, и против него лично. «Фашисты», «хунта», «убийцы» — звучало достаточно серьезно, чтобы полагать, что в итоге может ждать высшая мера наказания.

Следствие велось быстро и уже 14 января 1992 года было закончено. За это время с гэкачепистов сняли обвинение в «измене Родине», оставив «заговор с целью захвата власти». Затем целый год заключенные знакомились с предъявленными обвинениями — 144 тома дела — вместе со своими адвокатами. Крючкова защищал юрист Юрий Павлович Иванов, который никогда не был членом КПСС. Впоследствии он стал профессиональным политиком, трижды избирался депутатом Государственной думы.

Все члены ГКЧП были людьми в возрасте, попадание в тюрьму, естественно, не лучшим образом сказывалось на их здоровье. Крючков был самым старшим среди гэкачепистов, и, конечно, ему приходилось нелегко. Тема состояния здоровья была одним из инструментов давления на следствие со стороны родных и близких заключенных. Они, в частности жена Олега Шенина, утверждали, что прокуратура даже специально держит больных и престарелых людей в тюрьме, чтобы они поскорее там умерли. Надо заметить, что число арестованных было больше, чем имелось гэкачепистов. Так в тюрьме оказались Анатолий Лукьянов, Валентин Варенников, Олег Шенин, Валерий Болдин, Вячеслав Генералов, Виктор Грушко, Юрий Плеханов, привлеченные по одному уголовному делу с формальными членами ГКЧП.

В августе 1992 года вышла книга Генпрокурора РФ Валентина Степанкова и его заместителя Евгения Лисова «Кремлевский заговор», в которой вопреки и юридическим традициям, и элементарной морали руководители следствия по делу ГКЧП, еще до передачи его в суд,

выдвинули свою версию произошедшего и опубликовали следственные материалы. Подобный поступок показывает весь правовой нигилизм российской прокуратуры того времени, пренебрежение ее руководителями норм закона и нравственности. Трудно сказать, что двигало Степанковым и Лисовым — желание получить гонорар, стремление переломить общественное мнение, которое разочаровывалось в противниках гэкачепистов и начинало скорее сочувствовать им, или деморализовать подсудимых? Нельзя не вспомнить, что уже через несколько дней после ареста гэкачепистов видеокассеты с допросами Крючкова, Язова и Павлова были проданы сотрудниками прокуратуры журналистам журнала «Шпигель» — поразительный случай коррупции в правоохранительном органе.

В декабре 1992 года Валентин Степанков утвердил обвинительное заключение и передал его в Верховный суд. 26 января 1993 года заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда России Анатолий Уколов принял решение о назначении первого заседания суда по делу ГКЧП на 14 апреля. Одновременно Владимира Крючкова, Геннадия Янаева, Валентина Павлова, Александра Тизякова, Олега Бакланова и Дмитрия Язова отпустили домой, изменив меру пресечения. Василию Стародубцеву подобная мера была применена раньше, в июне 1992 года. До января 1993 года были также выпущены Генералов, Болдин, Грушко, Лукьянов, Шенин, Варенников и Плеханов.

Заседания суда проходили в совершенно иной политической ситуации. Страны, в преступлении против которой обвиняли подсудимых, уже не существовало, что придавало всему процессу абсурдный характер. Огромный объем документов, которые должен был рассмотреть суд (гособвинитель две недели зачитывал четыре тома обвинения), огромное число свидетелей (не менее ста двадцати), болезни пожилых подсудимых, из-за которых срывались заседания, — все это затягивало процесс, интерес к которому пресса давно потеряла, а ее внимание было теперь приковано к противоборству Ельцина с Хасбулатовым — вчерашние союзники по борьбе с ГКЧП превратились в заклятых врагов. За время процесса успели произойти известные события сентября—октября 1993 года, когда Белый дом штурмовался уже не понарошку и погибли более 140 человек.

За решетку уже попали Руцкой с Хасбулатовым, и нужно было проводить следствие по новым «путчистам» — защитникам Белого дома. Валентин Степанков, метавшийся между ветвями власти и потерявший доверие Ельцина, был отстранен от должности генпрокурора; приостановили деятельность Конституционного суда и приняли новую Конституцию. Суд над гэкачепистами все больше превращался в фарс. Необходимость его прекращения становилась все более очевидной.

Депутаты избранной в декабре 1993 года нижней палаты нового российского парламента — Государственной думы в большинстве своем разделяли такой подход. Поэтому одним из первых ее шагов стало

принятие решения 23 февраля 1994 года о проведении двух амнистий — в связи с принятием Конституции Российской Федерации. В тексте второго постановления говорилось:

«В целях национального примирения, достижения гражданского мира и согласия, в соответствии с пунктом “е” части 1 статьи 103 Конституции Российской Федерации Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Прекратить все уголовные дела, находящиеся в производстве следователей, и дела, не рассмотренные судами, в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности:

а) по событиям 19—21 августа 1991 года, связанным с образованием Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности;

б) по факту столкновения демонстрантов и работников органов внутренних дел 1 мая 1993 года в г. Москве;

в) за участие в событиях 21 сентября — 4 октября 1993 года в г. Москве, связанных с изданием Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации”, и противодействие его реализации, независимо от квалификации действий по статьям Уголовного кодекса РСФСР».

Таким образом, были амнистированы участники трех политических акций, приведших к человеческим жертвам. Ельцин поначалу наотрез отказался выполнять это решение. Но новый генпрокурор — Алексей Иванович Казанник — проявил принципиальность и дал команду освободить задержанных в связи с событиями сентября—октября в Москве. Амнистия была исполнена в полном объеме. Сам Казанник ушел в отставку. 1 марта решение об амнистии было объявлено в суде участникам ГКЧП, однако процесс на этом не закончился.

Президиум Верховного суда по протесту стороны обвинения решение о прекращении дела по амнистии отменил по формальным основаниям, мол, поскольку решение о виновности или невиновности принято не было, надо дождаться окончательного решения и потом уже — в случае виновности — применять амнистию, и направил дело в военную коллегию суда на рассмотрение в новом составе. Подсудимым на первом же заседании 6 мая 1994 года предложили принять амнистию. Все члены ГКЧП с этим предложением согласились, и для них суд закончился. Один лишь Варенников — не член ГКЧП от амнистии отказался, но и его 11 августа 1994 года суд оправдал за отсутствием состава преступления.

После выхода из Матросской Тишины в январе 1993 года Владимир Крючков прожил на свободе 14 лет, но уже не играл видимой роли в общественной жизни. Он еще принял участие в первомайской демонстрации 1993 года, которая завершилась кровопролитием, но участвовал в ней как рядовой, пусть и почетный, участник, не

организатор. Будучи по своей сути аппаратным работником, предпочитавшим находиться вдали от публики, он таковым оставался и в старости. Владимир Крючков не являлся лидером, тем, кто выдвигается наверх самой жизнью, где бы он ни оказался. Его предшествующая карьера стала следствием удачных совпадений. Лишившись кресла начальника, он уже не был центром притяжения. Кроме того, для Крючкова стало сильнейшим потрясением то, как закончилась его профессиональная деятельность. Попадание в тюрьму было для него — советского человека — полным крахом всей жизни, не говоря уже о развале СССР и запрете КПСС. Поэтому неудивительно, что значительная часть его выступлений, интервью, статей посвящено самооправданию, с одной стороны, и поиску предателей — с другой. Теперь он писал о Горбачеве и Ельцине, уже не сдерживаясь.

Приход к власти Владимира Путина, многолетнего сотрудника КГБ, стал для Владимира Крючкова своего рода бальзамом на душу. Он мог больше не стыдиться своего прошлого, раз президент страны — бывший работник спецслужб. Его привлекали для консультаций, он участвовал в деятельности ветеранских организаций чекистов. Им были написаны мемуары, впрочем, не очень содержательные, показывающие, что главой самой мощной спецслужбы на земле вполне мог стать самый обычный человек.

Скончался Владимир Александрович Крючков 23 ноября 2007 года. Проститься с ним из высших лиц пришли директор Федеральной службы безопасности (ФСБ) Российской Федерации Николай Платонович Патрушев и директор Службы внешней разведки (СВР) России Михаил Ефимович Фрадков.

Гэкачеписты

ЯЗОВ

Дмитрий Тимофеевич Язов был единственным сибиряком среди членов ГКЧП. Он родился 8 ноября 1924 года в деревне Язово Калачинского уезда Омской губернии. Совпадение названия деревеньки и фамилии и не случайно, и не является чем-то редким для русского крестьянства. Названия населенных пунктов нередко давались по имени их основателя, чьи потомки продолжали жить там же. Так случилось и с мужиками Язовыми, которые в начале XIX века переехали на берега Лебяжьего озера и основали здесь поселение.

Это было еще до массового переселения в Сибирь крестьянства, которое происходило в конце XIX — начале XX века. Язовы, которые вели свой род с Севера, из-под Великого Устюга, сперва поселились под Тобольском, а уже после перешли на Лебяжье. Их можно считать сибирскими старожилами. Их деревня находилась на самом юге тогдашней русской колонизации края. Дальше шли уже чисто степные земли, где кочевали племена казахов. Само же поселение находилось в

лесостепной зоне — открытые пространства перемежались с березовыми колками. Кругом было много озер, богатых рыбой. Сибирь никогда не знала крепостного права, так что люди жили здесь зажиточно. Рядом же селились казаки, столицей Сибирского казачьего линейного войска стал Омск, располагавшийся в 140 верстах на Иртыше.

Однако важное экономическое значение край получил уже в начале XX века, после прокладки Транссибирской магистрали, организованного государством переселения за Урал и развития сельскохозяйственной кооперации. Сибирь становилась важным производителем сливочного масла и зерна. Переселение давало возможность хоть в какой-то мере снять напряжение в деревне, вызванное аграрным перенаселением и неэффективной системой землепользования после реформы 1861 года. Кооперация в молочной сфере вовлекала сотни тысяч крестьянских хозяйств в систему разделения труда и давала им выход к рынкам сбыта. А железная дорога (проходившая недалеко от Язова) способствовала вывозу продуктов крестьянского труда.

Отец Георгий Шавельский, последний протопресвитер русской армии и флота, вспоминал: «…Скоро Сибирь стала неузнаваема. В 1904 году, когда я, едучи на войну, впервые увидел Сибирь, там даже прилегающие к железной дороге места не были заселены. Вдоль железнодорожного пути тянулась бесконечная тайга, и только изредка встречались поселки. Проезжая в августе 1913 г. Сибирь, я не узнавал ее: везде виднелись обширные поля и сенокосы; уборка хлебов и сена всюду производилась машинами, поля обрабатывались пароконными плугами, — одноконных плугов не было видно. В этом отношении Сибирь опередила не только северную и западную, но и центральную Россию, где в то время еще не вывелась соха, а серпы и косы оставались в крестьянских хозяйствах единственными орудиями при жатве и косьбе.

Прежние маленькие сибирские городишки теперь разрослись в большие города. Новониколаевск на Оби, в 1904 г. имевший, кажется, не более 15 тысяч жителей, в 1913 г. насчитывал 130 тысяч жителей. Девственная сибирская земля щедро вознаграждала всякого, кто отдавал ей свой труд. В Красноярске, Томске и Омске мне много рассказывали: об удивительных урожаях пшеницы — сам 40, о бесконечных богатейших пастбищах для скота, об обилии дичи в лесах, о кишевших рыбой сибирских реках, о чудовищных минеральных богатствах Алтая, о беспредельных лесных пространствах, о целебнейших минерально-водных источниках Алтая».

Атаман Григорий Семенов, проезжавший через всю Сибирь на фронт в 1914 году, оставил воспоминания: «Богатство урожая подтверждалось видом сжатых и покрытых золотистыми снопами хлеба полей. Повсюду на станциях кипела работа: горы разных товаров ожидали очереди отправки к местам назначения; тяжело нагруженные поезда перебрасывали на запад к фронту бесконечные эшелоны войск и продукты труда сибиряка — масло, кожи, мясо, хлеб, скот, лес и пр., и

пр. Оценивая кипучую работу в глубоком тылу, видя неисчерпаемые богатства нашей страны, мы укрепили свою уверенность в грядущем благополучии и величии нашей родины».

Столыпинские реформы благодатно воздействовали на жизнь русской деревни, но им было отпущено слишком мало времени, чтобы страна смогла в полной мере оценить их целебный эффект. Первая мировая война приостановила поступательное и быстрое развитие России. В 1917 году разразилась катастрофа, опрокинувшая нормальную жизнь.

Глубокая сибирская провинция на себе ощутила ее последствия, став ареной Гражданской войны. В Омске находилось правительство Колчака, безуспешно пытавшегося победить большевиков. Сибирское крестьянство, хотя и не знавшее помещичьего землевладения, тем не менее не поддерживало белых. Воцарившееся беззаконие раскололо его на старожилов и новоприбывших, обострило противоречия между казаками и не казаками, инородцами и русскими. Со стороны большевиков крестьяне не чуяли еще угрозы. Когда они осознали ее и поднялись в 1921 году на восстание в Западной Сибири, было уже поздно. Разрозненные силы повстанцев не могли противостоять регулярной армии и были быстро разбиты большевиками.

Впрочем, в том же 1921 году крестьянам советская власть дала на несколько лет передышку, отменив продразверстку и введя нэп. Однако именно Западная Сибирь стала местом, где у вождя большевиков Иосифа Сталина созрели окончательно планы о том, как покончить с нэпом и перейти к ускоренной коллективизации. Ввиду кризиса хлебозаготовок он в январе 1928 года лично выехал в регион, посетив в том числе и Омск. В Сибири генсек нацелил партийный актив на самые решительные меры против «кулачества», связывая кризис не с ценовой политикой, а с сознательным саботажем крестьянства, в первую очередь зажиточного. В своей циркулярной телеграмме он писал:

«Многие из коммунистов думают, что нельзя трогать скупщика и кулака, так как это может отпугнуть от нас середняка. Это самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющихся в головах некоторых коммунистов. Дело обстоит как раз наоборот. Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен. Только при такой политике середняк поймет, что перспектива повышения цен на хлеб есть выдумка спекулянтов, что спекулянт и кулак есть враг Советской власти, что связывать свою судьбу с судьбой спекулянтов и кулаков опасно, что он, середняк, должен выполнить перед рабочим классом свой долг союзника. Без такой политики мы не добьемся изоляции спекулянтов и кулаков на рынке, не добьемся решительного перелома на фронте хлебозаготовок.

Доказано, что по этой части практика наших партийных работников страдает серьезными недостатками, не говоря уже о судебных органах

и низовом советском и кооперативном аппарате, которые нередко мирволят спекулянту и кулаку».

Не знаю — много ли запомнил Язов из своего доколхозного детства. Жизнь крестьянина в России в XX веке никогда не была легкой, и потому воспоминания выходцев из деревни часто не делятся резко на светлую — доколхозную и темную колхозную полосы. Но необходимо учитывать, что многие из них писались в условиях советской цензуры, а главное, постоянного промывания мозгов. В любом случае Дмитрий Язов всю жизнь был советским лоялистом и об отвлеченных материях — наподобие «нужны ли колхозы»? — не размышлял, принимая советскую действительность, как есть.

Беды и невзгоды преследовали будущего маршала с самого детства. Его отец Тимофей Яковлевич умер (сравнительно молодым, чуть за тридцать), когда Диме было девять лет. Мать Мария Федосеевна, оставшаяся с четырьмя детьми, повторно вышла замуж — за оставшегося вдовцом мужа своей сестры, у которого своих было тоже четверо. Затем родились еще двое общих, итого в новой семье росло десять детей. Мальчик был сметливым и понятливым, любил учиться, поэтому, в отличие от большинства сельских сверстников, не ограничивался начальным образованием, а хотел окончить среднюю школу. Но десятилетка находилась в соседнем поселке, что создавало дополнительные трудности для пытливого подростка, там нужно было жить.

22 июня 1941 года нарушило привычное течение жизни. Дима Язов, перешедший в десятый класс, вместо того чтобы оканчивать школу, стал осаждать военкомат с просьбой направить на фронт, хотя ему не исполнилось даже семнадцати лет. В тот день, когда ему наконец-то пошел восемнадцатый год, 8 ноября 1941 года, ему вручили направление в Московское краснознаменное пехотное училище (МКПУ), эвакуированное в Новосибирск. Впрочем, и это было результатом хитрости деревенского парнишки — он скрыл свой настоящий возраст, приписав себе лишний год, благо паспортов тогда в деревне не имелось. Возможно, это решение военкомата спасло ему жизнь. Попади Язов рядовым в пехоту — как большинство призывников — шансы не дожить до конца войны были бы куда выше. В его деревенской родне очень многие не вернулись с войны домой, начиная с отчима и мужей всех сестер.

Дмитрий Язов попал в училище как имеющий неполное среднее образование — редкость по тем временам. А вот оставшийся десятый класс он потом еще долго никак не мог завершить, получив диплом об окончании средней школы лишь 12 лет спустя, в 1953 году, будучи майором. Он был ему нужен не только для самоутверждения, но и для поступления в академию. С курсантской фотографии конца 1941 года на нас смотрит совсем подросток — в пилотке, со скуластым лицом. Язов выдержал суровую дрессировку и голодную жизнь в училище морозной

зимой 1941/42 года. А в январе МКПУ перебросили из Новосибирска в Москву. Дорога заняла целый месяц, кормили горячей пищей, как вспоминал Язов, только в самых крупных городах. Забота о людях была слабым местом советской власти, что в армии, что на гражданке. Различие — как питались, одевались, снабжались солдаты в Первую мировую и во Вторую — просто поразительно.

Как бы там ни было, в 17 лет Дмитрий Язов совершенно случайно сделал выбор, который определил всю его жизнь и привел к вершинам власти. Почти все советские маршалы и генералы, что из его поколения, что из более старшего, были схожего происхождения — из крестьян или рабочих. Язов оказался в армии на своем месте — он был сметлив, обладал волей, не пререкался с начальством. Типичный простой крестьянский паренек с потенциалом для карьеры.

Но прежде надо было остаться в живых на страшной войне. Училище Дмитрий Язов окончил в июле 1942 года и сразу был направлен в звании лейтенанта на Волховский фронт. Первым его впечатлением стал расстрел такого же несчастного лейтенантика, обвиненного в бегстве с позиций, запомнившийся ему на всю жизнь. Наверное, начальство намеренно привело новоприбывших на казнь, дабы крепко напугать их. Количество перебежчиков с советской стороны все четыре года было немалым. В плен сдавались сотнями тысяч. Как раз в эти самые дни генерал Андрей Власов, заместитель командующего Волховским фронтом, попал в плен к немцам и вскоре начал с ними сотрудничать. Поэтому комиссары и Смерш не дремали, запугивая солдат.

Большой проблемой для молодого командира, которому еще не исполнилось восемнадцати лет, было установление контакта со своими бойцами, иным из которых было под пятьдесят, и они годились ему в отцы, если не в деды. Кроме того, они уже являлись обстрелянными бойцами, а Дмитрий Язов еще не нюхал пороху. Тут легко было сломаться, но для сильного человека подобная ситуация была закалкой характера. Опять-таки это была ситуация, характерная для Красной армии, а затем и Советской — вплоть до самого ее конца. Она строилась на неформальных основаниях, и те же сержанты в 1960—1980-е годы не имели никакого влияния и значения, а значение имел срок службы.

Уже в августе Дмитрий Язов получил первое ранение и был отправлен в госпиталь до октября. Следующее ранение последовало в январе 1943 года. В марте его направили на курсы совершенствования командного состава в город Боровичи, где он познакомился со своей будущей супругой — Екатериной Федоровной Журавлевой.
До Германии наш герой так и не дошел. Война для него закончилась на территории Латвии, где войска Ленинградского фронта, к которому он теперь относился, блокировали Курляндскую группировку противника. На фотографии старшего лейтенанта Дмитрия Язова 1944 года, снятой через три года после курсантской, мы видим уже совсем иного человека. Вместо напуганного подростка на нас смотрит

лихой боец, уверенный в себе командир, настоящий русский парень. На войне взросление произошло очень быстро.

Несмотря на послевоенное сокращение армии, Дмитрий Язов остался служить, что было вполне понятно и объяснимо. Не имея никакого иного образования, кроме военного, и другой профессии, — на что он мог рассчитывать на гражданке? Для парня из нищей колхозной деревни офицерская карьера представлялась единственным шансом выбиться в люди. В этом смысле судьба Язова типична для его поколения — тех молодых людей, кто, попав в военные училища в те годы и дожив до победы, связал свою судьбу с армией. Большинство из них были такими же крестьянскими детьми. «Отец спросил, какие у меня планы на будущее. Я сказал, что хочу уволиться из армии и вернуться в Беларусь. А он говорит: “Стоит ли? В армии хотя и трудно, однако кормят. А здесь? Доедим бульбочку — и голод. Как до войны. Теперь на своей полоске не посеешь, — не то что во время оккупации. Уже и межи запахали”…» — так вспоминал одногодок Язова, также выходец из деревни, Василь Быков, в том же 1942-м окончивший военное училище.

Любопытно сравнить их впечатления от военной службы. Если Дмитрия Язова в целом все устраивало, и расстрел лейтенантика он одобрял, как и сталинский приказ «Ни шагу назад!», то Быков так вспоминал об училище: «Теперь, с высоты военного опыта и прожитых лет, нельзя не удивляться, чему и как нас тогда учили. Главной дисциплиной, как, наверное, издавна повелось в русской армии, была строевая подготовка — плац-парадная военная наука, по степени овладения которой оценивалось все остальное. Под ее формальные и неумолимые требования подгонялось даже обучение тактике действий в обороне и наступлений. На войне она не потребовалась никому. Наилучших результатов добивались те командиры, которые, отринув устаревшие линейные шаблоны, творчески экспериментировали, широко мыслили, смело проявляли боевую инициативу и самостоятельность. Можно смело сказать, что многими победами, да и просто успешными боевыми действиями, армия обязана дилетантам. Довоенные профессионалы в большинстве своем обанкротились в самом начале войны. Но чтобы понять и оценить это, следовало приобрести дорого доставшийся опыт, а мы тогда были такими зелеными…»

А вот его впечатления от послевоенной армии: «…прежние несуразицы, тупая муштра, нехватка всего самого необходимого — от транспорта до шинелей. (Половину зимы ходил в ватнике с наскоро пришитыми погонами на плечах.) Более свирепым стал режим секретности, такого не было даже в годы войны. Засекречены были все наставления, инструкции, приказы. Если для проведения занятий требовалось какое-либо наставление (а оно требовалось каждый день), надо было утром получить его под расписку в секретной части, а вечером

сдать. Было немало путаницы, неразберихи, и несколько офицеров на этом погорели…

Уставы! Устав караульной службы, например, требовал, чтобы у командира, который проверяет посты, часовые требовали удостоверение личности. А на кой ляд его требовать, если этого командира солдаты знают целых два года, видят его каждый день. Но — так положено!.. Один из командиров полка нашей дивизии находил садистское удовольствие в издевательствах над дежурными на КПП (контрольно-пропускной пункт): по несколько раз входил в ворота. Войдет, выйдет и снова войдет. И горе тому солдату, который не проверит у него документы. Обычно к вечеру переставали проверять, на этом и попадались. В лучшем случае получали выговор. Любопытно, что кадровые офицеры не считали эту бессмысленную проверку документов глупостью. Спросишь: а зачем это? Ответ, заученный раз и навсегда: так положено. А по здравому смыслу? Молчат. Так положено — и все, дальше этого никаких мыслей. Что до здравого смысла, то он, как говорил один знакомый комбат, в армии никогда не ночевал.

Самым положительным качеством командира считалась строгость, обязательная для всех, начиная с ефрейтора и кончая полковником. Строгость и требовательность. Многие только на ней и держались, а то и делали карьеру — на демонстративной строгости и неукоснительном следовании уставам. Порой это граничило с жестокостью, принимало бесчеловечные формы».

В этом отношении к армейским будням и проявлялось различие между двумя сверстниками-офицерами. Один не замечал дуроломства, другого оно отталкивало. Все дело в разной психологии, в разных характерах. В Советском Союзе в начальство попадали, конечно, разные люди. Но рефлексирующие интеллигенты подняться не могли однозначно. Система отбраковывала таковых еще на самых нижних ступенях.

Конечно, после войны скорость продвижения по службе резко замедлилась. Дмитрию Язову пришлось до первого генеральского звания идти после 1945-го целых 23 года. Он также удачно пережил хрущевское сокращение армии в 1950-х годах, когда прошло массовое увольнение офицерства. Поколение ветеранов войны стояло во главе вооруженных сил вплоть до 1991 года. Оно принесло с собой соответствующий менталитет, традиции и порядки.

В 1946 году, получив отпуск, Дмитрий Язов поехал к невесте Екатерине в Боровичи. Там они поженились. Через год родилась дочь Лариса. Первым местом службы после войны была Эстония, затем окрестности Ленинграда. Бытовые условия были ужасными. Шесть семей офицеров ютилось в коммуналке из пяти комнат. Когда дочке исполнилось два года, она трагически погибла — обварилась в тазу со щелоком на кухне коммуналки. Но через год родился сын Игорь, затем дочь Елена. Боль от потери первенца немного стихла.

Сдав экзамены за десять классов, Дмитрий Язов мог претендовать на поступление в Военную академию имени М. В. Фрунзе, без чего на нормальную карьеру рассчитывать было нельзя. В 1953 году его зачислили на обучение. Учился он блестяще и окончил академию с золотой медалью в ноябре 1956 года. Три года, проведенных в Москве, расширили его кругозор, и военный, и общежитейский. Последний год обучения Язовы снимали жилье прямо на Тверском бульваре, в самом центре столицы, неподалеку от мастерской знаменитого скульптора Коненкова, с которым офицер познакомился.

Как золотой медалист, Дмитрий Язов имел право на свободное распределение, и он вернулся в знакомый ему Ленинградский военный округ. Таким образом, город на Неве надолго стал для него родным. Он служил командиром батальона, затем начальником полковой школы сержантов. Затем Язов служил в Управлении боевой подготовки округа и только в октябре 1961 года стал командиром полка. На этой должности в его судьбу и вмешалась большая политика.

В 1959 году на далекой Кубе к власти пришел молодой революционер Фидель Кастро. За короткое время он эволюционировал от неопределенной революционности (американские СМИ вполне поддерживали его борьбу против режима Фульхенсио Батисты) ко вполне марксистскому варианту устройства власти, установив стратегическое сотрудничество с СССР. С Вашингтоном же он, напротив, рассорился. Однако его власть была весьма шаткой. В апреле 1961 года поддерживаемые США оппозиционеры высадились на Плая-Хирон, попытавшись вооруженным путем свергнуть Кастро. Попытка не удалась из-за плохой организации нападавших и нерешительности президента Джона Кеннеди. Однако никто не давал гарантий, что подобное не повторится. Внутри Кубы росло недовольство режимом братьев Кастро.

В том же 1961-м США разместили в Турции ракеты «Юпитер» с ядерными боеголовками, нацеленные на СССР. У последнего же адекватного ответа не имелось, и по числу ракет (равно как по их качеству), и по числу ядерных боеголовок Советский Союз в десятки раз уступал Америке. Кроме того, у последней имелись сотни бомбардировщиков на базах вокруг СССР, несущих атомные бомбы.

В мае 1962 года Никите Хрущеву пришло в голову одним выстрелом убить двух зайцев — переломить ситуацию в стратегическом противостоянии с США и одновременно защитить Кубу от американского вторжения. Для этого следовало разместить на острове советские ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками, которые покрывали значительную часть территории США. Операция, получившая название «Анадырь» — по реке на Чукотке, проводилась в условиях абсолютной секретности. О ней знал лишь малый круг причастных к ее разработке.

Помимо ракетных частей, на Кубе размещались подразделения ПВО, авиации, вспомогательных служб и в том числе мотострелковые. По первоначальным планам на остров должны были быть переброшены четыре полка. Разумеется, полковник Дмитрий Язов ничего об этом не знал, и когда ему главком Сухопутных войск, маршал Василий Иванович Чуйков, прибывший в ЛенВО, поручил сформировать и возглавить 400-й отдельный мотострелковый полк, то новоиспеченный командир даже и не догадывался, для чего предназначено его подразделение.

За три месяца Дмитрий Язов подготовил полк, вооруженный самой новой техникой. Для маскировки выделялось зимнее обмундирование, так что солдаты могли подумать, что отправляются на Крайний Север. 23 августа Язов с подчиненными (все в штатской одежде для маскировки), погрузившись на корабль «Победа» (гражданского морского флота, вся переброска осуществлялась именно его судами, и ВМФ в операции «Анадырь» практически не был задействован), отплыл в неизвестность из порта Приморск на Балтийском море. Только когда теплоход вышел в Северное море, был вскрыт пакет с указанием дальнейшего маршрута. Плавание оказалось вовсе не приятным путешествием. Солдаты могли выходить на палубу, чтобы подышать свежим воздухом, только небольшими партиями и преимущественно ночью, чтобы не вызывать подозрений у возможных наблюдателей. В Северном море началась страшная качка, так что большинство сухопутных военнослужащих с непривычки страдали морской болезнью и лежали в лежку, страдая от ее последствий.

После шестнадцати дней пути «Победа» наконец-то прибыла в порт Антилья, на востоке острова, ближе всех к американской базе в Гуантанамо. Полк предстояло разместить неподалеку, у города Ольгин. Экзотическая тропическая природа проявляла себя с первых дней. Солдаты заболевали дизентерией, зачастую случались ожоги соком ядовитых растений. В обстановке суматохи и секретности с родины не были привезены многие необходимые материалы. Приходилось жить в палатках.

Но главными были не бытовые трудности. Дмитрий Язов с подчиненными сразу попал в самый эпицентр мирового кризиса, позже получившего название Карибского. Уже 14 октября американцы с разведывательных самолетов обнаружили советские ракеты на боевых позициях. 22 октября Кеннеди объявил о карантине острова, к которому приближались очередные советские суда, в том числе с ядерными боеприпасами. 27 октября советские зенитчики сбили над Кубой разведывательный самолет U-2 (второй самолет этой марки после Пауэрса в 1960 году), пилот погиб. Мир оказался на грани ядерной войны.

Командовал советскими войсками на Кубе генерал Исса Александрович Плиев, дважды Герой Советского Союза, буквально

накануне командировки подавивший выступления в Новочеркасске. Возможно, именно этот факт и повлиял на кадровый выбор в Кремле. Его откомандировали на остров, не освобождая от должности командующего Северо-Кавказским военным округом. Плиев (на Кубе он был известен под псевдонимом Иван Павлов), как и Чуйков, славился своим жестким характером, но Дмитрием Язовым и он остался доволен.

Карибский кризис разрешился благополучно. СССР вывел свои ракеты с Кубы, так напугавшие американцев, а США взамен убрали свои ракеты из Турции и дали гарантии ненападения на Кубу. Так что считать, что СССР проиграл, как порой заявляют, — неверно. Скорее советское руководство осознало, что имеющихся сил недостаточно для глобальной геополитической игры, что СССР не способен поддержать свою группировку за тысячи километров. Но в любом случае это был опыт, пусть и очень рискованного, но успешного блефа, когда слабая держава играла наравне с сильной. И одновременно это было проверкой боеспособности в условиях, приближенных к боевым.

Кубинский опыт помог Дмитрию Язову в дальнейшей карьере. На Кубе он пробыл ровно год, в отрыве от семьи, в первых письмах он даже не мог сказать, где именно находится. Приходилось отвечать на множество вызовов — непривычный климат, отсутствие самого необходимого, постоянная готовность к отражению атак, обучение кубинцев обращению с советской техникой. Ему повезло, что именно его отобрали на должность комполка, но все остальное зависело от него самого, и он с честью справился с испытанием, и отныне у него всегда было преимущество кубинского опыта.

Тем, кто привык видеть Дмитрия Язова во времена его пребывания министром и последующих лет, когда он выглядел уже вполне «по-брежневски» — с невыразительным и усталым обликом бюрократа, следует посмотреть на его фото в сорокалетнем возрасте — на них мы увидим бодрого и подтянутого молодца, с открытым и располагающим к себе лицом. Таким он был и на Кубе.

По возвращении на родину Дмитрий Язов два года служил в штабе ЛенВО заместителем, а затем начальником отдела планирования и общевойсковой подготовки. Таким образом, непосредственно командная работа в его карьере сочеталась со штабной, давая возможность постичь военную службу со всех сторон. Через год он получил направление в Академию Генерального штаба, обязательный этап для желающих занять высшие командные посты. Вместе с ним из ЛенВО (Язов навсегда покидал Ленинград после почти двадцати лет службы) в академию был направлен и его хороший знакомый Валентин Варенников. До того времени он обгонял Язова по службе, будучи практически его ровесником. Когда Язов являлся комполка, Варенников уже командовал дивизией. Да и после академии Варенников получил корпус, а Язов — только дивизию.

Два года в академии пролетели быстро, и вот уже Дмитрия Язова ждало распределение — командиром дивизии в Забайкальский военный округ, штаб которой находился в поселке Даурия, как раз у места, где сходились границы СССР, Китая и Монголии. В 1967 году обстановка в регионе стремительно обострялась. От советско-китайской дружбы уже ничего не осталось. Более того, от политической конфронтации Пекин и Москва переходили к военной. Мао Цзэдун, видевший себя после смерти Сталина вождем мирового коммунизма, бросал вызов Кремлю, обвиняя советских руководителей в перерождении и сделке с империалистами. В Китае бушевала «культурная революция» — местный аналог 1937 года — и нагнетались антисоветские настроения. Не за горами были события на острове Даманском 1969 года, когда дело дошло до прямых столкновений между вооруженными силами СССР и Китая.

Поэтому советское руководство в экстренном порядке укрепляло свой тыл в Забайкалье, занимаясь интенсивным военным строительством в округе на случай столкновения с Китаем. Геополитическое соперничество с Китаем — забытый, но важный сюжет холодной войны. Москва была вынуждена противостоять не только НАТО во главе с США, с учетом также экономических возможностей Японии, но и самой населенной стране мира, с которой у нее была многотысячекилометровая граница. Так что Язов попал на «горячее» направление. Трудности усугублял тяжелый забайкальский климат — зима со столь суровыми холодами, которые с трудом терпел даже сибиряк Язов, и засушливое жаркое лето. Все это в горно-степном ландшафте с пронизывающими ветрами.

Но именно в ЗабВО Дмитрий Язов получил в 1968 году первое генеральское звание — генерал-майора. После почти четырех лет службы он был перекинут в совсем иной климат — командующим корпусом в Крым. На полуострове ему подчинялись все подразделения сухопутных войск. Помимо приятной погоды, в Крыму имелся и другой благоприятный для карьеры фактор — он был местом отдыха высших воинских начальников, начиная с министра обороны, которых Язов по должности был обязан встречать и провожать. Это давало возможность не просто попасть на глаза, но и проявить себя.

Тогдашний министр обороны Андрей Антонович Гречко лично общался с Язовым и, наверное, приметил его, поскольку уже через два года тот получил назначение командующим армией в Закавказский военный округ в Баку.

Однако долго в Азербайджане служить Дмитрию Язову не пришлось. И причина этого заключалась в семейных обстоятельствах. Жена Екатерина Федоровна тяжело заболела — рак. Ей требовалось высококачественное лечение, которое возможно было только в Москве. Супругу удалось устроить в Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко, где ей сделали операцию. Однако ей

требовались постоянный уход и внимание. Язов обратился к министру Гречко с просьбой о переводе в Москву. Тот сказал, что не возражает, но командной должности Язов получить не сможет, и потому в итоге ему подыскали место в аппарате Министерства обороны — начальника Первого управления в Главном управлении кадров.

Как говорили в Советской армии — «в кадрах решают все». Формально скромное управление имело для военных прямо-таки магическое значение, поскольку от принимаемых в нем решений зависела их судьба и карьера. Оно занималось подбором и расстановкой офицеров на все важные должности в вооруженных силах. За два года Язов получил в нем огромный опыт аппаратной работы. Но он не только сидел в министерстве, но и часто выезжал в командировки, курируя три военных округа. Его начальником был генерал армии Иван Николаевич Шкадов, который руководил Главным управлением кадров целых 15 лет. В середине 1960-х он три года возглавлял советских военных на Кубе, так что относился к Язову с понятной теплотой.

Службу в Москве омрачила смерть в январе 1975-го супруги — рак оказался непобедим. В пятьдесят лет — для мужчины совсем не возраст — Дмитрий Язов оказался вдовцом. Правда, дети были уже взрослыми, сын, окончив военно-морское училище, служил на флоте, дочь была студенткой медицинского института.

Весной 1976-го скончался министр обороны Гречко, его преемником стал Дмитрий Федорович Устинов — первый «штатский» министр после Николая Александровича Булганина. Это кадровое решение Брежнева было вполне логичным, как куратор ВПК Устинов был в курсе всех событий армейской жизни, более того, своим авторитетом подавлял военных, решая вопрос о том или ином виде оружия. Видимо, чтобы не было противоречий между заказчиком и исполнителем, Леонид Ильич и решил поставить во главе Минобороны одного из самых близких к себе людей. Как вспоминает Язов, в аппарате сразу почувствовали смену начальства — сталинский нарком Устинов привык работать допоздна, по-другому он не умел и, по-видимому, считал это нормой, не обращая внимания на интересы подчиненных. А осенью того же года Язов получил новое назначение — на Дальний Восток, первым заместителем командующего округом Ивана Моисеевича Третьяка, также недавно назначенного.

Третьяк был практически ровесником Дмитрия Язова, но намного опередил в карьере, уже в 1967-м он командовал Белорусским военным округом. Возможно, в этом ему помогало звание Героя Советского Союза, полученное в 1945 году. Через десятилетие их роли поменяются, Язов будет министром обороны, а Третьяк его заместителем, главкомом ПВО. Последний «пересидит» на Дальнем Востоке, восемь лет командуя округом, а затем еще два года будучи главнокомандующим войсками Дальнего Востока.

На долю Дмитрия Язова досталось решение многих оперативных проблем — то он разбирался со взрывами на складах боеприпасов в порту Ванино, то спасением рыбаков на унесенных в море льдинах на Сахалине, то размещением новой дивизии на островах Южных Курил. Округ простирался на тысячи и тысячи километров — от Владивостока до Берингова пролива. Он граничил с враждебным Китаем и одновременно был окружен американскими военными базами в Южной Корее, Японии и на Аляске.

В личной жизни у Дмитрия Язова также произошли изменения — он, еще работая в Москве, познакомился в командировке в Алма-Ате со знакомой своей сестры (проживавшей в том же городе) — Эммой Евгеньевной. Женщина была на десять лет его моложе, тоже одинокая. Завязался роман, и в 1977 году она переехала вместе со своей дочерью к Язову в Хабаровск, получившему к тому времени пятикомнатную квартиру. Тогда же родился первый внук — дочь Елена вышла замуж за Александра Лосика, сына маршала бронетанковых войск Олега Александровича Лосика. Думается, наличие такого свата — начальника Академии бронетанковых войск, Героя Советского Союза, сыграло свою роль в карьере Язова.

Через два года службы на Дальнем Востоке Дмитрия Язова вызвали в Центральный комитет. Там его ждали встреча с Леонидом Брежневым и предложение возглавить Центральную группу войск — советские подразделения на территории Чехословакии. По статусу эта должность приравнивалась к командующему округом. Под началом у него была почти стотысячная группировка, размещенная по всей территории страны. С учетом того, что Чехословакия граничила с ФРГ — членом НАТО и что в 1968 году потребовалось вводить в нее войска (до того СССР не имел там контингента) для удержания ее в советской сфере влияния, важность поста командующего ЦГВ становится понятной. Язов должен был решать не только чисто военные дела, но и выступать в роли политика и дипломата. Он общался и с Густавом Гусаком, и с другими руководителями Чехословакии. Под конец второго года пребывания в ЧССР в соседней Польше начался острый внутриполитический кризис. Возник независимый профсоюз «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой. Власти растерялись и не знали, как поступать, свержение коммунистического режима могло легко стать реальностью. Поэтому, заранее прорабатывая все сценарии возможных действий, советское руководство дало команду изучить маршруты введения войск в Польшу в том числе из Чехословакии, чем и занимались подчиненные Язова в конце 1980 года.

Но вскоре у него появились совсем другие заботы. В декабре того же 1980 года Дмитрия Язова пригласил к себе министр обороны Дмитрий Устинов и предложил ему возглавить Среднеазиатский военный округ. Язов, не раздумывая, согласился, да и другого ответа быть не могло — военным делают такие предложения не для того, чтобы от них

отказывались. К тому же Алма-Ата, где располагалось командование округа, была хорошо Язову знакома — там жили его родственники, которых он не раз навещал, оттуда же родом была его вторая жена.

Среднеазиатский округ возник самым последним — в 1969 году. В силу необходимости противодействия китайской угрозе Туркестанский округ разделили, выделив из него части на территории Казахстана, Киргизии и Таджикистана, то есть республик, непосредственно прилегающих к границе с Китаем. Подавляющая часть его территории приходилась на Казахстан, к тому же имевший равнинные проходы из Китая, поэтому основные части сухопутных сил округа были сосредоточены именно в восточной части этой республики, неподалеку от границы. Помимо соседства с Китаем, Казахстан представлял собой огромную важность для обороны страны, будучи гигантским полигоном. На его территории располагались самые важные стратегические объекты Советского Союза — космодром Байконур, ядерный полигон под Семипалатинском, полигон ПВО и ПРО «Сары-Шаган» на Балхаше. Что касается Таджикистана, то на его территории в высокогорьях Памира готовился к размещению уникальный комплекс распознавания космических объектов «Окно».

С 1979 года добавилась новая головная боль — началась война в Афганистане. Хотя основную тяжесть войны нес на себе Туркестанский военный округ, в который входила воевавшая 40-я армия, у Таджикистана имелась граница с Афганистаном в несколько сотен километров. Так что округ в этом смысле также был прифронтовым. На его территории находился ряд «афганских учебок». С проблемами Афганистана Дмитрий Язов столкнулся еще в Чехословакии, когда ему пришлось срочно подготовить и отправить «за речку» мотострелковый полк, укомплектованный по штатам военного времени. Не случайно вскоре после своего вступления в должность, в январе 1981-го, Язов отправился в Афганистан для ознакомления с ситуацией на месте.

Командующий округом был одним из главных действующих лиц на вверенной ему территории. Поэтому Дмитрий Язов плотно взаимодействовал с первыми секретарями республик — Казахстана, Киргизии и Таджикистана, обучаясь искусству большой политики. Солдаты и техника требовались то на уборке урожая, то для выполнения спасательных работ.

В 1984 году Язов готовился отмечать 60 лет — возраст пенсионный, хотя генералы его поколения находились на активной службе достаточно долго. Больших перспектив роста он не ожидал и мог предполагать, что будет служить в Алма-Ате максимально долго. Но летом ему позвонил Устинов (которому оставалось полгода жизни) и приказал возглавить Дальневосточный военный округ.

Округ был хорошо знаком Язову, но теперь предстояло за все отвечать самому как первому лицу. Он сразу же облетел всю его территорию — от Чукотки и Камчатки до Сахалина и Приморья. В следующем году его

ожидало серьезное дипломатическое задание — Дмитрия Язова включили в состав официальной делегации, выезжавшей в Пхеньян на празднование сорокалетия освобождения Кореи от японцев.

В это время в Москве происходили большие политические перемены — генеральным секретарем стал Михаил Сергеевич Горбачев, министром обороны — Сергей Леонидович Соколов. Пока Язов и не предполагал, как это может сказаться на его карьере. Но в конце июля 1986 года Горбачев отправился с визитом на Дальний Восток. Оборонные вопросы занимали важную часть его поездки — именно тогда генсек озвучил ряд важных геополитических инициатив — и готовность вывести несколько полков из Афганистана и Монголии, и желание нормализовать отношения с Китаем, и ряд других. По протоколу Дмитрий Язов был среди встречающих генсека, который под конец посетил одну из воинских частей, где ему понравился прием.

Так состоялось личное знакомство генерала с партийным лидером, который тогда производил практически на всех благоприятное впечатление — молодой (на семь лет моложе Язова), энергичный, легко выступающий, охотно общающийся с людьми. Правда, сегодня его слова и мысли воспринимаются как наивная демагогия: «Но вот, трудно было уразуметь, почему руководители Комсомольска-на-Амуре, расположенных там оборонных предприятий, создающих современные подлодки и самолеты, едва ли не каждый день посылая грузовые самолеты в Ташкент по производственным делам, не позаботятся завезти оттуда овощи и фрукты? Почему в разгар лета не организовали для ребятишек производство мороженого? Почему жители города вынуждены ездить за мебелью за тридевять земель, в Среднюю Азию, если сами ее производят и нужно лишь расширить производство. Самым частым ко мне обращением в ходе поездки было — Михаил Сергеевич, надо дать возможность нам самим выбирать руководителей, выдвигать умных, порядочных, работящих. Тогда и дело пойдет на лад». Горбачев словно не понимал, что директора не возят фрукты и овощи, потому что их моментально сняли бы с работы за это, и что кризис снабжения связан не с нерасторопностью начальников, а с изначальной порочностью системы.

Второе пребывание Язова на Дальнем Востоке было ненамного дольше первого. Уже в январе 1987-го Соколов предложил ему переехать в Москву и возглавить Главное управление кадров в ранге замминистра. Поколение ветеранов Великой Отечественной по-прежнему находилось у власти в Минобороны, но Соколов (1911 года рождения) был уже натурой уходящей, а Язов, моложе его двенадцатью годами, смотрелся сравнительно молодым. К тому же у руководства страны имелись очевидные комплексы — страх передать дело обороны в руки не воевавших. Ветераны казались в этом смысле гарантией надежности. Это обстоятельство было одним из факторов, обусловивших и назначение Дмитрия Язова, и то, что его ближайшими соратниками являлись люди

его поколения из фронтовиков, приближавшихся к семидесятилетию. В этом плане Советская армия отличалась от вооруженных сил своего основного потенциального противника, где генералы не пересиживали возрастных ограничений на службе.

То, что Соколов доживает в министерстве последние дни, было очевидно. Несмотря на его прекрасную физическую форму (он дожил до 101 года), сохранение во главе воюющих (в Афганистане) вооруженных сил 76-летнего человека, особенно после провозглашения лозунгов перестройки и ускорения, казалось вопиющим. Так что злосчастный полет Матиаса Руста 28 мая 1987 года, когда он, вылетев из Финляндии, посадил свой легкомоторный самолет на Красной площади, в буквальном смысле под кремлевскими стенами, стал лишь ускорителем кадровых перемен в Министерстве обороны.

Соколова сняли через два дня, 30 мая. Вместе с ним в отставку ушел и главком ПВО Александр Колдунов. Десятки генералов и офицеров были наказаны. По большому счету конфуз с Рустом стал следствием не столько плохого состояния ПВО, сколько политической неразберихи и совпадения случайностей. Все помнили, какими тяжелыми политическими последствиями отозвалось решение сбить южнокорейский «боинг» в сентябре 1983 года. Поэтому ответственность на себя брать никто не решался — благо в стране уже был взят курс на перестройку и размораживание международных отношений, Горбачев уже дважды встречался с Рейганом. Плюс маленький самолетик особой угрозы очевидно не представлял, а по международным соглашениям гражданские летательные аппараты сбивать не разрешалось за исключением особенных случаев. К тому же из-за малой высоты полета и небольшой скорости были почти бессильны как наземные средства ПВО, так и боевые самолеты, не способные следовать за ним.

Но важнее было не то, кто ушел, а кто пришел и с какими задачами. Министром генеральный секретарь назначил Дмитрия Язова, к тому времени всего лишь четыре месяца проработавшего в столице. Тому предстояло продвигать «новое мышление» в армии, насчитывавшей четыре миллиона человек. Ввиду продолжавшихся и холодной войны, и афганской, и того, что оборонные расходы составляли львиную долю бюджета, его должность приобретала особенное значение, и на плечи Язова ложилась огромная ответственность. Советское руководство хотело значительно сократить военные расходы, но при этом иметь современную армию, вывести войска из Афганистана, но без потери лица и союзника. Это были взаимоисключающие задачи.

Если говорить о подготовленности Дмитрия Язова к занимаемому посту, то в целом он подходил — по привычным советским меркам. В запасе у него имелись опыт сорока шести лет службы, участие в войне, командование ЦГВ и двумя военными округами. Последнее означало руководство самыми разными видами вооруженных сил, имеющихся в округах. Он служил в самых разных точках — от Чехословакии

до Приморья и в том числе на Кубе в экстремальной ситуации, при этом знал и работу центрального аппарата Минобороны. По меркам советских министров обороны Язов был совсем не стар. При этом он являлся как бы новым человеком в руководстве Минобороны, придя в него незадолго до назначения. В глазах Горбачева это был очевидный плюс — во-первых, сможет оценить ситуацию свежим взглядом, во-вторых, будет зависеть от него. Конечно, та должность, которую Язов занимал до назначения — замминистра по кадрам, не давала ему оснований надеяться на руководство министерством. Он не был ни первым замом, ни начальником Генштаба. Не случайно генсек целых три года держал Язова в подвешенном состоянии, не присваивая ему звания маршала, что было нонсенсом, поскольку все прежние министры сразу являлись маршалами. Горбачев как бы говорил Язову: «Я тебя назначил авансом, отработай, покажи и докажи преданность, тогда и получишь маршала». В этой части замысел удался, Язов до последнего оставался лояльным Горбачеву, вызывая тем самым многочисленные упреки подчиненных, видевших, куда катится страна, и недоумевавших — почему их начальник молчит? Не стал он и «полным» членом политбюро, оставаясь только кандидатом до 1990 года, затем и вовсе выйдя из этого органа.

С первого дня своей работы министром Дмитрий Язов держал на каждодневном контроле ситуацию в Афганистане. Было ясно, что войска придется выводить в ближайшее время — перспектив победы над душманами не было никаких, война обходилась весьма дорого (в совокупности с экономической поддержкой просоветского режима), международному престижу Советского Союза наносила большой ущерб, препятствовала нормализации отношений как с США и Западом в целом, так и с мусульманскими странами третьего мира и Китаем, а началом гласности давала бесконечные поводы для недовольства населения внутри СССР, поскольку в год прибывало более тысячи гробов.

Однако конкретный обратный отсчет начался только с мая 1988 года. 14 апреля в Женеве были подписаны соглашения между правительствами Афганистана и Пакистана, при участии как гарантов СССР и США, которые определяли, среди прочего, что с 15 мая начнется вывод советских войск, который должен будет закончиться 15 февраля 1989 года. Причем в первые три месяца надлежало вывести половину контингента. В переговорном процессе не принимали участия моджахеды, которые и не брали на себя никаких обязательств. А американцы, в свою очередь, не обещали более не снабжать их оружием. Так что сражения не прекращались до самого последнего дня пребывания советских войск, и их вывод не был мирной передислокацией — погибли более пятисот солдат и офицеров. Приходилось тщательно продумывать безопасность маршрутов. Язов дважды вылетал в Кабул — весной 1988-го и в начале 1989-го, лично контролируя ход процесса.

Дмитрий Язов, прежде редко бывавший за границей, теперь стал часто совершать зарубежные вояжи, по пять-шесть в год, от различных соцстран до Великобритании, Китая и Индии. Приходилось осваивать мастерство дипломатии. В это время Горбачев проводил переговоры с американцами, на которых первым вопросом стояло сокращение стратегических вооружений. В декабре 1987 года в Вашингтоне был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Генсек не включал Язова в состав делегаций во время визитов в США, больше полагаясь на начальника Генштаба Сергея Федоровича Ахромеева, который продолжал заниматься проблемами сокращения вооружений уже как советник советского лидера. Однако в Вашингтоне Язову все-таки довелось побывать. В октябре 1989-го он отправился в Америку с официальным визитом. В ходе него он посетил военные базы, присутствовал на учениях и был принят в Белом доме президентом Джорджем Бушем.

Важной задачей, как у любого руководителя, у Дмитрия Язова стала необходимость формирования собственной команды. В конце 1988 года было принято важнейшее кадровое решение — взамен генерала Ахромеева начальником Генштаба, к удивлению многих, был назначен Михаил Алексеевич Моисеев, которому на тот момент не исполнилось еще и полных пятидесяти лет. То есть он был почти «мальчиком» по меркам советских военных. Моисеев служил с Язовым на Дальнем Востоке, где был его первым заместителем — начальником штаба округа, а затем сменил его на посту командующего.

Заместителем министра обороны по кадрам стал Дмитрий Сухоруков, прежде — командующий ВДВ, по строительству — Николай Чеков, до того начальник Главного управления специального строительства, по тылу — Владимир Архипов (эти двое родились уже в начале 1930-х и принадлежали к невоевавшему поколению). Главкомом Сухопутных войск — заместителем министра был назначен Валентин Варенников. ПВО возглавил в ранге заместителя министра Иван Третьяк. Некоторые замены Язов произвел уже под конец своей работы, так, главкомом ВВС стал Евгений Шапошников, ВДВ — Павел Грачев, а прежний командир десантников Владислав Ачалов стал заместителем министра. Что примечательно, Грачев и Ачалов родились уже после войны. Смена поколений происходила неизбежно.

Возможно, самым неприятным открытием для Дмитрия Язова на посту министра стало то, что ему пришлось заниматься вовлечением армии в межнациональные и гражданские конфликты, которые стали вспыхивать один за другим на территории СССР. Последний раз вооруженные силы задействовались в этих целях в 1962 году в Новочеркасске.

Теперь же солдат, в первую очередь десантников, стали привлекать то в Баку, то в Ереване, то в Нагорном Карабахе, то в Ферганской долине, то в Душанбе. Использование солдат ВДВ в апреле 1989 года в Тбилиси

для разгона демонстрантов привело к гибели двух десятков человек и вылилось в громкий скандал. Тогда же Горбачев впервые применил излюбленную тактику ухода от ответственности и перекладывания ее на плечи военных, якобы действовавших без его указания. Позже ситуация повторилась в Баку в январе 1990-го, когда погибли около пятидесяти человек. То же самое случилось через год в Вильнюсе, когда опять задействовали десантников во время известных событий. Неприятные воспоминания об этом, возможно, стали ключевой причиной, обусловившей нерешительное поведение Дмитрия Язова во время ГКЧП.

Разумеется, продолжалось широкое вовлечение армии в народно-хозяйственные дела — от активного участия в спасательных работах после землетрясения в Армении в декабре 1988 года до строительства автомобильных дорог. Так, по настоянию Горбачева в феврале 1988-го было создано Центральное дорожно-строительное управление Министерства обороны СССР, состоявшее из двадцати бригад. Считалось, что армия должна себя каким-то образом окупать, и ей поручили строительство дорог в Нечерноземье. Это был нелепый и непродуктивный ход мысли, ярко отражающий менталитет советского руководства того времени.

Особой проблемой, с которой пришлось иметь дело Дмитрию Язову, стала дедовщина. Через полгода после его назначения министром журнал «Юность» опубликовал повесть Юрия Полякова «Сто дней до приказа» — в ноябрьском номере. В ней, еще весьма осторожно, повествовалось о том, что на официальном языке называлось «неуставными взаимоотношениями». Но поскольку все предыдущее время армия была вообще вне зоны критики и ни про какую дедовщину писать было невозможно в принципе, она имела ошеломляющий эффект. Более жесткая повесть Сергея Каледина «Стройбат» под влиянием военной цензуры была промаринована вообще до весны 1989 года, когда она и появилась в «Новом мире» в апрельском номере. В феврале 1987 года рядовой Артурас Сакалаускас расстрелял восьмерых человек — в основном сослуживцев, в вагоне поезда, в котором они конвоировали зэков. Так он ответил на беспрестанные издевательства старослужащих. Сакалаускас служил во внутренних войсках и, таким образом, формально Минобороны не подчинялся, а входил в систему МВД, однако этот случай стал в конечном счете известным общественности и начал с 1988-го раскручиваться в печати как свежее и вопиющее проявление дедовщины.

Советская армия где-то с рубежа 1960—1970-х годов фактически уже не контролировалась командованием. Точнее, государство могло загнать призывников на службу и держать их там два года (на флоте — три). Но вот то, что с ним происходило в армии, зависело по большей степени уже не от командиров. Вооруженные силы представляли собой некое подобие тюрьмы, или, как говорили тогда, «зоны», когда под

формальную иерархию была встроена куда более эффективная и неотлучная иерархия неформальная. Как на «зоне» все определяли паханы с их уголовными законами, так в армии повседневную жизнь солдат определяли подобные криминальные понятия, базирующиеся на продолжительности службы. Говоря более поздним языком, в воинских частях жили не по уставу, а по понятиям.

Причин того, что армия вышла из-под контроля и, по сути, представляла собой уголовную «зону», много. Это и закрытость ее от гражданского контроля, и криминализация советского общества в целом после действий власти в 1920—1950-е годы, когда через тюрьмы и лагеря прошли десять миллионов человек, да и в последующие годы сохранялось очень высокое число заключенных. В 1986 году на 100 тысяч населения приходилось 847 зэков, что в 18,4 раза больше, чем в Японии, и в 11 раз больше, чем в Швеции. За решеткой находились два миллиона 357 тысяч человек. Школы, ПТУ, дворовые компании являлись рассадниками криминальной субкультуры. В армии резко упала дисциплина офицерского корпуса и росла его безответственность, процветал — как и по всей стране — алкоголизм, к которому постепенно добавлялась наркомания.

Дедовщина заключалась не только в переваливании работы на младшие призывы, но и в возможности самого изощренного издевательства, при почти полной невозможности найти защиту, поскольку неуставные отношения молчаливо поощрялись офицерами, которые таким образом облегчали себе прохождение службы, перекладывая функции организации повседневной жизни на «дедов». Другой причиной было то, что военнослужащие занимались бóльшую часть времени не боевым дежурством или обучением воинским специальностям, а поддержанием жизнедеятельности — уборкой помещений, выполнением иных хозяйственных дел, от которых, естественно, хотелось увильнуть. Имелось несколько сотен тысяч стройбатовцев, которые вообще не брали в руки оружия, и именно у них дедовщина достигала наиболее людоедских форм. Ежегодно морально и физически калечились и мучились миллионы призывников. С началом массового призыва студентов на воинскую службу в середине 1980-х их родные и близкие стали ужасаться рассказам вернувшихся, зверства дедовщины теперь напрямую коснулись детей московских интеллигентных кругов, что, вкупе с первыми шагами гласности, привело к началу давления, в первую очередь в столичных кругах, на власть с требованием что-то сделать.

Дмитрий Язов, будучи ментально человеком старой формации, не очень-то понимал, о чем идет речь и что от него требуют. В его представлении, как и в представлении генералитета и офицерства того времени, особенной проблемы вообще не существовало. Считалось, что виноваты во всем хлюпики и маменькины сыночки, которые не способны дать сдачи и постоять за себя. В силу особенностей мировоззрения

советского начальства системность дедовщины, ее всеохватность и неотвратимость не воспринимались. Ее просто не видели как укоренившийся институт, ибо если признать, что армия управляется не командирами, а «дедами», что устав не значит ничего, то следовало бы расписаться в своем полном бессилии и никчемности. Впрочем, все то же самое происходило в советском обществе повсюду, жизнь шла не по законам или постановлениям партийных съездов, просто в армии эта двойственность приобрела наиболее острые и вопиющие формы.

Справиться с дедовщиной простым приказом было невозможно. Она коренилась не только в попустительстве офицеров, но и в психологической готовности самих призывников жить по ее правилам. Перестроечная романтика, гласность, смелые публикации в прессе, выступления на митингах никак не отражались на сознании тех, кто шел служить. Не было такого, чтобы «поколение свободы» принесло в казармы дух свободы, кинуло вызов «дедам» и всей сложившейся системе рабства и издевательств. Иными словами, для борьбы с неуставными отношениями требовалась длительная, а главное, системная работа.

Какие-то подвижки, безусловно, при Дмитрии Язове начали происходить; как результат кампанейщины, по воспоминаниям служивших в то время, в отдельных частях могло снижаться давление на молодых, но это все было бессистемно, урывками и не на долгий срок. В стране с 1989-го возникали комитеты солдатских матерей и иные схожие организации, оказывающие давление на власть, проводящие консультирование призывников и их семей. Первым их успехом стала отмена призыва студентов в армию в 1989 году — решение, под которое попал и я, на тот момент первокурсник, которому исполнилось 18 лет.

Структура советской обороны отличалась дублированием и излишествами. Так, имелось около 170 военных училищ, при том что в США их было только пять. Американцам удавалось комплектовать офицерский состав за счет гибких программ подготовки будущих командиров на базе невоенных учебных заведений. Но о всеохватной военной реформе тогда нельзя было и думать. В условиях политического мельтешения Горбачева, обваливающейся экономики, отсутствия стратегического ясного курса страны, вспыхнувших межнациональных конфликтов, проявлений сепаратизма, развала ОВД никаких принципиальных решений принимать было невозможно, да и у Язова, как и у всего руководства, не имелось представления о путях дальнейшего развития вооруженных сил. В 1989 году Генеральный штаб предложил концепцию развития вооруженных сил до 2000 года, но, как и любые планы периода перестройки, они оказались несбыточными. Тем не менее Дмитрию Язову пришлось браться за урезание управленческих структур, поскольку в декабре 1988-го на Генеральной Ассамблее ООН Горбачев объявил об одностороннем сокращении армии на полмиллиона человек в течение двух лет. Так, в 1989 году был ликвидирован

Среднеазиатский военный округ, а Уральский и Приволжский объединены в один. Также ликвидировали пять армий, сократили значительно количество военных НИИ.

Но неожиданно возникали новые расходы — после бархатных революций 1989 года начался развал Организации Варшавского договора, формально осуществленный в 1991-м, а это означало вывод советских войск из Чехословакии и Венгрии, завершенный в июне 1991-го. Начался также вывод подразделений из Германии (ГДР к тому времени была ликвидирована) и Монголии. Выводимые войска необходимо было где-то размещать, строить жилье для офицеров, казармы для солдат, помещения для техники и вооружения, склады боеприпасов. При этом на 1 января 1988 года 215 тысяч семей офицеров не имели жилья, соцкультбыт в армии всегда отставал, и не только для солдат. Ряд начатых строек приходилось приостанавливать из-за протестов местных жителей, как в случае радиолокационной станции (РЛС) в Мукачеве, или вообще демонтировать, как Красноярскую РЛС по требованию американцев. И в том, и в другом случае миллиарды вложенных денег уходили в песок, как в случае с загоризонтными РЛС в Чернобыле и под Комсомольском-на-Амуре.

Дмитрий Язов никогда не считал себя политиком, хотя еще в 1981 году он стал кандидатом в члены ЦК КПСС — как командующий округом. Но на посту министра ему пришлось буквально помимо воли «влезать» в политические вопросы. Так, в сентябре 1990-го были проведены маневры десантников вокруг Москвы. Независимая пресса восприняла это как давление на оппозицию. Январь 1991-го в Вильнюсе стал рубежным, поскольку Язов тесно сотрудничал с Крючковым в тот момент и оба получили опыт ограниченного введения чрезвычайного положения. Председатель КГБ решил, что именно министр обороны должен будет играть важнейшую — после него самого — роль в случае введения ЧП в масштабах всей страны. Не случайно Язов был приглашен на первую встречу будущих членов ГКЧП, и именно он откомандировал своего подчиненного Павла Грачева для проработки планов реализации приостановки развала страны. Однако политик из Язова оказался в решающий момент плохой.

19 августа 67-летний министр встретил не в лучшей форме и с тяжелым настроением. 19 мая 1991 года он возвращался с женой из поездки в Завидово и попал в автомобильную аварию — в их машину врезался грузовик. Сам маршал отделался сравнительно легко, но Эмма Евгеньевна пострадала очень сильно — правая нога была сломана в нескольких местах, а левая рука выдернута из сустава. Все лето она лежала в гипсе и не могла самостоятельно передвигаться. К концу августа она только-только начала отходить от последствий аварии, и все мысли министра были связаны со здоровьем супруги.

Так что с самого начала ГКЧП Дмитрий Язов пребывал в угнетенном состоянии духа. Как министр обороны, он не мог не видеть стремительно

развивающегося развала державы. На части совершали нападения, воровали оружие и боеприпасы, в республиках Прибалтики фактически игнорировали призыв, войска выводились из Восточной Европы, и этот вывод был скорее похож на бегство. Но как советский офицер он был воспитан в традициях безусловного повиновения партийным органам, которые возглавлял Михаил Горбачев. Никаких политических решений генералы принимать приучены не были. К тому же годы перестройки научили Язова, что СМИ и общество скорее на стороне его противников. Ладить с ними он так и не научился и побаивался их — и перестроечной прессы, и солдатских матерей, и экологических активистов, закрывавших ядерные полигоны. В итоге в решающие дни во главе вооруженных сил, когда требовалось принятие четких, продуманных решений, железная воля, оперативность и уверенность в себе и своих действиях, оказался пожилой, усталый, растерянный человек. Это обстоятельство роковым образом сказалось на ходе событий.

Собственно активная деятельность Дмитрия Язова началась еще 18 августа, когда в восемь утра он собрал руководителей министерства и проинформировал их о предстоящих действиях. Наступившей ночью он практически не спал. Полчетвертого утра 19 августа он провел новое совещание и через полчаса дал команду на ввод в Москву Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой дивизий. Бригада спецназа ВДВ получила его команду — взять под защиту «Останкино», а Тульская дивизия ВДВ — выдвинуться на аэродром Тушино. Также он поручил главкомам ВДВ и ВВС Грачеву и Шапошникову перебросить в Москву Болградскую дивизию ВДВ. Тут выяснилось, что никакой дружной команды в Минобороны сформировано не было. С первого же дня ГКЧП Павел Грачев и Евгений Шапошников начали саботировать его распоряжения и вести свою игру. Грачев позже вспоминал, что, созвонившись, они приняли решение не торопиться выполнять приказы, и, даже исполняя их, ухитрялись намеренно создавать путаницу и неразбериху, например, высаживая батальоны разных полков вперемешку, чтобы нельзя было их с ходу задействовать.

В то же утро от Дмитрия Язова ушла шифрограмма о приведении всех войск в повышенную боевую готовность. Министр обороны был в ГКЧП обладателем контрольного пакета акций, как располагавший наиболее значимым силовым ресурсом. Однако его роль свелась к роли пассивного наблюдателя. Пожилой маршал откровенно не знал, что делать, и метался, словно ища совета. Страх все сильнее подавлял его чувства. Приглашенный для разговора Шапошников давил на него, настаивая на том, чтобы министр порвал с ГКЧП. В ночь с 20 на 21 августа Язов отдал команду начать отвод войск от Белого дома (когда и погибли три человека из числа его защитников).

К нему, как к обладателю силы, способной переломить любое сопротивление, с утра приехали остальные члены ГКЧП. Язов для себя уже все решил, Пиночета или Франко из него не получилось. Он сказал

прибывшим, что коллегия Министерства обороны высказалась за вывод войск. После ареста на допросах он показывал:

«—…Бакланов возмутился, зачем, дескать, в таком случае надо было начинать? “Что ж, мы начали, чтобы стрелять?” — спросил я и сказал: “Умели напакостить, надо уметь и отвечать…”

Вопрос:

— Как он реагировал на это?

Ответ:

— Бурно. Все реагировали очень бурно.

Вопрос:

— Как Вы думаете, в чем заключалась миссия приехавших?

Ответ:

— Уговорить меня продолжать действовать.

Вопрос:

— Кто конкретно призывал к этому?

Ответ:

— Крючков призывал, говорил, что не все потеряно, что нужно вести какую-то “вязкую борьбу”. Тизяков, несколько нервничая, высказал в мой адрес целую тираду: “Я… воевал, прошел фронт. У меня нет никого. Только приемный сын. Он один проживет. Я готов на плаху. Но то, что Вы, Дмитрий Тимофеевич, сделали, — это подлость…”

Прокофьев начал: “Я провел совещание, обнадежил людей, а Вы предаете…” Спрашиваю: “Ну, хорошо, скажи, что делать? Стрелять?”… Предложил лететь к Горбачеву. “Другого выхода нет, не понимаете, что ли?” — спрашиваю их.

Кто-то вспомнил о Лукьянове, дескать, надо с ним обсудить обстановку. Я Крючкову говорю: “Вы все знаете, кто где находится. Звоните ему…” Ну, в общем, переругались. Подтверждаю слова Ельцина: “Как пауки в банке”. Прокофьев все петушился: “Дайте мне пистолет, я лучше застрелюсь…”

Когда приехал Лукьянов, я сказал ему, что решил лететь к Михаилу Сергеевичу. Крючков стал ссылаться на то, что он договорился с Ельциным выступить на сессии Верховного Совета России. Я ему говорю: “Ты можешь выступать, а мы полетим. Только напиши записку, чтобы Горбачеву связь включили”. Крючков в ответ: “Я тоже полечу”…

Когда все ушли, я пригласил начальника Генерального штаба Моисеева, оставив его за себя…»

Таким образом, пассивно просидевший три дня Дмитрий Язов в конце стал тем человеком, который и принял окончательные решения. Без армии ГКЧП существовать не мог. Об отстранении Язова от должности и тем более его аресте никто и не думал — ГКЧП до конца сохранял видимость легальности, в чем также выражалось отсутствие профессионализма.

Арест Дмитрий Язов перенес хуже всех. Случившееся с ним потрясло маршала, в одночасье превратившегося из командующего вооруженными

силами ядерной сверхдержавы в заключенного. Он стал легким объектом для манипуляций следователей. Его на следующий день после ареста уговорили записать на видео обращение к президенту СССР:

«Дорогой Михаил Сергеевич!

В ноябре исполняется пятьдесят лет моей беспрерывной службы в вооруженных силах. Я, старый дурак, принял участие в этой авантюре, о чем сожалею и прошу у Вас прощения. Я осуждаю эту авантюру, и до конца дней своих меня будет жечь позор, за принесенную Вам, стране и народу обиду».

Но это не помогло. Дмитрий Язов разделил участь остальных. Жену, пока он находился в тюрьме, выселили из их квартиры в том же доме, где формально проживал и Горбачев; конечно, лишили служебной дачи. Взамен Минобороны выделило квартиру в центре возле Белорусского вокзала.

Выйдя вместе с остававшимися членами ГКЧП из тюрьмы в январе 1993 года, Дмитрий Язов был амнистирован вместе со всеми в феврале 1994-го, будучи перед тем уволенным с военной службы (но с награждением именным пистолетом). Политическая ситуация в стране менялась быстро — про ГКЧП все уже забыли в бурных событиях 1992—1993 годов, вчерашние союзники по борьбе с «заговорщиками» сами передрались, и Белый дом уже штурмовали по-настоящему. Язов более не вызывал никаких чувств, и его еще при Ельцине устраивали на всевозможные синекуры — должности главных военных советников в разных подразделениях Минобороны, а при Путине после воссоздания института генеральных инспекторов стал одним из них.

В отличие от Валентина Варенникова (который, кстати, был годом старше) Язов никак не проявлял себя в политике и общественной жизни и поддерживал минимальное присутствие в СМИ. Сказать ему было нечего. Разумеется, он опубликовал мемуары, а также написал несколько книг биографического жанра. Трудно определить степень реального участия Язова в их создании, скорее подлинным авторам нужно было его имя. О их уровне говорят сами названия: «Победоносец Сталин», например. Уместно отметить, Дмитрий Язов всю жизнь баловался стишками, сочиняя немудреные рифмованные строчки.

Дмитрий Язов, несмотря на все невзгоды, выпадавшие в жизни на его долю (к ранее указанным добавим и смерть сына в 44 года, и трагическую гибель шестнадцатилетнего внука), дважды овдовев, оказался человеком несокрушимого здоровья, достигнув 95-летнего рубежа, пережив, вероятно, всех ровесников из деревни и сослуживцев на войне. В этом, наверное, сказываются материнские гены — Мария Федосеевна дожила до девяноста лет, так и не покинув родины, не став перебираться в Москву.

Современные российские власти чтили последнего Маршала Советского Союза, приглашали его в почетные президиумы, поздравляли

с юбилеями, вручали награды. В этом смысле Дмитрий Язов не был забыт до последних мгновений жизни и мог считать свою жизнь удачной, его служба на протяжении почти восьмидесяти лет получила признание.

Дмитрий Тимофеевич Язов скончался в Москве 25 февраля 2020 года, похоронен на Федеральном военном мемориальном кладбище в Мытищах.

БАКЛАНОВ

Олег Дмитриевич Бакланов был тем членом ГКЧП, кто родился не в России, точнее, не в РСФСР. Такая пропорция в происхождении его участников довольно точна для руководящей верхушки Советского Союза к началу 1990-х годов.

Харьков, в котором 17 марта 1932 года он появился на свет, имел на тот момент статус столицы Советской Украины. Переезд властей в Киев состоялся двумя годами позже. Харьков трудно назвать украинским городом, точнее сказать, что в начале XX века это был русскоязычный город, окруженный украинским сельским населением. И Олег Бакланов, чья мать была украинкой из деревни, а отец — русским горожанином, являлся в этом смысле типичным отражением национальной ситуации в месте своего рождения. И то, что его вписали впоследствии в паспорт как украинца, тоже было довольно типично — Леонид Брежнев также поначалу значился в документах «украинцем». Можно сказать, что этничность менялась в соответствии с социальным статусом, переезд человека из деревни в город превращал его из украинца в русского.

Харьков являлся не просто столицей, а одним из крупнейших городов Советского Союза. По итогам переписи 1897 года он оказался на восьмом месте в Российской империи, с учетом таких городов Польши, как Варшава и Лодзь. В 1805 году в Харькове был открыт университет. В 1930-е годы он являлся мощным промышленным центром — третьим в Союзе после Москвы и Ленинграда, с крупными заводами (именно в Харькове был создан танк Т-34), важным транспортным узлом, где сходилось восемь железнодорожных линий. Так что Олег Бакланов формировался как личность в условиях большого города, приобретая соответствующий кругозор. Конечно, в советское время и в той социальной среде, в которой рос Олег, городская жизнь ассоциировалась не с образованностью и интеллигентностью, а скорее с наглостью, с забвением традиционной культуры, с уголовщиной и прочими негативными чертами. Как раз на рубеже 1930-х по деревне катком прошла коллективизация, выбросившая в город миллионы и миллионы мужиков, вынужденных браться там за любую работу и ради спасения проживать в самых ужасных условиях. Южнее Харькова проходила граница голода 1932—1933 годов.

Так что Харьков в годы его детства представлял собой скорее рабочую слободу, место скопления вчерашних крестьян, а не университетский или

торговый город, каковым он был до 1917 года. Но в любом случае там проживало множество самых разных людей. Харьков времен рождения или, точнее, незадолго до рождения Бакланова колоритно описывает росший в городе поэт Борис Слуцкий:

Я вырос на большом базаре
в Харькове,
Где только урны
чистыми стояли,
Поскольку люди торопливо харкали
И никогда до урн не доставали.
Я вырос на заплеванном, залузганном,
Замызганном,
Заклятом ворожбой,
Неистовою руганью
заруганном,
Забоженном
истовой божбой.
Лоточники, палаточники
пили
И ели,
животов не пощадя.
А тут же рядом деловито били
Мальчишку-вора,
в люди выводя.

Детство Олега было трудным — как и у большинства ребят его поколения. Его отец, Дмитрий Алексеевич Бакланов, заведующий аптекой, скончался от туберкулеза, когда сыну не исполнилось еще и пяти лет. Выходец из простой рабочей семьи, он смог получить высшее — фармацевтическое — образование, что говорит о незаурядной воле и способностях. Мама — Галина Иосифовна, тоже ставшая фармацевтом, выросла в крестьянской семье, где было 18 человек детей. Ее мать и занималась внуком Олегом, поскольку оставшейся вдовой Галине приходилось много работать. Таким образом, по советской терминологии, Бакланов происходил «из семьи служащих», что могло создать проблемы, пусть и небольшого порядка, в карьере.

Жизнь советских людей в то время шла от одной трудности к другой. На смену ужасам коллективизации и Большого террора в 1941-м пришла Великая Отечественная война. Немцы захватили Харьков 24 октября 1941 года. Через полтора года, 16 февраля 1943-го, советские войска отбили город, но только на месяц, 18 марта немцы вернулись и находились в Харькове до 23 августа 1943-го, когда после Курской битвы были окончательно изгнаны. В результате Олег в возрасте от девяти до одиннадцати лет почти два года прожил под оккупацией. За это время он нахватался множества совсем недетских впечатлений. Немцы вешали открыто — для устрашения жителей. Как вспоминал Бакланов, «на углу

улиц Сумской и Иванова, напротив бывшего обкома партии и площади имени Дзержинского, стояли виселицы. Таблички на груди повешенных гласили: “Комиссар”, “Партизан”, “Еврей”… И так в каждом районе города». Был он и свидетелем того, как реализовывалась программа по уничтожению евреев — начиная от шестиконечных звезд на одежде до сбора евреев на специальный пункт, откуда их увозили для расстрела в Дробицком Яру.

О немецкой оккупации Харькова рассказывают любопытные дневники профессора Льва Петровича Николаева. Он ненавидел советскую власть, о чем свидетельствуют его записи до войны, ярко отражающие всю шизофреничность жизни под большевиками. Но приход немцев заставил его возненавидеть их еще сильнее, чем коммунистов, и ждать освобождения.

Большинство жителей Харькова не были эвакуированы, город отдавался с боями, повлекшими разрушения, которых стало еще больше после двукратного перехода из рук в руки в феврале—марте 1943-го. Кроме того, советские войска, уходя из города, взорвали все необходимое для жизнеобеспечения — электростанции, водопровод и т. д. Этим занимался знаменитый сапер Илья Старинов, который и устанавливал радиоуправляемые мины Ф-10. Запасов продовольствия почти не оставалось, что и повлекло за собой голод зимой 1941/42 года.

О психологии мальчишек того времени свидетельствует литературовед и высокопоставленный советский чиновник Юрий Яковлевич Барабаш, живший в то время в Харькове и бывший на полгода старше Бакланова: «Как миллионы моих современников, в частности, ровесников, я был насквозь облучен Системой — ее мифологемами, “новоязом”, “нравственными” понятиями и нормами (помню, в конце 1930-х мы, второклассники, старательно замазывали чернилами в учебниках портреты “врагов народа” — вчерашних “вождей” и “героев”-маршалов). Десятилетний мальчишка, я воспринимал войну и оккупацию, вопреки всем ужасам и голоду, в романтически-пионерском духе: прятал за диваном портрет товарища Сталина, а на расклеенных всюду плакатах с изображением “Гітлера-визволителя” (“освободителя”) где только было возможно (и не без риска) исправлял “визволителя” на “вывозителя” — акция детского протеста против насильственного вывоза людей в Германию; жгуче ненавидел соседа-полицая (впрочем, и впрямь отброса и пьянчужку) и презирал “немецких овчарок” — девушек, гулявших с немцами. Был не прочь при случае стащить у зазевавшихся немцев буханку хлеба или кусок колбасы — правда, подстегиваемый, не стану врать, отнюдь не только патриотическими чувствами… А между тем окружающая подоккупационная реальность была несравненно более сложной, мало похожей на то, о чем еще год тому назад мы пели в популярной песне “Если завтра война…”: мол, “как один человек, весь советский народ”… Мне, по правде говоря, не довелось наблюдать “триумфального” вступления немцев в Харьков, видеть на улицах

“тысячи” охваченных радостью людей, о чем вспоминал Ю. Шевелев; какой уж там “триумф”, какие “тысячи” — улицы города, в том числе и центральная, Сумская, по которой якобы “харьковчане гуляли… в праздничных одеждах”, на самом деле были безлюдны, кто не уехал, не погиб, кто не грабил магазины и склады, тот прятался в подвалах и погребах, безраздельно господствующей была атмосфера страха, неуверенности, тревожного ожидания. Однако часть — и немалая — правды заключается также в том, что, как вскоре обнаружилось, в городе оставалось какое-то количество тех, кто, по крайней мере на первых порах — это важно подчеркнуть, — воспринял приход вражеской власти, так сказать, амбивалентно, выжидательно, а то и с робкой надеждой на лучшее. Люди, оказавшиеся в оккупации, были совершенно разными по положению, национальности, биографиям, политическим взглядам и житейским интересам. У кого-то (у многих) обострилась боль памяти о сталинских репрессиях, гибели без суда и следствия близких людей; кто-то лелеял надежду на возвращение “доброго старого времени” и отнятой революцией собственности — земли, торговли, дома; один бежал служить в полицию, а то и зондеркоманду; другой “просто” выдавал соседа-еврея, даже не задумываясь, что тем самым обрекает его на гибель, хотя о массовых расстрелах еврейского населения в районе Харьковского тракторного не знали только младенцы; некоторые поначалу вполне добровольно, даже охотно, ехали на работы в Германию (дескать, все-таки “Европа”!) — жандармские облавы на улицах, крики и слезы отловленных, растерянно-испуганные лица в зарешеченных оконцах теплушек — это было потом. Пока же превалировало старое как мир житейское правило: “хай гірше, аби інше”, ибо хуже не бывает; главным для некоторых был сам факт освобождения от большевизма, к нему каждый или почти каждый из этих некоторых имел свой материальный, моральный, политический счет, а то и все три вместе».

Упомянутый Юрий Шевелев был известным коллаборационистом, активным сотрудником издававшейся немцами газеты «Нова Україна». Парадоксальным образом оккупанты начали усиленно возрождать украинофикацию, подобную той, что насаждалась в 1920-е годы, но от которой отказались в начале 1930-х. Почти полностью русскоязычный Харьков стали переводить опять на украинский язык. Другой коллаборационист, а до того известный украинский советский писатель Аркадий Любченко записывал в дневнике в декабре 1941 года: «Вчера ко мне приходит в редакцию (упомянутой газеты «Нова Україна». — *М. А.*) какой-то профессор Филиппов, много о себе начинает говорить — философ, мол, сотрудник ВУАН и пишет теперь работу о большевиках.

“На украинском языке?” — спрашиваю его. “Нет, на русском”. — “Ну, тогда не надо”. — “Как? Почему же? Позвольте? Из-за языка?” — “Ну, а если бы вы принесли, к примеру, в Петрограде работу на украинском языке, то у вас ее разве взяли бы?” — “Нет. Но там ведь языка украинского не знают”. — “А мы здесь русского языка не знаем.

Понимаете? Не знаем!” Он вытаращил на меня глаза, покраснел. Вижу — кипит, аж губы у него дрожат. Наконец говорит, что он уважает украинский язык, что его мать — украинка. “А вы кто по национальности?” — спрашиваю. — “Я — мне все равно… быть русским или украинцем”. Тогда уже я вскипел: “Вы, значит, интернационалист, а пишете против большевиков? Вы не знаете сами, кто вы! Сидите на двух стульях, ходите двуликим Янусом! Ну, это, в конце концов, дело ваше. А мы хотим иметь дело с откровенными людьми, которые себя хотя бы немного уважают”».

Напомним, «откровенный» автор дневника сам был хамелеоном, приспосабливавшимся к сменявшимся порядкам. Но нравы после 1917 года были такие, что от людей требовалось постоянно держать нос по ветру ради выживания. Юный Алик Бакланов — как его звали во дворе — пережил множество идеологических перемен, причем в том возрасте, когда они уже остаются в памяти. До 1941 года он жил под мощным воздействием советской пропаганды (но, живя подолгу у бабушки в деревне, он не мог не соприкасаться и с традиционной системой ценностей, которую еще не успели искоренить). Осенью того же года окружающая его система ценностей повернулась на 180 градусов, началась нацистская пропаганда и, одновременно, украинизация населения, перевод газет и обучения на украинский язык. В 1943-м школьники Харькова, начавшие учебный год под приветствия Гитлеру, четырежды поменяли ориентиры и начали новый уже под восклицания в честь Сталина.

Но главным все-таки была не официальная идеология, хотя и она оказывала немалое влияние на умы подрастающего поколения, а реалии военной жизни, оккупационной и послеоккупационной. Для многих харьковчан, не исключая и детей, единственным средством выживания оставалась мелкая торговля, “менка”, как ее называли, поскольку население перешло к натуральному товарообмену. Олег не был исключением и в 11—12 лет торговал «трофейными» немецкими сигаретами на базаре. Инвалид-фронтовик, отец его товарища, «часто давал нам круглые немецкие пачки сигарет, и мы их продавали в розницу у кинотеатра в парке имени Горького и за это имели свою долю: десять штук из сотни были наши. Мы пошли в школу, и там “боговали”, так как были старше своих одноклассников, поопытней и наглей». Еще раньше, «чтобы не подохнуть с голоду, приходилось чистить сапоги у немцев, выискивать по городу брошенные вещи и менять их на продукты в окрестных деревнях». Помимо еды, надо было заботиться и об отоплении, Бакланов вспоминал: «А в те дни оккупации, помню, мы топили буржуйку, спасаясь от лютой стужи, непоправимо испорченными в бомбежке остатками книг, мебелью из брошенных домов — дров у нас не было».

Мальчишки военной поры взрослели гораздо раньше, и это было тем жизненным преимуществом, которое нес с собой в будущее Олег

Бакланов. Но люди того поколения потом не могли найти общий язык с более молодыми, поскольку привыкшие к постоянному самоограничению, к существованию на грани выживания, они не воспринимали запросов юности, требовавшей хотя бы минимального комфорта. «Старикам» казались кощунственными сами требования модной одежды, отдельного жилья и прочего. Стандартным был их ответ: «Мы о таком и мечтать не могли!» Также не воспринимали они требования элементарных свобод, по крайней мере возможности самовыражения.

В 1948 году, после окончания семилетки (пару лет он потерял, поскольку в школу в оккупацию не ходил), перед Олегом встал вопрос — куда идти дальше? О старших классах он не мог и мечтать — они в то время были платными, льгот ему не полагалось, да и если бы даже они стали бесплатными, в 16 лет сидеть на шее матери с ее мизерной зарплатой было и стыдно, и невозможно. Бакланов сперва поступил в строительный техникум, но через три месяца перешел из него в ремесленное училище связи № 11 Министерства трудовых резервов СССР в группу Р-83, где готовили специалистов по радиолокации.

Надо иметь в виду, что в то время Министерство трудовых резервов было сильным и влиятельным органом, и оно не просто руководило ремесленными училищами и ФЗО (школы фабрично-заводского обучения), но и призывало на учебу в них до миллиона подростков в год (в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах СССР»). Принятое в рамках предвоенного ужесточения трудовой дисциплины это решение давало министерству воистину диктаторские полномочия. Председатели колхозов и горсоветы обязаны были поставлять контингент учащихся для нужных на данный момент для государства специальностей. Те, кто попадал в училища, обеспечивались питанием и обмундированием и обязаны были отработать четыре года по направлению после окончания учебы там, куда их направили. От призыва в армию их освобождали. Право мобилизации за министерством сохранялось до 1953 года, это уже в позднесоветские времена оно выродилось в мало что значащий Госкомитет по профессионально-техническому образованию (председателем которого, кстати говоря, был совсем не случайно харьковчанин Александр Александрович Булгаков).

Олега Бакланова в 1950-м направили на Харьковский завод имени Т. Г. Шевченко, на тот момент — текстильных машин. Но уже на следующий год его перепрофилировали на выпуск аппаратуры слепой посадки для самолетов, и он стал называться «приборостроительным». А еще через несколько лет основным направлением деятельности завода стали системы управления ракетами, а Бакланов проработал на нем непрерывно до 1976 года, дойдя до директора.

Тут следует заметить, что в 1950—1960-е годы Харьков превратился в крупнейший центр ракетостроения, точнее говоря, производства средств управления ракетами. Вторая мировая война, завершившись, перешла в холодную войну. А это означало кардинальное перевооружение противостоящих сторон. Уже в ходе Второй мировой в США было создано ядерное оружие, а в Германии — ракеты Фау-2, и последующие десятилетия стали продолжением развития стратегического оружия на их основе. СССР был вынужден догонять Америку. Страна, и без того нищая, разоренная войной, теперь вкладывала огромные средства, лишая население самого необходимого, в разработку страшно дорогого вооружения. Первые послевоенные годы условно можно разделить на равные этапы — по приоритетам, на которые бросались все силы. В 1945—1949-м это было создание атомной бомбы, в 1949—1953-м — создание вокруг Москвы кольца ПВО (система С-25), в 1953—1957-м — создание межконтинентальной баллистической ракеты, способной долететь до территории вероятного противника. Помимо этого, приходилось фактически обнулять технику времен Великой Отечественной и внедрять новую практически во всем — от автоматов Калашникова и гранатометов до вертолетов, реактивных самолетов и атомных подлодок. Расходы были колоссальными.

Для скорейшего решения проблем создания сверхважного оружия создавались главные управления, Первое занималось ядерным оружием, Второе — ракетными системами ПВО. Оба управления курировал Лаврентий Берия, освобожденный от иных задач, в том числе руководства МВД. Баллистические ракеты при Сталине остались без подобного высокого кураторства, для них не создавалось даже специального главка.

Правда, в 1946 году постановлением, подписанным Сталиным, был учрежден «Специальный комитет по реактивной технике при Совете министров Союза ССР» под председательством Георгия Маленкова. В 1947-м его сменил министр обороны Николай Булганин, но все равно комитет реально так и не заработал. Для Сталина ракеты не являлись приоритетом, и тогдашняя работа по ним в СССР, заключавшаяся в воспроизведении немецкой Фау-2, была во многом личной инициативой министра вооружений Дмитрия Устинова, который старался застолбить за своим ведомством перспективное направление. Но после того, как в СССР создали-таки атомную бомбу и разработали прикрытие Москвы от бомбового удара, в повестку дня встала разработка средств доставки ядерного оружия на территорию США. Бомбардировщики в силу географии и по причине быстрого развития средств ПВО не годились. Так, стало приоритетом создание межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). Первый успешный полет в августе 1957 года осуществила знаменитая королевская «семерка» — Р-7.

Любая МБР была плодом усилий множества конструкторских бюро и заводов. Аппаратура управления играла важнейшую роль в полете

и точности попадания — важнейшей характеристике ракеты. Под нужды ракетостроения передавалось множество заводов и КБ из самых разных сфер. В Харькове, помимо завода имени Шевченко, среди важнейших следует отметить ОКБ-692 (ныне «Хартрон») (чей директор Борис Михайлович Коноплев погиб в 1960 году во время катастрофы на Байконуре вместе с маршалом Митрофаном Ивановичем Неделиным), завод «Коммунар» и завод электроаппаратуры. Все они специализировались именно на системах управления. Таким образом, и ракетный щит Советского Союза, и его космическая программа были тесно привязаны к работе харьковских заводов и КБ.

Начиная с 1965 года все предприятия ракетно-космической тематики были собраны под крыло Министерства общего машиностроения, специально созданного для руководства отраслью. Министром был назначен Сергей Александрович Афанасьев, профессиональный инженер, выходец из оборонки, на тот момент доверенное лицо куратора ВПК Устинова. Разумеется, деятельность министерства была глубоко законспирирована, о чем говорит и само его ничего не разъясняющее название. Я затрону тему деятельности министерства подробнее, когда на работу в него перейдет Олег Бакланов, а пока ограничусь общим представлением о том, в каких координатах работал его завод, с 1957 по 1965 год подчинявшийся Харьковскому совнархозу.

В 1950—1970-е годы Харьков сохранял славу столицы машиностроения СССР, деля ее с Горьким. Одновременно он являлся неофициальной вице-столицей УССР, вторым городом республики. Количество вузов (свыше двух десятков) в нем превышало наличие таковых в Киеве, имелось огромное число НИИ и КБ, а с 1975-го — и метрополитен. Так что город, где жил и работал Бакланов, продолжал оставаться, по современной терминологии, мегаполисом, насчитывавшим до 1,5 миллиона жителей.

Харьков 1950—1960-х годов натуралистически, хотя и несколько однообразно, описывает Эдуард Лимонов в своих биографических книгах «Подросток Савенко» и «Молодой негодяй». Любопытно сопоставить, как видел город человек с позиции маргинала и человек, активно делающий карьеру, то есть Олег Бакланов. В его воспоминаниях о том времени нет ничего того, что есть у Лимонова — уголовные банды подростков, поножовщина, спекуляции, воровство. Иными словами, Харьков Лимонова — это типичная рабочая слобода, люмпенизированная и криминализированная. Для Бакланова же то время — пора напряженной работы, решения задач, которые ставили партия и правительство, одна другой сложнее. Это противоречие бросается в глаза при сопоставлении любых мемуаров начальства советского времени и мемуаров людей вне системы, которые в первую очередь обращают внимание на «недостатки». Когда человек попадал в «систему» — как попал Бакланов — и уверенно делал в ней карьеру, его видение радикально менялось. Для него нет проблем, где достать детское

питание или купить «стенку», а получение квартиры — нечто само собой разумеющееся.

Впрочем, бывало редкое исключение — это когда начальник попадал в опалу и его снимали с должности, и тогда он затаивал обиду и писал воспоминания уже не столь комплиментарные по отношению к системе, либо когда у него имелся комплекс, как, например, у харьковского конструктора космической техники Якова Ейновича Айзенберга (которого мы еще будем цитировать) — по «пятому пункту».

Олег Бакланов рано определился в жизни. Заводскую работу он воспринимал не как нудную и неинтересную повинность ради денег — подобно тому же Лимонову, который трудился на «Серпе и Молоте» неподалеку. Он хотел сделать карьеру, подняться. Для этого он параллельно работе начал получать необходимое образование, экстерном сдал экзамены за десятилетку, затем поступил во Всесоюзный заочный энергетический институт на радиотехнический факультет. Уже в зрелые годы Бакланов защитил кандидатскую диссертацию по лазерным гироскопам. По служебной лестнице он продвигался быстро — начав с монтажника, работал затем настройщиком радиоаппаратуры, мастером, начальником участка регулировки слепой посадки самолета, заместителем, а вскоре и начальником сборочного цеха (самого важного на заводе!), где под его началом трудились 500 человек. Бакланов получал, таким образом, не только инженерно-технический, но и управленческий опыт, умение общаться и руководить людьми.

В 1962 году, в возрасте тридцати лет — он становится заместителем главного инженера, а через год — и главным инженером, то есть вторым человеком на предприятии. Такой стремительный взлет (а для оборонных производств столь молодой главный инженер в то время вообще был крайней редкостью) был невозможен без членства в партии, в КПСС Бакланов вступил в 1953 году — молодой и перспективный рабочий. Но, конечно, главным фактором была не партийность, а его навыки и хватка, работоспособность. Как и многие другие специалисты на заводе, Бакланов мог работать по 12—18 часов в сутки. Авральный режим практически не прекращался. Во время Карибского кризиса 1962 года, когда мир стоял на грани ядерной войны, Советский Союз в разы уступал США по мощи своего стратегического потенциала. У него и МБР было в несколько раз меньше, и их технические характеристики уступали американским.

Поэтому в 1960-е годы советское руководство предпринимало титанические усилия для выравнивания ситуации. Ракетные войска стратегического назначения интенсивно развивались, и к концу 1960-х между СССР и США был достигнут паритет по числу ядерных боезарядов и единиц их доставки. После подписания договоров об ограничении вооружений к 1980 году у Советского Союза имелось 2,5 тысячи носителей и семь тысяч ядерных зарядов, у Америки — 2,3 тысячи носителей и десять тысяч зарядов. Все это достигалось

напряженной работой сотен предприятий, среди которых видное место занимал Приборостроительный завод имени Т. Г. Шевченко.

В 1972 году предыдущий директор скончался в сравнительно молодом возрасте, и ему на смену пришел Бакланов, ставший руководителем предприятия в сорок лет. Он находился на вершине своих сил и возможностей. Перед ним открывались самые широкие перспективы, и он в полной мере их использовал. Бакланов в 1972 году был типичным «выдвиженцем», то есть из рабочих, ярко себя проявившим, замеченным вышестоящим начальством, и потому уверенно продвигавшимся по карьерной лестнице. Образование играло второстепенную роль — у большинства советских директоров оно не было примечательным. Важнее была способность любой ценой выполнять поручения. Впрочем, вопрос цены тоже имел значение, времена стояли уже не сталинские, и преимущество было за теми, кто заставлял платить людей и государство цену не самую высокую.

Уже на фотографиях молодого Бакланова, еще 1950-х годов, мы видим уверенного в себе человека, смело глядящего в объектив, как наслаждающегося своей энергией, здоровьем, обаятельного и задорного. С годами он не то чтобы постарел, а облик его стал каким-то казенным, легла печать большого начальника, но в юные годы Бакланов был воистину красавцем. Вот фото 1952-го — двадцатилетний ударник награжден путевкой в Крым, и он буквально упивается своим счастьем на фоне южных красот. Или фотография примерно тех же лет, где Бакланов в кожаном пальто «на первые заработанные деньги». И Крым, и кожаное пальто были недостижимой мечтой для большинства советских граждан в то время, так что Олег мог ощущать себя триумфатором. Да и тот факт, что деньги он потратил именно на модную обнову, свидетельствовал, что первоочередные потребности у него были «закрыты».

Неудивительно, что, как вспоминала его жена Лилия Федоровна, он считался завидным женихом не только в масштабах цеха, но и всего завода. Они встретились в 1957-м на работе, она была пятью годами младше Олега, который работал старшим мастером. Лилия звала его на «вы» и по имени-отчеству вплоть до дня свадьбы — 19 октября 1958 года. Как она вспоминала, муж пообещал ей жизнь беспокойную, но интересную. Через две недели новобрачный отбыл в Москву в длительную командировку, во время которой защитил в столице в головном вузе и дипломную работу, став обладателем высшего образования в 26 лет — совсем не поздно по тем временам. Вскоре у супругов родился сын Дима. Из комнаты в коммуналке они переехали в двухкомнатную квартиру, а затем купили автомобиль «запорожец», а после «Волгу» ГАЗ-21. Даже если оставить в стороне взаимопонимание супругов, то и с материальной точки зрения Лилия Федоровна вытащила редкий счастливый билет. Правда, ей пришлось уйти с завода и перейти

в ОКБ-692 — Бакланов считал, что супругам неэтично вместе работать на одном предприятии, особенно если муж — начальник.

В апреле 1975 года полномочия Бакланова расширяются, он теперь не просто директор завода, а генеральный директор производственного объединения «Монолит», в которое вошли Приборостроительный завод имени Т. Г. Шевченко (головное предприятие), Особое конструкторское бюро, завод «Электроприбор» (в городке Приволье Ворошиловградской области) и СМУ-31. В 1975 году такие ПО создавались по всей в стране в рамках очередной административной реорганизации. Считалось, что это улучшит координацию работы, избавит от ненужных посредников.

Свое строительно-монтажное управление (СМУ) оказалось в составе объединения — по тем временам случай редкий, чтобы у предприятия было столь крупное строительное подразделение, — не случайно, а стало результатом новаторства молодого директора. Еженедельно проводя прием по личным вопросам рабочих, он обратил внимание, что самый острый вопрос, с которым к нему чаще всего обращаются, это — жилье. Из-за жилищной проблемы люди увольнялись, создавалась текучка кадров — недопустимое явление на оборонном предприятии с повышенными требованиями к квалификации и опыту работников.

Бакланов понял, что единственный способ решить проблему — это строительство жилья хозспособом, силами самого предприятия.
В плановой советской экономике для подобных шагов нужно было пройти множество согласований. Напористый директор даже пробился на прием к министру Сергею Афанасьеву, который его поддержал, пообещав всяческую поддержку. Помогли и в обкоме партии. С этого времени у Олега Бакланова появился воз дополнительных обязанностей, самим им на себя взваленных. Стройка занимала значительную часть его времени; как замечал тогдашний его помощник по возведению жилья, он словно реализовывал свою несбывшуюся мечту (из-за ухода из профильного техникума) стать строителем. За первой пятиэтажкой последовал целый заводской микрорайон, в иной год строилось до пятисот квартир. После появилась своя база отдыха.

Помимо оборонной продукции объединение производило большое количество товаров народного потребления — ТНП. В данном случае это были магниторадиолы «Харьков», магнитофоны и магнитолы «Романтика», музыкальные центры, усилители, тюнеры, репродукторы. Выходило примерно 40 процентов гражданской продукции к 60 процентам военной. Разумеется, качество ТНП уступало западным, поскольку они шли как бы в нагрузку, и с директора в первую очередь спрашивали за выпуск профильных изделий, но все равно и этой стороне деятельности предприятия необходимо было постоянно уделять внимание, думать в том числе и о потребительском спросе, о быстро меняющейся моде и вкусах. К тому же ТНП на заводе были весьма сложной техникой, не лопатами или посудой. Совершенно особым

направлением деятельности предприятия с 1973 года был выпуск автоматизированных систем управления атомными электростанциями.

Бакланов успевал по всем направлениям своей директорской деятельности — контролировал и выпуск военной продукции (а это были системы с замысловатыми аббревиатурами — командно-траекторная радиолиния «Астра», цифровой комплекс командно-траекторной радиолинии «Графит», аппаратура «Рефрактометр» для навигационной системы ГЛОНАСС, бортовая телеметрическая аппаратура «Сириус» для ракетоносителей, бортовая вычислительная цифровая машина «Салют-ЗМ» для орбитальной станции «Мир», автоматизированная система управления Ракетными войсками стратегического назначения (АСУ РВСН) второго поколения, исполнительные звенья АСУ РВСН третьего поколения), и производство ширпотреба, и принимал деятельное участие в социальной работе (советский директор был отцом родным для рабочих своего предприятия, к нему шли по всем вопросам), что было отмечено в 1976 году присвоением ему «закрытым» указом звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Но еще более важным подтверждением заслуг Олега Бакланова и его признанием стал перевод в Москву через три месяца, в ноябре 1976-го, на должность заместителя министра общего машиностроения, где было поручено кураторство Пятым и Шестым главками, в которых сосредоточивалось ракетно-космическое приборостроение. Таким образом, директорская карьера Бакланова продлилась всего четыре года. Началась министерская пора.

Попадание в Москву для провинциала всегда было серьезным испытанием. Менялись масштаб и характер задач. Если на заводе, пусть даже в объединении, все можно было пощупать и посмотреть своими руками и глазами, управлять, что называется, в ручном режиме, то руководство сложными системами требовало иных навыков, других подходов. Находясь в Москве, невозможно было все охватить самому, надо было полагаться на отработанные механизмы доверия, делегирование полномочий, но при этом неся ответственность за конечный результат. Отмечу, что в то же время на Украине в ракетной сфере работал другой перспективный деятель — Леонид Данилович Кучма, которого в 1986 году Олег Бакланов назначил директором Южмаша. Знание о последующей судьбе Кучмы, в 1970-е — секретаря парткома Южмаша, лауреата Ленинской премии, ставшего ярым патриотом независимой Украины, заставляет задуматься: а каких бы взглядов придерживался сам Бакланов, останься он в Харькове?

Министерство общего машиностроения было одним из ведомств так называемой «девятки» — девяти министерств ВПК, подчинявшихся куратору из ЦК КПСС, которым долгое время был Дмитрий Устинов — секретарь ЦК по «оборонке», а в 1976—1979-м Яков Петрович Рябов. Это был своего рода альтернативный Совмин, на который Алексей

Косыгин имел мало влияния. В «девятку» входили министерства авиационной промышленности, машиностроения, оборонной промышленности, общего машиностроения, промышленности средств связи, радиопромышленности, судостроительной промышленности, среднего машиностроения и электронной промышленности. От Совмина СССР их курировал председатель Военно-промышленной комиссии — заместитель председателя Совета министров. В то время им был Леонид Васильевич Смирнов. Имелся также заведующий отделом оборонной промышленности ЦК КПСС — Иван Дмитриевич Сербин, который проработал в этой должности 35 лет и являлся как бы заместителем секретаря ЦК по «оборонке». Кроме этих трех человек важную роль играли первый заместитель председателя Госплана по ВПК (в то время — Георгий Алексеевич Титов), председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии. В 1979—1983 годах куратора всей «оборонки» не имелось — всесильный Устинов «сожрал» Якова Рябова и единолично принимал решения, согласуя их с Брежневым. Над каждым министерством из «девятки» имелся отраслевой сектор в отделе оборонной промышленности ЦК.

Минобщемаш («ракетчики») был одним из двух самых засекреченных министерств «девятки» наряду со Средмашем («ядерщики»). Он ассоциировался с именем Сергея Павловича Королева, тогда как второй — с именем Игоря Васильевича Курчатова. Однако, хотя они работали в связке, одни готовили боевую начинку, другие — средство доставки, положение у них было различно. Атомщики под руководством Ефима Павловича Славского занимали привилегированные позиции, они были на особом положении в ВПК, ими занимались только Устинов и Брежнев. Их история как ПГУ начиналась почти на 20 лет раньше, чем Минобщемаша, созданного лишь в 1965 году. До того ракетчики, скорее, представляли рыхлый конгломерат. Славский, проработавший министром до восьмидесяти восьми лет, установив, таким образом, абсолютный возрастной рекорд в СССР, сделал свое ведомство фактически не подконтрольным никому. Совать нос в атомные дела никто особо не рисковал, считалось, что они очень сложны и слишком уж секретны (что и привело впоследствии к Чернобылю).

Ракеты и космос были не менее сложны и секретны, но здесь охотников порулить было гораздо больше, поскольку достижения и провалы были налицо. Можно сказать, что после создания атомной бомбы в 1949-м и водородной в 1953-м высшее руководство потеряло интерес к ядерным делам, если не считать испытания «Царь-бомбы» в 1961 году. Зато космос и МБР требовали постоянного внимания, непрерывно совершенствовались и были на виду. Запуск искусственного спутника Земли (ИСЗ) в 1957 году, полет Юрия Гагарина в 1961-м или гибель Владимира Комарова в 1967-м — все это становилось предметом обсуждения по всему миру. Равно как полет американцев на Луну или запуск ими «Вояджеров» к Юпитеру и Сатурну. В атомной сфере тогда

ничего подобного столь захватывающего уже не происходило. То же самое касается МБР как наземного, так и морского базирования, вокруг которых шли переговоры о сокращении стратегических вооружений, которые легко фиксировались со спутников-шпионов и постоянно совершенствовались.

Ввиду этого министр Сергей Афанасьев находился под постоянным прессом со стороны высшего руководства страны и часто вспоминал слова Брежнева, сказанные ему как бы в шутку, но которые он воспринял вполне серьезно, мол, мы тебе доверяем, но если ты допустишь отставание от США по ракетам, то мы тебя поставим к стенке. В отличие от Славского (родившегося в 1898 году), он был гораздо моложе и смотрел на Брежнева—Устинова снизу вверх как младший не только по должности, но и по возрасту. Афанасьев был выдвиженцем Устинова, много лет проработал с ним в министерстве, с одной стороны, это помогало быстро решать возникающие вопросы, с другой — связывало инициативу, Устинов воспринимал министра как своего мальчика для битья, как беспрекословного исполнителя поручений, тогда как по отношению к Славскому он не мог позволить так себя вести.

После триумфов советской космонавтики на рубеже 1950—1960-х, со второй половины 1960-х годов начались проблемы, все сильнее становилось понятным, что прежние успехи были вовсе не системны, а являлись следствием авральной накачки, пропагандистскими наскоками выше своих реальных возможностей. Гибель Владимира Комарова в 1967-м, Владислава Волкова, Виктора Пацаева и Георгия Добровольского в 1971-м, высадка американцев на Луне в 1969-м, их рекордные полеты на космической станции «Скайлэб» в 1973—1974-м, успешное достижение ими Марса, Меркурия, Юпитера, Сатурна (а впоследствии Урана и Нептуна), программа космических челноков, телескоп «Хаббл» — все это ясно показывало, что технологическое первенство в космосе перешло к США. И даже когда у них случались проблемы, как в 1970-м во время полета «Аполлон XIII», то они умело превращали их в собственный триумф, драматически передавая на весь мир в прямом эфире спасение экипажа и благополучное возвращение его на Землю.

Таким образом, министр Сергей Афанасьев все время должен был оправдываться, будучи крайним в ситуации советского отставания в космосе. Естественно, лично он таковым по факту не являлся, ибо лишь исполнял поручения вышестоящего начальства, и своей политики не проводил, но перевести стрелки наверх он тоже не мог. Уже через несколько месяцев после своего назначения, в августе 1965 года, он принял участие в совещании у зампреда Совмина СССР Леонида Смирнова по вопросу «О состоянии работ по исследованиям космического пространства, Луны и планет», на котором было отмечено, что СССР начинает отставать от США, и было сказано о слабой работе

Минобщемаша. Так что с самого начала Афанасьев работал в условиях прессинга.

Это может показаться шокирующим, но в СССР не было планомерного развития исследования космоса, поскольку не имелось единого органа, за него отвечавшего, такого как НАСА[3] в Америке. По сути, все основные решения принимал генеральный секретарь с подачи Устинова, а главными людьми в исполнении постановлений были военные, которые обслуживали космодромы и запускали ракеты. Минобщемаш выполнял лишь функции производителя техники. Когда в 1972 году было подписано соглашение с американцами о совместном полете «Союз» — «Аполлон», то, если от Вашингтона, стороной, обеспечивающей его выполнение, было указано НАСА, то от Москвы — Академия наук СССР, не имеющая реально никакой власти. Минобщемаш и военные действовали за кулисами. И разумеется, всю работу министерства покрывала глубочайшая тайна. Минобщемаш был одним из тех ведомств, в котором начальник режима (Первый отдел) имел статус замминистра. При Бакланове-министре таковым являлся Григорий Федорович Григоренко, генерал-полковник КГБ, до того — заместитель Андропова.

Чрезмерная секретность всего, связанного с космосом, приводила к обратному эффекту, эйфория гагаринских времен в СССР давно улеглась, а на Западе и следов от истерии времен первого ИСЗ (пропагандистский эффект от этих двух событий был различен, Запад потряс спутник, летающий над головами, а в Советском Союзе большее потрясение вызвал первый космонавт, живой человек, а не железяка в космосе) не осталось. Юрий Александрович Мозжорин, директор Центрального научно-исследовательского института машиностроения (ЦНИИмаш), организации, занимавшейся теоретическим и методологическим обеспечением космонавтики, в том числе отвечавшей за пропаганду достижений Советского Союза в этой сфере, вспоминал:

«Наши наиболее светлые умы, владеющие пером, были привлечены к написанию различных интересных статей. Получались научные статьи, отдающие за версту голым техницизмом. Они были чересчур грамотными, для широкой массы читателей неинтересными, и плохо рекламировали отечественный космос. Чего мы только не делали. Нанимали по рекомендации Д. Ф. Устинова выдающихся корреспондентов газет “Правда” и “Известия”. Но при запрете писать об отдельных неудачах, касаться важных характеристик космических комплексов, имен участников великих свершений получались только слащавые восторженные словоизвержения, не вызывающие интереса широкой публики.

Именитые писатели говорили:

— Не надо нам вашей зарплаты, организуйте только свободный доступ к информации о всех важных космических событиях. Снимите

многочисленные ограничения на публикации, и будет вам блестящая пропаганда наших космических достижений.

Так начинание с наймом известных корреспондентов заглохло. Но суждены нам благие порывы. Безликие суконные техницизмы, без указания конфликтов и неудач, с большим количеством восклицательных, восторженных местоимений заполняли страницы газет и журналов, вызывая недовольство руководства из-за малой пропагандисткой эффективности. Несмотря на предложения ТАСС, Госкомиздата и наши робкие рекомендации открыть ворота объективной информации, запреты не были ослаблены».

В 1970-е годы неудач случалось много, например, корабли «Союз-15», «Союз-23», «Союз-25», «Союз-33» не смогли выполнить свою миссию и пристыковаться к орбитальным станциям, а «Союз-23» еще и осуществил посадку не на сушу, а в воды озера Тенгиз и чуть не затонул. «Союз 18-1» в апреле 1975 года (за три месяца до полета «Союз» — «Аполлон»!) вообще не вышел на орбиту, и космонавты выжили лишь благодаря системе аварийного спасения, приземлившись в горах Алтая.

Министерство общего машиностроения (типичное бессмысленно-маскирующее название, такое как «среднее машиностроение» или «машиностроение» — Министерство машиностроения ведало производством боеприпасов) представляло собой огромную империю с сотнями заводов и КБ, разбросанных по всему Советскому Союзу. Впрочем, отраслевые кусты можно выделить — основные мозговые центры и производства были сосредоточены по советской привычке в Москве и ближнем Подмосковье. Здесь в Калининграде работала «фирма» Сергея Королева, в Химках трудились Валентин Глушко и Георгий Бабакин, в Реутове — Владимир Челомей, в самой Москве Николай Пилюгин, Михаил Рязанский, Виктор Кузнецов, Владимир Бармин и десятки других главных конструкторов. В Филях был Машиностроительный завод имени М. В. Хруничева. На Украине выделялись Харьков и Днепропетровск с его Южмашем и КБ при нем, созданным Михаилом Янгелем. Имелись крупные «фирмы» на Урале (в том числе Виктора Макеева), в Куйбышеве (Дмитрия Козлова), в Сибири (в том числе на территории Атомграда Красноярск-26 — Михаила Решетнева).

Следует иметь в виду, что Минобщемаш вовсе не был монополистом по ракетам вообще. Так, ракеты оперативно-тактические и средней дальности (конструктор Александр Надирадзе) разрабатывало и производило Министерство оборонной промышленности. Крылатыми ракетами и ракетами ПВО занимались Министерство авиационной промышленности и Министерство радиопромышленности. Если говорить очень упрощенно, то Минобщемаш был министерством МБР, спутников и космических кораблей.

Работа министерства строилась в тесном взаимодействии с военными — его главными заказчиками. Со стороны Минобороны

таковыми выступали в первую очередь Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), которые отвечали и за запуски в космос до начала 80-х. РВСН состояли из шести армий, дивизии которых располагались по всему Советскому Союзу. Также заказчиком был и ВМФ, у которого имелось около восьмидесяти подводных лодок с МБР. Кроме того, Минобщемаш производил различные военные спутники — оптической и радиоразведки, связи и т. д. В 1981 году из состава РВСН было выведено Главное управление космических средств (ГУКОС) и подчинено непосредственно Генштабу. Отныне космодромы Байконур и Плесецк не подчинялись РВСН.

Начальник научно-технического отдела Первого главного управления Министерства общего машиностроения Владимир Михайлов вспоминал:

«Минобщемаш СССР был довольно суровым министерством. На заседаниях коллегии министерства обстановка была всегда очень напряженной, обсуждения носили жесткий характер. Докладывать на коллегии было сложно. К ее заседаниям готовились очень серьезно, выезжали на предприятия, дополнительно разбирались на месте. Так делал и министр, и руководители подразделений, ведущие сотрудники министерства. К заседанию готовились проекты приказов или решений коллегии. В них давалась оценка состояния работ, а в необходимых случаях планировались взыскания руководителям. По комплексам, программам, которые я вел, проекты этих документов разрабатывал я. Проекты согласовывались с руководителями других главных управлений министерства. И далеко не всегда этот процесс был бесконфликтным. Приходилось заниматься организационно-технической дипломатией. Как правило, на заседания выносился уже согласованный проект документа. Но по результатам обсуждения на коллегии он мог быть существенно изменен. Для этого ход заседания фиксировался стенографистками. То, что формулировал министр, должно было обязательно войти в окончательную редакцию документа.

Доклады, как правило, делались по плакатам, отражавшим суть обсуждавшихся вопросов. Переход к иллюстрации докладов изображениями на большом экране начался в самом конце 80-х годов. Прямо над головой докладчиков висел сделанный на века транспарант “Тот, кто хочет сделать дело, ищет способ, тот, кто не хочет, ищет причины”.

Министр С. А. Афанасьев внимательно слушал доклады и в любой момент мог остановить выступавшего и задать вопрос, иногда серьезно менявший ход обсуждения. Подходил, смотрел во время доклада, по чему докладывают. Не терпел, когда докладывали по только что отпечатанным текстам, справкам. Он сразу видел, владеет ли сам докладчик вопросом, работает ли по нему повседневно…

Могло прозвучать: “Не поправишь положение — снимем с работы”. И снимали, иногда с абсолютно неправовой формулировкой “без права

работы в отрасли”. Понятно, как это было жестоко к людям, отдавшим практически всю жизнь работе…

Но все это на многолюдных коллегиях. У себя в кабинете С. А. Афанасьев бывал и очень другим. Мне иногда приходилось докладывать ему лично технические проблемы. К сожалению, как правило, после аварий. Расстилались в кабинете на столе для заседаний чертежи, и мы вдвоем ползали по ним, считая размерные цепочки, обсуждая возможные причины отказов техники. Разговор был всегда нормальным. Он по своему опыту был технологом, производственником и вообще имел огромный опыт. Он хорошо понимал меня, имевшего опыт работы конструктором, проектантом. По технике было полное понимание.

Но на заседаниях коллегии обстановка была очень суровой… Работа Минобщемаша СССР строилась на основе строжайшей дисциплины, которая поддерживалась на всех уровнях, приказы выполнялись неукоснительно и четко. Существовала и свирепствовала специальная диспетчерская служба министерства, отслеживавшая выполнение всех пунктов приказов и решений коллегии. Ее сотрудники ничего не забывали и не прощали.

Жесткая система единоначалия, контроля хода работ на коллегиях, которая вела нередко к серьезным оргвыводам, сочеталась с возможностью демократичного обсуждения научно-технических проблем на различных уровнях. Многословие в выступлениях было не принято, упор делался на недостатки и меры по их исправлению. Пространные доклады с длительной вступительной частью жестко пресекались С. А. Афанасьевым “начните со слова ‘однако’”.

Минобщемаш СССР имел возможность через постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, решения Комиссии по военнопромышленным вопросам подключать к работам любые министерства и организации работ. И не только оборонные. Но отвечал за создание ракетных комплексов именно Минобщемаш СССР. Министр С. А. Афанасьев часто говорил: “Нас никто не дублирует!”».

В 1976—1981 годах Олег Бакланов, как заместитель министра, курировал Пятый (системы управления ракетами и системы боевого управления) и Шестой главки (комплексы командных приборов), а затем и Десятый главк (телеметрические системы и другое оборудование). В 1981-м он стал уже первым замминистра, сменив на этом посту Бориса Владимировича Бальмонта, назначенного министром станкостроительной и инструментальной промышленности. Несмотря на все трудности перехода от заводской работы к министерской, Бакланов уже в момент прихода в ведомство в целом хорошо представлял ситуацию в вверенных ему сферах, поскольку часто общался с коллегами в министерстве на совещаниях, посещал другие предприятия, будучи директором. Первый год работы в Москве он проживал в ведомственной гостинице, что также способствовало

быстрому вовлечению в общий круг забот и интересов, поскольку командированные в столицу могли запросто к нему заходить пообщаться.

В 1976 году, когда Олег Бакланов пришел в министерство, новые задачи перед ведомством были определены как раз приблизительно в это время — разработка советского челнока («Энергия» — «Буран»), Боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК), орбитальной станции «Мир» и МБР нового поколения, как наземного, так и водного старта. Помимо этих основных, разумеется, было и много других.

Создание многоразового космического корабля стало тем, на чем и поскользнулся многоопытный министр Сергей Афанасьев. Собственно, его вины в этом не было, как уже было отмечено выше, — советская космическая программа развивалась хаотично и бессистемно. Можно вспомнить «лунные» планы СССР. Было ухлопано от 3,6 до 6 миллиардов рублей (в тех ценах!) сразу на два проекта — облет Луны на корабле на основе «Союза», запускаемом на ракете «Протон», и полет на Луну с высадкой, для чего создавались гигантская ракета Н-1 и специальный корабль. Не получилось ни первого, ни второго. Пришлось, чтобы совсем не осрамиться, срочно разрабатывать проекты по доставке с Луны грунта автоматическими станциями и исследования поверхности с помощью лунохода. В итоге деньги потеряли огромные, а пропагандистскую битву проиграли. А США сосредоточили все силы и средства на одной программе — «Аполлон» — и блестяще ее реализовали.

Примерно то же самое получилось с «Бураном», на своем финальном этапе ставшим частью транспортной космической системы «Энергия» — «Буран». Космические челноки начали разрабатываться в США в 1972 году. Основная цель была — экономия средств. В Советском Союзе переполошились — что это и зачем? Мозговые штурмы показали, что челноки могут, среди прочего, похищать с орбиты наши спутники и незаметно подлетать и сбрасывать ядерные заряды на советскую территорию. После ряда обсуждений руководство страны решило, что и СССР также нужны свои многоразовые системы. Так в 1976 году был дан старт программе «Буран». Повторилась та же ситуация, что и с лунной гонкой — бедная и технически отсталая (по сравнению с США) страна должна была одновременно поддерживать две пилотируемые программы, одну «Союз» — «Салют» (одноразовые корабли), вторую — многоразовую «Буран». Экономическую целесообразность никто не проверял. В США космические челноки с экономической точки зрения, равно как и с точки зрения безопасности себя не оправдали. Затраты оказались гораздо выше планируемых, как показали последующие расчеты, запуск полезного груза на орбиту с помощью «Протона» был на 35 процентов дешевле, чем с помощью челнока. В результате катастроф «Челленджера» и «Колумбии» погибли 14 астронавтов (в СССР всего погибли четыре космонавта), из пяти

челноков было потеряно два. Можно сказать, что программа «Спейс Шаттл» в целом оказалась тупиковой. Ну, или обогнавшей свое время и потому пришедшейся не ко двору, — кому как больше нравится.

Как бы там ни было, но Советской Союз попал на этот крючок и увяз в расходах на «Буран» общей стоимостью около 16 миллиардов рублей, хотя точных ни предварительных, ни окончательных подсчетов сделано не было. Задача изначально оказалась неподъемно тяжелой для советской экономики и промышленности. Воспоминания участников программы передают то нечеловеческое напряжение, которое сопутствовало ее реализации (впрочем, не полной, пилотируемого полета так и не состоялось). В ней были задействованы сотни заводов, КБ и НИИ, принадлежащих самым разным ведомствам, хотя Минобщемаш, конечно, выступал в качестве координатора всей работы. Даже Министерство речного флота РСФСР было привлечено и играло немалую роль, обеспечивая транспортировку крупногабаритных грузов и самого челнока «Буран». Кстати говоря, сам корабль создавало Министерство авиационной промышленности, в недрах которого было организовано НПО «Молния» во главе с Глебом Евгеньевичем Лозино-Лозинским.

По линии же Минобщемаша работой руководило НПО «Энергия», созданное в 1974 году, после провала лунной программы. Преемник Королева — Василий Павлович Мишин был снят с должности, и КБ Королева объединили с КБ Глушко, который и возглавил «Энергию». Валентину Петровичу было на тот момент уже 66 лет, и он отличался сложным характером, так что кадровое решение было весьма спорным, с учетом предыдущих отношений Глушко как с Королевым, так и с Мишиным. Но даже если бы он и был образцом дипломатичности, то все равно объективная ситуация в советской науке и экономике была такова, что создание многоразовой системы, требовавшей конструирования совершенно новых образцов техники, бросало множество вызовов. Первым конструктором проекта стал Игорь Николаевич Садовский, «главный» в «Энергии» по твердотопливным ракетам, хотя в системе «Бурана» ТТРД не было. Через несколько лет стало ясно, что его надо менять на кого-то другого. Таким человеком стал Борис Иванович Губанов из Днепропетровска, с 1982-го новый главный конструктор «Бурана», специально переведенный для этого в «Энергию».

12 апреля 1981 года, в День космонавтики, американцы успешно запустили первый челнок — «Колумбия», таким образом, реализовав проект ровно за девять лет. Советскому Союзу нечего было на это сказать. «Спейс Шаттл» казался явлением из XXI века, помнится, примерно в то же время на экраны СССР вышел американский фильм «Ангар-18», где основу сюжета составляет полет челнока. Я ребенком смотрел его и не верил, что такое возможно — многоразовый полет, хотя программа в США уже реализовывалась. «Буран» разрабатывался

в глубокой тайне, поэтому за ходом его создания никто, кроме посвященных, не следил, но сами советские руководители знали, что в ближайшие годы полета не будет.

Вторым ударом стало объявление президентом США Рональдом Рейганом 23 марта 1983 года программы «Стратегическая оборонная инициатива», предусматривавшей в том числе выведение в космос объектов противоракетной обороны. Это означало новый виток холодной войны на уже новом технологическом уровне и с применением челноков, которые выводили на орбиту объекты министерства обороны США. Советских лидеров охватило состояние, близкое к панике, поскольку тогда же, в 1983-м, начался кризис по ракетам средней дальности в Европе, приведший к выходу СССР из Женевских переговоров по евроракетам.

Эти два события имели конкретное кадровое последствие — отставку Сергея Афанасьева с поста министра общего машиностроения (ее подсластили тем, что его перевели на должность министра тяжелого и транспортного машиностроения, второстепенную в советской вертикали власти). Дмитрий Устинов окончательно разочаровался в своем выдвиженце, и их 35-летнее сотрудничество завершилось. Как писал Яков Рябов, «оборонщики уже отлично знали: если Д. Ф. на кого-либо обозлился, тому надо уходить или подстраиваться под него. Однако были и строптивые руководители, которых Устинов недолюбливал, но все равно терпел, так как они были хорошими организаторами, талантливыми творческими людьми. Среди них можно назвать: Славского, Афанасьева, Челомея, Огаркова, Шокина, Сербина и многих других». Однако терпение в отношении Афанасьева кончилось. В апреле 1983 года Олег Бакланов стал его преемником, получив перед этим Ленинскую премию закрытым постановлением.

Его приход в министры стал возможен еще и «благодаря» смерти главы Минавиапрома Василия Александровича Казакова в феврале 1981 года. Тогда ему на смену перебросили (точнее говоря, вернули) Ивана Силаева, за два месяца до того назначенного из первых замов Минавиапрома министром станкоинструментальной промышленности. Соответственно, упомянутый выше Борис Бальмонт стал преемником Силаева, открыв вакансию для Бакланова. При ином раскладе он мог бы и не стать министром или стать им значительно позднее, и тогда вся его биография сложилась бы иначе. Кстати заметить, Силаев, прошедший схожий с Баклановым путь и принадлежащий к одному с ним поколению, и также принимавший участие в работе над «Бураном», в исторической развилке 1990—1991 годов перешел на иные позиции и выступил объективно в роли его противника в дни ГКЧП. Это лишний раз показывает, что позиции участников событий определялись не убеждениями, а случайностями, тем, где они на тот момент работали.

Борис Губанов вспоминал: «В декабре 1981 г. Л. И. Брежнев в день своего рождения подписал постановление о мероприятиях по улучшению

организации работ по “Бурану”. Срок выхода на летно-конструкторские испытания оставался прежним — 1983 г. О том, что Генсек подписал это постановление в день своего 75-летия, Глушко часто подчеркивал при выступлениях на Совете главных».

Таким образом, на Олега Бакланова сразу обрушился огромный ворох проблем — выведение проекта «Буран» на завершающую стадию, равно как и ряда крупных сугубо оборонных проектов, нахождение ответа на американскую СОИ. С «дядей Митей» — как называли в шутку за глаза Устинова — он проработал полтора года, в декабре 1984 года министр обороны скончался. Но еще раньше, летом 1983-го, Андропов после «пробела» в четыре с лишним года и вопреки желанию Устинова назначил куратором ВПК Григория Васильевича Романова из Ленинграда, который был избран секретарем ЦК КПСС. Он и был непосредственным начальником Бакланова. Однако Горбачев, ненавидевший Романова, убрал его, едва сам стал генсеком. С лета 1985 года куратором «оборонки» стал другой ленинградец — Лев Николаевич Зайков. И уже его переход на место Ельцина — в Московский горком партии в ноябре 1987-го — освободил должность для Олега Бакланова. Но в апреле 1983-го до этого события еще было очень далеко.

Первым реальным достижением Олега Бакланова на посту министра стал запуск в феврале 1986 года орбитальной станции нового поколения «Мир» — как раз к открывавшемуся через несколько дней XXVII съезду КПСС, на котором его избрали членом ЦК. Этот «подарок» съезду стал возможен благодаря вмешательству Григория Романова, который содействовал тому, что, несмотря на то что основные средства бросались на «Буран», были найдены возможности для доведения «до ума» «Мира». Станция в отличие от предыдущих «Салютов», у которых было сперва по одному, а у «Салюта-6,7» два стыковочных узла, имела их целых шесть, что позволяло превратить станцию в огромный орбитальный комплекс, пристыковывая к ней один модуль за другим.

Достижением отчасти и Минобщемаша было спасение в 1985 году станции «Салют-7», которая, находясь в автоматическом режиме, без экипажа, перестала отвечать на сигналы с Земли. Впрочем, вскоре возрожденная станция (на нее был отправлен ремонтный экипаж, состоявший из Владимира Джанибекова и Виктора Савиных) оказалась ненужной. Ее подняли на высокую орбиту для долговременной консервации, но она быстро потеряла управляемость и начала неконтролируемый сход с орбиты, в Минобщемаше была создана специальная группа по контролю за «Салютом», который в итоге сравнительно благополучно вошел в атмосферу и рассыпался над пустынными районами Чили и Аргентины. Удалось избежать повторения скандала с разведывательным спутником «Космос-954», питание которого осуществлялось ядерным реактором и падение которого на арктические районы Канады привело к необходимости очистных работ,

оплачивать которые пришлось Советскому Союзу в размере нескольких миллионов долларов.

Но главным для Олега Бакланова оставался проект «Буран». В мире и в стране назревало нетерпение — чем ответит Советский Союз на американский челнок и ответит ли вообще? Катастрофа «Челленджера» в январе 1986 года привлекла дополнительное внимание к проблеме. На первый план выходили вопросы безопасности. Когда Бакланов пришел в министерство из Харькова в 1986 году, на его счету было 18 взысканий. Министр Сергей Афанасьев его тогда успокоил, сказав, что эти взыскания — следствие его активной работы, но теперь, когда он сам стал министром, Бакланов понимал, что накапливать взыскания не получится — его просто с треском снимут с работы.

«Буран» создавали десятки и десятки КБ и НИИ. Во главе них стояли люди творческие, но сложные, каждый из которых считал себя наивысшим авторитетом и зачастую не считался с другими. Вчерашние соратники Сергея Павловича Королева, академики, вели себя порой довольно дерзко — чем отличалась космическая сфера от ядерной, в которой у министра Славского такой вольницы не было. Как говорил о конструкторах Брежнев Якову Рябову перед его назначением, которых сам хорошо знал, руководя ВПК в 1956—1960 годах, «все они люди преданные, хорошие специалисты, но у каждого свой характер, свои привычки и особенности, это тоже необходимо учитывать в своей работе».

Борис Губанов писал об этом мягче: «“Хорошо, что космическая наука у нас никогда не ходила строем. Делая одно дело, конструкторы мыслили по-разному, отстаивали разные технические идеи”, — как-то сказал Е. А. Сиволодский — наш “главный химик” по топливам. И людьми они были разными, со своими характерами. У каждого, наряду с огромными достоинствами, имелись свои недостатки, свои нормы жизни и даже причуды. В своих спорах они иногда напоминали известных персонажей Д. Свифта из “Путешествий Гулливера”, спорящих, с какого конца следует очищать от скорлупы яйцо — с острого или тупого».

В ходе работы над «Бураном» Олегу Бакланову пришлось с этим многократно сталкиваться. Тот же Валентин Глушко, руководитель НПО «Энергия», отличался непростым характером. Так просто убрать кого-то из конструкторов Бакланов, несмотря на свою должность, тоже не мог. Нужно было пройти много согласований. Яркий пример этого содержится в воспоминаниях Якова Айзенберга:

«В Харьков прилетел наш министр О. Д. Бакланов и “сопровождающие его лица”. День прошел в традиционном осмотре стендов теоротделения и отделения главного конструктора темы, затем состоялось также традиционное посещение важнейших цехов нашего опытного завода, а вечером без положенного общего сбора министр отбыл на дачу обкома партии для встречи “один на один” с первым секретарем обкома В. П. Мысниченко. Многочасовое (до 2—3 часов

ночи) хождение по лесу, занимаемому этой дачей, под неусыпным контролем харьковского КГБ ни к каким результатам не привело. Министр убеждал Мысниченко, что работы по “Энергии” сорваны и Сергеева нужно менять. Но Владислав Петрович был непреклонен, Сергеев полностью устраивает обком партии, снять его они не позволят. Вот что значит, когда права есть, а обязанностей нет, стандартная ситуация с партийными органами в СССР, по крайней мере, после смерти Сталина.

Создавшаяся ситуация совершенно абсурдна, министр хочет снять с должности своего сотрудника, который очень плохо работает, под сомнение уже поставлены важнейшие советские работы по РКТ. В существе того, чем мы занимаемся, секретарь обкома, конечно же, не разбирается. За срыв сроков он никакой ответственности и нести не может, а министр отвечает перед политбюро ЦК. Это бросает уже тень на самого министра, который не в состоянии решить относительно простой вопрос. И тогда министр сказал, что вопрос снятия Сергеева согласован с Л. Н. Зайковым, членом политбюро, чей “участок” — оборонная промышленность. При существовавшей партийной иерархии Зайков для Мысниченко определенно выше Господа Бога. Во всяком случае, о несогласии и даже о малейшем возражении и речи быть не может. Мысниченко тут же заявил, почему министр с этого не начал (а тот хотел сам решать вопросы снятия своих сотрудников), они бы не потеряли столько времени».

Проект включал в себя множество задач — предстояло создать ракету-носитель, которая по мощности превосходила бы имеющиеся в СССР в несколько раз, создать «космический самолет» — при полном отсутствии опыта в этой сфере, в отличие от американцев, у которых имелись наработки по ракетному самолету Х-15, поднимавшемуся на высоту более 100 километров, создать установки, с которых бы осуществлялся запуск, разработать средства транспортировки корабля и ракет от заводских корпусов до космодрома. При этом ускорители первой ступени могли выступать и в роли самостоятельных ракет-носителей «Зенит», а сама «Энергия» служить в будущем базой для сверхтяжелых носителей «Вулкан», способных запускать пилотируемые корабли к Марсу.

Напомним, «Буран» был межведомственным проектом, поэтому глава Минобщемаша не мог просто приказывать своим коллегам из других министерств, а их роль была огромна. Сам корабль делали в Минавиапроме, то же ведомство создавало самолет ВМ-Т (на базе тяжелого бомбардировщика 201М) для транспортировки на Байконур частей комплекса для сборки. Специалисты институтов Минавиапрома — ВИАМ и НПО «Молния» вместе с НИИ «Графит» Минцветмета разработали специальный материал — «Гравимол» для создания системы теплозащиты корабля. Одни только теплозащитные плитки «Бурана» были сами по себе высочайшим технологическим

достижением химиков и металлургов, в работе над ними участвовали ЦАГИ, ЛИИ, ЦИАМ, Ступинский металлургический комбинат, Курчатовский институт, Институт электросварки имени Патона, институты Белоруссии и Армении. Кварцевый песок для плиток поначалу закупали в Бразилии при посредничестве Франции, пока геологи не нашли нужный кварц на Южном Урале. ГИПХ Минхимпрома занимался обеспечением пожаровзрывобезопасности, НПО «Криогенмаш» Минхиммаша — созданием криогенных установок для заправки ракеты-носителя жидким водородом и кислородом. Гигантские машины — транспортно-установочный агрегат и подъемно-установочный агрегат, с помощью которых перегружали «Буран» и составные части ракеты «Энергия» и доставляли комплекс к стартовой позиции, — делал Новокраматорский завод Минтяжмаша (куда перешел Сергей Афанасьев).

На Байконуре были проведены гигантские строительные работы. Это и стартовый комплекс для «Энергии» — «Бурана», и универсальный стенд-старт стоимостью в 592 миллиона рублей, и монтажно-испытательный корпус, и посадочная полоса с командно-диспетчерским пунктом, и многое другое. Надо сказать, что Байконур практически всегда являлся строительной площадкой. Его возводили и обустраивали военные из Главного управления специального строительства (ГУСС), у которого на космодроме имелось собственное подразделение — 130-е Управление инженерных работ (УИР). После принятия решения о программе «Буран» число строителей все время нарастало, и в середине 1980-х годов на Байконуре работало около 35 тысяч человек. В 1987-м, в связи с особой важностью, 130-е УИР было преобразовано в Главное специальное военно-строительное управление Минобороны с непосредственным подчинением замминистра по строительству. Кроме военных строителей большую роль на космодроме играло Министерство специальных и монтажных работ. Относящееся к нему СМО «Спецмашмонтаж» производило наиболее ответственные монтажные работы, также задействованы были тресты «Союзкислородмонтаж», «Спецстальконструкция».

Михаил Андреевич Первов — известный автор и издатель серии книг по ракетной технике, не случайно пишет: «Внутри государства под названием СССР возникло еще одно государство под названием Ракетостроение. Если о существовании первого знали все жители страны, то о существовании второго не положено было знать никому, кроме горстки избранных. Миллионы людей обслуживали Ракетостроение. Но каждый из них в отдельности не представлял его масштабов. Сотни и сотни ракетных шахт, бункеров, защищенных сооружений и арсеналов потребовали создания гигантской промышленности и привлечения армии квалифицированных строителей. Минмонтажспецстрой мог бы потягаться со всей индустрией жилищного строительства страны. Одновременно были заложены десятки городов ракетчиков.

Одновременно началось строительство тысяч километров специальных автодорог с железобетонным покрытием».

Всю эту необъятную стройку, крупнейшую по своему размаху после БАМа в тогдашнем СССР, продвигал Бакланов как глава Межведомственного координационного совета по «Бурану», созданного постановлением Военно-промышленной комиссии для согласования действий 79 ведомств и 1200 предприятий. Напомню, что для «Бурана» строилось еще две запасные посадочные полосы — в Крыму и на Дальнему Востоке. Борис Губанов вспоминал: «Под руководством О. Д. Бакланова все выехали на полигон (Байконур. — *М. А.*). Многие рассчитывали, что этот “массовый” выезд будет разовым, как всегда, но он растянулся на полтора года — до первого пуска, а потом еще и до второго. Теперь выезжали домой на короткое время с полигона, а не на полигон из дома. Полигон, производственный корпус бывшего Н-1 стал постоянным рабочим местом для всех. Был задан высокий темп работы. Без этого баклановского импульса в его деловой и конкретной форме мы с пуском “Энергии” не успели бы до “настоящей перестройки”. Ракетная система “Энергия” — “Буран” родилась благодаря ему… В то время на производственных площадях бывшего Н-1 трудились над “Энергией” более четырех тысяч рабочих, инженеров и других работников, в том числе аппарат главка и руководство министерства».

Заметим, для характеристики времени, что среди сосредоточенных на Байконуре десятков тысяч стройбатовцев, а также тысяч солдат из обслуживающих космодром частей, процветала самая свирепая дедовщина, недисциплинированность. Пьянство и разгильдяйство соседствовали с самыми передовыми космическими технологиями. Достаточно почитать воспоминания на форуме ветеранов Байконура. Дегуманизация *homo soveticus* достигла пика именно в позднесоветские годы. Этот ужасающий контраст между силой техники и повседневным варварством, особенно в закрытых для критики и внимания общества зонах, таких как армия, сегодня особенно бьет в глаза, равно как и унизительная бедность быта. В воспоминаниях киевского инженера Анатолия Вовнянко, работавшего над самолетом «Мрия» — для транспортировки «Бурана», невольно подчеркивается, в каких полуголодных условиях создавали уникальные специалисты сложнейшие аппараты, какой удачей считалось привезти из командировки в Москву баночку шпрот.

И именно Олег Бакланов предложил первый запуск «Энергии» (так ракету назвал в последний момент Глушко) произвести со стенд-старта, который вообще-то предназначался для испытаний двигателей в первую очередь, поскольку основной старт еще не был готов. Тот же Губанов писал: «Пробивать идею “опережающего пуска” активно взялся О. Д. Бакланов. Сколько было совещаний и бесед у него в кабинете с А. А. Максимовым (начальник ГУКОСа. — *М. А.*)».

Вся эта работа проводилась в условиях цейтнота и постоянной нехватки то тех, то иных материалов. Губанов вспоминал: «Задерживался с вводом стенд огневой отработки двигателей РД-0120 в Нижней Салде. Выявилась нехватка введенных мощностей Чирчикского завода по производству жидкого водорода. Из-за нехватки водорода с ноября 1984 г. по февраль 1985 г. число испытаний двигателей сократилось с пяти до двух в месяц. План 1983 г. по номенклатуре заводом “Прогресс” был выполнен только на 65 процентов, а заводом экспериментального машиностроения НПО “Энергия” — всего на 42 процента. Заводом “Прогресс” с учетом различных сборок для отработки прочности было изготовлено не более 2,5 комплекта второй ступени, в то время как по взаимно согласованному графику предусматривалось изготовление четырех комплектов. Сроки изготовления экспериментальных установок в течение 1982—1984 гг. переносились от шести до 12 раз — из месяца в месяц… На начало 1985 года было проведено 287 испытаний на 63 двигателях РД-0120 с суммарной наработкой 31 тысячу секунд, при ориентации по методическому плану на 81 тысячу…»

При этом министр Минобщемаша фактически исполнял и обязанности генерального конструктора НПО «Энергия» — Валентина Глушко, приближавшегося к возрасту восьмидесяти лет. Тот же Губанов — первый заместитель Глушко — отмечал: «Генеральный конструктор “Бурана” занимал в этой структуре какое-то подчиненное положение… иногда казалось, что В. П. Глушко находится в почти индифферентном состоянии. Представлялось, что все крутится мимо него. Судя по всему, его это не смущало».

После ряда переносов сроков и принятия решения использовать стенд-старт запуск первой «Энергии» (еще без «Бурана») стал приближающейся реальностью в начале 1987 года. Была решена проблема надежной работы самого мощного двигателя в мире — РД-170 («О. Д. Бакланов, работая в тесном контакте с В. П. Глушко, большую часть своего времени уделял организации решения проблем доведения двигателя РД-170, помогал, мобилизовывал, подталкивал. Дело у двигателистов пошло лучше» — Борис Губанов). Через четыре года работы Олега Бакланова министром он должен был сдавать экзамен, доказать правильность своего назначения.

Принимать его приехал сам генсек — Михаил Горбачев, посетивший Байконур с визитом 11—13 мая 1987 года — как раз перед запуском «Энергии». Визит был полусекретный, несмотря на перестройку, о нем было объявлено уже после его завершения. При этом, из-за суеверия, ракету отправлять в космос перед высоким гостем не стали, а он и не настаивал. Более того, поначалу Горбачев объявил собравшемуся начальству и ученым: «Политбюро не разрешит вам пуск этой ракеты», причем без объяснения причин. Несколько позже он добавил: «…видимо, кораблю мы навряд ли найдем применение… Но ракета, мне

кажется, найдет свое место…» Генсек уже тогда сильно злился на ВПК, что тот пожирает много средств безо всякой отдачи. В сопровождавшей его свите находился министр обороны, 76-летний Сергей Соколов, который состоял в этой должности последние дни, еще не зная о том — полет Матиаса Руста состоится через две недели и как бы подтвердит мнение Горбачева, что на военных рассчитывать нельзя.

Но подробные объяснения ученых и конструкторов развеяли возможные сомнения и опасения генсека, и он в итоге дал добро. А возможно, это была заранее продуманная «импровизация», желание показать руководству ВПК, как дорого они обходятся стране. Горбачев выступал в привычном для него демагогическом духе, развертывая набор бессмысленных фраз: «Все здесь, на космодроме, начиная от сложнейших стартовых сооружений… до мощных ракет-носителей, космических аппаратов — все это наше отечественное, все высокого качества и современного уровня. То, что у вас происходит, то, что вам по плечу решение таких сложнейших проблем, меня убеждает, что задачи, которые поставлены перед нашей наукой и техникой и, прежде всего, перед отечественным машиностроением XXVII съездом, посильны для нас и они будут решены. А это ключевое звено для вывода нашей экономики на новые рубежи… А без этого, товарищи, ускорения не может быть. Если говорить о перестройке, то я прибегну к такому сравнению, начатая в стране перестройка — это как прорыв мощной ракеты в космос… Перестройка породила новые надежды. Перестройка — это предложение ко всем без исключения лучше работать и общими усилиями сделать жизнь советских людей еще лучше. Перестройка нацелена на решение задач в интересах человека, и главное средство достижения этих целей — сам человек… Мы не намерены ослаблять наши усилия и терять авангардных позиций в освоении космоса… Наш курс на мирный космос… Наши интересы тут совпадают с интересами американского народа и других народов мира. Они не совпадают с интересами тех, кто делает бизнес на гонке вооружений, хочет добиться через космос военного превосходства… Мы категорически против переноса гонки вооружений в космос». Последний тезис означал для того же Олега Бакланова, что денег на космос (ибо мирный и военный аспекты здесь не разделялись) выделяться будет меньше.

Как бы там ни было, но 15 мая «Энергия» (названная так при старте) устремилась в космос, с автографом министра Олега Бакланова на своей обшивке. В качестве полезного груза она несла динамический макет военной станции «Скиф» (предназначена для поражения лазером спутников), весом в 77 тонн. Сама станция была еще не готова и находилась в стадии разработки. Это тоже было инициативой министра — попытаться в реальных условиях испытать компоненты будущего боевого объекта. Макет был черного цвета, выделяясь на фоне белой ракеты-носителя. Впрочем, на фото и видео, которые тогда

разрешили передать в СМИ, полезный груз не показывался, запуск снимали так, чтобы была видна одна только «Энергия». Если двигатели обеих ступеней «Энергии» отработали без сбоев, то из-за ошибки в системе управления «Полюса» (так назвали прототип «Скифа») произошел сбой, и он не вышел на заданную орбиту и упал в Тихий океан. Так что относительный успех был достигнут, но, конечно, до триумфа было еще далеко. Полет «Бурана» состоялся только через полтора года, когда Бакланов уже не был министром, хотя и курировал подготовку к запуску.

Вторым крупнейшим событием его работы в должности Минобщемаша стала постановка на боевое дежурство в октябре 1987 года первого боевого железнодорожного ракетного комплекса РТ-23 УТТХ. Это был новый шаг в соперничестве с США в рамках холодной войны. Сама идея размещения ракет на железнодорожных составах, беспрерывно крейсирующих по стране, рассматривалась в Америке в начале 1960-х, но была отвергнута ввиду высокой стоимости. Сильной стороной такого проекта была почти полная неуязвимость носителей ракет, у которых не было фиксированного месторасположения, и потому их координаты не могли быть внесены в бортовые ЭВМ ракет противника. В СССР же эта идея получила одобрение на рубеже 1960—1970-х, и новая МБР РТ-23 разрабатывалась, исходя сразу из трех возможных вариантов базирования — железнодорожный, грунтовой (на автотягаче) и шахтный. В процессе уточнения задания идея грунтового базирования была отложена, и конструкторы сосредоточились на железнодорожном и шахтном вариантах, с приоритетом по времени на первом.

Это была задача ненамного проще «Энергии» — «Бурана». Как отмечал Владимир Федорович Уткин, генеральный конструктор ККБ «Южное», отвечавший за РТ-23: «В отечественной и мировой практике никто никогда не сталкивался с таким количеством проблем. Мы должны были разместить межконтинентальную баллистическую ракету в железнодорожном вагоне, а ведь ракета с пусковой установкой весит более 150 тонн. Как это сделать? Ведь железнодорожный состав с таким огромным грузом должен ходить по общегосударственным путям Министерства путей сообщения. Как вообще перевозить стратегическую ракету с ядерной боеголовкой, как обеспечить абсолютную безопасность в пути, ведь нам была задана расчетная скорость состава до 120 км/ч. Выдержат ли мосты, не разрушится ли полотно, да и сам старт, как передать нагрузку на железнодорожное полотно при старте ракеты, устоит ли поезд на рельсах во время старта, как максимально быстро после остановки поезда поднять ракету в вертикальное положение?»

В проект, так же как и по «Бурану», были вовлечены предприятия множества ведомств. КБ «Южное» выступало как разработчик ракет и проекта в целом, смежные с ним Южмаш и Павлоградский механический завод — как изготовители ракет. Также в империю

Минобщемаша входили разработчик железнодорожного комплекса ленинградское КБСМ (братья Уткины возглавляли соответственно КБ «Южное» (Владимир) и КБСМ (Алексей) — редчайший случай в советском ВПК), его основной производитель — Юргинский машиностроительный завод, завод «Большевик» (командный пункт), пермское НПО «Искра», а также Центральное конструкторское бюро тяжелого машиностроения (ЦКБ ТМ), Конструкторское бюро транспортно-химического машиностроения (КБТХМ). Большое участие принимали Калининское ЦКБ ТМ и Ворошиловградский тепловозостроительный завод Минтяжмаша, Московский прожекторный завод Минэлектротехпрома, НПО «Алтай» и Люберецкое научно-производственное объединение (ЛНПО) «Союз» Минмаша, Волгоградский завод «Баррикады» Миноборонпрома. Были реконструированы тысячи километров железнодорожных путей с учетом повышенной нагрузки на них в районах базирования комплексов.

На 1987 год — время постановки на боевое дежурство первого БЖРК — у США не было еще подобного комплекса, который находился еще в стадии разработки (и так и не был в итоге создан в связи с завершением холодной войны). Так что на этом направлении СССР обогнал своего геополитического соперника. А в 1989-м в РВСН пришли первые ракеты РТ-23 шахтного базирования. Правда, БЖРК первыми, вместе с ракетами средней дальности, попали под сокращение, американцы требовали именно их ликвидировать в первую очередь. Но с другой стороны, их эксплуатация была весьма затратной, поскольку постоянное передвижение составов с ракетами по путям общего пользования требовало большого расхода сил и средств, вносило напряжение в работу МПС. В итоге в 1990-е годы БЖРК уже не выезжали за пределы своей постоянной дислокации.

Эти достижения были бы невозможны без слаженной работы команды министра, в которую входили в том числе Владимир Коновалов, Виталий Догужиев, Олег Шишкин. Двое последних стали потом поочередно министрами, а Догужиев даже дослужился до первого заместителя премьер-министра. Оба — и Догужиев, и Шишкин стали директорами в 32 года, прекрасно знали производство и науку, а затем работали в аппарате министерства, так что владели ситуацией и Бакланов всегда мог на них рассчитывать.

Результаты работы Олега Бакланова не могли быть не отмечены выше. Как раз в это время на верхах происходили быстрые перемены. Поколение Брежнева — Устинова уходило, в том числе в военно-промышленном комплексе. После того как Лев Зайков сменил Бориса Ельцина в Московском горкоме, Горбачеву надо было решить вопрос с его преемником. Олег Бакланов подходил по всем статьям — сравнительно молод, энергичен, прекрасно знает производство, доказал свою способность координировать работу самых разных ведомств и предприятий ВПК. Внизу среди конструкторов и директоров «оборонки»

его назначение так и понимали как награду — «О. Д. Бакланов после удачного пуска первой “Энергии”, как ему и было обещано, ушел на самую главную в СССР в военно-промышленном комплексе должность, став секретарем ЦК КПСС по оборонной промышленности», — писал Яков Айзенберг. При этом стоит отметить, что Олег Бакланов не стал ни членом, ни кандидатом в члены политбюро — в отличие от Романова и Зайкова. Этим он напоминал Якова Рябова. И отметим дополнительно, что не будь демарша Ельцина осенью 1987-го — не было бы и кадровых подвижек в ВПК, такие вот непредвиденные последствия вызвала его скандальная отставка.

Сам Олег Бакланов вспоминал об этом просто: «Непосредственно во время работы февральского Пленума ЦК КПСС в 1988 году М. С. Горбачев сказал, что хочет выдвинуть меня секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам. На лицо, занимавшее этот пост, возлагались и обязанности заместителя председателя Совета обороны при Президенте СССР. Дал согласие. В то время я поддерживал горбачевскую перестройку, согласен был с курсом преобразований».

Его напарником по руководству ВПК стал Игорь Сергеевич Белоусов в ранге заместителя председателя Совета министров (сменивший Юрия Дмитриевича Маслюкова, перешедшего в Госплан). Белоусов перед тем был министром судостроительной промышленности. Олег Сергеевич Беляков возглавлял отдел оборонной промышленности ЦК КПСС. В 1991 году Маслюков вернулся главой ВПК в Совмине, но с Баклановым они проработали в связке только несколько месяцев, до ГКЧП. Дальнейшее политическое будущее у Маслюкова оказалось довольно продолжительным, он еще играл немалую роль в правительстве Примакова в 1998—1999 годах, а также во фракции КПРФ. Тот факт, что в начале 1988 года не Маслюкова (бывшего в тот момент любимчиком Горбачева), а именно Бакланова поставили куратором оборонки, до того момента подчинявшегося Маслюкову как министр «девятки» — зампреду Совмина, мог, конечно, вызвать раздражение у первого, но в итоге это спасло его для последующей карьеры в отличие от Бакланова. Одним из ведущих лозунгов того периода было требование уменьшить расходы на ВПК и одновременно перевести его предприятия на выпуск гражданской продукции — так называемая «конверсия». В этом были солидарны как Кремль, так и рядовые граждане. Бакланов вспоминал, что задача ставилась на 40 процентов оборонной продукции выпускать 60 процентов гражданской. При этом задач по обеспечению обороноспособности страны с него тоже никто не снимал.

С позиций сегодняшнего дня очевидно, что задачи ставились нереальные и невозможные. Перефразировав знаменитые слова Ахромеева, можно сказать, что не могли ракетные заводы выпускать ни кастрюли, ни видеомагнитофоны приемлемого качества, равно как танковые заводы — тракторы или грузовики. В Советском Союзе оборонка изготовляла сложный ширпотреб наподобие магнитофонов от

безысходности. Например, Миноборонпром производил не только автоматы, пушки и танки, но и тракторы на Кировском заводе, вагоны на Нижнетагильском, автомобили и мотоциклы на Ижмаше, фотоаппараты в ЛОМО и других предприятиях. Минмаш, помимо бомб, снарядов и взрывателей, изготовлял значительную часть советских часов и велосипедов, а также был монополистом по бензопилам; Минавиапром — лодочные моторы. В рамках Минобщемаша крупнейший ракетный завод — Южмаш выпускал тракторы. Гражданские бы предприятия подобное не потянули, и даже не только в силу общей технологической отсталости, но и в силу дефицита ресурсов и средств.

Но если уж решено было отходить от командной экономики в сторону рынка, то нагружать предприятия ВПК несвойственными им функциями и заказами было наиболее неумным решением. Да, их число можно было сокращать, ибо все они дублировались из стратегических соображений, но думать, что они смогут выполнять гражданский заказ и завалить страну необходимыми товарами — означало впадать в маниловщину.

С рубежа 1989—1990 годов предприятия ВПК становились все менее управляемыми, дело АНТа это показало. Директора активно вовлекались в разного рода коммерческие схемы, хитрые молодые ребята соблазняли их легкими и быстрыми деньгами, которые можно было получить от реализации тех или иных излишков. Со своей стороны государство теряло рычаги управления один за другим — денег у него становилось все меньше, реальной власти — также. Партия декларировала отход от непосредственного руководства промышленностью, отраслевые отделы ЦК упразднялись. Не случайно с апреля 1991 года Олег Бакланов был дополнительно назначен первым заместителем председателя Совета обороны, то есть Горбачева. Эта непартийная должность отныне давала ему больше веса и значения.

Три с половиной года Олег Бакланов курировал советский военно-промышленный комплекс в самый трудный период его истории. По сути, тогда не было ни конверсии, ни введения новых видов оружия, зато началось массовое уничтожение, в том числе недавно созданных. Так, в соответствии с Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанным в декабре 1987 года в Вашингтоне Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом, уничтожались все советские ракеты соответствующего класса (РСД-10, Р-12, Р-14, РК-55). И эту работу тоже надлежало организовать и проконтролировать, к нам приезжали американские инспекторы, в США отправлялись советские. В 1989 году были проведены последние ядерные испытания на полигонах в Семипалатинске, в 1990-м — на Новой Земле, куда Бакланову пришлось вылетать с инспекцией. США же проводили испытания до 1992 года, Франция и Китай до 1996-го. По сути, полигоны закрывались под мощнейшим давлением общественности, в 1989-м в Казахстане видный номенклатурщик, писатель Олжас Сулейменов учредил движение за

запрещение ядерных испытаний «Невада — Семипалатинск». Чернобыльская авария заставляла рассматривать все, связанное с атомными технологиями, через лупу. Горбачев же в своем духе занимался бюрократическими перестановками — то создавал Министерство атомной энергетики, то сливал его опять с Минсредмашем под новым названием.

В том же 1989 году начались массовые протесты населения Куйбышевской области в связи со строительством в Чапаевске первого завода по уничтожению химического оружия. Он должен был стать первым из утвержденных по плану в апреле того же года четырех аналогичных заводов. В итоге в сентябре 1989 года ЦК КПСС принял постановление о перепрофилировании завода в учебно-тренировочный центр, убытки от незавершенного строительства составили 150 миллионов рублей. Огромные запасы химического оружия так и остались на складах неутилизованными, а к идее их уничтожения вернулись только в конце 1990-х годов.

Вслед за химическим оружием очередь дошла и до биологического. В октябре 1989-го сбежал на запад генерал-майор Владимир Пасечник, директор ленинградского Института особо чистых биопрепаратов, входившего в объединение «Биопрепарат», занимавшееся разработкой бактериологического и токсинного оружия. Информация, полученная США и Великобританией от перебежчика, позволила оказывать давление на СССР с целью ликвидации его программы биологических средств ведения войны.

В 1989 году Александр Зуев угнал в Турцию новейший истребитель МиГ-29. Предыдущий угон в 1976-м Виктором Беленко самолета МиГ-25 привел к необходимости менять на всех машинах систему опознавания «свой-чужой», что означало огромные расходы. Кроме того, американцы получили доступ к другим секретным сведениям. Яков Рябов, занимавшийся тогда этим вопросом, вспоминает поразившее число участников чрезвычайного совещания в Кремле — привлекались специалисты из самых разных ведомств.

Переговоры с американцами о сокращении вооружений означали серьезные перемены в работе систем ПРО и предупреждения раннего ракетного нападения. К тому времени Советский Союз затратил миллиарды рублей на создание сети РЛС надгоризонтного обнаружения запуска МБР. С 1984 года в эксплуатацию стали вступать РЛС второго поколения «Дарьял». Успели построить только две станции — Печорскую в Коми и Габалинскую в Азербайджане. Каждая состояла из двух огромных зданий — передатчика и приемной антенны 100 на 100 метров. Потребление электричества было так велико, что в случае Коми пришлось строить специально ГРЭС под нужды РЛС. Однако на установку станции накладывались ограничения договором о ПРО 1972, они должны были располагаться по границам государства и быть направленными вовне. Однако с 1980 года одна из станций «Дарьял»

начала строиться в центре Сибири, в Красноярском крае неподалеку от города Енисейска. Американцы заявили протест и начали оказывать давление на СССР с целью ликвидации станции. Горбачев в 1987 году приостановил строительство, почти завершенное, а в 1989-м дал команду начать ее сносить. Несколько сотен миллионов рублей оказались ухлопанными впустую. Строительство еще пяти станций затянулось и так и не было завершено.

Еще убийственнее сложилась ситуация с загоризонтными радиолокационными станциями раннего предупреждения. В СССР к середине 1980-х годов имелось две таких действующих станции — под Чернобылем и на Дальнем Востоке. Их антенны достигали 460 метров в длину и 150 метров в высоту. Они представляли собой смелое техническое решение. Однако Чернобыльская ЗРЛС (построенная совсем не случайно рядом с АЭС ввиду необходимости мощного электрического питания), поставленная на боевое дежурство в 1985 году, закрылась уже через несколько месяцев в 1986-м ввиду аварии на атомной станции и больше никогда не функционировала. Гигантское сооружение просто превратилось в груду металлолома. ЗРЛС на Амуре была снята с боевого дежурства в 1989 году и тоже постепенно разрушилась.

Единственным достижением на противоракетном направлении был запуск в феврале 1991 года спутника нового поколения УС-КМО (Око-1), следящего за запусками американских ракет. Но полная группировка спутников предполагала наличие не менее десяти объектов на орбите. Также в поле неусыпного внимания Бакланова находились строительство и монтаж оптико-электронного комплекса «Окно» в Таджикистане в горах Памира, относящегося к системе контроля космического пространства.

У военных крупнейшей катастрофой в это время стал пожар на атомной подлодке «Комсомолец» в апреле 1989 года. Поскольку, в отличие от прежних времен, засекретить аварию было уже невозможно, она стала сильным ударом по престижу советской военной мощи.

В родном для Бакланове космосе главным событием стал запуск «Бурана» 15 ноября 1988 года. Корабль полетел в беспилотном варианте, что тогда подавалось как технологический прорыв, мол, американцы на такое не способны. На самом деле это свидетельствовало о неполной готовности «Бурана», а также являлось данью советской традиции в космонавтике — все переводить на автоматический режим управления — в отличие от американцев, отдававших управление в руки астронавтов. Но как бы там ни было, два витка «Бурана» вокруг планеты и его посадка на аэродром в управляемом ЭВМ режиме (корабль уже перед Байконуром сделал неожиданную петлю для лучшего захода на полосу, чем напугал всех присутствующих, подумавших, что «Буран» потерян) стали триумфом для советской космонавтики и Олега Бакланова лично.

Но главное началось после — что делать с проектом дальше? 7 февраля Бакланов посетил НПО «Энергия» вместе с министром общего машиностроения Догужиевым. В духе времени он сказал, что, как писала «Правда»: «Осуществление космических проектов требует немалых затрат, поэтому секретарь ЦК особое внимание обратил на необходимость ускорения работы по передаче научно-технических достижений и разработок, реализованных, например, в системе “Энергия” — “Буран” в другие отрасли народного хозяйства. Это уже сегодня принесет экономический эффект, полностью компенсирующий расходы на космические исследования». Позже, выступая в Пензе, он сказал: «Взять хотя бы такую проблему — разработка системы “Энергия” — “Буран” дала народному хозяйству свыше 80 видов новых материалов, использование которых резко повышает надежность, срок службы многих машин и механизмов. Разве это не прямая народно-хозяйственная выгода? Важно сполна использовать ее. С применением полученных из космоса материалов уже сейчас решаются около 300 конкретных научно-производственных задач, основные потребители которых — геологи, труженики сельского хозяйства, рыбаки, работники лесной промышленности и многих других отраслей… Можно ли выразить в рублях наши затраты на космос и его отдачу? Уверен, что можно, но давайте вдумаемся: ведь речь идет об освоении человечеством новой среды обитания. Разве в таких делах можно все сводить к деньгам? Справедлива пословица: скупой платит дважды. Нельзя экономить на науке, ее самых перспективных направлениях. Здесь очень опасно отстать. Вспомним, как мы отвернулись в свое время от кибернетики и генетики, а что из этого вышло?» Но его уже не слушали, ветер дул в другие паруса.

6 мая 1989 года состоялось заседание Совета обороны, на котором решалась судьба программы. Формально от нее никто не отказывался. Было запланировано в 1990, 1991, 1992-м осуществлять по одному запуску «Энергии», совершить еще два полета «Бурана» в беспилотном режиме, а в 1993 году осуществить первый пилотируемый. На это предполагалось потратить минимум пять миллиардов рублей. Но при новом министре космоса — Олеге Шишкине (Виталий Догужиев пошел на повышение, став зампредом Совмина), который был назначен в июне 1989-го, уже в самом министерстве программа стала тормозиться. Там понимали, что в нынешней ситуации ускоряющегося развала и обрезания средств невозможно вести две программы — «Союз» и «Буран». В 1990 году на «Энергии» — «Буране» окончательно поставили точку.

«Буран» еще всячески использовали в пиаровских целях — как рекламу советской науки и техники, его с помпой доставили в Париж на «Мрии» (самый большой транспортный самолет в мире, специально сконструированный под программу «Буран», в которой он не успел поучаствовать, так как грузы доставлялись на Байконур самолетами ВМ-Т) на авиасалон в Ле-Бурже. Однако по сути он уже превратился в

бесполезную игрушку. У «Мрии» же, построенной в единственном экземпляре, судьба оказалась благополучнее.

А вот что реально пошло нового в космонавтике, так это коммерческие полеты иностранцев на орбиту. В 1990-м это был японец Тоёхиро Акияма, в 1991-м — британка Хелен Шармен и австриец Франц Фибёк. Бизнес начал активно налаживаться. Любопытно, что стартовавший в мае 1991 года вместе с Шармен космонавт Сергей Крикалев покинул СССР, а вернулся в марте 1992 года уже в другую страну — РФ.

Всеми этими преимущественно не очень приятными делами Олег Бакланов занимался, опираясь на профильных министров «девятки», которая, впрочем, сократилась до «семерки» за счет слияния министерств. Минсредмашем (переименованным в Министерство атомной энергетики и промышленности) командовали Лев Рябев и Виталий Коновалов. Первый с 1989 года стал зампредсовмина по топливно-энергетическому комплексу. Минобщемаш возглавляли Виталий Догужиев (тоже в 1989-м ставший замом, а в 1991-м и первым замом предсовмина) и Олег Шишкин. Минавиапромом руководил Аполлон Сысцов, Минсудпромом — Игорь Коксанов, Минрадиопромом — Владимир Шимко, Миноборонпромом — Павел Финогенов и Борис Белоусов, Минэлектронпромом — Владислав Колесников. Всё эти были испытанные кадры, прошедшие большой путь на производстве и в высших органах власти, вовсе не «перестройщики»-демагоги. Но от них уже мало что зависело, их усилия в 1988—1991 годах напоминали игру оркестра на тонущем «Титанике».

В интенсивных переговорах с США, которые шли в это время, Бакланов пытался как-то учитывать интересы Советского Союза, не идти на откровенные и односторонние уступки. Это вызывало раздражение Горбачева, порой грубо обрывавшего главу ВПК. Бакланову в этот период выпадали и поручения, далекие от его прямых обязанностей. Так, в ноябре 1988 года он вылетал в Кабул для переговоров с главой Афганистана Наджибуллой, уточняя условия вывода из страны советских войск и объявляя собеседнику, что намерения кремлевского руководства к февралю 1989 года закончить с участием советских войск в боях остаются неизменными. Затем побывал в Кабуле в апреле 1991-го.

Как ухудшалась ситуация в экономике и политике, так она становилась все более ужасной в военно-промышленном комплексе. На совещании по проблемам ядерного оружия 2 августа 1991 года, которое он готовил и проводил, это проявилось очевидным образом. Как вспоминал сам Бакланов, картина была предоставлена безотрадная и все упиралось в отсутствие стабильности в стране.

Как первый заместитель председателя Совета обороны, Бакланов работал в тесном контакте с Министерством обороны и КГБ, поэтому то, что Крючков в числе первых пригласил его для участия в подготовке будущего ГКЧП, являлось закономерным, как и поездка его в Форос к

Горбачеву. Членство Олега Бакланова в ГКЧП объективно отражало значение военно-промышленного комплекса в жизни страны. Странным образом человек, столько времени проработавший в отрасли, где каждое действие рассчитывается, проверяется и перепроверяется, согласился участвовать в проекте вообще без каких-либо серьезных расчетов. Бакланов, как и все его коллеги, был человеком совершенно не подготовленным для подобного политического демарша, хотя ради участия в спасении страны прервал свой отпуск в санатории «Барвиха», куда отправился на отдых и лечение, через неделю после проводов Горбачева в Крым 4 августа.

Хотя в эти три дня — 19—21 августа — он показал себя одним из наиболее настроенных на решительные действия членов высшего руководства, но поскольку реальных полномочий у Бакланова не имелось и любые шаги требовали коллективного согласия, а также предполагали безусловную лояльность подчиненных — чего и близко не было, все его предложения были обречены на провал. Он понял это уже в первый день, и среди его бумаг было найдено следующее недописанное и неотправленное потому заявление:

«И. о. Президента СССР Янаеву Г. И.
от члена ГКЧП Бакланова Олега Дмитриевича

Заявление

Уважаемый Геннадий Иванович!

В связи с неспособностью ГКЧП стабилизировать ситуацию в стране, считаю дальнейшее участие в его работе невозможным. Надо признать, что…»

20 августа Бакланов провел заседание оперативного штаба, на котором выяснилось, что даже его вчерашний соратник, которого он поднял до министра, — Виталий Догужиев, вовсе не рвется исполнять его указания, равно как и Юрий Маслюков. Над министрами постоянно витала мысль о том, что средств нет, а помощь из-за рубежа в случае продолжения деятельности ГКЧП может быть обрублена, что и приведет к окончательному краху.

В тот же день Бакланов встретился с маршалом Сергеем Ахромеевым, советником Горбачева, бывшим начальником Генштаба. С ним он обсудил организацию работы по сбору информации об обстановке в стране и ее анализу. Были подготовлены оперативно два доклада для членов ГКЧП — вечером того же дня. И к утру 21-го, конечно, они оказались невостребованными.

Когда выяснилось, что против засевших в Белом доме никаких решительных действий производиться не будет, Бакланов не выдержал и сказал вслух — зачем надо тогда было начинать? Он ожесточенно препирался с Язовым и Крючковым, которые отказались от возможного штурма и даже не отключили «осажденным» электричество и телефоны.

Олег Бакланов стал единственным человеком из членов ГКЧП, который летал к Горбачеву в Форос, как 18 августа, так и 21-го числа. Эти бессмысленные перелеты словно символизировали бесплодность и несерьезность самой попытки ГКЧП. На обратном пути в Москву вечером 21 августа у Бакланова было вдоволь времени подумать об этом.

Будучи народным депутатом СССР, Олег Бакланов не мог быть арестован без получения соответствующей санкции. Поэтому его по прибытии в аэропорт попросили на следующий день подъехать в Прокуратуру РСФСР, что он и сделал. Там его опросили — не допросили. Бакланова задержали в «Барвихе» позже большинства коллег — в ночь на 24 августа представители союзной прокуратуры (вместе с Шениным, Болдиным и Плехановым), после получения согласия Президиума Верховного Совета СССР. В тот же день постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС его исключили из партии за то, что он с другими членами ГКЧП «грубо нарушили принципиальное требование Устава КПСС, согласно которому все организации партии, каждый коммунист обязаны действовать в рамках Конституции и советских законов. Они насильственно отстранили М. С. Горбачева от руководства страной и партией, попрали решения XXVIII съезда КПСС». А в сентябре его исключили из дачного кооператива вместе с Болдиным и Крючковым, — совершенно мелкая и нелепая месть.

С 26 августа материалы следствия по делу ГКЧП, собранные союзной и российской прокуратурами, были объединены в одно производство под общим руководством Прокуратуры РСФСР (генпрокурор СССР Николай Трубин уступил под напором Бориса Ельцина и Валентина Степанкова), так что Бакланов теперь допрашивался ее сотрудниками. По радио, по доходившим до него газетам он внимательно следил из тюремной камеры за происходившими на воле бурными событиями, пытался вести дневник и старался реагировать, в том числе такими демаршами:

«Генеральному прокурору РСФСР
Степанкову Валентину Георгиевичу
от Бакланова Олега Дмитриевича

Ознакомившись с книгой М. С. Горбачева “Августовский путч” (издательство “Новости” 1991 год), считаю необходимым заявить следующее:

1. Публикация в печати указанной книги с описанием обстоятельств событий 19—21 августа 1991 года, которые расследуются органами прокуратуры, считаю недопустимым, т. к. тем самым попирается принцип презумпции невиновности указанных в книге лиц, влияет на формирование общественного мнения о полной непричастности автора к драматическим событиям и скрывает его истинную роль и участие в них.

2. Я всю жизнь отдал бескорыстному служению Отечеству в укреплении его обороноспособности и имею признанные страной заслуги. Как и большинство соотечественников, относился к

М. С. Горбачеву с глубоким уважением как к лидеру государства — гаранту соблюдения Конституции СССР.

Но его действия и их результаты, особенно в последнее время (о чем я высказывался в публикациях и во время личных встреч с ним в присутствии товарищей по совместной работе) привели к развалу великой страны, по существу к гражданской войне в отдельных регионах, убийствам тысяч невинных граждан, появлению сотен тысяч беженцев. Привели к развалу экономики, разбазариванию государственных средств и ресурсов, в результате чего большинство граждан стали жить за чертой бедности. Более миллиона граждан содержатся в тюрьмах в тяжелых условиях, не соответствующих общепринятым международным нормам.

3. За указанное выше Президент СССР должен нести ответственность перед народом и законом.

С уважением *О. Бакланов.*

24 ноября 1991 года».

Выйдя с последними гэкачепистами из Матросской Тишины в январе 1993 года, Бакланов уже не мог подняться в новой жизни до прежних высот. Нельзя сказать, что про него забыли и он оказался невостребованным. Нет, Олег Бакланов возглавлял совет директоров ОАО «Общемаш», Общество дружбы и сотрудничества народов Украины и России, получил немало почетных званий. Его активно привлекали в поддержание добрососедских отношений с предприятиями Украины, особенно Харькова, где он долго работал. Но Бакланов не стал ни депутатом, ни бизнесменом, не оказывал какого-то решающего влияния на текущие дела в той же космонавтике. Он достроил дачу, писал обширные воспоминания в форме размышлений-дневников в Матросской Тишине. Под его редакцией вышел сборник «Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие».

С учетом энергичности Бакланова и хорошего состояния здоровья (хотя в тюрьме он и потерял 14 килограммов веса и у него открылась язва желудка) десятилетия после Матросской Тишины можно считать упущенным для него временем. Не случись в августе 1991-го ГКЧП, Бакланов вполне мог еще долго активно работать на самом верху, подобно тому же Маслюкову или Примакову. Но, оказавшись «меченым» и не будучи публичным политиком, как Стародубцев, он выбыл из круга тех, кто мог претендовать на участие во власти. В космической же сфере начался развал, а то, что еще работало, возглавляли люди, вовсе не стремящиеся поделиться полномочиями с Баклановым, который был слишком авторитетен. На его фоне они выглядели бы неубедительно, да и задачи решали совсем другие.

Вместе с Валентином Павловым Олег Бакланов еще в 1993 году подал иск к Степанкову и Лисову, а также журналу «Огонек» о публикации сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. После нескольких лет судебных

разбирательств Останкинский райсуд постановил взыскать с «Огонька» 15 миллионов рублей, а с «писателей» из прокуратуры — по три миллиона. Журнал вынужден был опубликовать опровержение домыслов о гэкачепистах.

ЯНАЕВ

Из всех членов ГКЧП карьера Геннадия Ивановича Янаева была самой удивительной. Точнее, до пятидесяти трех лет в его жизни все шло в общем-то стандартно, но то, что случилось с ним в последний год пребывания во властных структурах, стало поистине невероятным.

Рождение Гены Янаева в 1937 году в селе Перевоз Горьковской области не предвещало ничего выдающегося. Он был первым сыном совхозного бухгалтера Ивана Васильевича и специалиста по пчеловодству районного земельного отдела Нины Александровны. Родители его происходили из поволжских крестьян. Однако и отец и мать сделали шаг наверх, чтобы подняться из крестьянской массы. Иван Васильевич окончил бухгалтерские курсы и работал по специальности, дойдя до заведующего кредитным отделом в районном отделении Госбанка. Нина Александровна, будучи дочерью матери-батрачки, которая растила ее без мужа, добилась даже большего — окончила Ветошкинский сельхозтехникум по специальности «агроном-пчеловод».

Они могли не без оснований считать, что своим социальным продвижением обязаны советской власти, делавшей ставку на новые кадры, ей лояльные. Неизвестно, что стало бы с ними при старом режиме, а при новом они смогли поставить себя над остальными земляками. Если те, загнанные в колхозы, не получали живых денег, а были обязаны еще платить высокие налоги с приусадебных хозяйств, то специалисты и бухгалтеры получали твердую зарплату, и их участь являлась по тем временам завидной. Так что Гена Янаев с детских лет мог видеть на примере своей семьи, как важны образование и общественная активность.

Впрочем, с рождения его преследовала и оборотная сторона советского режима. У матери это был второй брак. Ее первого мужа, отца сестры Майи, репрессировали еще в начале 1930-х годов. Так что от власти в любой момент можно было ждать и тяжелого удара, особенно за нелояльное поведение. Но мать всю жизнь оставалась активисткой, общественницей, возглавляла родительский комитет в школе. Случившееся с ее первым мужем, который погиб в заключении (точной судьбы его не узнали — был ли он расстрелян или умер своей смертью), не стало, как и для многих советских людей, поводом для ухода в тихую оппозицию. Слишком опасно было что-то иметь за пазухой, и Гена получал дома обычное советское воспитание.

Следует, однако, отметить, что при рождении мальчика назвали на модный тогда манер Генрихом. Иностранные имена в 1930-е годы были в таком же ходу, как и новодельные советские, наподобие

Владлена. Ричарды и Томасы, Дугласы и Дунканы отражали увлечение передовым Западом. Но с ростом советского патриотизма эта мода довольно быстро схлынула. Поэтому переименование Генриха в Геннадия отражало общие тенденции в жизни страны. Тут можно вспомнить про другого комсомольского и партийного работника из поколения Янаева — Андрея Гиренко, первого секретаря ЦК ЛКСМ Украины и секретаря ЦК КПСС на момент ГКЧП. Тот был назван при рождении Адольфом, но уже взрослым человеком был вынужден поменять имя на Андрей, ибо в противном случае делать политическую карьеру ему было бы затруднительно. Младшего брата Геннадия назвали также заграничным именем Марат. Иными словами, семья Янаевых и в этом отношении выделялась из крестьянской массы.

Перевоз — село, в котором появился на свет Янаев, как раз накануне его рождения стало райцентром, а затем, уже в 1960-е годы, поселком, а уже в постсоветское время — городом. Таким образом, он рос не совсем в глуши, не в какой-то маленькой деревушке. Достаточно сказать, что в селе имелась средняя школа. До областного центра — Горького — по прямой было чуть более 80 километров. Жизнь Янаева до перехода его в 25-летнем возрасте на комсомольскую работу в Горький была связана с правобережьем области, которое резко отличалось от Заволжья на левом берегу. Он жил и работал в близлежащих районах — Перевозском, Княгининском, Кстовском. Здесь, в возвышенной лесостепной зоне, имелись большие поля, сравнительно плодородные почвы. Знаменитое пушкинское Болдино, кстати, располагалось тут же.

Сравнительно благополучное детство оборвалось совсем рано — в 1941 году с началом войны. Отца призвали в первые недели после вторжения нацистской Германии. Наступили голодные и холодные годы, когда в тылу жизнь была столь же ужасной, как и на фронте. Как вспоминал Василий Шукшин, выживать в войну в деревне было труднее, чем в городе, там давали хоть какие-то карточки, а в колхозе — ничего. Таков был парадокс советской системы хозяйствования.

Отец вернулся с фронта домой осенью 1944 года, весь больной и израненный, когда Гена только пошел в школу. Через несколько месяцев, в феврале 1945 года, он скончался. Но то, что Иван Васильевич хоть какое-то время побыл дома, дало возможность Геннадию Янаеву на всю жизнь запомнить, как выглядел отец. В противном случае он его и не помнил бы. Наступила типичная послевоенная жизнь — мать в одиночку растила и поднимала троих детей. Безотцовщина Гены Янаева была скорее нормой для его поколения. Мальчик, как старший сын в семье, должен был с раннего детства брать на себя больше ответственности.

В школе он учился хорошо. Несмотря на материальные трудности, Геннадий окончил десятилетку, а не ушел из школы раньше, чтобы пойти работать. Не забудем, что в 1940—1956 годах обучение в старшей

школе было платным и стоило 150 рублей в год. Следовательно, его мать могла позволить себе тянуть этот воз. Разделение школ на мужские и женские, введенное Сталиным как подражание дореволюционным гимназиям, касалось только больших городов, так что в классе Янаева были мальчики и девочки.

Если обратиться к воспоминаниям о советской школе того времени, то перед глазами предстает противоречивая картина. Для детей из культурных семей она скорее была мукой. Для ребятишек простых родителей — лучом света, местом притяжения. Одногодок Янаева Лев Лосев вспоминал: «Советская школа никогда не была нацелена на *образование* в точном смысле этого слова, а то был едва ли не худший период в ее истории. Обучение по унифицированной программе для всей огромной страны было основано на зазубривании; о том, чтобы вырабатывать в детях навыки самостоятельного аналитического и критического мышления, развивать эстетическое чувство, не было и помину. В лучшем случае школа учила чтению, письму, счету и давала запас элементарных сведений в области естествознания и точных наук. Преподавание истории и литературы было полностью подчинено задаче идеологической индоктринации будущих советских граждан. Учебники по истории, литературе и даже географии были написаны суконным языком и напичканы пропагандой. По программе полагалось изучение одного иностранного языка, но языки преподавали по скверным учебникам и методикам, в слишком больших классах, слишком мало часов в неделю, и практически никто не оканчивал среднюю школу с умением читать и хотя бы элементарно объясняться на иностранном языке. Большинство учителей были перегруженными работой, низкооплачиваемыми, нервными людьми. Чувство собственного достоинства в детях подавлялось. Было принято прилюдно стыдить, распекать, унижать ребенка за то, что он плохо понял урок, за шалость, или, в летнем лагере, за обмоченную простыню. К этому прибавлялись идеологическая обработка и то же прилюдное поношение за проступки в октябрятской и пионерской организациях…»

Но это оценка ленинградского интеллигента, сына писателей, пасынка лауреата Сталинской премии. Для сельского мальчика Янаева школа его родного Перевоза представляла окно в большой мир, мир знаний, которых он иначе никак не мог бы получить. К тому же ему повезло с учителями. Математику и физику у него преподавал Валентин Владимирович Рыньков, будущий заслуженный учитель России, человек неравнодушный, умевший увлечь учеников своим предметом, разглядеть в них способности. В памяти Янаева навсегда осталось, как педагог показал ребятам комету на ночном небе; ради этого случая школьники не спали до часа ночи, чтобы не пропустить необычное зрелище.

В те времена, особенно в провинции, культурный уровень учителей был намного выше уровня развития родителей учеников, и те смотрели на них с уважением, что передавалось и детям. Пресыщенности

информацией, как сегодня, не существовало. Образованных людей было очень мало. Школа представляла собой не просто место получения знаний, но и точку притяжения для внеучебной активности. И после уроков жизнь в ней кипела, ребята собирались для посещения кружков и секций, различных других мероприятий. Альтернативой была улица. Янаев увлекался футболом и считался неплохим игроком. Он, уже работая в комсомоле, заезжал в родной Перевоз с командой обкома, чтобы сыграть с местными футболистами.

Геннадий два года возглавлял школьный комсомол, что говорит о том, что он уже тогда отличался лидерскими навыками, вообще склонностью к общественной работе, ответственностью, раз ему поручали такое дело. Комсомольская работа в школе вовсе не сводилась к насаждению конформизма и бюрократической отчетности. Это опять-таки зависит от «кочки зрения». Активным и простым ребятам она нравилась, сильно рефлексирующим либо склонным к антиобщественному поведению — нет. До позднесоветского цинизма было еще далеко, да и в последние годы СССР сводить комсомольскую активность к одному лишь карьеризму и показухе я бы не стал. Те, у кого имелись прирожденные лидерские качества, себя в ней находили.

И, рассматривая обстановку, в которой складывалась личность будущего вице-президента, отмечу это еще раз — Перевоз был райцентром, а не глухой деревней, это способствовало и расширению кругозора Гены, и давало возможность посещать и окончить среднюю школу. Конечно, как все мальчишки того поколения, он много работал дома, помогая по хозяйству, в огороде. Без этого прожить было нельзя, и рабочие руки, пусть даже детские, были незаменимы.

Раз Янаев решил окончить среднюю школу, значит, он уже имел план на дальнейшую жизнь, который заключался в поступлении в институт. На столичный вуз он замахиваться не мог, хотя бы по материальным причинам, следовательно, надо было выбирать что-то рядом. В Арзамасе, который располагался ближе, чем Горький, тогда имелся лишь педагогический институт. Поступать в него честолюбивый парнишка не видел смысла, да и не чувствовал в себе склонности к педагогической деятельности. К тому же «педы» считались низшим уровнем высшего образования, и учились в них преимущественно девушки. Его же манил Горький с его набором высших учебных заведений. В год окончания школы, 1954-й, в СССР была проведена административная реформа, нарезаны новые области. Перевозский район оказался в учрежденной Арзамасской области. Так что, строго говоря, Янаев поехал поступать в вуз в соседнюю область.

Он выбрал факультет механизации сельского хозяйства Горьковского сельхозинститута. Кто-то из его одноклассников метил выше — лучший друг детства Евгений Изосов поступил в Казанский авиационный институт. Но для Янаева сельскохозяйственный вуз выглядел привлекательно — поступить туда было сравнительно легче (он сдал

вступительные экзамены на пятерки), а работа предстояла знакомая, в деревне. Оставаться в городе он тогда не рвался и не планировал. Как дипломированный специалист он мог рассчитывать на неплохую зарплату и положение и в селе. В школьной стенгазете Янаев даже написал заметку на пару с одноклассником, призывая поступать именно в сельхозинститут. Но с ним, правда на другой факультет, поступил лишь один паренек из их выпуска.

Учился Геннадий Янаев в вузе уже после смерти Сталина — времена менялись, хотя ему, может быть, как и многим советским гражданам, это было и не очень заметно. Можно сказать, что в институте он застал знаменитую «оттепель». Горький, где он теперь проживал, был одним из крупнейших городов Советского Союза, крупным промышленным центром. Для юноши из деревни обучение там уже было само по себе крупным продвижением, попаданием в иную культурную и социальную среду. Мы воспринимаем ту эпоху по фильмам «Весна на Заречной улице», «Высота» с их простыми улыбчивыми парнями. Реальность, конечно, была сложнее. На то время приходился расцвет бандитизма и уличной преступности. Впрочем, для молодого парня криминальные разборки могли казаться чем-то естественным, как свидетельство порочности строя или окружавшей его жизни он их не воспринимал.

Избранная специальность инженера сельскохозяйственного производства была больше профессией технической. То, что Геннадий Янаев выбрал не агрономию или зоотехнику, тоже показательно. Его больше влекло к машинам, а может быть, в этом заключался трезвый расчет, чтобы не быть привязанным к колхозу. В те времена вся техника сосредоточивалась в машинно-тракторных станциях (МТС), которые и обрабатывали колхозные поля (совхозов было очень мало). И только в 1958 году Хрущев велел продать сельхозтехнику и тракторы колхозам и ликвидировать МТС. Горьковская область (в 1957-м Арзамасскую область ликвидировали) была традиционно промышленной, и для Янаева выбор специальности означал, что он не избирает быстрой карьеры. В противном случае он избрал бы нечто более связанное с крупными заводами, тем же ГАЗом. Константин Катушев, десятью годами его старше, сделал стремительное восхождение именно на этом предприятии и в 38 лет стал первым секретарем обкома. Но он окончил политехнический.

Не забудем, что в 1954-м началось освоение целины, и романтика также могла играть роль в выборе профессии. То хрущевское решение о направлении средств и сил на распашку степных земель означало продолжение упадка коренной России. И когда в 1959-м Янаев получил наконец диплом, то, как отличник и комсомольский активист, он имел свободный диплом и выбрал Алтайский край — также целинный район. Его желание объяснялось трезвым пониманием, что именно там он сможет быстрее обустроиться в жизни, чем в родной Средней России,

которая пребывала в запустении. На горьковскую деревню не проливался золотой дождь вложений.

Однако действительность оказалась не столь романтичной. При приезде Янаева в столицу Алтайского края — Барнаул выяснилось, что на целине его не ждут. В Белокурихинском районе, возле самых Алтайских гор, куда его направили, вакансий не оказалось. Пришлось возвращаться в Барнаул и ждать у моря погоды. Янаев даже успел слетать с местной футбольной командой на игры в Среднюю Азию. Его пригласили, когда он показал на стадиончике, маясь от безделья, на что способен в футболе. Ему даже предложили пойти по спортивной линии, но Геннадий отказался и все-таки добился направления в хозяйство. Теперь это был Крутихинский район в противоположной стороне, на севере края, где имелось много немецких поселений — сюда ссылали в войну немцев Поволжья. Но проработал он там недолго — всего только два месяца, мать Янаева сильно переживала за сына, который, по ее мнению, затерялся в сибирской глуши. Она пошла на материнскую хитрость — послала телеграмму, что находится при смерти. Испуганный Геннадий поехал на родину к умирающей матери. Когда, по приезде, узнал правду, то сперва сильно поругался с родительницей, сорвавшей его с неплохого места. Как бы там ни было, но сибирский этап янаевской биографии оказался закрытым. Начался новый, уже на родине.

Геннадий устроился работать начальником торфомелиоративного отряда Работкинской РТС (ремонтно-техническая станция) — в соседнем районе. Село Работки находится прямо на берегу Волги и до 1962 года было центром района. Через год бойкого и хваткого молодого специалиста подняли до главного инженера РТС — дипломированных кадров не хватало, поэтому быстрота продвижения Янаева по карьерной лестнице не должна удивлять. А еще через год Янаева перевели в другой соседний район — Княгининский, уже начальником Райсельхозтехники.

В Княгинино его направили на прорыв, предыдущий начальник привел Райсельхозтехнику (до того — РТС) в состояние упадка, задолженность ее составляла около 100 тысяч рублей. 24-летнему Янаеву доверили ее выведение из кризиса. Так что начинал будущий вице-президент как крепкий хозяйственник. В 1961-м было принято постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20 февраля 1961 года № 151 «Об образовании Всесоюзного объединения Совета министров СССР по продаже сельскохозяйственной техники, запасных частей, минеральных удобрений и других материально-технических средств, организации ремонта и использования машин в колхозах и совхозах (“Союзсельхозтехника”)». В апреле того же года была создана республиканская Россельхозтехника в РСФСР с ее отделениями в каждой области и районе. Так что Геннадий Янаев начал свою карьеру в этом ведомстве с самого его возникновения. Сельхозтехники всех уровней занимались поставками и ремонтом машин для колхозов и совхозов, а также удобрений. Эта структура была на правах отдельного

министерства. Ее местные отделения играли важную роль в жизни районов, а их начальник входил в число главных лиц районной жизни. Организация была одновременно и посреднической и производственной. Янаев видел и узнавал все аспекты экономики — и сельского хозяйства, и промышленности, и финансы, и сбыт. За полтора года он успел поднять свое предприятие и попасть на глаза вышестоящему начальству в области. Кроме того, именно в Райсельхозтехнике он вступил в партию — непременное условие хозяйственной карьеры в советское время.

Неизвестно, как бы сложилась его карьера и до каких вершин он бы дошел, останься в Райсельхозтехнике? Вполне возможно, он мог в итоге стать ее областным начальником. Но тут в его жизнь вмешался случай, уведший молодого и перспективного инженера с избранного поприща. В конце 1962 года Никита Хрущев разделил на сельские и промышленные не только обкомы и облисполкомы, но и комсомольские организации. Прежде единый Горьковский обком комсомола был вынужден поделиться, и открылись новые вакансии. Одной из таких стала вакансия на должность второго секретаря Горьковского сельского обкома ВЛКСМ. Существуют разные версии, как эту должность предложили начальнику Райсельхозтехники, до этого не работавшему в комсомоле на освобожденной основе.

Как бы там ни было, но именно на Геннадия Янаева в его Княгинине упал взгляд областного комсомольского и партийного руководства, и молодой инженер перебрался в Горький. Видимо, он приглянулся своими способностями и достижениями, иначе не было бы смысла тащить его из села в город. Начался новый этап жизни. Менее чем через два года обкомы воссоединили после низвержения Хрущева, и Янаев стал вторым секретарем уже объединенного обкома комсомола, а в январе 1966-го первого секретаря Анатолия Макиевского перевели на партийную работу и горьковский комсомол возглавил Янаев.

Руководитель обкома ВЛКСМ являлся заметной фигурой в иерархии власти, входил в число кандидатов членов бюро обкома КПСС по должности. В комсомоле Геннадий Янаев получил опыт аппаратной работы, узнал правила расстановки и подбора кадров, научился выступать, вообще держать себя на публике. Главное, что он понял, — это принципы руководства сложными системами. Привлекался он и к решению хозяйственных дел, поскольку комсомол являлся поставщиком кадров для народного хозяйства и должен был откликаться на призывы партии направить на ту или иную стройку добровольцев. На фотографиях Янаева того времени мы видим фактурного и привлекательного молодого мужчину с внешностью мачо.

Сегодня принято говорить о комсомольской работе пренебрежительно, как о показухе и средстве продвижения молодых карьеристов, однако следует понимать, что других возможностей у юношества в то время зарекомендовать себя на общественном поприще

не имелось. Те, кто хотел и любил работать с людьми, был от рождения вожаком, шел в комсомол. В его рамках проводилось множество спортивных и культурных мероприятий, фестивалей, соревнований. По воспоминаниям товарищей, Геннадий Янаев смог создать в обкоме здоровую психологическую обстановку, когда люди тратили свое время не на интриги, а на конкретную работу. Он пробивал квартиры своим сотрудникам, считая своим долгом исполнять обещания, которые давал, привлекая в обком. Вопреки номенклатурным традициям, Янаев не любил, когда люди задерживались на работе после шести часов вечера.

Горьковская область была одной из крупнейших в СССР по населению и экономическому потенциалу, так что Янаева неплохо узнали и в Москве, где он должен был часто появляться, поскольку был избран членом бюро ЦК ВЛКСМ — высокая честь для первого секретаря обкома. Он был единственным из коллег, если не считать традиционного Ленинградского обкома, кто вошел в этот высший орган. В то время союзным комсомолом руководил очень сильный лидер — Сергей Павлов. Но его возраст приближался к сорока, и речь шла о поиске ему замены. Не знаю — смог бы его преемником стать Янаев, но в отношении него у людей в ЦК КПСС, внимательно отслеживавших перспективные кадры, были иные планы. В марте 1968-го его пригласил Николай Александрович Петровичев, первый заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК, и предложил перейти в Москву председателем Комитета молодежных организаций СССР (КМО). Янаев пробовал отнекиваться, мол, Горьковская область — закрытая, и из иностранцев он принимал только монголов. Но слушать его не стали, да и он особенно не упирался, понимая, что от таких предложений не отказываются. Вскоре на секретариате ЦК под председательством самого Михаила Андреевича Суслова его утвердили.

Тут следует учесть, что Павлов уходил не совсем хорошо, и дело не в его пресловутой принадлежности к комсомольской группировке Семичастного — Шелепина. Ревизии выявили недостатки финансово-хозяйственной деятельности, в том числе в КМО. Павлова, кстати говоря, поставили главой Госкомспорта, и это нельзя считать таким уж понижением, как это принято утверждать. Там он продолжал заниматься примерно тем же, чем и в комсомоле. Работа была интересная — с поездками за границу, приемами иностранцев, советский спорт находился в центре внимания и советской и мировой прессы, так что жаловаться Павлову особо было не на что. Тут и проведение Московской олимпиады, и организация тура наших хоккеистов в Канаду, и игры Карпова с Корчным, и создание лотереи «Спортлото» с ее миллиардными оборотами.

Но Янаеву довелось проработать в Москве с Павловым только три месяца. Сам факт, что разговор о новой работе с ним вели в ЦК партии, означал, что Павлов уже не решал ничего в комсомоле. Правда,

утверждают, что он ранее хотел перевести Янаева в столицу главой оборонно-массового отдела, но подтверждений этому нет.

Что же представляла собой новая должность Янаева? Комитет молодежных организаций был создан в 1956 году на основе Антифашистского комитета советской молодежи, появившегося во время войны. Комитет занимался представительством СССР в международном молодежном движении. ВЛКСМ напрямую не мог или не хотел участвовать в различных организациях и форумах как идеологизированная политическая организация, и потому использовался КМО как некая ширма. Иными словами, это было подобие международного отдела ЦК ВЛКСМ. Его даже называли «комсомольским министерством иностранных дел». КМО входил в такие организации, как Международный союз студентов и Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ), имея представителей в их секретариате и бюро соответственно.

Неразрывная связь с комсомолом подчеркивалась тем фактом, что Янаев оставался членом ЦК ВЛКСМ и бюро на протяжении всей работы в КМО, став, таким образом, одним из долгожителей за всю историю в этих руководящих органах. Заметим, что одним из предшественников Янаева на посту главы КМО (тогда еще Антифашистского комитета) был Вячеслав Иванович Кочемасов, тоже бывший первый секретарь Горьковского обкома комсомола. Возможно, этот факт как-то сыграл свою роль в назначении Геннадия Янаева. Но главным, конечно, была потребность в новом человеке со стороны, который расчистил бы образовавшиеся завалы после своего предшественника — Владимира Ярового. Так что аграрное прошлое Янаева (в 1967-м он, кстати, окончил Всесоюзный заочный юридический институт, получив второй диплом) и статус закрытого города особой роли не играли, главное, был нужен свежий руководитель, уже доказавший свои способности, и при этом из комсомольских работников.

В аппарате КМО работало около ста человек, а располагался он в самом центре Москвы, в Большом Комсомольском переулке, как раз посередине между зданиями КГБ и ЦК комсомола, как бы показывая свою связь и с тем, и с другим. Да, ввиду предоставлявшихся «нейтральным» статусом организации возможностей КГБ охотно пользовался «крышей» КМО. Но считать Комитет молодежных организаций филиалом госбезопасности было бы неправильно. В то время с КГБ сотрудничали все советские организации, начиная с МИДа, в чьих посольствах под видом дипломатов работали и разведчики, — нормальная практика для любой страны. Кагэбэшную тему раскручивали уже в конце перестройки для сведения политических счетов, когда надо было «опустить» то того же Янаева, то, например, молодого Дмитрия Рогозина, начинавшего свою карьеру именно в КМО.

Формальными учредителями и членами КМО СССР были ВЛКСМ, Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина, добровольные

спортивные общества, молодежные комиссии и юношеские секции творческих и общественных союзов. При КМО СССР имелись Студенческий совет СССР (он формально представлял советское студенчество в Международном союзе студентов) и Бюро международного молодежного туризма «Спутник».

Таким образом, хозяйство у Геннадия Янаева было немаленьким и уровень задач куда выше, чем в Горьковском обкоме комсомола. Он проработал в КМО 12 лет — с 1968-го по 1980-й. Его непосредственным начальником на протяжении большей части этого времени был Евгений Михайлович Тяжельников, ставший в июне 1968 года первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Его кандидатура всплыла неожиданно, и комсомол он возглавил в весьма пожилом для организации возрасте — в 40 лет, находясь до этого на партийной работе в Челябинском обкоме. В Москву его перебросили по той же причине, что и Янаева, — требовался новый человек, не связанный со старыми кадрами.

Геннадию Янаеву по роду работы пришлось много общаться с иностранцами, представляя, так сказать, молодое лицо Страны Советов. Среди тех, с кем он взаимодействовал, были такие будущие западные лидеры, как Герхард Шрёдер, Карл Бильдт, Эско Ахо. Часто Янаев выезжал и за рубеж. Он отвечал за проведение фестивалей молодежи и студентов, например, в Гаване в 1978 году. Работая в КМО, он успел защитить диссертацию по теме своей деятельности — «Проблемы развития прогрессивных тенденций в молодежных движениях развитого капитализма». Надо сказать, что руководители КМО не были ортодоксами, например, преемник Янаева Владимир Аксенов работал затем одно время директором Московского представительства фонда Сороса.

Брежневское время не случайно назвали эпохой застоя. Люди трудились на своих должностях по много лет. Тяжельников возглавлял комсомол до сорока девяти лет, так же как сменивший его Борис Николаевич Пастухов. Янаев в этом случае не был исключением, он прослужил председателем КМО 12 лет, явно превысив комсомольский возраст. При всех выгодах работы в КМО — поездки за границу, кабинет в двух шагах от Кремля, формально независимый статус — Янаев явно пересидел на своей должности. В 43 года, когда надо было уходить, оказалось, что у него нет солидного веса в номенклатуре. Все-таки к комсомолу отношение было не совсем серьезное, особенно к человеку, который в нем задержался. За его плечами не было ни производственной школы, ни партийной работы. Поэтому какого-то серьезного предложения Геннадий Янаев не получил. Ему пришлось довольствоваться местом заместителя председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

В этом назначении была определенная преемственность. Предшественники Геннадия Янаева на посту главы КМО — уже

упомянутый Вячеслав Кочемасов и Сергей Романовский — возглавляли затем Государственный комитет СССР по культурным связям с зарубежными странами. Этот комитет в середине 1960-х был упразднен за ненадобностью, поскольку дублировал ССОД. Переход из КМО в ССОД, видимо, считался естественным — мол, и там и там занимаются одним и тем же, созданием положительного образа Советского Союза в глазах заграницы. И та и другая организация в равной степени были «несерьезны» по сравнению с другими ведомствами, эдакие пустые говорильни для блатных — как их могли воспринимать «серьезные» чиновники, скажем, в МИДе или в Министерстве внешней торговли.

Геннадия Янаева могло, конечно, напрягать и это ощущение пустоты, скрывающейся за звучным названием, и то, что его взяли туда не первым лицом, а заместителем председателя, и то, что его начальником стала женщина — явный маркер того, что к организации отношение несерьезное. Женщины в СССР возглавляли, как правило, лишь нечто второстепенное или бутафорское. Начальницей Геннадия Янаева была Зинаида Михайловна Круглова, партийная дама, долгое время работавшая секретарем Ленинградского обкома, затем короткое время заместителем министра культуры СССР, а с 1975 по 1987 год возглавлявшая ССОД. Женщины возглавляли данный Союз и до (Нина Попова), и после Кругловой (Валентина Терешкова).

Он, конечно, мог еще надеяться сделать приличную карьеру — Кочемасов в итоге стал зампредом Совмина РСФСР, а затем послом в ГДР, Романовский был послом в Норвегии, Бельгии, Испании, но с учетом кадрового застоя шансов на это становилось все меньше. С другой стороны — и такая работа была лучше отсутствия вообще какой-либо работы, и Янаев взялся за привычное в общем-то дело на новом месте — налаживание связей с иностранцами. Взяли его в ССОД еще и для того, чтобы он был рабочей лошадкой при достигшей пенсионного возраста Кругловой.

Круглова была известна своими охранительными взглядами — в Ленинграде она в свое время прикрыла выставку молодых художников в Эрмитаже, в результате чего его директор Михаил Артамонов был уволен. Ленинградская интеллигенция ее ненавидела, и о ней ходили всевозможные истории, в которых она фигурировала либо как совсем спятившая дура, либо как суровая фанатичка. Но для Янаева, человека вовсе не либеральных воззрений, типичного выходца из глубинки, который был всем обязан партии в своей карьере, Круглова вовсе не казалась мегерой, напротив, уважаемой участницей Великой Отечественной. Так что ему работалось с ней если не легко (она, потеряв любимого человека во время войны, так и не вышла замуж, сохраняя ему верность, а про старых дев принято говорить, что у них невозможный характер), то по крайней мере без тех трудностей, что у диссидентствующей публики. Но все же, будучи человеком другого

поколения, Янаев был более гибким, чем его начальница, что не могло не приносить эффект во время переговоров с иностранцами.

ССОД формально был образован в 1958 году на базе упраздняемого Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и объединял 108 обществ дружбы с СССР (таких как «СССР — Франция», например). Кроме того, формально в него входили еще около 25 тысяч организаций и учреждений. Главное его назначение было пропагандистским, ССОД должен был с помощью «мягкой силы» продвигать образ Советского Союза как на Западе, так и в странах третьего мира, только в отличие от КМО его целевая аудитория была гораздо шире. Партнерами ССОД выступали 7,5 тысячи зарубежных организаций и обществ из 134 стран. В Московском доме дружбы проходило до двух тысяч мероприятий.

Янаеву теперь приходилось много общаться с писателями, артистами, художниками, музыкантами, учеными, как зарубежными, так и отечественными, что поднимало его культурный уровень. Правда, если в КМО он был депутатом Верховного Совета РСФСР, то теперь он лишился депутатского мандата, что свидетельствовало о некоем номенклатурном понижении.

ССОД, как и КМО, обвиняли в том, что это был «филиал КГБ», но сам Янаев являться агентом или осведомителем Лубянки никак не мог в силу своего вхождения в номенклатуру. Естественно, услугами Союза советские разведчики активно пользовались, но это было само собой разумеющимся и никакого отторжения не вызывало. Иначе бы ССОД просто не существовал. Но вольно или невольно Янаев должен был, наблюдая за действиями мастеров из «конторы глубокого бурения», кое-что понимать и в чекистской работе.

Как бы там ни было, но и на такой вроде бы не очень заметной должности Янаев приобрел реноме специалиста по переговорам с зарубежной общественностью, что имело свое продолжение. В 1985-м перестройку он, объективно говоря, встретил 48-летним номенклатурщиком второго эшелона и от принятия важных решений был страшно далек. Однако в следующем году начались в его жизни перемены, которые имели далеко идущие последствия.

Однажды субботним днем, когда он по традиции «руководящих кадров» находился с утра на работе, вдруг раздался звонок от Степана Шалаева, председателя ВЦСПС. Тот попросил Янаева к нему подъехать и выслал за ним машину. Зампред ССОД был одет по-субботнему, без галстука, но делать нечего, пришлось ехать так. Степан Шалаев предложил ему перейти на работу в профсоюзы секретарем ВЦСПС по зарубежным связям.

Для Геннадия Янаева предложение хотя и было неожиданным, но вполне адекватным его запросам — сфера деятельности оставалась та же, что и в КМО и ССОД, но уровень становился выше. ВЦСПС был несравненно более солидной организацией. Членами профсоюзов

числились десятки и десятки миллионов советских граждан, практически каждый работающий. На любом предприятии имелся профком (местком), и его глава был одним из важных лиц наряду с секретарем парткома. Имущество ВЦСПС на 1987 год оценивалось в девять миллиардов рублей. Профсоюзы выполняли тройную функцию — они были своего рода собесом, занимаясь социальным страхованием и санаторно-курортным обслуживанием, одновременно параллельным Министерством труда, издавая инструкции, правила и разъяснения по применению трудового законодательства, а также согласуя постановления государственных ведомств по вопросам труда и заработной платы, и еще развлекательно-досуговой структурой, отвечая за туризм, спорт и физкультуру и многое другое. Одним из дополнительных направлений работы было представление СССР в международном профсоюзном движении, поскольку ВЦСПС входил в международные профсоюзные объединения.

Янаеву предстояло заниматься именно этим. Его третья работа в Москве стала продолжением предыдущих. Нина Попова, кстати, проделала обратную карьеру — из секретарей ВЦСПС в председатели ССОД. Но возникли неожиданные препятствия. Секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев поначалу не захотел согласовывать кандидатуру Янаева как «комсомольца». Но Шалаев, пока Геннадий Янаев был то в Японии, то в США с визитами, еще раз сходил к Лигачеву и уговорил его согласиться. Председателю ВЦСПС нужен был именно такой специалист, с богатейшим опытом общественных связей.

Степан Алексеевич Шалаев, новый начальник Янаева, родился в 1929 году. Его карьера была несколько необычной. Окончив Московский лесотехнический институт, он поработал в леспромхозах Удмуртии, Новгородской и Калининской областей, рано став начальником. Его заметили и в 1963-м перевели в Госкомитет по лесу на рядовую должность, но уже через год командировали возглавлять профсоюз работников лесной промышленности, а в 1968 году он стал секретарем ВЦСПС. Удивляли и быстрота восхождения и поприще (обычно в руководство профсоюзов приходили завершать карьеру). Но самое необычное произошло в 1980-м — 51-летнего Шалаева, уже 16 лет находящегося на профсоюзной работе, вдруг поставили министром лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, объединив под него сразу два министерства — лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, бывших в 1968—1980 годах раздельными. Переход с сугубо аппаратной профсоюзной работы (опять-таки считавшейся в Советском Союзе не вполне солидной) на производственную министерскую был исключением из кадровых правил того времени. Это свидетельствовало о том, что в Шалаеве руководство страны видело немалый потенциал.

Но менее чем через два года, в марте 1982-го, снова неожиданный кульбит — Шалаева переводят руководить ВЦСПС. Глава советских профсоюзов в советской иерархии по своему значению вполне мог быть приравнен к должности заместителя главы правительства. Большинство руководителей профсоюзов в советской истории — Михаил Томский, Николай Шверник, Виктор Гришин, Александр Шелепин — входили в состав политбюро. Правда, предшественник Шалаева — Алексей Иванович Шибаев, сменивший опального Шелепина (подряд три главы ВЦСПС на «Ш»), прервал традицию. И Шалаев также не стал членом политбюро, однако его статус все равно оставался высоким — управляющий суперминистерством, при этом не входящий в правительство, не подчиняющийся никому, кроме генсека. В его империи были и учебные заведения, и издательство «Профиздат», и 23 тысячи домов культуры и клубов, две тысячи санаториев, домов отдыха и туристических объектов, и десятки тысяч пионерлагерей, библиотек, стадионов.

Шалаева бросили на укрепление ВЦСПС, поскольку Шибаев не показал себя, по мнению Брежнева, и теперь он собирал вокруг себя команду из наиболее способных руководителей. Участок работы Геннадия Янаева был, конечно, не самым важным, но довольно почетным и ответственным. Выросли и его позиции на международной арене — теперь по профсоюзной линии. С 1987 года он являлся членом административного совета Международного бюро труда — руководящего органа Международной организации труда при ООН — и заместителем председателя Бюро Всемирной федерации профсоюзов. Понятно, что членство ВЦСПС в этих организациях было чистой воды фарисейством. Но это не отменяло обязанностей выступать, спорить, организовывать. Янаев, участвуя в работе руководящих органов мирового уровня, продолжал учиться тому, как строятся связи с общественностью в свободном мире, называемом тогда «капиталистическим». А поскольку его попадание в ВЦСПС совпало с мирным наступлением Горбачева на внешнеполитическом фронте — «новое мышление», «разрядка» и т. д., то его работа оказалась востребованной более, чем прежде. И Янаев теперь меньше был стеснен инструкциями и партийным надзором.

Заслуги его не остались незамеченными. Когда в 1989 году состоялись выборы народных депутатов СССР — первые свободные, то часть депутатов избиралась от общественных организаций, в том числе от профсоюзов. Так Геннадий Янаев стал депутатом. Это оказалось решающим в его фантастическом взлете — в 1986-м он еще зампред ССОД, а в 1990-м — уже вице-президент СССР. На первом собрании московской депутатской группы, где тон задавали столичные демократы, нападавшие на Горбачева, Янаев выступил в защиту Михаила Сергеевича и его курса на перестройку. Так генсек впервые обратил внимание на умеющего красиво говорить профсоюзника. В сентябре

того же 1989 года Янаев был избран заместителем Шалаева, став человеком номер два в профсоюзах. Это было сделано по свежим следам шахтерских забастовок, потрясших Советский Союз. Отныне профсоюзы не могли более отмалчиваться и занимать отстраненную позицию. В противном случае им грозила потеря всякого влияния — на арену выходили неподконтрольные компартии стачкомы. В Кремле помнили, что события в Польше в 1980—1981 годах начались с создания независимого профсоюза «Солидарность».

Янаев, таким образом, принадлежал к числу политических выдвиженцев поздней перестройки, чем и объясняется стремительность карьеры. В апреле 1990-го он уже стал председателем ВЦСПС. Степан Шалаев в новых условиях растерялся, не знал, что делать. На Геннадия Янаева возлагалась надежда, что он сможет сохранить значение и роль официальных профсоюзов. Однако кресло зашаталось под ним еще до того, как он в него сел. В марте 1990 года была создана Федерация независимых профсоюзов России (до этого республиканских профсоюзов в России не было) — те же официозные отделения ВЦСПС в масштабах РСФСР. Янаеву грозила участь лишиться реальных рычагов власти и собственности. А в июне в Донецке состоялся первый съезд шахтеров СССР, на котором было принято решение готовиться к созданию собственного профсоюза.

Поэтому его согласие на избрание секретарем ЦК КПСС, состоявшееся в июле 1990 года, на пленуме после XXVIII партийного съезда, на котором он выступал — «Нельзя поставить к позорному столбу 18-миллионную партию!» — было получено без особенных проблем, хотя Янаев, судя по его воспоминаниям, и поупирался немного для приличия, мол, Михаил Сергеевич (а разговор шел именно с ним), мне будет неудобно оставлять должность, едва ее заняв. Судя по всему, у Горбачева не было относительно Янаева определенных планов, он просто понравился ему как перспективный работник — хорошо и гладко умеет говорить, неплохо держится на публике, поддерживает перестройку, за рынок, но при социальной поддержке — так он сказал на XXVIII съезде. Поэтому сперва ему дали международные дела, хотя на этом направлении уже сидел Валентин Фалин. Горбачеву важно было держать его у себя под рукой. Он даже пошел на очевидный скандал — в профсоюзах, когда узнали о переходе Янаева в ЦК, раздался гул возмущения — как же так, для чего бы его избрали председателем ВЦСПС? (Такая же картина была на Украине после избрания на том же пленуме замом генерального секретаря Владимира Ивашко, месяц назад избранного председателем Верховного Совета УССР.) Янаеву пришлось сказать, что он перешел на работу в партию в то время, когда никто туда не шел кроме идеалистов, поскольку на КПСС обрушился шквал критики и карьеристы начали из нее уже выходить.

Затем президент предлагал ему то возглавить Гостелерадио (пост в итоге занял Леонид Кравченко), то российскую компартию вместо

Ивана Полозкова (тот удержался, но менее чем через год был сменен Валентином Купцовым). Янаев отбивался от этих предложений, но достаточно тактично и уважительно, так что Горбачев по-прежнему числил его в своих соратниках и доверял ему.

Через пять месяцев после избрания Янаева секретарем ЦК Горбачев наконец определился с тем, куда его окончательно поставить. Президент Советского Союза решил, что ему нужен вице-президент, и на очередном съезде народных депутатов предложил в качестве кандидата Геннадия Янаева. Надо сказать, что накануне драматически подал в отставку, выступая перед депутатами, Эдуард Шеварднадзе, министр иностранных дел, чья кандидатура рассматривалась также на пост вице-президента. Помимо того, что своим демаршем Шеварднадзе уничтожил всякую возможность этого, он сильно накалил обстановку, породив слухи о готовящемся правом перевороте. Кроме того, поскольку этот шаг не был согласован с президентом, он поставил Горбачева в глупое положение. Выборы вице-президента поэтому проходили во взвинченной атмосфере. Сегодня в голову приходит мысль — с учетом огромного международного опыта Янаева, столько лет мотавшегося по загранкомандировкам, именно его и надо было ставить на вакантную должность министра иностранных дел.

Почему Горбачев выбрал Геннадия Янаева, в общем-то понятно. Он не являлся значимой политической фигурой, а потому — конкурентом. Горбачев мог не бояться подсиживания или каких-то интриг за спиной. Янаев при этом был безусловно лоялен, в том числе и потому, что своим быстрым взлетом был целиком обязан Горбачеву. Одновременно Янаев хорошо выступал, легко держался, выгодно отличаясь от многих соратников президента — деятелей старой формации с их привычкой к номенклатурной закрытости, а потому терявшихся на публике. Горбачеву нужен был человек, который разгрузил бы его от протокольных обязанностей, и Янаев, по его мнению, идеально этому соответствовал. Иными словами, был нужен кто-то вроде Василия Кузнецова (первый заместитель председателя Верховного Совета) при Леониде Брежневе. Никакой самостоятельной политической роли для вице-президента не предусматривалось. Точно так же Горбачев обзавелся заместителем по партии в лице Владимира Ивашко, такого же стремительно выстрелившего партийного чиновника с Украины. Михаил Сергеевич сосредоточивал в своих руках и партийную и государственную власть, не желая ни с одной расставаться, но при этом не хотел заниматься черной работой, для чего и произвел эти новации.

Представляя будущего вице-президента, Горбачев сказал: «Товарищ Янаев, будучи опытным политиком, как нельзя лучше подходит к тому, чтобы рекомендовать его на этот пост. Те, кто с ним в последние годы соприкасался, очевидно, согласятся со мной, что это человек, который уже сложился, что он зрелый политик, хорошо ориентируется в политических вопросах, человек с твердыми принципами, активный

сторонник перестройки и активный ее участник. Надеюсь, что высокое собрание поддержит мое предложение и окажет доверие, избрав моим заместителем товарища Янаева». Любопытно охарактеризовал Янаева пресс-секретарь Горбачева — Виталий Игнатенко: «Янаев подходит для нового поста идеально. За новым вице-президентом стоит молодежь, профсоюзы, а также многие люди, которые сегодня возглавляют партии в Восточной и Западной Европе или сотрудничают с ними. Это молодые политические деятели 60-х годов, которые когда-то были партнерами Янаева по КМО. Сегодня они находятся у власти или рядом».

Сам кандидат, отвечая на вопросы депутатов, старался держаться уверенно. Но иные его ответы воспринимались как слишком развязные. Так, на вопрос о состоянии здоровья он ответил: «Вы знаете, жена говорит, что у меня хорошее здоровье… Я болею всеми теми болезнями, которыми болеют настоящие мужчины. Нормальный мужик, уверяю вас», — что было проинтерпретировано самым вульгарным образом. Независимая пресса отнеслась к нему с иронией, видя в нем «малоизвестную и малоавторитетную фигуру». «КоммерсантЪ» писал: «Примечательно, что программная речь Янаева выдержана *a la* Лигачев; фраза Янаева “мы не имеем права проводить непредсказуемую конвульсивную политику (радикальную экономическую реформу — ‘Ъ’)” точно соответствует лигачевскому “куда мы торопимся, товарищи?”, а финал речи (ночью при фонаре пахать буду и вспашу десятину с четвертью) есть копия известной фразы Егора Кузьмича “чертовски хочется поработать!”». Янаеву было уже 53 года и выглядел он весьма потерто, не как в лучшие свои годы, не впечатляя журналистов, априори настроенных негативно по отношению к нему.

Однако депутаты при первом голосовании 26 декабря 1990 года решили устроить Горбачеву, который все более и более начинал их раздражать по самым разным причинам, афронт и провалили Янаева, он получил только 1089 голосов. «Против» — 583 (из 1785 всего проголосовавших, часть бюллетеней испорчены). В тот же день премьер Николай Рыжков попал в больницу с инфарктом. Обстановка накалялась. Однако обиженный и разозленный Горбачев решил не сдаваться и повторно внес его кандидатуру на следующий день: «Эта кандидатура по личным, политическим, деловым качествам, по зрелости своей подходит. Налицо борьба в обществе, и я хочу, чтобы в этот труднейший поворотный момент рядом был человек, которому я полностью доверяю». С депутатами поработали, и теперь у Янаева было 1237 голосов («против» — 563), что хватило для его избрания. В 1991 год он вошел формальным вторым человеком в ядерной сверхдержаве.

С самого начала Янаев погрузился с головою в омут. СССР стремительно разваливался, и проблемы, одна тяжелее другой, возникали каждый день. Хотя Горбачев и не подпускал его к принятию принципиальных решений, для занятий текучкой, а точнее, по мнению самого Янаева, «зависших или безнадежных дел», он активно привлекал

вице-президента. Среди первых поручений были проблемы переселения крымских татар (ими он начал заниматься еще на посту главы ВЦСПС, возглавляя соответствующую комиссию), турок-месхетинцев, немцев Поволжья, армяно-азербайджанского конфликта. Янаев, кстати, еще в бытность свою председателем ВЦСПС, входил в комиссию по «разводу» СССР и Литвы, так что определенный опыт в данной сфере имел.

Все это были не решаемые в тех условиях и при том руководстве вопросы. Ни о каком организованном возвращении тех же татар в Крым в условиях экономического хаоса, когда страна стремительно проедала золотой запас и все сильнее и сильнее начинала зависеть от иностранной помощи, в условиях политической борьбы Центра с республиками и борьбы за власть внутри республик, областей и городов после выборов 1990 года, говорить не приходится. Могла быть только имитация работы.

Другим направлением работы Янаева (ставшего с марта 1991 года членом Совета безопасности СССР — нелепое подражание государственному устройству Америки, как, впрочем, и сам пост вице-президента) явилась печальная необходимость присутствовать при похоронах реликтов советского времени. Так, 1 июля 1991 года он на последнем заседании Политического консультативного комитета ОВД в Праге от имени СССР подписал акт о роспуске Варшавского договора. Когда на последовавшей пресс-конференции Янаева спросили, как он относится к тому, что НАТО остается после роспуска ОВД, ему ничего не оставалось сказать другого, как выразить надежду, что и этот блок будет распущен. Тремя днями ранее, 28 июня, в Будапеште был распущен Совет экономической взаимопомощи. Делать хорошую мину при плохой игре советским представителям приходилось все чаще.

Так было и во время визита президента США Джорджа Буша-старшего в Советский Союз буквально накануне ГКЧП. Гость после переговоров в Кремле захотел посетить стремительно дрейфующую в сторону от Москвы Украину. 1 августа он вылетел в Киев. Как пишет американский советолог и дипломат Строб Тэлботт: «Смирившись с этой однодневной поездкой, Советы попросили Буша взять с собой небольшое число сопровождающих от центрального правительства, — по всей вероятности, для того, чтобы подчеркнуть: Украина все еще является частью владений Москвы. Поскольку Геннадий Янаев был старшим в группе, Буш попытался завязать с ним разговор. Однако вскоре стало ясно, что Янаев не склонен говорить о делах, поэтому Буш повел его осматривать президентский командный пункт в воздухе, оснащенный по последнему слову техники, показал ему свою спальню с автоматически опускающимися жалюзи и даже президентский туалет. Янаев лишь повторял, что все “очень мило” и “очень интересно”. Оставив советских представителей снова одних, Буш сказал своим помощникам, что Янаев, кажется, “довольно дружелюбный малый“, но безусловно, не из тех, “кто способен уложить противника”. Он добавил, что Янаев соответствует той

оценке, которую дала ему разведка США еще до поездки: это старорежимный аппаратчик, который едва ли будет играть существенную или независимую роль в политической жизни своей страны».

Когда Валентин Павлов был назначен главой кабинета, то его структуру, по поручению Горбачева, прописывал Геннадий Янаев. Были у вице-президента и менее интересные поручения, он вспоминал, как, из-за угрозы остановки металлургических заводов с их непрерывным циклом производства, ему вместе с премьер-министром Валентином Павловым приходилось с пяти утра обзванивать, подобно диспетчерам, Кузбасс и Донбасс, чтобы оттуда подали вовремя уголь на предприятия. Те работали буквально «с колес», не имея запасов угля.

Все-таки вице-президентская должность во многом была надуманная. Когда обыскивали кабинет Янаева, нашли в его скупых записях, среди бумаг на столе, некую фамилию, которая неоднократно повторялась. Оказалось, что это дочь его персонального водителя, которая поступала в институт и он ей посильно старался в этом помочь. То есть у него было время этим заниматься, что и поразило обыскивающих. Недаром после 1993 года должности вице-президента не сохранилось ни в России, где Руцкой также поссорился с Ельциным, ни в Казахстане, ни в Киргизии, ни в Армении, где она также была первоначально введена. Аналогично были отменены избрания губернатора и вице-губернатора в одном списке. Постсоветская действительность оказалась таковой, что у первого лица не имелось доверия, чтобы кто-то официально мог числиться его заместителем. Пример Янаева и Горбачева, равно как Руцкого и Ельцина, показывает, что в условиях неустоявшейся политической системы прочные формальные связки двух лидеров невозможны.

Крючков не считал, с одной стороны, Янаева серьезной фигурой, с другой — видел в нем верного горбачевца и не привлекал его к разработке введения чрезвычайного положения до самого последнего момента. В ночь с 18 на 19 августа его пришлось уговаривать, чтобы он подписал документы ГКЧП. Янаев долго колебался, в душе он был обижен, что ему не доверяли и ввели в курса дела последним. К тому же он видел всю сырость и неподготовленность заговора, отсутствие у организаторов программы действий и четкого видения того, какую политику проводить и как добиваться желаемых целей.

Но деваться ему было некуда. Когда 20 августа к нему в кабинет пришел срочно вернувшийся с юга Евгений Примаков, Геннадий Янаев, по словам визитера, был растерян и намекал ему, что является «заложником», что ему «выкрутили руки», что «у него не было выхода: или он согласится после двух часов уговоров, или…», и якобы вице-президент приставил палец к виску, намекая то ли на самоубийство, то ли на убийство. То же самое он сказал и Вадиму Бакатину днем ранее: «Меня в четыре ночи с постели подняли, привезли сюда, два часа

уговаривали, и я согласился, все подписал». Он добавил, возможно для самоуспокоения: «Горбачев в полной прострации, ничего не понимает, он не в состоянии собой управлять. Они были у него накануне. Так что надо принимать управление на себя. И это правильно».

На самом деле, Янаеву деваться было некуда — он сам видел, куда катился Советский Союз, так что душой он был с Крючковым и компанией. В случае его отказа его бы просто отстранили от исполнения обязанностей, а и. о. президента провозгласили бы, например, Павлова. Все три дня ГКЧП Янаев попросту не знал, чем заняться. В правительстве, оставшемся без своего главы, его не слушали, Виталий Догужиев игнорировал его распоряжения, считая их популистскими, — Янаев предлагал срочно снизить цены на детские товары и продовольствие. Также исполняющий обязанности президента редактировал написанный Стародубцевым указ о чрезвычайных мерах по уборке и сохранению урожая, с неизбежным привлечением на сельхозработы студентов, солдат и школьников, не говоря уж про рабочих и служащих. 19 августа он встречался по просьбе Анатолия Лукьянова с главами автономий РСФСР, которые заверили его в своей поддержке.

Янаев видел, что спецслужбы и армия подчиняются только своим непосредственным руководителям, и сознавал свою роль калифа на час, лишенного реальных полномочий. Он даже не мог приказать Вадиму Бакатину и Евгению Примакову — членам Совета безопасности запретить распространять их обращение: «Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М. С. Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета безопасности обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М. С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

По утверждениям самого Геннадия Янаева, в 17.00 21 августа он подписал указ о приостановлении деятельности ГКЧП. Но этот документ нигде опубликован уже не был — еще одно свидетельство наступившего хаоса, и текст его остался неизвестным. Дальше Янаев остался ночевать в своем кабинете, ожидая ареста, который последовал утром. А еще через день, 23 августа, постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС «О партийной ответственности членов КПСС, входивших в антиконституционный ГКЧП», он был исключен из партии «за организацию государственного переворота», наверное, последнее исключение перед запретом деятельности самой партии.

Янаев был буквально раздавлен произошедшим с ним. Еще вечером 18 августа он являлся ни о чем не догадывавшимся вице-президентом СССР, с его непростой, но почетной работой и всеми атрибутами

высокой власти — охраной, кабинетом в Кремле, спецсвязью, а через три с половиной дня он стал жалким арестантом. Прийти в себя и снова подняться после выхода из тюрьмы в январе 1993 года Янаев уже не смог. Старые друзья либо отвернулись, либо сами были в не лучшем положении, смена поколений в управляющем слое произошла резкая. Да и какую работу он мог выполнять? Последовавшее за резким взлетом резкое падение сломало его психологически. Оппозиции Янаев был не нужен, он воспринимался ею как неудачник, слабый и безвольный лидер ГКЧП, бывший до последнего момента соратником Горбачева. Он даже не посещал традиционных комсомольских собраний ветеранов, поскольку не хотел неудобных вопросов и косых взглядов, а может, комплексовал по поводу того, что никуда не пристроился всерьез, в отличие от других комсомольцев. Когда Янаев после тюрьмы отвечал на вопросы журналистов, в его словах всегда прорывалось раздражение при упоминании Горбачева и Ельцина, которые смогли хорошо устроиться в отставке.

С женой у них имелась всего лишь двухкомнатная квартира — ее они получили после того, как решили разменять предыдущую четырехкомнатную после замужества дочерей. Как вспоминала супруга Роза Алексеевна, они долго не могли найти именно двушки, поскольку такие маленькие квартиры среди высокой номенклатуры были не в чести. Наконец им досталась квартира, предназначавшаяся для проживания прислуги Эдуарда Шеварднадзе. Причем въехали они в нее лишь 16 августа 1991 года.

Занятия Геннадия Янаева после выхода из Матросской Тишины трудно назвать работами в полном смысле этого слова. Скорее это были такие не то подработки, не то не очень заманчивые синекуры ради пенсионного стажа. Он работал консультантом комитета ветеранов и инвалидов государственной службы, «Родина и честь», руководителем Фонда помощи детям-инвалидам с детства (у мецената Ряшита Баязтова, земляка из Нижегородской области). После 2002 года он заведовал кафедрой отечественной истории и международных отношений Российской международной академии туризма, по приглашению ее ректора — своего соратника по комсомолу, бывшего зампредседателя бюро «Спутник» Валерия Квартальнова.

Еще во время пребывания в тюрьме у него обострилась мучившая его экзема. Заядлый курильщик, он много болел в последние годы жизни, и 24 сентября 2010 года Геннадий Янаев скончался от рака легких. Смерть вице-президента прошла в СМИ почти незамеченной. За 19 лет страна изменилась до неузнаваемости, и события 1991 года вспоминались как нечто совсем далекое.

ПАВЛОВ

Рождение в 1937 году в семье московского шофера Сергея Николаевича Павлова сына Валентина не предвещало отпрыску необычной карьеры. Мать его, Надежда Ивановна, была медсестрой. Помыслы у родителей

были сравнительно скромными, получение высшего образования мыслилось как максимальное достижение, как само по себе достойное поднятие по общественной лестнице.

Павловы были простой рабочей семьей, отец — выходец из беспризорников, затем извозчик, но после поднялся до водителя. Правда, стояли они не так чтобы уж совсем внизу общества. В 1930-е годы шоферская профессия была сравнительно редкой, автомобилей имелось мало, водителей окружал престиж людей, управляющих машинами. Кроме того, у шофера имелась возможность подкалымить, кого-то подвезти, это немаловажное преимущество в нищем обществе тотального дефицита. Да и профессия матери — операционная медсестра — также требовала знаний и котировалась выше простой работницы без образования.

Тяготы и беды советской жизни тех лет не обходили семью стороной. В войну отец Валентина воевал, хотя был уже и не молод. Мать, работавшую в больницах, где обслуживалось высокое начальство, не миновала кампания по борьбе с врачами-вредителями — отражение старческой паранойи Сталина, Валентин уже был пятнадцатилетним подростком, когда начались гонения на врачей, и под удар попали и медсестры. Он на всю жизнь запомнил переживания тех дней, когда судьба матери висела на волоске. Но вождь умер 5 марта 1953 года, и Надежда Ивановна смогла продолжить работу в Московском областном научно-исследовательском клиническом институте (МОНИКИ) имени М. Ф. Владимирского.

В семье было двое детей, помимо сына, росла еще сестра Нина, на шесть лет его старше. Сергей Николаевич и Надежда Ивановна Павловы старались в сложное послевоенное время, с его платным обучением в старшей школе и в институтах, во что бы то ни стало дать детям высшее образование, не скупясь ни на какие затраты.

Нина поступила в Московский финансовый институт (МФИ) — вполне нормальный вариант для девушки тех лет, когда произошел сдвиг в общественном сознании относительно «мужских» и «женских» профессий. В послевоенные годы в стране стремительно менялись представления о должном — в финансисты, юристы, педагоги, врачи шли все больше женщины в силу малой престижности и оплаты труда, равно как в парикмахеры, продавцы, портные и повара. Сфера услуг так же, как и специальности нефизического труда, традиционно в советское время считалась чем-то второстепенным. Хорошо получали на производстве — и рабочие, и инженеры. А всякие нотариусы и бухгалтеры довольствовались меньшими окладами. Одновременно людям на производстве быстрее можно было получить жилье и сделать карьеру. Не случайно большинство советских руководителей — от членов политбюро и министров до секретарей обкомов и директоров заводов были людьми с плохим образованием, выпускники непрестижных провинциальных вузов, технари или аграрии, часто

получившие дипломы уже в солидном возрасте — заочно или вечерне. Горбачев со своим юрфаком МГУ выглядит на их фоне редчайшим исключением. Но и он, вступив на стезю партийной карьеры, поспешил окончить местный сельхозинститут по специальности «агроном-экономист». Советская элита вербовалась преимущественно из «технарей» с заводов или комсомольских активистов, которые, в свою очередь, изначально работали на производстве или в сельском хозяйстве.

Но если для Нины выбор финансового института был вполне естественным и понятным — спокойная кабинетная работа со счетами, «самое то» для женщины, то, когда Валентин решил поступать по следам сестры в тот же вуз, это могло вызвать недоумение. Таким шагом он заранее обрекал себя на очень узкую карьеру. До конца жизни он должен был работать в финансах. В Советском Союзе эта сфера не то чтобы считалась женской, хотя большинство занятых в ней и принадлежали, как тогда выражались, к «слабому полу», но во всяком случае не магистральной. Финансисты не становились Героями Соцтруда, про них не слагали песен, не писали книг. Их работа проходила как бы на втором плане.

Победившая идеология коммунизма принесла с собой презрение к деньгам и всему, с ними связанному. Разумеется, реальная практика расходилась с теорией. После первого наскока на денежную систему в 1917—1918 годах, периода «военного коммунизма», большевики признали, что пока что без презренных купюр и ассигнаций ничего не получается, и они были вынуждены прикладывать усилия по укреплению рубля, заниматься налоговой политикой. Однако с начала 1930-х годов реальный вес финансистов вновь упал, в моде были волюнтаристские методы решения народно-хозяйственных задач. Отражением этого стал тот факт, что министра финансов — традиционно важнейший пост в правительстве любой страны — с конца 1930-х перестали избирать в члены политбюро (за исключением Алексея Косыгина, который в 1948-м менее года занимал этот пост). Впрочем, и до члена политбюро Власа Чубаря, являвшегося главой финансового ведомства в 1937—1938 годах, наркомы, начиная с Николая Брюханова, также не были членами политбюро.

Советская система управления вообще представляла собой уникальное явление в истории. Над правительством, которое Валентину Павлову предстояло возглавить в конце карьеры, стояло политбюро, где и принимались все важнейшие решения. Министрам же отводилась роль их исполнителей. Они были вынуждены часами ожидать в приемной зала заседания политбюро, когда их вызовут для доклада по тому или иному вопросу. Даже министры иностранных дел порой подолгу не состояли членами политбюро: ни Чичерин, ни Литвинов, ни Вышинский в политбюро не входили. Громыко стал им только в 1973 году, после шестнадцати лет работы министром. Легендарный сталинский министр финансов Арсений Зверев, судя по журналу посещений генсека, мог

годами не бывать у него в кабинете, а в другое время один-два раза в год. В общем, государственный строй напоминал не то теократию, не то мафиозный клан.

К тому же привычная иерархия важности постов была поставлена с ног на голову. Такие важнейшие в остальных странах министерства, как просвещения (образования) или здравоохранения, в СССР находились в самом низу значимости, и это отношение передавалось ниже — в республики и области. Главврач больницы или начальник Облздравотдела, так же как руководитель облоно или вуза, не мог рассчитывать со стороны обкома на такое же внимание, как директор крупного завода. Большинство министерств, после 1965 года в особенности, представляли собой не министерства в классическом понимании, а корпорации по производству схожих видов продукции. Членом (кандидатом в члены) политбюро являлся в правительстве традиционно только председатель Госплана, обычно из инженеров, но не финансист.

Министр же финансов выполнял, грубо говоря, роль главного бухгалтера. Он обеспечивал денежное наполнение принятых наверху проектов и следил за правильностью счетов. О принципиальном влиянии на политику он не мог даже помыслить. Из финансистов не выходили директора заводов, министры, секретари обкомов и горкомов, глав облисполкомов и райисполкомов, те, кто составлял элиту советского общества.

Традиционно вопросам экономической теории в Советском Союзе уделялось значительное внимание — ритуальное следование официальной идеологии, основанной на «Капитале» Карла Маркса. Сам Сталин, перед своей смертью, в конце 1952 года выпустил книгу «Экономические проблемы социализма в СССР». Этот труд был чистой схоластикой, не имевшей никакого отношения к реальной действительности советской экономики. Но Сталин еще хоть как-то читал труды марксистских классиков и позволял даже себе с ними в чем-то их поправлять. Его последователи уже никого и ничего в области политэкономии не читали и действовали, исходя из своего опыта. Впрочем, незнание азов марксизма считать препятствием для руководства народным хозяйством, конечно, нельзя. Хуже было отсутствие в высшем руководстве понимания финансовых последствий принимаемых решений. Оно руководствовалось, как в аграрной политике, например, только решением текущих задач с точки зрения сохранения режима.

На детство и юность Валентина Павлова выпало проведение двух денежных реформ, воспоминания о которых не могли не запечатлеться в его сознании и определять его собственные действия на премьерском посту. В декабре 1947-го власть отменила карточную систему и одновременно ввела новый рубль, проведя сложносоставную деноминацию. Основной удар пришелся на население и колхозы, и без

того разоренные. В постановлении от 14 декабря 1947 года № 4004 писалось: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Бо`льшую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва». Реформа имела конфискационный характер — сокращение денежной массы, не обеспеченной товарами, любой ценой.

Вторая реформа вступила в действие с января 1961 года, когда Валентин Павлов уже работал в финансовых органах. Официально она считалась деноминацией, но реально означала удешевление рубля по отношению к иностранным валютам и снижение его золотого содержания. По населению также был нанесен удар, поскольку цены на рынках в десять раз не опустились.

Для большей части населения денежная политика и финансовые инструменты ассоциировались с принудительными государственными займами. Уполномоченный по их распространению — важнейшая фигура деревенской (да и городской также) жизни 1930—1950-х годов. Формально добровольная, подписка на займы по факту была насильственной и представляла собой один из видов налогообложения, поскольку колхозники зарплаты не получали. Практически они были вынуждены жить за счет приусадебного хозяйства, которое все время сокращалось, дабы они больше работали в колхозе за «палочки» (трудодни), но при этом с него они платили денежные и натуральные налоги, а с выручки за проданные продукты на рынке были обязаны покупать «ценные бумаги». Только за 1946—1950 годы с населения было таким образом собрано 23 миллиарда 969 миллионов рублей. При этом государство объявляло о пролонгации выплат процентов по ним и в одностороннем порядке удешевляло их, как это было сделано в 1947 году во время денежной реформы.

В апреле 1957-го власть наконец решила отказаться от принудительного размещения займов, но при этом перенесла в очередной раз — теперь на 20 лет — срок выплаты по ранее сделанным у населения займам, сумма которых достигла 260 миллиардов рублей. Естественно, подобные операции в корне подрывали доверие к «азартным играм с государством». В реальности на займах наживались лишь спекулянты, скупавшие у людей по дешевке облигации. (Отсюда и прозвище известной героини в сериале «Место встречи изменить нельзя».)

Тем не менее семнадцатилетний Валя Павлов сделал выбор в пользу финансов. Думается, его привлек и пример сестры, уже получившей к тому времени высшее образование и работавшей в Стройбанке, и уверенность, что он сможет сделать карьеру, пусть и не на ярком поприще. Главное было — получить высшее образование, а там посмотрим. Будучи одногодком Геннадия Янаева, с которым он в один месяц пришел на высший пост в стране, Павлов принадлежал к первому

оттепельному поколению, которое вступало во взрослую жизнь уже после Сталина, но еще до XX съезда. Конечно, в отличие от деревенского паренька Гены Янаева, у сына шофера, зато московского, имелось больше возможностей в плане поступления в вуз. У него не стояло выбора — учиться ли в столице?

Московский финансовый институт, в котором он начал учиться в 1954 году, представлял собой заведение с давней, хотя и не дореволюционной историей. Это был советский вуз, созданный в 1919 году в рамках стремительного расширения числа высших учебных заведений, в которых выдвиженцы из числа рабочих и крестьян получали необходимое образование для работы в народном хозяйстве. Как раз перед поступлением Валентина Павлова ректором МФИ стал Владимир Васильевич Щербаков, личность по-своему уникальная, проработавший на данном посту 32 года — до 1985-го. Финансист по образованию, он немало лет отдал партийной работе, даже пробыв четыре года первым секретарем только что учрежденного Калининградского обкома. Опираясь на свой административный опыт, он много сделал для развития вверенного ему института, собрал команду, члены которой работали также по многу лет, например, на должностях проректоров. Валентин Павлов ценил свой вуз и, когда стал премьером, в числе первых документов подписал постановление о переименовании Московского финансового института в академию — наивная мода времен перестройки, когда школы становились гимназиями, ПТУ — колледжами, а институты университетами и академиями.

В институте Валентин Павлов увлекался баскетболом, играл за сборную вуза и продолжал делать это даже тогда, когда начал работать. Так что образ полноватого кабинетного чиновника, который у нас ассоциируется с последним советским премьером, не совсем верен. Как и все студенты, он выезжал «на картошку», так что работа в сельском хозяйстве ему была также знакома.

Нельзя сказать, чтобы студенты в МФИ в 1950-е годы получали широкий кругозор в экономике, вплоть до своего распада СССР оставался жестко идеологически детерминированным, и никаким «ересям» циркулировать не позволялось, особенно в таких священных сферах, как политэкономия. А Павлов поступил в вуз всего лишь через год после смерти Сталина. Однако основные сведения по финансовой деятельности студенты из процесса обучения извлекали. Сам Павлов всегда был практически ориентированным человеком и заоблачными эмпиреями теорий не интересовался. Социалистическая экономика представлялась раз и навсегда данной реальностью, из чего и следовало исходить.

Правда, уже приближались времена, когда экономистам стало позволено чуть больше, чем раньше. Еще при правлении Хрущева, в 1962 году, «выстрелил» со своей статьей в «Правде» «План. Прибыль. Премия» харьковский профессор Евсей Либерман, за которой

последовала широкая экономическая дискуссия. Справедливости ради нужно отметить, что и при Сталине проводились дискуссии, собственно его вышеупомянутая книга и являлась ответом на вопросы, поднимавшиеся в ходе одной из таких в 1951 году. Но для одного из вопрошающих вождя дискуссия закончилась печально — «товарища Ярошенко», об ошибках которого подробно написал сам товарищ Сталин, отправили на год в тюрьму, откуда он вышел уже после кончины вождя.

Финансы продолжали оставаться в амбивалентном положении и в период «оттепели». Скорое построение коммунизма, объявленное в 1961 году, ставило под вопрос сохранение денег. Практиковались такие эксперименты, как выдача зарплаты без кассира. Пренебрежение здравым смыслом и бережливостью, штурмовщина привели народное хозяйство СССР как раз через два года после введения слов в программу КПСС «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» к тому, что начались перебои с хлебом, по всей стране за ним выстраивались длинные очереди. А повышение норм выработки и одновременно цен на мясо и масло — к кровавым событиям в Новочеркасске в 1962 году.

Обучение в МФИ длилось тогда четыре года, в отличие от инженерных и естественно-научных вузов с пятилетним сроком обучения. В 1958 году Валентин Павлов окончил институт. В том же году он женился (тогда предпочитали ранние браки, считалось, что семейную жизнь надо начинать, не дожидаясь достижения материального благополучия). Избранницей стала студентка того же института Валентина (получилось прямо как название популярной пьесы Михаила Рощина «Валентин и Валентина»). Ее отец был репрессирован, что могло стать помехой в карьере супруга несколькими годами ранее, однако Валентина это не остановило.

Валентина Петровна, жена будущего премьера, всю жизнь проработала по специальности, сперва в Мосгорфинуправлении, затем в Главмосавтотрансе, огромной организации, занимавшейся грузовыми перевозками в столице и насчитывавшей сорок тысяч машин, которые обслуживали сто тысяч водителей. В Главмосавтотрансе Валентина Павлова дошла до должности заместителя начальника по экономике. В 1989 году у нее даже вышла книга «Новые условия хозяйствования: Опыт, проблемы: [О работе предприятий Главмосавтотранса]».

Главмосавтотранс был своего рода государством в государстве. Он не подчинялся республиканскому Министерству автомобильного транспорта (союзного министерства не имелось). Его руководителем являлся легендарный Иосиф Михайлович Гоберман, руководивший автомобильным транспортом Москвы 46 лет — с 1937-го по 1983-й. Так что профессиональную карьеру Валентины Петровны тоже можно считать вполне удавшейся и вполне завидной.

Валентин же первым местом работы имел Калининский райфинотдел. Калининский район занимал территорию нынешних Лефортовского и Басманного районов. Как инспектор государственных доходов, он вникал в деятельность находившихся на его территории предприятий — от таких гигантов, как «Серп и Молот», «Манометр», «Москабель», до последних, прикрываемых Хрущевым, артелей промкооперации. Так Павлов начинал понимать, как реально устроено хозяйство в СССР, как проходят финансовые потоки, наполняется бюджет.

Молодой специалист оказался парнем не промах, быстро освоился и стал направлять свои рационализаторские предложения наверх. Бумага от Валентина Павлова попала на глаза заместителю министра финансов РСФСР Михаилу Митрофановичу Поволоцкому. СССР, конечно, был жестко иерархическим обществом, но время от времени в нем проходили различного рода кампании, когда надо было показать, что начальство работает с молодыми кадрами. А может, это был личный стиль Поволоцкого, что все документы в его сфере проходили через него лично и он их внимательно вычитывал. Ему было уже 54 года, и он являлся опытным бюрократом, занимая свою должность с 1940 года.

Как бы там ни было, Павлову повезло — высокий начальник не просто прочитал его докладную, но и заинтересовался и ее содержанием, и ее автором, пригласив начинающего финансиста к себе на собеседование. Через месяц Павлова назначили в Управление финансирования строительства и проектных организаций Минфина РСФСР. Так его карьера начала стремительно продвигаться буквально с самого начала. В материальном плане это значило также немало — повышение жалованья с 825 рублей до 1100 (дореформенными). С учетом того, что в 1960 году у молодых супругов родился сын Сергей, это было очень кстати.

Понятно, что выскочек не любят нигде, особенно тех, которых почему-то двигает начальство через несколько ступенек, но Валентин Павлов отличался бульдозерным характером и мало обращал внимания на мнение окружающих. Он шел вперед уверенно, без сантиментов. Виктор Геращенко вспоминал: «…с удовольствием работал я с Валентином Павловым, но у него был своеобразный характер, он всегда все знал и часто принимал решения без советов со специалистами… И хотя мы с ним в институте играли в одной команде в баскетбол, а этот спорт воспитывает коллективизм, Валентин был индивидуалистом».

Двадцатидвухлетний финансист оказался вовлеченным в строительство суперсекретных объектов. Дело в том, что «подшефным» ведомством Павлова стало Министерство строительства РСФСР (в 1963-м переименованное в Министерство монтажных и специальных строительных работ). А в него входил знаменитый Главспецстрой — целая империя по возведению тайных сооружений космической, авиационной, судостроительной, электронной промышленности и инфраструктуры. Свою историю Главспецстрой вел от сталинского

проекта по сооружению кольца ПВО вокруг Москвы. Тогда возводились не только несколько десятков радаров, но и автодороги между ними — так называемые Большое и Малое московские кольца. Затем Главспецстрой, выведенный из МВД, сосредоточился на строительстве крупных предприятий ВПК, таких как Севмашзавод, где выпускались атомные подлодки-ракетоносители, ракетные заводы, космический Центр управления полетами. К двадцати девяти годам, когда Валентин Павлов покинул Минфин РСФСР, он дошел до заместителя начальника Управления финансирования строительства Министерства финансов РСФСР.

Надо добавить, что на тот период, до 1967-го, строительство было сосредоточено не в союзном правительстве, а в республиканских. В РСФСР в 1963—1967 годах существовало Министерство строительства (не путать с предыдущим, которое стало Минмонтажспецстроем), в которое входили большинство строительных организаций. Таким образом, Валентин Павлов держал руку на пульсе большинства важнейших строек страны.

Когда Косыгин, став премьером, наметил перевести строительство под опеку союзного правительства (соответствующее министерство РСФСР было в начале 1967 года распущено), то Валентина Павлова, ввиду сокращения масштабов деятельности республиканского министерства, в 1966 году перевели в Министерство финансов СССР. Так он поднялся еще на одну ступеньку.

Валентин Павлов стал заместителем начальника Управления финансирования тяжелой промышленности, образованного незадолго перед этим, в ноябре 1965 года, после очередной структурной перестройки министерства. Его непосредственным начальником являлся В. П. Никольский, которому тогда было шестьдесят. Опять-таки подчеркнем возраст Павлова — 29 лет. И в эти годы он становится одним из тех, кто в первую очередь отвечает за финансирование крупномасштабных проектов в стране. Этот факт свидетельствует о том, что Поволоцкий не ошибся в оценке деловых качеств Павлова и что последний оправдывал оказанное ему доверие, показав себя сметливым и энергичным управленцем-финансистом. А задачи ему пришлось решать немалые. Как раз в то время интенсивно шло освоение Западной Сибири с ее нефтяными и газовыми богатствами, развивался район Курской магнитной аномалии. И к этим вопросам Павлов имел самое прямое отношение.

Новый виток его карьеры был связан с косыгинскими реформами. После того как Алексей Косыгин в октябре 1964 года стал главой советского правительства, им вместе с Леонидом Брежневым было принято несколько принципиальных решений по изменению экономической политики. Главным стала ликвидация совнархозов в октябре 1965-го и возвращение к отраслевым министерствам, которых теперь оказалось гораздо больше, чем прежде. Классическая косыгинская

структура правительства просуществовала до конца 1980-х. После того как несколько министерств было разделено, к 1982 году в правительство входило 86 министров и председателей госкомитетов, не считая начальников ряда управлений, приравненных к министерствам. Заместителей предсовмина было 13 человек (при Косыгине имелось двое первых). Конечно, руководить такой махиной было крайне сложно.

Вопреки бытующим представлениям, Косыгин вовсе не был «реформатором» в том смысле, который привыкли вкладывать в это слово. Его действия по воспроизводству сталинской модели управления народным хозяйством ясно отражали его менталитет — вполне командно-административный. Косыгинские же «реформы» свелись к совсем незначительным изменениям в плане самостоятельности предприятий. Никакого нового нэпа никто вводить не собирался.

Тут надо заметить, что в Советском Союзе 1960—1980-х годов фактически существовало три правительства. Первое — собственно «косыгинское», отвечавшее за макроэкономику в целом, металлургию, добычу полезных ископаемых, энергетику, транспорт, связь, легкую промышленность, гражданское машиностроение, торговлю, социалку. Второе — «устиновское», в него входило девять министерств ВПК — среднего машиностроения (производство атомного оружия), общего машиностроения (стратегические ракеты и спутники), оборонной промышленности, машиностроения (боеприпасы и взрывчатка), авиационной промышленности, судостроительной промышленности, электронной промышленности, радиопромышленности, промышленности средств связи. В их тысячах заводов, НИИ и КБ работали миллионы человек, были задействованы огромные средства. Эти девять министерств отчитывались перед Дмитрием Устиновым, секретарем ЦК КПСС, курировавшим «оборонку», а он уже выходил напрямую на генерального секретаря. После перехода на пост министра обороны он сохранил влияние на эти ведомства. Третьим «правительством» было правительство Кулакова — Горбачева (два секретаря ЦК, курировавших село), то есть аграрное. Об этом сегодня часто забывают, но «хлеб» был для Брежнева едва ли не важнейшим предметом забот, не меньшим, чем оборона. После 1930 года, то есть коллективизации, партия напрямую отвечала за положение дел в сельском хозяйстве. Поэтому генсек сам руководил аграрным сектором через соответствующего секретаря. Министерство сельского хозяйства СССР при этом особой роли в управлении селом не играло. На местах обкомы принимали решения (исходя из указаний ЦК), когда и что сеять, направляли на уборку урожая миллионы студентов, школьников, рабочих, инженеров, к которым присоединялись военнослужащие. Над каждым министерством стоял отраслевой отдел ЦК, так что порядок принятия решений был усложнен.

Минфин СССР представлял к 1966 году сложную систему. Ответственность за финансы страны он делил с Госбанком СССР

(который до 1956 года подчинялся Минфину). Это вызывало неизбежные трения между ними, и министр Василий Федорович Гарбузов стремился проводить на пост председателя Госбанка лояльных к нему людей, что, с учетом его сильного характера и влияния в верхах, ему порой удавалось, как в 1963—1969 годах, когда он «делегировал» руководить банком своего первого заместителя Алексея Андреевича Посконова.

В состав Минфина СССР входили такие организации, как Госстрах (страхование внутри страны), Ингосстрах (страхование внешнеторговых сделок), Гознак (печатные и бумажные фабрики, выпускавшие бумагу для купюр, сами денежные знаки и официальные документы; монетные дворы), Гохран, где хранились драгоценные металлы и камни. Деятельность ведомства была покрыта такой завесой тайны, что подлинное состояние советского бюджета Андропов, по воспоминаниям Горбачева, скрывал даже от членов политбюро.

Министром финансов с 1960-го по 1985-й работал Василий Гарбузов, легендарная фигура. Именно этот человек стал одним из важнейших учителей Валентина Павлова, с 1968 года работавшего заместителем начальника Бюджетного управления Минфина, своеобразного мозгового центра министерства. Начальником же этого управления с 1948 года был Георгий Федорович Дундуков, старше Павлова на 32 года. Тот факт, что такому «зубру» дали в помощники 31-летнего чиновника, говорит об успешности старта молодого специалиста в союзном ведомстве.

Заместитель министра финансов СССР Владимир Абрамович Раевский вспоминал об этом этапе в карьере Павлова так: «В. С. Павлов стал появляться на нашем пятом этаже не только по делам служебным, но и в качестве частого гостя. Но уже вскоре я увидел его в кабинете Г. Ф. Дундукова при согласовании какого-то документа, что было довольно необычно, поскольку наш начальник общение с отраслевиками не любил и пробиться к нему даже начальникам управлений было непросто. Это могло быть только по одной причине: о В. С. Павлове он слышал и начинал к нему приглядываться. Как-то заглянув в мой кабинет, что тоже случалось не часто, и застав там В. С. Павлова и нашего общего товарища и постоянного консультанта начфина Миннефтепрома СССР С. С. Колмакова (в будущем председателя Госкомнефтепродукта СССР и первого зампреда Госснаба СССР), он не ограничился, как ранее бывало в подобных случаях, сухим кивком присутствовавшим и напоминанием о поручении, а на несколько минут задержался, бросив даже пару реплик в процессе разговора. И когда однажды в нашей беседе прозвучала как будто зондирующая мое мнение фраза: “А что, если мы пригласим Павлова?” — я понял, что вопрос решен, работать стало гораздо комфортнее. Это особенно касалось поддержки наших позиций у руководства министерства при согласовании документов отраслевых управлений. В. С. Павлов подключился к делам свода бюджета и работе с финансовым балансом, что означало полноправное участие нашего отдела в работе».

Василий Гарбузов был профессиональным экономистом, в 1933 году окончил Харьковский финансово-экономический институт. Затем после нескольких лет преподавания, когда он успел защитить кандидатскую диссертацию, он перешел на административную работу, был председателем Госплана Украины, а с 1953 года первым заместителем министра финансов СССР. Воспоминания сослуживцев рисуют колоритную фигуру грубоватого, вальяжного, с барскими замашками, но одновременно очень компетентного министра, умевшего ладить с начальством и спрашивать с подчиненных. Косыгин, сам несколько месяцев возглавлявший при Сталине Минфин (до сих пор не объясненный эпизод его биографии, равно как биографии Зверева), знал изнутри специфику работы ведомства, так что Гарбузов понимал, что предсовмина обмануть невозможно. Впрочем, подлинным его начальником был, конечно, генеральный секретарь, который все 18 лет (с 1964-го по 1982-й) им оставался доволен.

Гарбузов оказал большое доверие Валентину Павлову, поручив ему столь ответственный участок работы, и тот его не подводил. Так что, если охарактеризовать Павлова вкратце — кто он такой и почему возглавил правительство СССР? — то можно ответить так: это человек, который ярко проявил себя по части финансов в молодом возрасте и являлся одной из «звезд» Минфина в 1960—1970-е годы. Все его последующие успехи идут оттуда. Ему даже порой доводилось вместе с Гарбузовым докладывать самому Леониду Ильичу.

Павлов вспоминал: «В те периоды, когда по каким-либо причинам возникала даже малейшая угроза такой стабильности, Василий Федорович лично отправлялся к Косыгину, а нередко и непосредственно к Брежневу. Он ставил перед ними вопрос о продаже на мировом рынке энного количества золота, бриллиантов, других ценностей, чтобы на полученную выручку через импортные закупки товаров привести в соответствие доходы и расходы населения. Бывали случаи, когда на такие встречи с Косыгиным, и даже Брежневым, Василий Федорович брал и меня. Я, что называется, своими глазами видел, с каким уважением высшие руководители государства относились к мнению министра финансов. Его предложения принимали всегда. Он подписывал “наверху” соответствующие документы, а затем узкий круг доверенных лиц, куда входил и я, расписывал, что, где, как и какие ценности надо продать, чтобы получить максимальную выгоду. При этом, что очень важно для страны, необходимо было сделать все так, чтобы не вызвать к нашим продажам повышенного интереса за рубежом».

Последний министр финансов СССР Владимир Раевский, знавший Павлова с начала 1960-х, вспоминал о совещаниях в Минфине: «Не так вел себя В. С. Павлов, вставляя реплики, иногда даже пытаясь корректировать ход обсуждения, если оно выходило за рамки логики наших заметок на полях, часто пускаясь в длинный путь вокруг огромного стола заседаний ко мне за дополнительной справкой-расчетом

и обратно к министру. В. Ф. Гарбузов, обожавший лицедейство в хорошем смысле этого слова как фактор, дополняющий аргументацию, стал ему подыгрывать. “Ну что скажешь, Павлов?” Новый бюджетник ему явно нравился все больше и больше, и он подчеркивал перед присутствовавшими значение его мнения и свое отношение к нему. Но часто министр принимал решения и эмоционально, под впечатлением от профессионализма просителя и доходчивого раскрытия существа проблемы (деньги идут в хорошие руки), меняя масштабы поправок, а то и в противоположность нашим предварительным пометкам, хотя, возможно, и держал в уме общую сумму возможных поправок. В этом случае могли иметь место два противоположных варианта: он мог демонстративно одернуть оппонентов со стороны Минфина, включая и нас с В. С. Павловым, а мог, наоборот, почти просительно обращаясь к последнему, произнести: “Павлов, давай решим…”».

Павлов успевал многое, показывая себя не только чиновником, но и исследователем. В 1971 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оборотные средства промышленности и источники их формирования», а в 1981-м — докторскую на тему «Финансовые планы и балансы в системе управления экономикой». Стоит заметить, что в те времена увлечение начальства разного рода научными званиями не поощрялось, так что нужно было иметь характер и знания, чтобы добиться возможности защиты. И, конечно, диссертации писались в основном самостоятельно, не покупались, как после перестройки.

Тем удивительнее может показаться его переход в 1979 году из Минфина в Госплан СССР начальником отдела финансов, себестоимости и цен, с последующим (с 1981 года) вхождением в Коллегию Госплана СССР. На самом деле это было повышением: Павлов становился не заместителем, а полноправным начальником, первым лицом в своем подразделении. Кроме того, Госплан был своего рода суперведомством. Его председатель — новый начальник Павлова, Николай Константинович Байбаков, являлся кандидатом в члены политбюро и по всем формальным и неформальным раскладам стоял значительно выше Гарбузова. Есть также версия (ее высказывают Михаил Алексеев и Александр Пачкалов), что Гарбузов, рекомендуя Павлова Байбакову, хотел таким образом отсрочить уход на пенсию незаменимого Дундукова, одновременно давая возможность Павлову обкататься в высших сферах, якобы уже тогда видя его своим преемником.

Как бы там ни было, «звезде» финансового ведомства необходимо было теперь доказывать свою состоятельность в ведомстве плановом — как коллегам, так и начальству. По оценке работника Госплана В. А. Мартьянова, он проходил как «молодой, но многообещающий специалист Валентин Сергеевич Павлов».

Байбаков был фигурой с бóльшим опытом, чем Гарбузов, еще в 1944-м стал он наркомом нефтяной промышленности. А Госплан в первый раз

возглавил в 1955 году. При Хрущеве он попал на время в опалу и был отправлен в Краснодар возглавлять местный совнархоз. В 1965-м Брежнев и Косыгин вновь сделали его главой Госплана. Никита Сергеевич работников Госплана не жаловал, как и сам комитет. В 1955-м он даже на время разделил его на два органа — Комиссию по текущему планированию и Комиссию по перспективному планированию (ее-то и возглавил Байбаков).

Байбаков считался лучшим знатоком советской экономики. Его задачей было соблюдение баланса между составляющими ее частями, а составление пятилетних планов являлось своего рода ритуальной условностью. В реальности они не так уж много значили, а их выполнение-невыполнение оставалось в тайне, а публике преподносились подправленные цифры. Главным в деятельности Госплана была диспетчерская деятельность. Его руководители отслеживали не только соблюдение контрольных показателей, но и равновесие в экономике в целом. Министерства должны были утверждать в Госплане свои заявки на развитие. Однако в Советском Союзе плановая дисциплина соблюдалась плохо. Если смежник не поставлял продукцию вовремя, план летел к черту. А поскольку один зависел от другого, то работники Госплана постоянно занимались развязыванием узлов, выступая в роли толкачей.

Работа в высшем плановом органе дала Валентину Павлову незаменимую возможность посмотреть на экономику с иного ракурса, нежели он видел ее из минфиновского кабинета. Теперь речь шла не только о выделении денежных средств. Павлов должен был проверять обоснованность расчетов цен и себестоимости. Вместе с ним в коллегию входили крупные государственные и партийные деятели, такие как Яков Рябов, Николай Рыжков, Юрий Маслюков, Лев Воронин, Степан Ситарян. Это был другой масштаб и людей, и дел. Семь госплановских лет дали Валентину Павлову очень многое.

Почти год довелось ему поработать при новом председателе — Николае Владимировиче Талызине, ныне забытом персонаже, но игравшем значительную роль в первые годы перестройки. Талызин был примечателен тем, что в 1965-м в возрасте тридцати шести лет стал заместителем министра связи СССР. Через десять лет он уже министр. В 1980—1985 годах Талызин был зампредом Совмина — представителем в СЭВ. Перевод его в Госплан стал довольно неожиданным, и там он надолго не задержался.

Работая в Госплане, Валентин Павлов получил хороший политический урок во время попытки так называемой «хлебной реформы». Еще работая в бюджетном управлении Минфина, он был причастен к проработке изменения механизма определения цен на хлебобулочные изделия. В окончательном виде концепция была готова к 1982 году, и ее одобрил Брежнев. Предполагалось определять только конечную цену на хлеб (которая повышалась), а цепочке его производителей — от поля

до магазина цены могли устанавливаться самостоятельно. Предусматривалась и компенсация для населения. Будучи скромной по масштабам, «хлебная реформа» тем не менее была революционной по своему значению, поскольку означала переход, пусть и очень осторожный, к рыночному ценообразованию. Потребление хлеба должно было сократиться на пять миллионов тонн, в том числе за счет того, что его перестали бы скармливать скоту.

Кто жил в поздние брежневские времена, тот помнит навязчивую пропаганду бережливого отношения к хлебу. Навязчивой темой критики были дети, пинавшие булку вместо мяча. Страна импортировала десятки миллионов тонн зерна, но при этом хлеб стоил очень дешево, что и делало возможными вышеперечисленные эксцессы.

Однако в ноябре 1982 года Леонид Брежнев умер, а его преемника — Юрия Андропова Михаил Горбачев убедил не вводить «хлебную реформу» в жизнь, мол, люди сочтут это инициативой нового генсека, что отразится на нем политически неблагоприятно. Валентин Павлов, узнав, что реформы, к разработке которой он был непосредственно причастен и в Минфине, и в Госплане, не будет, понял, как непросто добиваться при советской системе хотя бы небольших изменений и как конъюнктурно и непоследовательно ведут себя вожди — ведь на этапе разработки Горбачев «хлебную реформу» всячески поддерживал, будучи куратором АПК, и легко от нее же отрекся, как только увидел для себя шанс еще ближе войти в доверие к Андропову.

Семь лет в Госплане пролетели быстро. Они пришлись на переходное время — от Брежнева и Косыгина до Горбачева и Рыжкова. За это время Валентин Павлов окончательно сложился в крупного и авторитетного советского управленца, и когда Гарбузов в конце 1985 года скончался и его заменили на посту министра Борисом Ивановичем Гостевым, ни дня в Минфине не работавшим, а трудившимся на протяжении более двадцати лет в аппарате ЦК, ему на подмогу послали в качестве первого заместителя Валентина Павлова. Как вспоминал сам Павлов, «Гостев не имел соответствующего практического опыта… его замов “почистили”, и привели к тому, что потребовалось доукомплектовать руководство Минфина профессионалом. Специалистом, который хорошо владел бы не только экономической проблематикой, но и предметно знал бы минфиновскую специфику, “технологию”. И Гостев, по работе в ЦК хорошо знавший всех финансистов, указал на меня».

Впрочем, первое возвращение Павлова в родной Минфин было недолгим. А в августе 1986 года его назначили председателем Государственного комитета по ценам. Однако в этот заход Павлов успел сделать главное — он по собственной инициативе собрал с руководителей печатных фабрик и монетных дворов Гознака заявки на закупку нового оборудования. Так он подготовил свое ведомство к грядущей денежной реформе, которую считал неизбежной.

В Госкомцен Павлов пришел впервые в своей жизни полномочным руководителем ведомства. Хотя его комитет был не на слуху, ему предстояло играть немалую роль ввиду готовящихся перемен в советской экономике. Помимо обретенного теперь формального статуса полноправного члена правительства, важным этапом вхождения Валентина Павлова в высшие круги стало участие в разработке концепции нового хозяйственного механизма осенью 1986 года. На даче ЦК в Волынском (где некогда проживал Сталин) были собраны видные экономисты — теоретики и практики. Курировал их работу секретарь ЦК Александр Яковлев, а для Горбачева в Волынском был выделен специальный кабинет, где бы он мог заниматься с документами.

Павлов во время пребывания в Волынском фактически отвечал за взаимодействие с правительством рабочей группы, будучи своего рода представителем нового премьера — Николая Рыжкова. Он смог себя зарекомендовать с лучшей стороны, внимательно вычитывая и редактируя документы, отстаивая позиции Совмина. Думается, это помогло ему вскоре подняться еще на одну ступень. Опыт у него уже имелся, Станислав Анисимов, последний советский председатель Госснаба, вспоминал: «Подготовкой реформы мы начали заниматься в 1982 году, когда отдел возглавил Рыжков. Он создал несколько бригад, которые должны были заниматься подготовкой предложений по изменению управления экономикой. Постоянно, ежедневно у нас шли дискуссии о том, как улучшить ситуацию. Выдвигали предложения, разносили их вдребезги. Главным критиком был Валентин Сергеевич Павлов, которого многие помнят, как премьер-министра СССР. А тогда он работал в союзном Госплане. Кто бы из академиков-экономистов ни выдвигал какое-либо предложение, Павлов обязательно сурово критиковал его позицию. Тут же выдвигал новую идею, разрабатывал ее, а когда заканчивал, сам же разносил вдрызг».

Валентин Павлов получил в Волынском и еще один урок — политический. В декабре работа над концепцией вдруг прекратилась — Горбачев потерял к ней интерес. Казалось, что итоги длительного труда пошли коту под хвост. Так давление отраслевых лоббистов пересилило волю генсека.

Однако в мае 1987 года Горбачев опять, накануне пленума, посвященного экономической реформе, вспомнил об итогах предыдущей работы, и всех ее участников вновь собрали в Волынском для спешной шлифовки окончательного текста. В итоге Валентина Павлова, не члена ЦК, пригласили на июньский пленум 1987 года, признавая его заслуги. Но то, что он там услышал, то, что вошло в окончательный текст постановлений, энтузиазма у него не вызвало. Горбачев выхолащивал подлинные экономические изменения и увлекся реформами политическими. В своем докладе на пленуме генсек, говоря о необходимости радикальной реформы управления экономикой, предложил следующую формулу: «больше социализма, больше

демократии». Это было абсолютно бессмысленно и пустопорожне — как все у Горбачева, но тогда, в 1987-м, его авторитет был еще слишком высок, а привычка подчиняться распоряжениям начальства, пусть и самым нелепым, слишком сильна, чтобы Павлов мог возражать. Павлов вспоминал: «Мне кажется, уже в то время у Горбачева под напором первых серьезных неудач перестройки вызрела главная “идея” дальнейших действий — взять курс на погром, на разрушение экономики, списав разруху на последствия брежневского правления».

Как и все будущие гэкачеписты, Павлов, увлеченный открывавшимися перед ним перспективами, не то чтобы верил Горбачеву, но старался гнать прочь от себя любые сомнения. Карьера шла удачно и по восходящей, впереди можно было проявить себя на поприще реформ, войти в историю. Все его коллеги по ГКЧП в первые годы перестройки старались не заглядывать далеко вперед, довольствуясь сиюминутными достижениями.

Валентин Павлов в 50 лет возглавлял госкомитет, активно привлекался для участия в разработке важнейших правительственных программ — чем не мечта для любого честолюбивого бюрократа? На этой возможности пребывать в верхах и «участвовать в перестройке» Горбачев подловил и удерживал в подчинении себе многих. Это потом уже и Рыжков, и Лигачев клеймили его. А тогда они генсека активно поддерживали, несмотря на возникающие споры.

Возглавляя Госкомцен, Павлов оказался на острие многих идеологических битв. Экономическая реформа была не мыслима без реформы ценообразования, но решиться на свободное определение цен советским правителям было непросто. Стремление удержать цены на хлеб и основные продукты питания для них было приоритетным.

Роль финансов и цен показывает обсуждение на заседании политбюро 11 июня 1987 года, накануне июньского пленума. Горбачев говорил: «Вступаем в пору тяжелого финансового положения отраслей и предприятий… Народ начал считать деньги… Дело сложнейшее. Народ привык к иждивенчеству, не умеет и не хочет считать деньги» (двойное противоречие характерно для Горбачева). Егор Лигачев добавлял: «Нужен закон о ценообразовании. И определить сроки его введения… Цены ввести не только на трудовые ресурсы, но и на землю и воду». При этом пятилетка была уже принята, а то, что предлагалось теперь, коренным образом противоречило заложенным в пятилетнем плане показателям. Вокруг этого развернулись острые споры с Рыжковым, который понимал, что с него никто ответственности за выполнение конечных цифр не снимал.

В такой вот атмосфере все нарастающего управленческого хаоса и предстояло работать Павлову на посту главы Госкомитета по ценам. Горбачев тянул в одну сторону, понукаемый исподтишка Яковлевым, Рыжков в другую, Лигачев предлагал третье. А ведь были еще и Николай Слюньков — секретарь ЦК КПСС по промышленности, и другие

руководители, в том числе набиравший известность глава Московского горкома Ельцин. Ясных и четких планов не имелось ни у кого, а главное, не было политической воли реализовывать даже то, что принималось. С самого начала перестроечную машину понесло вразнос.

Тем не менее, наладив рабочие отношения с курировавшим его Николаем Никитовичем Слюньковым, с которым они четыре года вместе работали в Госплане, пока Слюнькова не перевели в Белоруссию первым секретарем (он вернулся в 1987-м уже секретарем ЦК и одновременно заведующим экономическим отделом), Павлов «обратил» его в свою веру — что необходима комплексная реформа цен. Она должна была состоять из трех этапов — сперва реформа оптовых цен, затем — закупочных и в конце уже розничных.

Удалось дойти до подготовки документов по первому этапу. Они все были готовы и с 1 января 1988 года реформа должна была вступить в силу. Но не вступила, опять в дело вмешалась политика, и в последний момент инструкции на места разосланы не были. Горбачев и Рыжков испугались брать на себя хоть какую-то ответственность даже за такое куцее изменение. Несколько позже, поддавшись напору директоров заводов, они сорвали попытки Павлова снизить сверхприбыли заводов, выпускавших конечную продукцию, которые, являясь монополистами, устанавливали любые цены и при этом не модернизировали производство, не работали над снижением себестоимости.

Три года во главе Госкомитета по ценам морального удовлетворения Валентину Павлову не принесли, и потому он с удовольствием принял предложение возглавить родной ему союзный Минфин в июле 1989 года. Впрочем, он понимал, что легкой жизни не будет. До него доходили разговоры, что и с поста первого зама тремя годами ранее его убрали потому, что «слишком независимо стал вести себя в Минфине». Павлову вообще был свойствен такой самоуверенный стиль работы, основывавшийся на представлении о себе как о крепком профессионале. Теперь же ситуация в экономике и финансах была уже близка к неуправляемой. Еще в 1984 году Павлов направил Николаю Рыжкову докладную записку с расчетами, «из которых вытекало следующее: если своевременно не принять соответствующие профилактические меры, то уже в 1989 году в СССР неизбежен крах финансовой системы и денежного обращения». Уместно напомнить, этот вывод был сделан еще до начала перестройки. Но Павлов надеялся, что ему, с его опытом работы в разных ведомствах, удастся приостановить и взять под контроль катастрофические процессы. Только бы иметь поддержку от Горбачева и Рыжкова.

Павлов вспоминал: «Минфин — это Минфин! И в прошлые-то времена он был, хотя и не на слуху, вроде бы на периферии общественного внимания, но в действительности одним из главных, ключевых министерств. А уж с началом перестройки, когда стало ясно, что экономические реформы пойдут в сторону товарно-денежных

отношений, значение Минфина возросло еще больше. Жизнь выдвинула его на острие общественного внимания».

Но реальность была сложнее, государственный долг на конец 1989 года достиг 400 миллиардов рублей, что составляло 44 процента валового национального продукта. В докладе Правительства СССР II съезду народных депутатов СССР в ноябре 1989 года говорилось: «Все это обернулось глубоким расстройством государственных финансов, денежного обращения и потребительского рынка. Прирост ресурсов бюджета за три года текущей пятилетки в основном обеспечивался за счет кредитных средств. При общем увеличении расходов бюджета в 1988 году по сравнению с 1985 годом на 73 млрд рублей его доходы практически стабилизировались. Дефицит государственного бюджета в 1989 году составит 92 млрд рублей и достигнет 10 процентов валового национального продукта. Резко возросла эмиссия денег. В текущем году она составит 18 млрд рублей по сравнению с 2 млрд рублей в 1985 году. Все больший круг товаров становится дефицитным. Рубль обесценивается и перестает выполнять роль средства обращения, не может нормально обслуживать процесс развития социалистического рынка. Усиливаются инфляционные процессы. Нарастает внешняя задолженность, и особенно в свободно конвертируемой валюте. В текущей пятилетке она увеличится почти на 18 млрд рублей».

Летом 1989-го в правительстве происходили большие перемены. Теперь министров утверждал Верховный Совет, избираемый из делегатов съезда народных депутатов СССР. Происходили жаркие дебаты по кандидатурам. Было ясно заранее, что Борис Гостев не будет предлагаться в министры — и возраст не тот, и итоги его почти четырехлетней работы были неутешительны. Кроме того, накапливалось недовольство им со стороны генсека и председателя Совмина. Как утверждают, кандидатура Павлова изначально не фигурировала в числе первых, но его пролоббировал Юрий Маслюков, первый зампред Совмина, хорошо знавший его по Госплану, который он на тот момент возглавлял. Несколькими днями позже Государственный банк СССР возглавил Виктор Геращенко, с подачи уже Павлова, его одногодок. Маслюков, кстати, также был 1937 года рождения, так что власть в правительстве переходила в руки поколения людей, которым было немного за пятьдесят, но за спиной у каждого имелись несомненные достижения. Если речь зашла о Геращенко, то стоит отметить, что до 1989 года его продвижение по службе не было таким впечатляющим, как у Павлова, и его назначение главой Госбанка было прыжком через пару ступенек. Однако в отличие от Павлова он держался осмотрительнее, хотя и позволял себе резкие и язвительные высказывания, и потому завоевал себе имидж этакого гуру финансов, а политически эволюционировал до поддержки Ходорковского. А может, ему просто повезло. Окажись он на посту премьера — итог мог бы стать таким же.

О ситуации, творившейся в советских финансах к середине 1989 года, ярко свидетельствует следующая история. В 1986 году Михаил Семенович Зотов, 71-летний глава Стройбанка СССР — организации, занимавшейся финансированием строительства, единственного «альтернативного» банка внутри страны (он был создан, чтобы снять нагрузку с Госбанка по денежным переводам на стройки и отслеживание правильности их использования, другим банком являлся еще Внешторгбанк, но он действовал за границей, сберкассы же собственно «банка» собой не представляли), направил письмо на имя Николая Рыжкова с предложениями по реформе банковской системы страны. Зотов был известной фигурой, претендовавшей и на руководство Госбанком. Он имел достаточно энергии и необходимый авторитет в правительстве, и ему удалось убедить главу правительства в разумности своих идей. А они сводились к необходимости учреждения нескольких отраслевых банков и сведения роли Госбанка к роли регулятора.

Постановлением Совмина «О перестройке деятельности и организационной структуре банков СССР» от 6 октября 1987 года были определены как коммерческие Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Внешторгбанк и Сбербанк. Постановление оказалось непродуманным и вызвало сбои в финансах по всей стране, с мест шли негодующие письма. Глава Госбанка Виктор Владимирович Деменцев, противившийся реформе, был отправлен в отставку. Вскоре после начала своей работы главой Минфина Валентину Павлову пришлось столкнуться с плачевным результатом «реформы» банков. В его отсутствие Виктор Геращенко выдал под напором отраслевых лоббистов 13 миллиардов рублей Агропромбанку, чем поставил под удар попытки стабилизировать финансы и создал угрозу раскрутки инфляции.

Став министром финансов, Валентин Павлов сразу же вернулся к своей идее о денежной реформе, введении новых купюр. Пока он работал в Госкомитете по ценам, этот вопрос был заброшен. Но, получив от Гознака образцы новых денежных знаков и показав их Горбачеву (работа велась в строжайшем секрете, и даже заместители Павлова ничего о ней не знали), объяснив, что при переходе к рынку придется в любом случае проводить денежную реформу и что необходимо сбить инфляционный навес, он обнаружил привычное для Горбачева нежелание принимать решение. Тогда Павлов решил, не говоря ничего даже своему непосредственному начальнику — Рыжкову, продолжать работу, дав команду Гознаку печатать новые деньги. С главой правительства у Павлова близких отношений не сложилось, и он отмечал, что ему попасть на прием к Рыжкову было труднее, чем к Горбачеву. К тому же Рыжков старался принимать его не в одиночку, а приглашая к себе одновременно Степана Ситаряна, своего зама, бывшего заместителя министра финансов. Павлов связывал это с тем, что сам председатель Совмина был не силен в финансовых вопросах.

В 1990 году ситуация осложнилась. К общему упадку в экономике присоединилась борьба республик с союзным центром. Если на усилия прибалтийских республик ввиду малого размера можно было не обращать внимания, то с РСФСР было куда сложнее. Летом 1990-го в России было сформировано новое правительство под руководством Ивана Силаева. Республиканский Минфин в нем возглавил 32-летний напористый Борис Федоров — до этого консультант ЦК КПСС, а еще ранее сотрудник Госбанка, в котором одно время был секретарем комитета комсомола. Вице-премьером, курирующим экономический блок, стал Григорий Явлинский, перешедший на эту должность из аппарата союзного Совмина, где служил начальником сводного экономического отдела.

Силаевцы взяли курс на торпедирование устоявшихся отношений между властями РСФСР и СССР и на каждом шагу стремились показывать свою независимость и самостоятельность. Впрочем, сам Силаев играл во всем этом незначительную роль, будучи скорее зицпредседателем. Тон задавали его молодые заместители и министры. Валентин Павлов со смесью ужаса и искреннего непонимания подобной упертости и легкомыслия одновременно вспоминал о беседе с Борисом Федоровым, когда Николай Рыжков послал его встретиться с разработчиками российской программы преобразований. «Реформаторы» прокурорским тоном требовали ответов на их демагогические вопросы и в то же время сами не могли ответить на элементарные встречные вопросы. При этом они с необыкновенной легкостью предлагали решать застарелые проблемы советской экономики, не думая о социальных последствиях. Публика всего этого не понимала. В моде были простые ответы на сложные вопросы — «чем быстрее построим рынок — тем лучше, как — не важно». Оппоненты Центра сами являлись частью правящего слоя, только его низших ступеней, и их отличие от того же Павлова заключалось именно в принципиальной бездумности.

Финансы СССР подвергались атаке и после того, как российский Верховный Совет назначил нового директора республиканской конторы Госбанка, названного теперь Центральным банком РСФСР, — Георгия Матюхина, который сразу вступил в острую пикировку с Виктором Геращенко, не собираясь ему подчиняться и заявляя о своей независимости. Единая финансовая система трещала по швам. Еще одним ударом по финансовой системе страны стали такие «новации» россиян, как «афера Фильшина» (по фамилии вице-премьера Правительства РСФСР) и чеки «Урожай-90». Павлову пришлось приложить немало усилий, чтобы минимизировать ущерб от этих финансовых авантюр, которые как бы предвещали будущие «МММ» и прочие «пирамиды».

Валентин Павлов на посту министра финансов оставался во многом теневой фигурой, не стремясь к известности. Он не принадлежал к числу модных «гуру», изрыгавших тогда в печати и на телевидении на

сограждан откровения о том, как быстрее перейти к капитализму. В перестройку вообще экономисты, ранее находившиеся где-то на периферии общественного внимания, оказались в числе лидеров по востребованности в СМИ. Появившимся публичным политикам он казался слишком осторожным и консервативным. Вот мнение популярного тогда Михаила Бочарова, директора Бутовского комбината строительных материалов, народного депутата СССР, считавшегося одним из претендентов на пост главы Правительства РСФСР и носившегося с планом создания на базе своего предприятия концерна «БУТЭК»: «Особенно тяжело было с Валентином Павловым. Хотя я уверен, что это был самый крупный финансист за последние годы. Он совершенно справедливо полагал, что наши нововведения — угроза для централизованной системы народного хозяйства, убежденным сторонником которой он являлся. Поэтому он первым делом вычеркнул все упоминания о финансовой деятельности концерна и отказался визировать общий документ».

Яков Дубенецкий, глава Промстройбанка, вспоминал так: «Визировать постановление следовало у В. С. Павлова. Он был и остается человеком с большим чувством юмора. Увидев меня, он воскликнул: “Кто к нам пришел! Наверное, деньги принес отдать?” Дело в том, что Минфин СССР “прятал” у нас некоторую сумму денег — из статьи “превышение расходов над доходами”. Их использовали при острой необходимости. А у нас была замечательная возможность ими пользоваться. Пришлось ему дать слово, что я полностью верну эти деньги после того, как он поставит свою визу на документе. В результате я был вынужден срочно вывести из оборота 13 миллиардов рублей, по тем временам много».

Владимир Раевский, его тогдашний заместитель, так описывал то время: «У меня всегда было много документов для подписания именно министром, и я практически каждый день видел его очень поздно вечером абсолютно психологически вымотанным. Часто он приходил пешком из Кремля с В. В. Геращенко, явно продолжая вяло доругиваться с кем-то из оппонентов или критически высказываться даже не по самой теме встречи, а по манере ее обсуждения».

Валентин Павлов работал очень много — как и все советские министры, особенно в кризисную эпоху конца перестройки. Надо учитывать его личную особенность — стремление внимательно вчитываться в каждый предоставляемый ему на подпись документ. Сотрудник Минфина И. И. Пушкин в своих воспоминаниях приводит такую записку Павлова:

«Уважаемый А. В.!

Если Вы и Ваши сотрудники считаете, что у меня много лишнего времени, и не удосуживаетесь проверить достоверность и правильность изложенных в Вашей писульке фактов, расчетов и выводов, а также орфографию письма, то сообщаю Вам, что я все уже сделал и Ваше

послание отправлено адресату. Впредь прошу Вас более внимательно относиться к выполнению поручений. Передайте, пожалуйста, мою просьбу и Вашим сотрудникам».

Став министром финансов, Валентин Павлов стал часто выезжать за рубеж. В этом было отличие эпохи от предыдущей. СССР, с одной стороны, стремительно входил в мировую экономику, с другой — не менее стремительно входил в тяжелейший экономический кризис. По обеим этим причинам требовались личные встречи министра финансов с представителями ведущих деловых кругов Запада и в первую очередь Америки. Иные из визитов проходили в обстановке минимальной огласки, практически без участия МИДа. Так, Павлов встречался с госсекретарем Джеймсом Бейкером с целью снятия торговых барьеров и получения 25-миллиардного кредита, а встречу помогал устроить раввин Артур Шнейер, глава фонда «Призыв совести», который тогда занимался возрождением иудаизма в СССР. Правда, из затеи с кредитом ничего не вышло, в чем Павлов усмотрел своекорыстную позицию Вашингтона. Таким образом, министр финансов СССР проводил свою дипломатию и встречался с премьер-министром Израиля (с которым тогда еще не поддерживались дипломатические отношения) Ицхаком Шамиром и Жаком Делором, главой Европейской комиссии, предлагая каждому из собеседников продуманные планы сотрудничества.

В конце 1990 года в СССР в высших политических кругах складывалась кризисная обстановка. После того как две программы реформ — российскую («500 дней») и союзную объединить по предложению Горбачева (заранее нелепому) не удалось, а ситуация продолжала ухудшаться, в повестку дня встал вопрос о замене руководства правительства. Этому «помог» инфаркт Николая Рыжкова. Вокруг кандидатуры нового премьера, как обычно, началась возня.

Как говорит сам Рыжков, Горбачев в разговоре с ним называл кандидатуры Юрия Маслюкова и Олега Бакланова, но для проформы. Сам Рыжков советовал ему Нурсултана Назарбаева. Но Горбачев уже решение принял — Валентин Павлов. Принято считать, и так утверждает сам Горбачев, что тут сказалось давление республик. Думается, тут сработала сама логика жизни. На смену производственникам, возглавлявшим советское правительство, начиная с Косыгина, в последние годы перестройки должен был неизбежно прийти финансист, экономист, с учетом стоящих перед страной задач. Отсутствие у Павлова руководящего опыта в промышленности (воспринимаемое Рыжковым как минус) в глазах Горбачева должно было казаться плюсом. Владимир Раевский уточняет: «В. С. Павлов был весьма коммуникабелен, и при его профессиональном багаже, накопленном на уже пройденных участках государственной службы, высокой общеэкономической эрудиции доктора наук ему удавалось вести достойный, взаимоуважительный разговор при любом уровне встречи по самым острым вопросам. С кем-

то из руководителей республик он был даже дружен, с кем-то по-товарищески откровенен. Среди новых президентов по меньшей мере два или три были ранее министрами финансов. Возможно также, что в президентском окружении от него ожидали более соглашательских позиций, назначив через “ступеньку”, тем более что Совмин был преобразован в Кабинет министров президента, а руководитель назначен премьер-министром, т. е. первым министром его правительства. Советники, очевидно, ориентировали на то, что это укрепляет президентскую вертикаль. Оно бы так и было, если бы не уже давно проявившиеся черты неготовности президента нести эту тяжкую ношу в такое сложное для страны время».

Раевского нужно поправить — Кабинет министров (глупое иностранное заимствование, равно как и сам «премьер-министр») не был формально «президентским», но по факту Горбачев стремился принизить роль главы правительства, намучившись с Рыжковым. В Павлове он хотел видеть лояльного исполнителя своей воли. Программу реформ должны были составлять иные люди, а премьер — выполнять роль диспетчера народного хозяйства. Ярким свидетельством этого стало то, что Горбачев даже не захотел встретиться с Павловым перед его выдвижением на пост премьера, обговорить программу действий, какие-то принципиальные позиции.

14 января 1991 года Валентин Павлов был утвержден Верховным Советом СССР в качестве премьер-министра. А первой реакцией президента на этот политический успех своего выдвиженца стало… вытеснение правительства из Кремля, в котором оно пребывало с момента своего образования. Горбачева тяготила необходимость делить кремлевские помещения с правительством, и ему надо было размещать свой стремительно увеличивавшийся аппарат. А поскольку ЦК КПСС никуда не исчез, свободных площадей не было. Валентину Павлову пришлось переезжать на Пушкинскую, в здание Госстроя СССР (ныне там располагается Совет Федерации). Это выдворение как бы показывало подчиненную роль кабинета, его невысокое положение в новом раскладе власти.

Первым делом Валентину Павлову предстояло сформировать состав своего правительства, подобрать себе заместителей и министров. Однако не все министерства ему подчинялись — МИД, МВД и Минобороны входили в кабинет сугубо формально, их истинным начальником был генеральный секретарь, а ныне президент СССР. Павлов отвечал в первую очередь за экономический и социальный блок. Хотя состав министерств и комитетов сократился по сравнению с временами Косыгина почти в два раза, их все равно оставалось около полусотни, и управлять такой махиной без заместителей было бы трудно.

На пост первого заместителя он взял Виталия Хуссейновича Догужиева, который у Рыжкова полтора года работал простым замом. Догужиев родился в 1935 году, в молодом возрасте стал директором

уральского завода в сфере Минобщемаша. Затем он руководил более крупным заводом там же, на Урале, а в 1983-м при новом министре Олеге Бакланове был переведен в Москву его заместителем. В 1988—1989 годах — после избрания Бакланова секретарем ЦК — Догужиев работал министром общего машиностроения, а с лета 1989-го стал заместителем председателя Совмина. К августу 1991-го у Павлова было уже три первых заместителя, но именно Догужиев стал исполняющим обязанности, когда премьер попал в больницу. Он отвечал за чрезвычайные ситуации, вообще оперативное управление. Догужиев считался сильным руководителем, имел опыт не только министерской работы в Москве, но и управления большими и сложными предприятиями.

Вторым первым замом был приглашен Владимир Макарович Величко, до того министр тяжелого машиностроения. Он родился в 1937 году и в возрасте тридцати четырех лет стал директором завода «Большевик» (прежде Обуховский завод). Предприятие подчинялось Министерству оборонной промышленности и производило среди прочего командные пункты для РВСН. Ему еще не было сорока, когда его перевели в Москву и назначили первым заместителем новообразованного Министерства энергетического машиностроения, которое занималось производством турбин и котлов. Министром он стал в 1983-м, а при Рыжкове его министерство вновь объединили с Минтяжпромом (из которого его выделили в 1975-м).

Наиболее интересным было назначение уже в мае 1991 года третьего первого заместителя (и одновременно министром экономики и прогнозирования) — Владимира Ивановича Щербакова, которому исполнился только 41 год. Он был наиболее перспективным и необычным представителем нового поколения. За его плечами была комсомольская работа в Тольятти в то время, когда там строился ВАЗ, на котором он вскоре возглавил Планово-экономическое управление, а затем, в 33 года, перешел заместителем директора по экономике на КамАЗ — по советским меркам в неприлично молодом возрасте для такого огромного предприятия. С 1985 года Щербаков работал в Москве начальником отдела в Госкомитете по труду и социальным вопросам, который возглавил в 1989-м. Он был восходящей звездой и дышал Павлову в затылок. Горбачев рассматривал его как следующего премьера. Но пребывание Щербакова в правительстве оказалось краткосрочным. После 1991 года он ушел в бизнес и стал удачливым предпринимателем, открыв дело по сборке автомобилей. Павлов знал о планах Горбачева заменить его на Щербакова, но «держал удар», не подавая виду, и не позволял возможным опасениям отравлять работу кабинета.

«Простыми замами» у Павлова стали Юрий Маслюков, отвечавший за оборонку, академик Николай Лаверов по науке, «атомщик» Лев Рябев, ведший Топливно-энергетический комплекс (ТЭК), Герой Соцтруда

Федор Сенько по АПК, Биходжал Рахимова из Таджикистана, курировавшая социалку. Бывший помощник Косыгина — Игорь Простяков стал управляющим делами кабинета. Немало министров Павлов менял по ходу работы. Были у него и неожиданные назначения — Леонид Матюхин возглавил Министерство путей сообщения с поста начальника Горьковской железной дороги, Саламбек Хаджиев, чеченец, бывший директор НИИ в Грозном, стал министром химической и нефтеперерабатывающей промышленности, эстонец Валерий Паульман стал министром по труду и социальным вопросам.

Структура Кабинета министров была еще во многом советской — оставалось много отраслевых министерств, однако одномоментно отказаться от «ручного» управления отраслями и пустить все на самотек было невозможно ввиду очевидных социальных и экономических последствий. Тем не менее при Валентине Павлове продолжались преобразования — так, например, Министерство лесной промышленности перестало существовать с 1 апреля, преобразовавшись в государственную корпорацию по производству лесобумажной продукции «Российские лесопромышленники», Министерство тяжелого машиностроения в концерн «Тяжэнергомаш».

1991 год был трудным годом для страны. Валентин Павлов вспоминал: «…дело усугублялось тем, что радикальная оппозиция, рвавшаяся к власти, однозначно проповедовала принцип “чем хуже, тем лучше”. Двойственная же политика Горбачева окончательно добивала экономику. Вдобавок с января 1991 года должно было вступить в законную силу постановление Верховного Совета РСФСР о создании обособленной кредитно-финансовой системы. Российские расчетно-кассовые центры стали вторгаться в сферу сбора налогов, перекрывая каналы поступления средств в Центр. Единый бюджет страны оказался нарушенным. Расходы государства в итоге необоснованно возрастали, причем вне всякой связи с доходами. На общие потребности населения, на содержание армии, на финансирование телевидения “Останкино” денег почти не оставалось. Все слилось в очень сложный политический узел: бюджетный кризис, шахтерские забастовки, бесконечные лозунги “Долой президента!”, “Долой правительство!”. Все шаталось и трещало по швам. Обострились буквально все социально-экономические и национальные проблемы. Это был закономерный итог».

Едва Валентин Павлов вступил в должность, начались шахтерские забастовки. Причем в этот раз шахтеры выдвигали не социально-экономические, а политические требования. Почти 40 процентов шахт перестали добывать уголь. Премьер-министр, памятуя о негативном опыте предшественника, отказался выезжать в бастующие регионы, не желая быть «главноуговаривающим», несмотря на уговоры Горбачева. В какой-то момент казалось, что близок экономический коллапс, металлургические заводы работали с колес, а некоторые останавливались. Но правительство выстояло и не пошло на

демагогические требования, в том числе двукратное повышение зарплаты, чреватое раскруткой инфляции.

Но не идя принципиально на уступки там, где, как он считал, его будут пытаться шантажировать, Павлов охотно выезжал для неформального и откровенного общения с рабочими. Так, буквально накануне ГКЧП он совершил поездку, в ходе которой посетил Камчатку, Сахалин, Якутию, Карелию.

Владимир Раевский писал: «В. С. Павлов, напротив того, был готов всегда оторваться от своего рабочего стола и довести ясную концепцию до всех желающих слушать и слышать. По меньшей мере, раз в неделю раздавался звонок: “Приезжай на ЗИЛ… ‘Шарик’… конференц-зал ‘Измайлово’ ”… Как правило, там был также кто-то из руководителей Госкомцен, Минэкономики, Госкомтруда… В открытом разговоре с рабочими коллективами не на птичьем языке партийных идеологов, а в терминах простой экономики, семейного бюджета, ясных ориентиров на государственные приоритеты утихомиривались любые эмоции. На все многочисленные вопросы давались открытые ответы, без вуалирования реальных проблем и их причин. Много солировал сам премьер.
Он нравился присутствовавшим горячей тональностью, подчеркивавшей личную убежденность, а также свободным владением фактами и цифрами в самых необычных ракурсах. И без всякого “к октябрю все уладится…” Информация о подобных встречах шла и из других регионов, где бывал премьер, включая и бурлящий Кузбасс. Премьер охотно шел и на открытые встречи и дискуссии с наиболее авторитетным тогда бизнес-объединением — Союзом предпринимателей и арендаторов. Весьма деятельное руководство союза, которое возглавил тогда Павел Григорьевич Бунич, собирало многочисленные съезды, конференции, сборы, семинары (жанр был, как правило, смещенным). Довольно часто Валентин Павлов привлекал к участию в них и своих замов и министров. Два раза довелось участвовать и мне. Все мы начинали с обзора текущих нормотворческих дел своего ведомства, но вопросы могли быть самыми неожиданными».

Однако в памяти людей Павлов все-таки остался связанным с денежной реформой и повышением цен. Он так объяснял свою мотивацию: «В 1984 году я, еще будучи начальником отдела в Госплане СССР, направил секретарю ЦК КПСС Рыжкову докладную записку с расчетами, из которых вытекало следующее: если своевременно не принять соответствующие профилактические меры, то уже в 1989 году в СССР неизбежен крах финансовой системы и денежного обращения. В записке я подчеркивал, что при действовавшей в то время искаженной стоимостной структуре производства, при устаревших системах цен и финансов дефицит продовольствия будет постоянно нарастать. Причем ни увеличение сельскохозяйственного производства, ни рост импортных закупок не смогут снять проблему дефицита продовольствия. Такой ход событий, говорилось в записке, с одной

стороны, углубит общественные противоречия, с другой — значительно расширит масштабы не контролируемого государством теневого перераспределения денег в пользу криминальных структур. Разумеется, предлагались и экономически обоснованные конкретные меры для предотвращения надвигающейся угрозы, а именно: комплексное реформирование цен, оплаты труда, пособий, пенсий, а также денег. Был даже обозначен и срок такой экономической реформы — 1988 год. Увы, как и в других аналогичных случаях, та записка в ЦК КПСС легла под сукно».

В 1989—1990 годах продвинуть идею денежной реформы Павлову, как министру финансов, не удавалось, несмотря на «подпольную» подготовку новых денежных знаков. Но когда он стал премьер-министром, незамедлительно вернулся к этой идее. 22 января, в 21 час, по телевизору был оглашен указ президента СССР об изъятии из обращения и обмене 50- и 100-рублевых банкнот образца 1961 года на купюры нового образца. С 23 по 25 января (со среды по пятницу) можно было поменять не более 1000 рублей на человека, со вкладов в сберкассах разрешено было снимать не более 500 рублей в месяц. Возможность дополнительного обмена рассматривалась в специальных комиссиях до конца марта 1991 года.

Главной целью Валентина Павлова была конфискация денежных средств у теневиков, для того чтобы сбить инфляционный навес. Но эту задачу удалось решить лишь отчасти, было изъято около 14 миллиардов рублей, по одним данным, по мнению самого Павлова — 34 миллиарда из запланированных восьмидесяти одного. Впрочем, точных данных нет до сих пор, после развала СССР было уже не до анализа. Главное, в чем проиграл Павлов, так это в установлении связей с общественностью. В первые дни своего руководства правительством он отрицал наличие планов обмена. Естественно, когда указ был объявлен, это сыграло и против власти, и против Павлова персонально, равно как та атмосфера паники, которая раздувалась дельцами теневого рынка и которой поддавались и рядовые граждане, недовольные необходимостью тащиться в сберкассы. Новые независимые СМИ также беспощадно критиковали премьера, особенно упиравшие на то, что имеется заговор иностранных финансистов против советской валюты. В то время раздувать страхи против заграницы было контрпродуктивно, люди смотрели на Америку и Европу как на землю обетованную. А повышение цен на ряд товаров и продуктов питания, объявленное 2 апреля, лишь усугубило положение по части пиара, как бы сказали сегодня. Можно сказать, что отношения Валентина Павлова с прессой не сложились с самого начала. Он не придавал им значения, не понимая, что страна уже стала другой, и та форма решений, которая была вполне пригодна в брежневском СССР, более не годилась.

Его вводила в заблуждение легкость общения с «простым народом»: «Помню, несколько позднее, приехав на ленинградский Кировский

завод, я пошел по цехам. Там неожиданно меня обступили представители ДемРоссии, исступленно — не преувеличиваю — кричавшие, будто обмен денег обобрал бедные слои населения. Пришлось вступить в полемику. Обратился прямо ко всем присутствовавшим, — а вокруг собралось свыше сотни человек:

— Мужики, поднимите руку, кто из вас пострадал от обмена? Кто не обменял деньги? Если такие найдутся, расплачусь с ними немедленно! Здесь же, из своего кармана.

Ни одна рука, естественно, не поднялась. Ибо никто из честных людей от обмена крупных купюр не пострадал. Да и не мог пострадать!»

Егор Гайдар писал так: «В конце зимы 1990/91 г. последнее советское Правительство решается на то, о чем несколько лет назад было невозможно и говорить — масштабное повышение цен на важнейшие виды потребительских товаров. Оно было оформлено в виде указа Президента СССР от 19 марта 1991 г. Новые цены и тарифы предполагалось ввести в действие со 2 апреля 1991 г. Правительственный вариант реформы розничных цен предусматривал их повышение на 60 процентов. На деле цены выросли на 90 процентов, на мясо и птицу — в 2,6 раза, колбасные изделия — в 3,1 раза, хлебобулочные изделия — в 3 раза.

После апреля как правительством СССР, так и союзных республик принято ряд дополнительных решений по увеличению компенсационных выплат населению, в результате которых компенсационные выплаты достигли практически общего размера повышения цен. Кроме того, населению были компенсированы потери во вкладах и ценных бумагах на сумму более 160 миллиардов рублей, из которых 40 миллиардов можно использовать уже в 1991 году.

Компенсационные выплаты населению после повышения цен свели на нет возможность даже в минимальной степени выправить финансовую ситуацию. Проблемы союзного бюджета лишь усугублялись. Общий размер средств, направленных на компенсационные выплаты, повышение заработной платы в непроизводственных отраслях, поддержку бюджетных учреждений и организаций, — 240 миллиардов рублей — практически соответствует масштабу изменения цен и тарифов. От повышения розничных цен союзный бюджет дополнительных ресурсов не получил».

Работа Валентина Павлова буквально с первого дня осложнялась отсутствием к нему полного доверия со стороны президента. Близких отношений между ними не было никогда, в придачу Горбачева раздражала его неуступчивость. У президента и премьера были совершенно различные жизненный опыт и направление предыдущей карьеры. Горбачев являлся классическим партийным деятелем, Павлов — бюрократом (в лучшем смысле этого слова). Он и не пытался претендовать на участие в политических делах, но ситуация в стране развивалась так, что глава правительства не мог быть вне политики.

Формальная связка Горбачев — Павлов была совсем не той, что связка Горбачев — Рыжков, особенно до 1989 года. Последние являлись соратниками и ровесниками. В личном же плане премьера Павлова «подавлял» авторитет Горбачева, который для него являлся человеком, не просто старше годами, но и ставшим членом политбюро тогда, когда он служил еще только начальником отдела в Госплане. К тому же Павлов сознавал, что выдвижением на данный пост он целиком обязан Горбачеву, а собственной политической опоры премьер не имел никакой.

Уже с лета 1991 года Горбачев начал раздумывать об альтернативе Валентину Павлову. Он приглядывался и к его молодому заместителю Владимиру Щербакову, а в ходе Ново-Огаревского процесса и консультаций вокруг него возникла кандидатура главы Казахстана Нурсултана Назарбаева. Думается, Назарбаев не стал бы менять свое надежное кресло президента республики, где он обладал всей полнотой власти, на абсолютно неустойчивое кресло союзного премьера, но сам факт таких поисков, о которых знал сам Павлов, был весьма показательным. Он видел, как президент к нему относится, что Горбачев готов сдать его в любой момент.

Тут стоит затронуть вопрос о пьянстве Павлова, который неизбежно всплывает у разных мемуаристов. Николай Рыжков рассказывал: «Слабину Валентина мы знали еще по Госплану. Ребята мне рассказывали, что он мог находиться до четырех дней в ауте. Мы закрывали на это глаза, потому что ценили его как финансиста, но пост премьера слишком ответственная должность». И он добавлял пикантных деталей: «Кстати, он, как только занял мой кабинет, первым делом поставил себе в комнату отдыха холодильник, где держал запас виски. У меня холодильника никогда не было. За пять с лишним лет премьерства в моем кабинете никто рюмку спиртного не выпил!»

Работа в советском аппарате являлась серией бесконечных стрессов. Подчиненный не был защищен от начальственного хамства, правовая защита была условной, организация труда — из рук вон плохой — авралы, неожиданные поручения, распоряжения, противоречащие друг другу. В этих условиях стресс снимали привычным советским способом. Вот Раевский вспоминает сцену еще из 1960-х годов, когда его несправедливо обидело начальство: «В. С. Павлов уже все знал. Он молча достал из сейфа бутылку коньяка, поставил две фарфоровые чашки с блюдцами, налил мне полную, плеснул себе за компанию. “У нас много наперекосяк, Володя…”».

Работать в аппарате, особенно на высоких должностях, и не выпивать по разным поводам было невозможно. Непьющих людей не двигали, считалось, что если человек не пьет, то, значит, он больной либо боится о чем-то проговориться. Другой вопрос, что кто-то знал меру и из рамок не выходил, а кто-то мог увлечься. Павлов тоже меру знал, будь он пьяницей, то вверх бы не поднялся. Но понятно, что его представление о допустимом в плане алкоголя было шире, чем у других.

И стресс он снимал часто, благо поводов было предостаточно. Однако состояние здоровья у него было таково, что, несмотря на свой не старый возраст — 54 года, ему пришлось лечь на больничную койку, уже работая премьер-министром, и в самый первый день ГКЧП он также попал в больницу. Поэтому злоупотреблять беспробудно он никак не мог хотя бы по медицинским соображениям.

За короткое время работы Валентина Павлова премьер-министром он успел немало сделать для перехода к рыночной экономике. Еще будучи министром финансов СССР, он продемонстрировал новый подход к формированию и принятию бюджета страны без направления его проекта (на 1990 год) на утверждение в ЦК КПСС. Даже сам Горбачев не видел текста бюджета и услышал основные его параметры на заседании Верховного Совета. При нем продолжилась пенсионная реформа, начатая в 1990 году, и в дискуссиях о которой он принимал участие, оппонируя Николаю Рыжкову. Создание в 1990 году Налоговой службы также происходило при его непосредственном участии, поскольку именно Минфин передавал для нее свои кадры. В марте 1991-го Верховный Совет ратифицировал соглашение о вхождении страны в учредители Европейского банка реконструкции и развития. СССР, таким образом, впервые стал членом крупной международной кредитной организации. Продолжалась работа по акционированию и развитию рынка ценных бумаг. Для подготовки приватизации в мае 1991-го был создан фонд государственного имущества во главе со Станиславом Васильевичем Ассекритовым, а 1 июля 1991 года принят закон СССР «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий». С 1 января 1991 года был введен пятипроцентный налог с продаж.

Выступая на Пятой сессии Верховного Совета СССР 22 апреля 1991 года, председатель Кабинета министров СССР Валентин Павлов говорит: «Сохраняется импортная зависимость страны, особенно по продовольствию, легкой промышленности, материалам для автомобильного транспорта и тракторостроения. Страна по существу оказалась в зависимости от иностранных кредиторов. По результатам торговли прошлого года мы стали должниками почти всех стран даже Восточной Европы — Чехословакии, Венгрии, Югославии. Сегодня им тоже надо платить свободно конвертируемой валютой. Жизнь взаймы, естественно, не бесконечна. Наступило время расплачиваться. Если в 1981 году на погашение внешнего долга и процентов по нему мы направляли 3800 миллионов в свободно конвертируемой валюте, то в текущем году необходимо погасить уже 12 миллиардов. С учетом нашего уровня внутренних цен это равносильно потере почти 60 миллиардов рублей».

Из выступления председателя Кабинета министров Павлова на заседании Президиума Верховного Совета СССР 19 февраля 1991 года: «Что же касается импортных закупок, то в связи с тем, что валюты

не было, вопрос очень долго не решался. Решение о закупке сырья по импорту Кабинет министров принял 10 января 1991 года. Поэтому авансовых закупок и поставок сырья не было. В связи с этим в январе — начале февраля стали уже четко просматриваться признаки остановки легкой промышленности. Вот какое решение мы приняли 30 января: закупить сырья на сумму ни много ни мало 2,2 миллиарда рублей, из них нужно 1,7 миллиарда рублей в свободно конвертируемой валюте. Судите сами, какова зависимость нашей легкой промышленности от иностранных поставщиков. Сама она, как вы понимаете, эти деньги не зарабатывает и не в состоянии этого сделать. Но, кроме того, в настоящее время мы погашаем задолженность за 1990 год (поскольку пока она остается, никто, несмотря на наши решения, никаких контрактов, конечно, не подписывал и грузить товар не собирался). По состоянию на 15 февраля этого года наш долг составлял 326 миллионов рублей в валюте. Сейчас поставки пошли, прежде всего, шерсть и компоненты химической промышленности. И в основном заканчивается заключение контрактов на поставку сырья в счет лимитов текущего года.
Мы приняли решение оплатить импортное сырье и материалы в счет текущих поступлений на сумму более 100 миллионов рублей. И в счет предоставляемых кредитов принято решение закупить еще на 250 миллионов рублей. Но учитывая, что тут произошел сбой, естественно, этот провал остался. Видимо, надо реально оценивать, что сырье начнет поступать на предприятия где-то в середине марта. И до этого отдельные партии будут приходить, но я говорю о том, когда нормализуется положение».

За семь месяцев сделать многого не удалось бы и в самой спокойной ситуации. Но на долю Валентина Павлова не выпало ни единого спокойного дня. Те семь месяцев — с января по август 1991-го, которые ему выпало руководить правительством, были временем постоянного ухудшения внутри- и внешнеполитического положения СССР. Запущенный Горбачевым процесс распада единой страны быстро развивался. И даже аполитичный Павлов оказался перед необходимостью вмешательства в политику.

17 июня 1991 года он выступил на заседании Верховного Совета СССР, говоря о необходимости расширения полномочий правительства в области экономики, в частности, иметь право законодательной инициативы, право принимать решения нормативного характера в экономике, для организации централизованной налоговой службы по всей стране, восстановления единства банковской системы, создания общесоюзной службы по борьбе с организованной преступностью. Пресса подняла гвалт, мол, Павлов требует чрезвычайщины. Принято ничего в итоге не было.

Напротив, на политическом уровне все шло к развалу единой системы управления. Ново-Огаревский процесс означал именно это. Но Валентин Павлов, формально второй-третий человек в стране, был отсечен от

информации о том, что происходило за закрытыми дверями в Ново-Огареве. Он не мог планировать деятельности правительства, не представляя его ближайшего будущего.

3 августа прошло расширенное заседание Кабинета министров СССР с участием глав правительств союзных республик под председательством президента СССР — еще одна попытка Валентина Павлова привлечь внимание высшего руководства страны к надвигающейся катастрофе. Но никаких важных решений на нем принято не было, российский премьер Иван Силаев торпедировал все предложения союзного правительства, а Горбачев занимал отстраненную позицию.

4 августа Валентин Павлов участвовал в проводах Горбачева, отъезжавшего в Крым, затем сам отправился в поездку по «северам», вернувшись в Москву 10 августа. Через два дня он наконец-то получил пакет с проектом Ново-Огаревского договора (за неделю до подписания!). Павлов вспоминал:

«Однако более всего поразило меня другое: документ я получил не как премьер-министр, а как член Совета безопасности. Практически это означало, что Горбачев решил полностью отстранить правительство от подготовки Ново-Огаревского договора, тем самым избегая анализа его экономических аспектов. Вдобавок, пакет пришел под грифом “совершенно секретно”, по действовавшему положению о такого рода документах нельзя было снимать с них копии и делать из них выписки. Следовательно, я, премьер-министр, не имел законного права вынести проект договора на президиум Кабинета министров для объективного экономического рассмотрения. Но, ознакомившись с проектом, я остро осознал, что наступил тот момент, когда колоссальная государственная ответственность, лежащая на премьер-министре, обязывает меня действовать по собственному усмотрению. Поэтому я немедленно распорядился снять с документа несколько копий и разослать их членам президиума правительства для подготовки к обсуждению. А затем продиктовал письмо со своими замечаниями, которое в тот же день направил по двум адресам — президенту Горбачеву и председателю Верховного Совета СССР Лукьянову. В письме особо подчеркивал, что замечания носят личный и предварительный характер, отмечал, что окончательная оценка проекта договора будет высказана после его обсуждения на президиуме Кабинета министров. Наконец, в твердых выражениях… настаивал на том, что в таком виде договор ни в коем случае подписывать нельзя…

Однако на мое послание откликнулся только Лукьянов. Он позвонил 13 августа, во вторник, и сказал, что полностью разделяет мою точку зрения и готов в любой момент встретиться для обсуждения проекта нового союзного договора. А Горбачев молчал. Никакой реакции на мое письмо от него не последовало. Тогда я вынужден был сделать следующий шаг. Вызвал своего пресс-секретаря и, вручив ему копию проекта договора, сказал: — Вот тебе документ. Скажи, есть надежные

связи в газетах, чтобы срочно этот документ опубликовать? Увидев, о каком именно документе идет речь, пресс-секретарь в первый миг воскликнул “конечно!”, но тут же с тревогой дотронулся ребром ладони до своей шеи, давая понять: а не слетит ли голова с плеч за такие дела? Вопрос, действительно, был архисерьезным, и я четко разъяснил:

— Могу дать тебе письменное указание, но поверь мне на слово. Ты знаешь, я своих не сдаю и не предаю. Можешь во всех переговорах с прессой ссылаться на мое личное указание. Даю тебе такое право. Главное, чтобы опубликовать проект договора как можно быстрей.

— Ну, если вы даете право ссылаться на вас, думаю, вопросов не будет, — ответил пресс-секретарь. — Тогда вперед!»

Валентин Павлов назначил на 17 августа заседание президиума Кабинета министров с вопросом об отношении к проекту договора. Но утром того дня ему позвонил из Фороса подозрительный Горбачев. Разговор состоялся неприятный, который закончился так: «Михаил Сергеевич, под таким документом я, как премьер-министр, подписаться не могу. Кроме того, сейчас будет заседать президиум Кабинета министров. Мы собираемся именно для того, чтобы выработать общую точку зрения. Члены президиума документ уже изучили. У них, насколько мне известно, есть замечания. По телефону всего не скажешь, но суть в том, что не ясно, как после подписания договора будут складываться отношения между республиками в экономической сфере». Премьер и его заместители подготовили развернутый список замечаний к проекту договора.

В середине заседания вновь позвонил Горбачев, но потребовал к аппарату уже первого вице-премьера Щербакова. Валентин Павлов отмечает: «И когда первый вице-премьер взял трубку, то услышал такой разнос, какого ему в жизни слышать еще не приходилось. Президент, не стесняясь в выражениях, на чем свет стоит крыл его за позицию, высказанную на заседании президиума правительства, за поддержку тех замечаний, какие были сделаны к проекту Ново-Огаревского договора». Но больше всего Павлова поразило не то, что президент через его голову обращался к его заместителю или что он так орал на него, а то, что уже через 15 минут после выступления Щербакова Горбачев во всех подробностях знал, о чем он сказал.

Таким образом, приглашение Крючкова присоединиться к его действиям не стало для Валентина Павлова сюрпризом. Напротив, он горячо его поддержал, понимая как человек, ответственный за экономику, всю катастрофичность положения и его дальнейшее ухудшение в случае подписания договора.

Однако в событиях трех дней ГКЧП Валентину Павлову принять участия фактически не довелось. Уже утром 19 августа к нему на дачу был срочно вызван врач кремлевской поликлиники. Премьеру было плохо — гипертонический криз. Кое-как его поставили на ноги, и он еще

провел заседание правительства с утра, но уже ехать на пресс-конференцию Павлов не смог и отправился на лечение.

Жизнь Валентина Павлова после освобождения из тюрьмы сложилась печальнее, чем у других членов ГКЧП. Бывший премьер, всю жизнь проработавший чиновником, не мог найти работы себе по душе, чтобы она соответствовала его опыту и знаниям. Да и 1990-е были трудным временем, когда востребованными оказались иные качества, чем те, что имелись у Павлова. В обстановке хаоса, ежеминутно меняющихся правил опыт советского бюрократа вряд ли мог пригодиться. Его, конечно, приглашали, надеясь на использование его имени и связей, но он нигде долго не задерживался. Валентин Павлов поработал президентом Часпромбанка, советником главы Промстройбанка Якова Дубенецкого, вице-президентом американской IT-компании «Business Management Systems». Пробовал он заниматься и своим консультационным бизнесом.

Лучше ему удавались общественные функции, он избирался вице-президентом Вольного экономического общества России, был вице-президентом и председателем ученого совета Международной академии менеджмента, возглавлял Институт исследований и содействия развитию регионов и отраслей при Международном союзе экономистов.

Катастрофа ГКЧП сломала его карьеру на самом пике. Думается, не случись «заговора», Валентина Павлова вскоре сняли бы с должности премьера в любом случае, слишком уж нестабильная обстановка к тому времени сложилась в стране, и Горбачев уже подыскивал ему преемника. Но тогда Павлов мог бы уйти куда-то спокойно, занять некую почетную синекуру, связанную с финансами. А так после тюрьмы он оказался полностью сломанным человеком, не нашедшим себя, имевшим клеймо «заговорщика». По свежим следам, вскоре после выхода из тюрьмы, Павлов написал книгу воспоминаний о своей работе в 1985—1991 годах, которая дает довольно любопытный взгляд на происходившее в перестройку, но не касается собственно событий 19—21 августа 1991 года.

Валентин Павлов, хотя и играл в молодости в баскетбол, не отличался в зрелые годы крепким здоровьем, которое и подвело его в дни ГКЧП, дав повод для многочисленных издевательств и ерничества со стороны политических противников. Пребывание в тюрьме сил ему, разумеется, не прибавило. В августе 2002 года Павлов перенес первый инфаркт, а 12 марта 2003 года — обширный инсульт.

30 марта 2003 года Валентин Сергеевич Павлов скончался. На дворе стояла уже путинская эпоха, и его смерть была воспринята как событие, относящееся к давнему прошлому, а потому особенного внимания к себе не привлекла.

ПУГО

Борис Карлович Пуго стал единственным из членов ГКЧП, кто не оказался в тюрьме. Он покончил с собой на следующий день после самороспуска Чрезвычайного комитета, чем породил множество

домыслов о своей роли и значении в событиях. Пуго в ГКЧП был и единственным этническим не русским. Однако внимательное изучение его жизни показывает, что Пуго ничем принципиально не отличался от своих коллег, хотя он и держался особняком. Однако какие-то черты личности сделали его исключением в последний момент, и потому он унес с собой в могилу больше загадок, чем кто-либо из других участников событий августа 1991 года, хотя вполне мог жить и до сих пор.

Фамилия Пуго, звучащая для русского уха с непривычки грубовато-пугающе, — латышская. Латыши являются одним из двух сохранившихся до наших дней балтийских народов. Некогда протобалтийские племена были широко расселены по Восточно-Европейской равнине, в том числе на территории современной Беларуси и Центральной России — племя голядь, например, проживало в пределах нынешней Московской области во времена Киевской Руси. Но затем балтийцев вытеснили восточные славяне, и они сосредоточились у берегов Балтийского моря, откуда и пошло их название. Балтийские наречия родственны славянским, но разделились с ними еще до нашей эры и считаются одними из наиболее архаичных индоевропейских языков.

Однако бурные потоки истории не оставляли балтов в покое. В IX—X веках на них совершали набеги викинги, а в XI—XII веках уже сами курши (одно из балтийских племен) делали походы в Швецию. В конце XII века началась немецкая колонизация на их землях под флагом Крестовых походов — для христианизации язычников, каковыми балтийцы тогда являлись. Покорить удалось пруссов и предков латышей, каковые тогда представляли собой разрозненные племена — курши, земгалы, селы, латгалы. Пруссы постепенно ассимилировались немцами, и исчезли и их язык, и они сами как народ. Колонизация же земель современной Латвии, возможно ввиду некоторой отдаленности, была не столь массовой, как в Восточной Пруссии, и местные племена, слившись в единый латышский народ, сохранили свой язык и культуру.

Под властью Ливонского ордена, а затем и шведов, и поляков латыши представляли собой сугубо сельский этнос. В состав латышей постепенно вливались ливы — финское племя, жившее на берегах Рижского залива. От тесных контактов с ними и эстонцами в латышском языке осталось немало заимствованных финно-угорских слов. В те же времена началось и языковое расхождение между предками литовцев и латышей, обусловленное в том числе политикой. Литва осталась независимой и долго пребывала еще языческой — до конца XIV века. Латыши же жили под гнетом иностранных захватчиков и сравнительно рано были крещены, язык их сильно упростился по сравнению с литовским в плане грамматики.

На их территории прошло немало войн, в том числе с участием России — Ливонская при Иване Грозном и Северная при Петре I. В ходе

политических пертурбаций в составе латышей выделился субэтнос — латгалы, проживавшие на территории, попавшей под власть Польши (так называемые Польские инфлянты). В Латгалии, соответственно, сохранилось католичество (тогда как остальные латыши вслед за своими господами стали лютеранами) и утвердился свой диалект, считающийся многими отдельным языком. Так что история Латвии была довольно сложной, и латыши не представляют собой монолитного народа. В XVIII веке территория Латвии была разделена между Российской империей, Речью Посполитой и Курляндским герцогством.

Одним из следствий вовлечения Прибалтики в большие геополитические игры стало возведение на престол императрицы Екатерины I, вдовы Петра I, простой латышской крестьянки Марты Скавронской. Впрочем, ее судьба была скорее исключением. В жизни императорской России выходцы с территории Латвии играли порой важную роль, достаточно вспомнить временщика Бирона, фактически правившего государством во времена императрицы Анны, но это были остзейские немцы.

Национальное возрождение началось в XIX веке, после отмены крепостного права, которое состоялось на 40 лет раньше, чем в России. Сразу отметим, что крестьян освободили без земли — она осталась в собственности помещиков-немцев, что заложило основу для длительной ненависти латышей-крестьян к своим угнетателям, которая прорвалась в начале XX века. В середине XIX столетия стала создаваться светская литература на латышском языке, выходили сборники народных песен, которые назывались «дайнами». Появилась национальная интеллигенция, самым знаменитым ее представителем стал величайший латышский поэт Ян Райнис.

Однако о создании национального государства не могло идти и речи. Даже у самых радикальных националистов подобных мыслей не наблюдалось — настолько ясно все понимали, что это невозможно. Рига была одним из самых крупных и развитых городов Российской империи, ведущую роль в ее жизни играли немцы и евреи. Латыши проживали на территории трех губерний — Лифляндской, Курляндской и Витебской, сформированных не по национальном принципу. «Латвия» была плотно инкорпорирована в жизнь империи. Возникновение ее в качестве независимого государства стало возможным только благодаря совпадению ряда чрезвычайных обстоятельств, связанных с Первой мировой войной.

Этот вооруженный конфликт послужил поводом для создания подразделений латышских стрелков — национальных формирований, которые были не исключением для российской армии в 1914—1917 годах. Латыши ненавидели немцев как вековечных угнетателей, а с приближением кайзеровских войск к Риге в 1915 году возникла угроза полной оккупации территории Латвии немцами. Таким образом, десятки тысяч латышей получили военную подготовку и боевой опыт. После

Февральской революции они стремительно большевизировались, и значительная их часть перешла на сторону красных, став опорой советской власти. Это произошло по многим причинам. Во-первых, после Брестского мира вся Латвия оказалась под властью Германии и возвращаться антинемецки настроенным стрелкам было некуда. Во-вторых, теперь они могли сводить счеты и с царской империей, в один момент рухнувшей. Понятно, что латыши не испытывали теплых чувств к власти русских, но раньше они и мечтать не могли им противостоять, а теперь русские занялись самоуничтожением в вихре революции и Гражданской войны. В-третьих, социальный состав латышских стрелков был пролетарски-крестьянским, они не испытывали большого почтения к частной собственности и устоявшейся социальной структуре. У многих из них, а также у их родителей и старших братьев был опыт участия в беспорядках во время революции 1905—1907 годов. В-четвертых, участие в Гражданской войне и революции давало возможность для быстрой карьеры, которую и совершили многие из них. Маленькая Латвия дала много больших людей в большевистской России — Ян Рудзутак, Иоаким Вацетис, Ян Лацис, Мартын Лацис, Яков Алкснис, Ян Берзин, Эдуард Берзин, Федор Эйхманс и др. Особенно широко латыши были представлены в ЧК и Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Одним из таких латышских стрелков, оставшихся после Гражданской войны в Советском Союзе, был Карл Янович Пуго, отец Бориса Пуго. Он родился в 1896 году. После провала на подпольной работе в Латвии в середине 1920-х годов он окончательно порвал со своей бывшей родиной. В СССР его — как и многих других латышских коммунистов — ждала партийно-чекистская карьера. Он попеременно работал то в ОГПУ, то в партийных органах, несколько лет работал начальником политотдела Удомельской МТС — в будущей Калининской области. Тогда политотделы создавались на самых прорывных участках работы — при машинно-тракторных станциях (МТС), на железных дорогах и т. д. Карл Пуго был кем-то вроде комиссара, ответственного за использование сельхозтехники в первые годы коллективизации.

Работать ему приходилось безжалостно — иных методов советская власть не признавала. Краевед Геннадий Асинкритов цитирует такую записку, сохранившуюся в архивах:

«Тов. Кутузов!

У вас работает некий Николаев из колхоза Михалёво без разрешения правления колхоза. Необходимо ему предложить, чтобы он представил вам согласие колхоза на отходничество. В противном случае нужно его уволить.

11/V-34 г. *Пуго*».

Чтобы достичь намеченного, большевикам приходилось ломать крестьян через колено. Конечно, на душе у Карла Пуго было немало

грехов, пусть даже он сам лично никого и не убивал. Но, являясь приводным ремнем в репрессивной системе, а политотдел МТС и был таким ремнем, невозможно было оставаться в стороне от участия во множестве античеловеческих акций. Человеческие качества тут не играли никакой роли. Попав в систему, ее винтик обязан был играть по ее правилам.

Потому жертвы Большого террора и коллективизации вполне заслуженным возмездием могли считать «латышскую операцию» НКВД, начавшуюся с шифротелеграммы Ежова № 49990 от 30 ноября 1937 года. Латыши воспринимались Сталиным как потенциальные предатели и шпионы, и потому было решено уничтожить их под корень. Как отмечают исследователи, «на 10 сентября 1938 года по “латышской линии” Комиссией НКВД и прокурора СССР рассмотрено 17 851 дело, в результате чего приговорено к расстрелу 13 944 человека. Всего в рамках латышской национальной операции осуждено 21 300 человек, из которых 16 575 человек расстреляно».

Удивительным образом отец Бориса Пуго в этот черный список не попал. Его внук, Вадим, вспоминал, что деда дважды собирались арестовывать, но тот всякий раз уезжал в Москву, искал покровительства и защиты в ЦК, и его аресты отменялись. Это больше похоже на семейную легенду, нежели на историческую реальность.

Как раз в 1937 году в Калинине (переименованная большевиками Тверь) родился Борис, довольно поздний сын у четы Пуго. Калинин к тому времени два года являлся областным центром, и Карл считался работником уже не районного, а областного уровня. Ему просто повезло, он вытащил счастливый билет в той дикой обстановке планомерного хаоса, создаваемого Сталиным. При всей неумолимой неизбежности уничтожения людей по тем или иным признакам, кое-кто проскакивал между жерновами машины террора. Так пережил в Москве страшное время будущий вождь советской Латвии — Арвид Пельше.

Те из латышей, кто дожил до 1940 года, смогли вздохнуть облегченно. После присоединения Латвии к Советскому Союзу они сразу оказались востребованными на высоких постах на своей бывшей родине — проводить быструю большевизацию страны. Латышей-коммунистов искали во всему Союзу и отправляли их в Ригу. В их числе оказался и Карл Пуго, ставший секретарем Рижского горкома ВКП(б). Первым секретарем столичной парторганизации по совместительству, как тогда было принято, оставался Ян Калнберзин, первый секретарь республиканского ЦК, тоже бывший латышский стрелок.

Через год, когда началась война, семье Пуго пришлось срочно эвакуироваться из Риги, захваченной немцами уже 1 июля. Советским войскам стреляли в спину националисты, а немцы входили в город под приветствия местных жителей. А Пуго оказались в Кировской области, затем семья переехала в Москву и вернулась в Ригу уже только в конце 1940-х годов.

За это время в Латвии произошло много драматических событий — трехлетняя нацистская оккупация, последующий новый приход Советов. Латыши в массе своей встречали немцев как освободителей — года советской власти им хватило понять все прелести режима, а буквально за неделю до начала войны прошла депортация 15,5 тысячи человек во исполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 года «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента».

Однако немцы менее всего думали о предоставлении Латвии независимости. Был учрежден рейхскомиссариат Остланд, отвечавший за управление Прибалтикой и Белоруссией, составной частью которого стал Генеральный округ Латвия. Латышей допустили лишь до участия в так называемом «Латвийском самоуправлении» — вспомогательной организации при рейхскомиссариате. Гораздо активнее их использовали как пушечное мясо, призвав более ста тысяч человек в Латышский легион СС и прочие вспомогательные части. Местные коллаборационисты также активно участвовали в истреблении евреев.

В памяти же коренного населения, как это обычно бывает, остались лишь репрессии коммунистов, а то, что делали немцы и их пособники, либо сразу не замечалось, либо быстро забылось, либо всячески оправдывалось. Латышам хотелось чувствовать себя единственной жертвой.

Борис, родившись на территории России, рос в атмосфере русской речи и русско-советской культуры. Говорить по-латышски было небезопасно даже в семье. Да это не имело и практического смысла — как не овладевают языком родителей дети иммигрантов в Америке. В итоге он так и не выучил «родного» языка, при том что и мать, и отец были латышами. Он мог лишь понимать устную речь, но не говорить сам. Это обстоятельство, малозначимое в советское время, сказалось на его карьере уже в конце 1980-х, когда стало очевидно: первый секретарь без беглого латышского не может руководить республикой.

Карл Пуго под конец ушел с партийной работы, стал проректором Рижского университета, а затем возглавлял республиканскую партийную школу. Ушел из жизни он сравнительно рано, в 1955 году, не дожив и до шестидесяти лет.

Хотя латыши и ненавидели советскую власть, утвердилась она в республике относительно мирно. Борьба «лесных братьев» того размаха, как в Литве, не приобрела. А в 1949 году были депортированы еще 42 тысячи человек, потенциально «опасных». Поэтому физической опасности для коммунистов, в том числе высокопоставленных, как Карл Пуго, не существовало. Однако его сын не мог не ощущать на себе, что он член семьи «угнетателя», приехавшего в обозе московских захватчиков. Кроме того, языковой фактор отдалял его от сверстников, вынуждая вращаться в русскоязычной среде.

В семье старых большевиков царила пуританская дисциплина, гармонировавшая парадоксальным образом с немецким пуританством латышей. При доступе к «блату» обладанием им не считалось самоцелью, вообще говорить о материальных и финансовых преференциях руководству считалось неприличным, как и стремиться к ним. Ранняя смерть отца, как это ни удивительно прозвучит, способствовала карьере молодого Бориса, поскольку в советское время было не принято выдвигать на «ответственную» работу детей действующего начальства. Да они и сами не охотно на нее шли, как правило, ибо она подразумевала не только льготы и привилегии, но и неограниченный рабочий день, жесткую дисциплину и беспрекословное подчинение начальству.

В 1955 году Борис Пуго, окончив школу с медалью, поступил в Рижский политехнический институт — вполне объяснимый выбор, профессия инженера рассматривалась как востребованная и надежная. В вузе он познакомился со своей будущей женой — Валентиной Ивановной, которая училась на энергетическом факультете по специальности «электрические станции, сети и системы». Урожденная Голубева, она родилась в Ленинграде, но после войны ее семья переехала в Ригу, где она и окончила школу. Таким образом, брак Пуго был еще одним звеном, привязывавшим его к русской культуре. Державшаяся в тени мужа (они поженились в 1961-м, а в следующем году у них родился сын Вадим), Валентина Пуго пошла по научной линии, в 1974-м защитила кандидатскую диссертацию, в Риге она работала доцентом в местном политехническом институте, в Москве была в последние годы жизни доцентом МЭИ. Все отзывы о Валентине Ивановне исключительно благоприятны, вот, например, воспоминания командующего Прибалтийским военным округом Станислава Постникова: «Мы с женой познакомились с супругой Б. К. Пуго, очень интеллигентной и красивой женщиной».

После окончания института Пуго год проработал инженером-механиком в специальном конструкторском бюро Рижского электромашиностроительного завода. Предприятие было одним из крупнейших в Латвии и специализировалось на производстве электрооборудования для рельсового электрического транспорта. Как это сложилось в национальных республиках, на заводах и фабриках работали в основном русскоязычные. Так что Пуго по-прежнему оставался в атмосфере русского языка и культуры.

В 1961 году он был избран секретарем комитета комсомола завода и больше уже к инженерной работе не возвращался. Пуго идеально подходил к ответственной должности — с одной стороны, местный кадр, с другой — безупречно лоялен к власти. Борис отличался пунктуальностью, ответственностью, умел «работать с людьми».

Его комсомольская карьера была стремительной, с завода его вскоре перевели в Пролетарский райком вторым, а затем и первым секретарем.

Коллегой Пуго в то время являлся Альфред Рубкис, последний первый секретарь латвийской компартии и будущий заключенный по делу о поддержке ГКЧП, а в 2009 —2014-м — депутат Европарламента.

Бориса Пуго заметили в Москве, и в 1963—1968 годах он работал ответственным организатором, заведующим сектором отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по союзным республикам. Чтобы человека в 26 лет, только после двух лет работы в комсомоле, взяли в столицу — такое бывало крайне редко.

Дальше карьера Пуго развивалась челночно, между Ригой и Москвой, словно отражая двойственность его происхождения и самоощущения — с одной стороны, латыш, с другой — типичный советский человек. В 1968-м он возвращается в Латвию заведующим организационным отделом Рижского горкома партии, что говорит о том, что у местного руководства были свои виды на Пуго и его не забывали. После он опять приходит в комсомол, будучи в 1969—1970 годах первым секретарем республиканской организации. Теперь уже трудно сказать, была ли работа завотделом горкома «обкаткой» перед назначением на высший комсомольский пост или его возвращение в молодежную организацию стало делом случая. Однако в Риге Пуго не задерживается. В 1970—1974 годах он уже секретарь ЦК ВЛКСМ по связям с союзами молодежи социалистических стран.

Второй приход в ЦК ВЛКСМ был иным по сравнению с первым. Теперь Пуго уже хорошо знал кадры в аппарате, его традиции, за спиной имелся солидный номенклатурный опыт. Его сделали секретарем ЦК по «национальной» квоте, чтобы в руководстве комсомола были представлены разные республики, но тот факт, что такую честь оказали именно Пуго, а не секретарю из Литвы или Эстонии, говорит и о его личных способностях. Кадровая политика советского времени, как бы ее ни ругали, имела свою логику и последовательность. Откровенному дураку, проходимцу, неспособному прорваться в высшие эшелоны было невозможно. Отбор действовал на всех ступенях — и когда человека приглашали на комсомольскую работу, и далее — когда выдвигали выше и выше. Да, со стороны могло показаться, что номенклатурщики все на одно лицо, особенно человеку с улицы, не вхожему в коридоры власти, привыкшему ждать от нее худшего, не понимающему правил внутри ее.

Но все это были очень разные люди, что и показала жизнь после 1991 года, когда выяснилось, что среди высшего партийного руководства были такие люди, как Ельцин и Горбачев, Шеварднадзе и Алиев, Назарбаев и Яковлев, бросившиеся строить капитализм, не оборачиваясь на прежние идеологические установки, которые сами же и проповедовали. Их всех объединяло скорее наличие самодисциплины, благодаря чему их и пригласили на ответственную работу в свое время.

Можно, конечно, говорить о конформизме. Но конформизм конформизму рознь. Одно дело — простое подчинение руководству

и догмам, другое — умение решать задачи в рамках существующей системы. Просто послушный человек не смог бы построить завод, канал, проконтролировать жизнь целого региона. Нужны еще и способности.

Было принято обвинять тех, кто пошел по комсомольской линии, в том, что это неудачники, люди, не способные к профессиональной деятельности. Но эти домыслы чаще распространяли сами неудачники, которые не попали в номенклатуру, либо люди, чуждые ей по определению, — от всякого рода богемы до простых работяг. Любое чиновничество — корпорация со своими правилами. Поэтому «Витька пошел на работу в райком и стал высокомерным/недоступным/сдержанным» — это лишь поверхностная оценка со стороны. Как только человек попадает в номенклатуру, он вынужден контролировать свое поведение, так происходит в любой стране, в том числе и на Западе.

В 1974 году Пуго пригласили в ЦК, но уже КПСС — инспектором отдела организационно-партийной работы. Это была очень серьезная должность. Обычно инспекторами приглашали на несколько месяцев людей из провинции. Сюда приходили, как правило, с поста второго секретаря обкома, в редком случае — «просто» секретаря. Тот факт, что Пуго стал инспектором, будучи перед тем «всего лишь» секретарем ЦК ВЛКСМ, означал, что ему оказывается серьезное доверие и дается большой аванс. Все-таки по номенклатурной шкале «комсомольство» оценивалось не очень высоко. Следовало поработать еще на производстве или на низовой партийной работе, чтобы тебя сочли достойным выдвинуть на что-то серьезное. А тут человека в 37 лет приглашают в ЦК решать судьбы людей. Ведь инспектор этим и занимался, что выезжал в командировки и анализировал работу партийных организаций с последующими оргвыводами.

Через несколько месяцев Бориса Пуго действительно послали на работу в провинцию, но не возглавлять обком, а все в ту же Ригу — завотделом ЦК КП Латвии. Думается, по-другому и не могло быть — «националов» на работу в другую республику на областном уровне не переводили. Иными словами, второго секретаря из РСФСР никогда в брежневские времена не могли поставить первым на Украине и наоборот. Было разделение кадров по республикам — кто в чьей номенклатуре находится.

Пуго все-таки числился по «латвийскому» ведомству и претендовать на пост в РСФСР не мог (работа в ЦК считалась общесоюзной, поэтому тут действовали другие правила). Правда, быть завотделом в ЦК Латвийской компартии ему пришлось недолго. Для Пуго это стало лишь временным этапом перед избранием первым секретарем Рижского горкома — должность уже весомая, одна из самых значительных в республике.

Однако и здесь Пуго проработал всего лишь год в 1975—1976-м и был назначен… начальником отдела в Инспекторском управлении союзного

КГБ! Третье возвращение в Москву за недолгое время. Но и эта работа была всего лишь «обкаткой». В 1977 году Пуго возвращается в Ригу первым заместителем председателя республиканского КГБ, а в 1980 году возглавляет его.

Почему было решено Бориса Пуго, перспективного партийного работника, откомандировать на работу в органы безопасности, сказать сегодня со стопроцентной уверенностью трудно. Вряд ли дело в чекистской работе его отца. Преемственности в советские времена ни в партийной работе, ни в чекистской не приветствовали, хотя и не исключали вовсе, что и показал пример сына — Вадима.

В принципе, все советские годы происходил периодический набор партийных работников в КГБ. Если комсомольских аппаратчиков (более частый случай) брали на низовые должности, то партбоссы, окончив обычно спецкурсы, сразу занимали важные посты. Так, Пуго в 1977 году окончил Высшую школу КГБ имени Ф. Э. Дзержинского.

Считалось, что в КГБ нужно вливать свежую кровь, не допускать превращения ее в закрытую корпорацию. Пуго к 1976 году обладал большим опытом комсомольско-партийной работы, имел безупречную характеристику. При этом был сравнительно молод, так что мог еще расти и учиться. Важным представлялся и национальный фактор.

С 1963 года КГБ Латвии возглавлял Лонгин Авдюкевич, этнический белорус, хотя и местный уроженец, живший в республике до 1940 года. При этом в соседних Эстонии и Литве КГБ возглавляли эстонцы и литовцы. Таким образом, латышам как бы оказывалось недоверие. Для исправления баланса в 1976 году была введена должность первого заместителя председателя, которую и занял Пуго. Его изначально готовили под председателя, а первые несколько лет он набирался опыта.

Глава КГБ по своему статусу ничем не уступал первому секретарю Рижского горкома, а скорее превосходил его. Работа была для Пуго в общем-то не совсем неизвестная. Латвию он хорошо знал, по крайней мере ее руководящие кадры, основные предприятия и организации. Чем занимается КГБ — также вполне представлял, как высокопоставленный партийный работник.

«Хозяйство» досталось Пуго немалое. Республиканский КГБ отвечал за многие направления. Надо было бороться с латышским национализмом, который тесно переплетался с диссидентской деятельностью, а также вести разработку латышской диаспоры за рубежом, попутно занимаясь разведкой. Следовало бороться со шпионажем и попытками вербовки иностранными разведками, осуществлять контроль за экономикой — не допускать утечки секретов, пресекать случаи коррупции. А также заниматься охраной высшего руководства Латвии, спецсвязью и многими другими вещами.

Латвийская ССР на рубеже 1970—1980-х годов являлась высокоразвитым по советским меркам регионом, с населением 2,5 миллиона человек. На ее территории находилось 56 городов. В Риге

имелись важные предприятия электротехнической промышленности. Вентспилс и Лиепая служили крупными портами. Большой вклад Латвия вносила в рыбную и легкую промышленность СССР. Здесь располагались важные военные объекты, например радар в Скрунде — часть системы раннего предупреждения ракетного нападения. Морское побережье охраняли пограничники. И именно из Риги в 1975-м попытался угнать корабль «Сторожевой» капитан третьего ранга Валерий Саблин.

Рига представляла собой крупный культурный, научный центр, бывшую столицу независимого государства. Это воспоминание о том, что до 1940 года в течение двух десятилетий Латвия являлась суверенным государством, было важнейшим элементом национального сознания.

С конца 1940-х годов, когда окончательно стало ясно, что Запад не поможет, латыши смирились с тем, что советская оккупация — это «всерьез и надолго», и они перешли к пассивному сопротивлению. Оно проявлялось в том, что можно назвать бытовым национализмом — подчеркнутая обидчивость при общении с русскими, не говорящими по-латышски, игнорирование их обращений. Тут надо отметить, что в Латвии находилось самое большое количество русскоязычных (русских, украинцев, евреев, белорусов и т. д.) во всей Прибалтике — около 40 процентов всего населения республики. Фактически Латвию населяли не сливающиеся между собой две общины — латышская и русская.

При этом сами латыши, понимая, что другой жизни нет, приспосабливались под существующие порядки, вступали в комсомол, партию, делали карьеру в советских и хозяйственных органах. Как и во всех национальных республиках, коренное население неохотно шло на заводы и фабрики, на которых работали, особенно в больших городах, в основном русскоязычные.

«Националы» зато были обильно представлены в органах управления, учреждениях культуры, образования и науки, творческих союзах. Парадоксальным образом присоединение к империи дало возможность самым талантливым деятелям латышской эстрады и музыки выйти на самую широкую аудиторию, достаточно вспомнить композитора Раймонда Паулса и группу «Зодиак». Да и разного рода писатели, поэты, художники при условии соблюдения лояльности режиму имели множество «кормушек». Для маленького народа, числом 1,3 миллиона, выпускалось огромное количество книг на родном языке, снималось фильмов, ставилось театральных постановок.

Для жителей остального СССР Латвия представляла собой кусочек Запада, место, где были более высокий уровень жизни, разнообразный ассортимент в магазинах, совсем иная бытовая культура. Побывать в Риге — это как взглянуть одним глазком на заграничную жизнь. Прибалтов считали антисоветчиками и русофобами (тогда это слово не

употребляли, но смысл заключался именно в этом), но одновременно восхищались ими как птицами более высокого полета. Их певцы и актеры легко становились звездами союзного масштаба.

За такой вот непростой и сложной республикой Советского Союза и должен был надзирать Пуго в роли главы местного КГБ. Это было невозможно без широкой сети осведомителей. В архивах КГБ Латвии хранились учетные карточки на десять тысяч информантов, то есть сексотов. Когда уже спустя много лет после обретения независимости Латвии они были рассекречены, то оказалось, что значительная часть местной элиты являлась стукачами. Среди них первый премьер независимой Латвии Ивар Годманис, известный поэт Янис Рокпелнис, легендарный латвийский баскетболист, капитан сборной СССР Валдис Валтер, народная художница Латвийской ССР Майя Табака.

Руководство КГБ — сложной иерархической структурой — давало Пуго новый управленческий опыт. В республиканском аппарате насчитывалось около двадцати отделов, начиная с разведывательного и контрразведывательного. Кроме того, местные отделы имелись в важнейших городах Латвии. Стоит отметить, что значительную часть кадров КГБ составляли этнические латыши. Также для сравнения нужно сказать, что в среднеазиатских республиках, в отличие от Прибалтики, руководителями КГБ часто были именно присланные русские. То есть прибалтийским республикам «оказывалось доверие».

Пуго возглавлял КГБ с ноября 1980-го по апрель 1984 года — время, прозванное впоследствии «эпохой застоя». За это время сменилось три генеральных секретаря — Брежнев, Андропов и Черненко. Во главе КГБ также побывало три начальника — тот же Андропов, Федорчук и Чебриков.

Работа в КГБ обязывала быть в курсе всего происходящего в республике, поэтому переход на должность первого секретаря ЦК дался Пуго без затруднений. К тому времени чекисты давно уже отошли от прежних методов работы и практиковали профилактику. Вместо незамедлительных арестов предпочитали приглашать на беседу. КГБ боялись, но того страха, который спецслужбы внушали при Сталине, уже не было. Так что работа того же Пуго заключалась не в каких-то репрессиях, а в довольно скучной бюрократической отчетности — столько-то диссидентов «профилактировали», столько-то сексотов завербовали, столько-то проверок провели. Настоящих шпионов почти не бывало. Поэтому работали с экипажами посещающих порты Латвии иностранных судов, с моряками, отправляющимися в загранплавание.

Приходилось близко взаимодействовать и с военными, тогдашний командующий Прибалтийским военным округом Станислав Постников вспоминал: «Борис Карлович тогда возглавлял Комитет государственной безопасности. Вопросы, по которым пересекались наши служебные функции, всегда решались по-государственному и без проволочек. Как человек — он был добрый и отзывчивый товарищ, готовый всегда

прийти на помощь. Жаль, что по жизни, кроме как время работы в Латвии, мне не пришлось с ним соприкасаться».

Первым секретарем ЦК Компартии Латвии в это время был Август Восс, приближавшийся к своему семидесятилетию. Как и многие другие латыши-руководители первого советского призыва, он до 1940 года жил в СССР и даже родился в Сибири в семье латышских переселенцев. Он в 1966-м сменил Арвида Пельше, отправленного в Москву на пост председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и ставшего по должности членом политбюро — наивысшее карьерное достижение латышей в советское время.

Август Восс руководил Латвией 18 лет — почти столько же, сколько Ян Калнберзинь (1940—1959), только у того был «перерыв» на три года во время войны. К 1984-му Восс был уже одним из самых старых руководителей союзных республик. Его коллеги в Литве и Эстонии — Пятрас Гришкявичюс и Карл Вайно были моложе его и пришли к власти в 1978 году. Поэтому неудивительно, что его попросили перейти на синекуру в Москве — председателем Совета национальностей Верховного Совета (он сменил на этом посту другого латыша — Виталия Рубена). Возможно, был бы жив Брежнев, он бы еще поработал, при нем Йоханнес Кэбин руководил Эстонией до семидесяти трех лет, а Антанас Снечкус Литвой — до самой смерти в возрасте семидесяти двух лет.

Но уже наступали новые времена. Борис Пуго не числился в ряду самых очевидных преемников Августа Восса, но в ЦК КПСС рекомендовали именно его. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, сравнительная молодость — 47 лет, обещавшая, соответственно, здоровье, способность работать по 16 часов в сутки и длительную перспективу пребывания в должности. В советское время руководителей назначали, как правило, на длительный срок, чтобы человек вошел в курс дела, наметил для себя приоритеты и мог сам их выполнить.

Во-вторых, у Пуго имелся необходимый опыт — он руководил комсомолом республики, Рижским горкомом, работал в ЦК КПСС. Да и руководство латвийским КГБ само по себе считалось достаточной школой управления. Гейдара Алиева назначили руководить республикой с аналогичного поста.

В-третьих, анкетные данные Бориса Пуго были идеальными — чистокровный латыш, но «наш» латыш, абсолютно преданный Центру, родившийся в России, проверенный, несколько лет отработавший в Москве, сын партработника (последнее обстоятельство могло стать минусом, но в национальной республике с учетом ее истории — только плюсом).

Для самого Бориса Пуго это назначение представлялось вполне логичным — все-таки его уход в КГБ был скорее отклонением от последовательно развивавшейся комсомольско-партийной карьеры. На этом посту он мог теперь реализовать в полной мере свой лидерский

потенциал, свои способности руководителя. Не стоит представлять всех руководителей советского периода какими-то жадными до власти карьеристами, думающими только о привилегиях. Для многих значимым было и то, какими они останутся в памяти людей.

Впрочем, некоторые утверждали, что еще до 1984 года шла активная закулисная работа по подготовке к снятию Восса и продвижения на его место Бориса Пуго. В октябре 1982 года был задержан проректор латвийского университета, в прошлом комсомольский работник, курировавший студенческие стройотряды Латвии, Григорий Лучанский. Он обвинялся в крупных хищениях. Бывшие стройотрядовцы часто становились крупными дельцами теневой экономики. Сам он так комментировал тогдашний свой арест: «Я пал жертвой закулисных интриг тогдашнего руководителя республиканского КГБ Бориса Пуго. Например, бывший инспектор ОБХСС УВД Латвии Ромуальд Мацулевич, который принимал самое активное участие в расследовании моего дела, признался мне как-то, что я был виновен только в одном — дружил с первым секретарем ЦК компартии Латвии Августом Воссом и одним из секретарей ЦК Третьяковым. А Пуго их ненавидел». Некий работник ОБХСС в интервью газете «Совершенно секретно» так комментировал те события: «Задача ставилась максимальная: не просто “накопать” те или иные негативные факты, достаточные для того, чтобы не просто отстранить проректора Лучанского от занимаемой должности, а с непременной его посадкой за решетку. Указание исходило из ЦК компартии Латвии, вернее, той его части, которая поддерживала Пуго и вела закулисную возню против Восса». Верить или не верить этой версии волен всякий, но мы о ней упоминаем для полноты картины.

Латвия в 1984 году представляла собой и по территории, и по населению небольшую по советским масштабам республику. Она превосходила Эстонию территориально и демографически, почти не уступала Литве по площади, но сильно отставала от нее по населению. Однако Рига являлась неформальной столицей всей Прибалтики — ее крупнейшим городом. Латвия, помимо электротехнической промышленности, значимой во всесоюзном масштабе — от электропоездов до магнитофонов (35 процентов всей аудиотехники в стране), славилась косметическо-парфюмерной продукцией «Дзинтарс» и рижским бальзамом, равно как и шпротами. О значении этого сектора экономики республики говорит тот факт, что министром пищевой промышленности СССР (это же ведомство занималось и парфюмерией) в 1970—1985 годах был Вольдемар Леин, до этого секретарь ЦК Компартии Латвии.

Запад не признавал вхождения Прибалтики в состав СССР, однако за прошедшие к тому времени более чем 40 лет все, в том числе и жители Латвии, свыклись с мыслью, что данная ситуация — уже навсегда. Какого-то сопротивления не имелось, за исключением пассивного, уже вышеотмеченного бытового национализма. Волей или неволей латыши

включились в общесоветскую жизнь. Как раз в середине 1980-х начала восхождение к всесоюзной известности певица Лайма Вайкуле. О Паулсе мы уже упоминали. Весь СССР смотрел телесериал «Долгая дорога в дюнах», вышедший на телеэкраны в 1982 году, а Ивар Калныньш стал в те же годы одним из самых популярных артистов страны. В 1987 году прогремел документальный фильм «Легко ли быть молодым?» режиссера Юриса Подниекса. С 1986 года, как раз при Пуго, начал проводиться эстрадный фестиваль в Юрмале, куда съезжались участники со всего Советского Союза.

Перед Борисом Пуго открывались самые широкие и интересные перспективы. Через год после его избрания первым секретарем генсеком в Москве стал Михаил Горбачев, чью политику Пуго поначалу горячо поддерживал. При нем в республике начались довольно смелые реформы. Так, в 1986 году колхоз «Адажи», где председателем был знаменитый на всю страну Герой Социалистического Труда Альберт Каулс, стал «агрофирмой». Когда в феврале 1987-го Михаил Горбачев посетил Латвию (первый визит руководителя Советского государства после Хрущева в 1959 году — что также показательно), он был очень доволен приемом, который ему организовал Пуго, отвезший его к Каулсу. Как отмечали журналисты, «чета Горбачевых была в восторге от увиденного в “Адажи”, признав, что это идеал, к которому нужно стремиться всем советским колхозам». Не случайно в 1990 году Каулса даже сделали членом Президентского совета. А уже упомянутый Григорий Лучанский с началом перестройки стал у Каулса коммерческим директором фирмы «Адажимпекс», а впоследствии олигархом международного масштаба. Другой прораб перестройки, также в свое время известный на всю страну и не вылезавший с телеэкранов и газетных полос, — Виктор Боссерт, стал в 1987 году директором Елгавского завода микроавтобусов (РАФ). Не случайно в ходе визита Горбачев лично вручил Пуго орден Ленина — знак наивысшего доверия.

Во время пребывания Горбачева в Латвии произошел один эпизод, который наверняка дополнительно убавил количество волос на голове уже лысеющего Пуго. Как вспоминал на тот момент начальник Рижского городского управления милиции Виктор Бугай, в день выезда генсека в «Адажи» в милицию позвонил некий мужчина, который заявил, что на обратном пути, когда Горбачев будет проезжать по улице Горького (ныне Кришьяня Валдемара), его автомобиль взорвут. «Этот звонок был записан, и я отправился в КГБ. Там мы долго обсуждали, что делать. К тому же вскоре было получено сообщение, что в одном из подвалов неподалеку от Углового дома (здания ЧК) найдены ящики, из которых исчезли заряды. Я предложил попытаться по возможности продлить пребывание Горбачева в “Адажи”, чтобы получить больше времени для оценки угрозы и ее предотвращения. Решили пустить по запланированному ранее маршруту ложную колонну, а машину

Горбачева — направить по другому пути: через Румбулу и Кенгарагс. Так и сделали, и Горбачев без каких-либо инцидентов добрался до юрмальской резиденции, где остановился во время визита. Все закончилось спокойно, мы выполнили свою работу и выпили по рюмочке, чтобы успокоить нервы».

Пуго вряд ли ожидал, что Горбачев вслед за экономическими начнет реформы политические. Но после 1987 года генсек усердно проводил кампанию по натравливанию на партаппарат «низов». В рамках этой кампании поощрялась всяческая самодеятельность общественности, что в Прибалтике упало на благодатную почву. Национальная интеллигенция, шедшая во главе всякого рода националистических настроений, активно их формировавшая, почувствовала, что настает ее время. Апофеозом наметившихся тенденций стал пленум творческих союзов Латвии — заседание правления Союза писателей Латвийской ССР с участием представителей республиканских союзов архитекторов, дизайнеров, кинематографистов, композиторов, художников, театральных деятелей, журналистов 1—2 июня 1988 года. Пленум состоялся в Риге, в Доме политического просвещения ЦК Компартии Латвии при участии Бориса Пуго. Организовывал же пленум председатель Союза писателей, член ЦК Компартии Латвии Янис Петерс.

Однако участие высокого начальства никак не повлияло на то, что произносилось на пленуме. Писатели, художники, журналисты один за одним разносили в пух и прах советскую власть, но, правда, маскируясь словесной поддержкой Горбачева и перестройки. Тогда, в июне 1988-го, слова о выходе Латвии из СССР еще не произносились, но все уже шло к тому. Также активно звучали и крайние националистические, антирусские нотки в речах многих выступающих. Писательница и журналистка Марина Костенецкая, единственная, кто на пленуме выступил против русофобских высказываний, вспоминала: «Не думаю, что Пуго так уж совсем не знал, что будет происходить на пленуме. В деталях — да, не знал, конечно… я допускаю, что в 1988 году Пуго было разрешено не вмешиваться в ход нашего пленума». Но Пуго сам оказался заложником кремлевской политики, как уточняет Костенецкая: «Это было разрешено с самого верха, чтобы измерить температуру народного недовольства».

На пленуме было решено создать массовую организацию «в поддержку перестройки». В развитие этого решения 8 октября 1988 года был учрежден Народный фронт Латвии — движение якобы в поддержку перестройки, которое очень быстро стало движением за выход из СССР. И уже 7 октября, за день до съезда, вышел первый номер газеты фронта «Атмода» («Пробуждение»). Но еще в августе 1988-го комсомольская газета «Советская молодежь», издававшаяся в Риге, опубликовала интервью с опальным Борисом Ельциным, находившимся на отдыхе в Юрмале. Публикация стала сенсацией, за номером газеты охотились

по всей стране, интервью перепечатали 140 советских газет и 80 зарубежных.

Однако Борису Пуго не пришлось иметь дела с Народным фронтом, буквально накануне его создания, 30 сентября, он был переведен (уже в четвертый раз в своей карьере!) в Москву на пост председателя Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС. Так начался его последний этап в жизни, ставший для него роковым. Сам Горбачев так объяснял свой выбор:

«Уход на пенсию Соломенцева позволил пригласить на работу в Москву Бориса Карловича Пуго в качестве председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. В руководстве Прибалтика не была представлена, а из лидеров, которые там в то время были, мне он казался наиболее подходящим. Я знал его еще как секретаря ЦК ВЛКСМ. В своей республике он прошел, кажется, все ступени и в комсомоле, и в партии, и даже в госбезопасности. Человек цельный и порядочный.

Став кандидатом в члены политбюро, Пуго неизменно занимал прогрессивную позицию. Да, он был требователен, любил порядок, но приверженностью к насильственным мерам не страдал».

Как видим, несмотря на участие в ГКЧП, отзыв генсека о Пуго сугубо положительный. Впрочем, о нем практически все, кто сталкивался с ним в Москве, отзывались хорошо. Вот, например, сотрудник его личной охраны Олег Борщев:

«А потом меня от Лукьянова перевели к Борису Карловичу Пуго. Помню, когда Лукьянов об этом узнал, сказал мне: “Пуго очень хороший человек. Вам повезло”.

— И вам действительно повезло?

— Еще как! Работать с Пуго было очень легко. Он оказался человеком простым, доступным и интеллигентным. И я, кстати, был с ним сразу после избрания его кандидатом в члены Политбюро и до последнего. <…> Ко мне он всегда обращался по имени-отчеству и на “вы”. Мои коллеги часто носили папки и портфели, принадлежавшие охраняемым. А Борис Карлович никогда мне папку в руки не давал — понимал, что у “прикрепленного” руки всегда должны быть свободными. Думаю, это связано с тем, что в свое время он возглавлял КГБ Латвии и понимал работу охраны. Единственное исключение — когда мы вдвоем ехали в лифте и ему необходимо было причесаться…

Меня поразило, что на мои вопросы к Борису Карловичу, есть ли замечания к кому-либо по работе, неизменно следовала улыбка и ответ: “Все нормально”. Возможно, ответы были такими потому, что я объяснил ему, что мои подчиненные работают на подобном уровне впервые. В целом отношения с Борисом Карловичем были ровными, у нас царило взаимопонимание».

Уже упоминалось, что в 1966—1983 годах пост начальника КПК занимал Арвид Пельше. Так что в известном смысле Пуго создавал традицию. В партийной иерархии должность председателя КПК в

позднесоветское время не относилась к особо влиятельным. С начала 1950-х ее занимали пенсионеры, для которых она была чем-то вроде синекуры, — Матвей Шкирятов, Николай Шверник, Арвид Пельше, Михаил Соломенцев, которого и сменил Борис Пуго. Соломенцев, который возглавил КПК в семидесятилетнем возрасте, после длительной работы главой правительств РСФСР вспоминал: «Вместо рассмотрения серьезных государственных проблем контроля за соблюдением партийной дисциплины КПК занимался “мелочевкой”: усмирял пьяниц, сводил и разводил неуживающихся супругов. И еще, я был поражен, узнав, что выполнение решений и правительства и Политбюро зачастую не контролировалось».

Горбачев хотел придать динамизм работе Комитета партийного контроля, имея на него какие-то свои планы, почему и поставил во главе КПК сравнительно молодого руководителя, далеко еще не пенсионера. Но объективно поле деятельности для КПК сужалось, власть ускользала из рук партии — по мановению ее же лидера. Глаза резало очевидное противоречие — если КПСС перестает подменять собой государство, то как сможет КПК вмешиваться во что-то, вне, собственно, партии? Имелись же и прокуратура, и Комитет народного контроля, и другие проверяющие органы.

Соответственно, КПК должен был сосредоточиться на соблюдении партийной дисциплины. Однако люди уже начинали из партии выходить, для карьеристов не имело более смысла вступать в нее. Таким образом, пугать исключением из партии и прочими партийными взысканиями — главным рычагом в руках КПК — становилось все труднее. Как писал Рой Медведев: «Лично я познакомился с Пуго еще летом 1989 года, когда мне было поручено возглавить одну из следственных комиссий Съезда народных депутатов СССР по проблемам коррупции. Пуго производил впечатление человека чрезвычайно пунктуального и порядочного, но несколько нервного и крайне чуткого к умалению роли тех органов партийной власти, которые он представлял. В это время уже мало кто боялся партийных взысканий и исключений из партии, а оскорбления в адрес “партократов” звучали со страниц печати даже чаще, чем в адрес “тупых генералов”». Любопытно, что Пуго так и не стал полноправным членом политбюро. Лишь в сентябре 1989-го его избрали кандидатом в члены политбюро.

Волей или неволей КПК занимался работой «на подхвате» — доделывал то, что начинали следственные органы, исключая из партии разоблаченных коррупционеров, как правило — ветеранов брежневского времени, благо в 1988—1989 годах факты подбрасывались как из рога изобилия. Любопытно было выступление Бориса Пуго в октябре 1989-го перед народными депутатами СССР (в записи журналиста Анатолия Панкова):

«Должна вестись бескомпромиссная борьба с преступностью, правонарушениями, невзирая на лица, ранги… Привлечены к уголовной

ответственности и исключены из партии: заместитель министра рыбного хозяйства СССР Рытов (он расстрелян), председатель Госкомитета по нефтепродуктам Хурамшин, заместитель министра мясо-молочной промышленности Тарада, заместитель министра сельскохозяйственного машиностроения Вишняков, руководители министерств внешней торговли, текстильной промышленности, легкой промышленности, золотодобывающей отрасли и многие другие. Можно упомянуть и о ростовских, краснодарских, сочинских делах, по которым к уголовным делам привлечено более 150 руководящих работников.

Я счел об этом упомянуть только потому, что раздаются голоса, что борьба с коррупцией началась только в последнее время. Увы, коррупция… Наверно, в последнее время она получила более широкое распространение. Но, увы, эти преступления возникали и раньше… И в этой борьбе активные позиции занимали, прежде всего, правоохранительные органы, но и партийные органы.

В 1983—1984 годах стали поступать из республик Средней Азии многочисленные сведения о том, что там имеют место крупные правонарушения. Такие письма поступали и в ЦК КПСС…

По поручению ЦК Прокуратура СССР в начале 1984 года приступила к расследованию так называемых хлопковых дел в Узбекистане. Следствие в тот период столкнулось с очень большими сложностями. Характер приписок был настолько массовый, что пришлось направить в республику для разбора этого дела около 400 следователей… В 1985—1987 годах окончательно расследовано и направлено в суды более 780 дел о приписках, хищениях и взяточничестве. К уголовной ответственности привлечено и осуждено свыше четырех тысяч человек, в том числе около 600 руководящих работников. Среди осужденных — бывший министр хлопкоочистительной промышленности Узбекистана Усманов, пять его заместителей, руководители управлений министерства, начальники областных управлений. К уголовной ответственности были привлечены 400 депутатов местных Советов, 8 депутатов Верховного Совета СССР, Верховного Совета республики, десять Героев Социалистического Труда. В отношении 13 тысяч лиц принято решение о прекращении их уголовного преследования… Исключено из партии 18 тысяч».

Но если внимательно прочитать эту речь, то возникает вопрос: а какую, собственно говоря, роль в борьбе с коррупцией играл КПК? Он только «подчищал» за прокуратурой, КГБ, МВД.

На XXVIII съезде КПСС в 1990 году КПК при ЦК КПСС и Центральная ревизионная комиссия (ЦРК) КПСС были объединены в единый орган — Центральную контрольную комиссию (ЦКК) КПСС. ЦРК занималась проверкой финансовой и хозяйственной дисциплины. Реальное ее значение было близким к нулю, недаром председатель ЦРК возглавлял еще и комиссию по назначению персональных пенсий, что давало ему реальный вес и полномочия. Объединение было типичной

горбачевской новацией безо всякого реального смысла, формально — возвращением к ленинским временам, когда (до 1921 года) ЦКК являлась единым органом контроля. При этом после съезда Пуго перестал быть кандидатом в члены политбюро. Видимо, было решено, что глава ЦКК не должен входить в высший орган партии, дабы работать независимо.

Но 1 декабря 1990 года Борис Пуго оказался вырванным из скучной бюрократической рутины ЦКК и попал на передовую текущей политики. Он был назначен министром внутренних дел СССР.

Милиция — как ее называли все советские годы, исказив смысл самого слова — «добровольные вооруженные формирования» — прошла сложную историю. Ее то соединяли с остальными правоохранительными органами, то выделяли в особое ведомство. В 1954 году ее окончательно разделили с КГБ, но еще несколько лет утрясали полномочия. В 1960-м Хрущев ликвидировал союзное МВД, оставив только республиканские министерства.

В 1966 году, при Брежневе, общесоюзное Министерство внутренних дел (до 1968-го оно называлось Министерством охраны общественного порядка — МООП) восстановили. Его возглавил Николай Щелоков, старый знакомый Леонида Ильича по Днепропетровску и Молдавии. На момент назначения Щелоков занимал пост второго секретаря республиканского ЦК и ему было уже 56 лет. И первое и второе обстоятельство формально служили препятствиями для перевода в Москву на столь высокую должность (и республика была мала, и возраст, не предполагавший большой карьеры), но всё перевесили знакомство и доверие. Брежнев был убежден, что Щелоков — именно тот человек, который сможет выполнить поставленные перед ним задачи.

Щелоков проработал министром 16 лет и был снят в числе первых после кончины Брежнева. Через два года он застрелился, после исключения из партии и лишения государственных наград.

Его сильно демонизировали в перестройку как воплощение застойной коррупции, но последующий анализ его деятельности показал неоднозначность и даже нестандартность его личности. Щелоков покровительствовал диссидентам, выступал против применения жестких мер к Солженицыну, высказывал неординарные суждения о российской истории.

Для милиции он сделал много — поднял зарплаты сотрудникам, укрепил их техническое обеспечение. При Щелокове День милиции — 10 ноября стал связываться в народном сознании с пышным концертом. О милиции выходило много популярных сериалов и фильмов. Щелокову нравилось покровительствовать писателям и артистам.

Однако на бытовом уровне население не замечало перемен в обеспечении безопасности и правопорядка, работа в милиции не считалась престижной. О милиционерах ходило немало злых шуток, поскольку именно они выступали в роли посланцев власти, от которых следовали всякого рода неприятные вещи. Рядовой советский гражданин

в повседневной жизни редко сталкивался с работниками КГБ, прокуратуры, он судил о власти по работе милиции. Сотрудники же МВД широко брали взятки, начиная с инспекторов ГАИ, обирали пьяных в вытрезвителях, избивали на допросах.

Таким образом, в системе МВД Щелокова любили, но авторитет милиции его усилия не поднимали. Важнее для судьбы министра было то, что его не любили большие люди в окружении Брежнева, в первую очередь Андропов, что и сказалось на нем, когда Леонид Ильич умер. Щелоков был «вхож» и слишком независим, то есть не входил в клан Андропова — Устинова — Громыко, что его и погубило.

В декабре 1982 года на посту министра Щелокова сменил Виталий Федорчук, проработавший перед тем полгода председателем КГБ, назначенный на эту должность Брежневым, отчасти в пику Андропову. Немудрено, что последний, возглавив страну, убрал не близкого себе Федорчука, передвинув его в МВД с задачей произвести чистку щелоковских кадров.

Началось нашествие в систему МВД людей из КГБ, которые привел с собой Федорчук. В качестве примера можно назвать Леонида Зверковского, который с должности начальника Третьего отдела Инспекторского управления КГБ СССР пришел на пост заместителя начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР, а после стал начальником Главного управления ГАИ. Соответственно, изгонялись прежние работники. Как говорил Чебриков Бакатину: «Федорчук уволил 88 тысяч человек, многих по доносу».

Милиция приняла активное участие в андроповских инициативах по укреплению дисциплины, которые только раздражали людей — проверки документов в кинотеатрах и банях в рабочее время, мол, зачем тут человек находится, а не на службе. Приход чекистов раздражал и милиционеров, которые чувствовали, что им не доверяют, обвиняют во всех грехах, хотя грехи милиции были отражением советского бытия. Взятки брали, нарушали закон, злоупотребляли силой повсюду. Ситуация в армии с ее дедовщиной была еще хуже. Через три года Федорчука сменил Александр Власов, первый секретарь Ростовского обкома, а до того — Чечено-Ингушского. Он проработал те же три года и ушел возглавлять Совмин РСФСР.

С развертыванием перестройки роль и значение милиции усилились. В стране начали вспыхивать межнациональные конфликты, стали проходить первые оппозиционные демонстрации. Как раз 3 октября 1988 года, в последний день пребывания Власова в должности министра, были созданы ОМОНы — отряды милиции особого назначения, призванные обеспечивать охрану общественного порядка.

Горбачев считал, что Власов не сможет достойно отвечать на вызовы времени, что ему на посту министра внутренних дел требуется молодой энергичный руководитель. Таковым он счел Вадима Бакатина. У него были хорошая биография и волевое, умное лицо. Бросаются в глаза

совпадения его карьеры с ельцинской. Бакатин родился на шесть лет позже в провинциальном промышленном городе — как и Ельцин, затем окончил строительный институт в Новосибирске (аналогичный в Свердловске). Затем оба быстро продвигаются по служебной лестнице на стройках, примерно в одном возрасте становятся главными инженерами домостроительного комбината и столь же одновременно переходят на партийную работу, причем сразу на высокие должности. Оба работают и заведующими отделом строительства обкомов, и секретарями обкома по строительству.

Бакатин и внешне чем-то напоминал Ельцина, только в более утонченном варианте. Они принадлежали к типу жестких и напористых советских начальников, которые в перестройку почувствовали свой шанс подняться еще выше, но изображая из себя демократов, каковыми ни в коем случае не являлись, будучи скорее самодурами. Но в то время немало таких людей взлетело, произнося с трибун слова об ускорении и гласности. Завзятые партократы вдруг начинали клеймить привилегии, которыми до этого всю жизнь пользовались. Горбачев, не умевший разбираться в людях по-настоящему, делал ставку на обоих — и в обоих разочаровался.

Как писал сам Бакатин, объясняя мотивы Горбачева, тот «был уверен, что я никогда не буду красть, а мои слабости, мой провинциализм были ему скорее на руку. По-видимому, выбирая меня на этот исключительно важный государственный пост, он считал, что мною можно будет легко управлять. Совершенно справедливое желание, а ошибся он или нет — не мне судить». И добавлял: «Он позвонил мне в Кемерово и сказал, что министр должен быть не милиционером, а, как он выразился, “политиком”».

Бакатин, отрабатывая доверие, ретиво взялся за руководство милицией, гоняя подчиненных как «сидоровых коз», по собственному признанию. Он поступал примерно так же, как Ельцин в Московском горкоме. И так же, как Ельцин, довольно быстро сломался. Он попал в МВД в сложнейшее время, когда министерство разрывалось под напором противоположных тенденций. Ставшие разрешенными политические митинги пугали непривычных к ним чиновников. Одновременно в республиках вспыхивали этнические конфликты и развивалось движение за выход из СССР. Во всех случаях милиция была на переднем крае событий. От Бакатина, с одной стороны, требовали перестройки работы милиции по новым правилам, с другой — бороться против «экстремистов». Он сделал выбор в пользу создания своего положительного образа, который бы понравился «демократам». Соответственно, Бакатин не усердствовал при разгонах митингов (хотя при нем милиционеры получили резиновые дубинки-«демократизаторы»), не препятствовал работе органов МВД в Прибалтике, возглавляемых оппозицией с 1990 года.

Горбачев, который публично выступал в пользу народовластия, а в кулуарах требовал жестких мер, все сильнее разочаровывался в своем выдвиженце. Отставка становилась неизбежной. Как писал Бакатин: «Ее активно добивались члены Политбюро ЦК КПСС, руководители компартий Прибалтийских республик, Украины и Белоруссии, руководство КГБ, председатель Совмина, наиболее “решительные” депутаты из фракции “Союз”». Таким образом, Бакатин проработал министром чуть более двух лет, но сумел наработать себе имидж либерала, погубленного консерваторами, тогда как на самом деле он был просто оппортунистом, плывшим по течению.

В такой вот непростой обстановке пришлось принимать министерство Борису Пуго, оказавшемуся востребованным на передовой политической жизни.

Несмотря на то, что министерство трещало по швам из-за того, что после выборов 1990 года в ряде республик стали назначаться собственные министры, которые не желали подчиняться Москве, МВД представляло собой огромное хозяйство. В него входили и патрульно-постовая служба, и ГАИ, и вневедомственная охрана, и уголовный розыск, и ОБХСС, и следствие, и лагеря, и тюрьмы, и пожарная охрана, и внутренние войска, и транспортная милиция. Не забудем и про такие функции, как прописка и выдача паспортов, визовая работа (знаменитый ОВИР), вытрезвители, «химия» (расконвоированные осужденные). Никогда еще Борис Пуго не возглавлял столь сложную систему, да еще в труднейший переходный (но при этом никто не знал — куда переходят?) период.

Гласность и свобода слова означали, что на страницы печати и на телевизионные экраны хлынула масса негатива как о состоянии с преступностью, так и о роли милиции. Оказалось, что в СССР есть и мафия, и наркомания, и проституция, а с началом кооперации появился и рэкет. Кооперативы одновременно означали и крупномасштабные аферы на много миллионов рублей, как это и случилось с АНТом. На всю страну наводили ужас сообщения о маньяках, как раз за две недели до назначения Бориса Пуго был арестован ростовский серийный убийца Андрей Чикатило. Происходили захваты заложников. При этом выяснилось, что сама милиция подвержена в высшей степени коррупции, что ее сотрудники пытают на допросах, а на «зонах» творится беспредел (это словечко как раз тогда вошло в обиход). По закрытым данным выходило, что уровень преступности в СССР вырос с 1956 по 1985 год в 2,1 раза.

Экономический кризис — а СССР находился в глубочайшем кризисе, когда разваливалась система снабжения и дефицитом становилось то, что прежде никогда не было, как, например, сигареты, — всегда способствует росту преступности. Одновременно, вследствие межнациональных конфликтов, начали создаваться вооруженные ополчения на окраинах, бросавшие вызов законности и правопорядку.

Горбачев со своей стороны старался усилить контроль за правоохранительными органами. С этой целью он в январе 1991 года учредил при себе Комитет по координации деятельности правоохранительных органов во главе с Юрием Владимировичем Голиком. Этому тридцатисемилетнему доценту, недолгое время возглавлявшему юрфак Кемеровского университета и ставшему в 1989-м народным депутатом, Пуго также вынужден был, пусть и формально, подчиняться. Разумеется, учреждение такого поста внесло дополнительную путаницу в сфере силовых органов. ЦК КПСС формально еще их курировал, хотя министры уже реально ему не подчинялись. По президентской вертикали четкого механизма также выстроено не было. Голик не имел никакого авторитета для Бориса Пуго или Владимира Крючкова. Весь его опыт до назначения заключался в руководстве с 1990 года Комитетом ВС СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью. Следует отметить, что отставник Бакатин никуда не делся, а получил большой кабинет в Кремле и вошел в состав учрежденного Совета безопасности и мог нашептывать Горбачеву, дискредитируя политику Пуго.

В РСФСР и других республиках ускоренно переподчиняли себе министерства внутренних дел. В России таковое было воссоздано (с 1966-го его не существовало) еще при Бакатине в 1989-м, а в 1990-м его возглавил Виктор Павлович Баранников, человек, уже ориентированный на Ельцина. И милиция на местах уже не знала — кого слушать, какого министра, кому подчиняться?

В тот же день, 1 декабря, прошло и другое назначение — Борис Громов стал первым заместителем министра внутренних дел. Таким образом, изначально должна была действовать связка — опытный партийный работник с чекистским прошлым и боевой афганский генерал. Борис Громов, командовавший 40-й армией в Афганистане и руководивший выводом советских войск из этой страны, был известен на всю страну и пользовался популярностью как бравый и телегеничный военачальник. К моменту назначения он служил командующим Киевским военным округом. Предполагалось, что в годину межнациональных конфликтов он внесет в работу МВД строгость и требовательность героя-«афганца», особенно с учетом его боевого опыта. Те, кто видел в Громове всего лишь солдафона, ошибались. Он оказался хитрым и ловким деятелем, и его политическая карьера продлилась после перевода в Москву более двадцати лет. Уже в мае—июне 1991 года он принял участие в президентских выборах в РСФСР, баллотируясь как кандидат в вице-президенты вместе с Николаем Рыжковым.

Едва Борис Пуго был утвержден в своей должности, как начались события в Прибалтике, в том числе в его родной Риге. К тому времени ОМОН был переведен напрямую в союзное подчинение, чтобы этим мощным оружием не воспользовались местные националисты. К тому же местные МВД отказались финансировать ОМОНы, которые этнически

были в основном русскоязычными. В Вильнюсе, в столкновениях 11—13 января, ОМОН играл подчиненную роль, во главе были десантники и «Альфа». Однако в Риге омоновцы вышли на первый план. Именно они захватывали здания, принадлежащие местной милиции, в ходе чего 20 января состоялась перестрелка возле МВД Латвии, в которой погибли семь человек.

Все делалось непоследовательно, без плана, поэтому результат оказался половинчатым, а точнее, не в пользу Центра. ОМОН удерживал ряд объектов в столицах республик, но политически ситуация развивалась неблагоприятно для Москвы. Правительства националистов сохранились, антирусские, антисоветские настроения усилились. Наступил период неопределенности, когда обе стороны готовились делать решительные шаги. Центр противостояния переместился на… границы.

Государственных границ, разумеется, тогда еще не было, но на административных литовские власти пытались устанавливать таможенные и пограничные посты. Как признавался один из дежуривших на них сотрудников, «это и не была таможня в полном смысле слова. Был просто вагончик с литовским флагом, — то есть больше политическая акция, демонстрация всему миру намерений маленькой Литовской Республики стать независимой».

После введения правительством в Вильнюсе в апреле 1991 года ограничений на вывоз товаров из республики таможенники начали проверять и задерживать автотранспорт. Поскольку это решение противоречило законам СССР, по приказу Бориса Пуго с середины до конца мая проводилась операция по разблокированию незаконных таможен силами Рижского и Вильнюсского ОМОНов. Как это обычно бывает, силовые акции и сопротивление им привели к человеческим жертвам. Самым трагичным стало нападение на таможенный пост в Мядининкае на границе Литвы и Белоруссии в ночь с 30 на 31 июля 1991 года, когда были расстреляны семь человек. До сих пор обстоятельства этого убийства в точности неизвестны, хотя в причастности к нему подозревался Рижский ОМОН. При этом Горбачев, как и в случае с событиями в Вильнюсе, утверждал, что ему ничего не известно о действиях ОМОНа по ликвидации незаконных постов.

В любом случае Борис Пуго в связи с событиями в родной Латвии, где власти также создавали таможенные посты, и в Прибалтике вообще, оказался между молотом и наковальней. Он видел, что Горбачев может предать в любой момент и уйти от ответственности, кулуарно же побуждая «действовать». Еще в апреле 1990 года прошел XXV съезд компартии Латвии, на котором ЦК КПСС представлял Борис Пуго. Но несмотря на его участие на съезде, не удалось предотвратить главного — раскола местной компартии. Если коммунисты, оставшиеся верными Москве, избрали первым секретарем Альфреда Рубикса, председателя Рижского горисполкома, согласившегося уйти с

хозяйственной работы на партийную в то время, когда это становилось совсем не модным, то раскольники, создавшие Латвийскую независимую коммунистическую партию, избрали своим лидером Ивара Кезберса, до того — секретаря по идеологии, что подчеркивает тот хаос и неуправляемость, которые воцарились в политике.

Другим важным направлением деятельности министра внутренних дел Советского Союза стал Нагорный Карабах. К моменту назначения Бориса Пуго главой МВД в этом районе и вокруг него уже более двух с половиной лет лилась кровь, сотни тысяч людей стали беженцами, сформировались боевые отряды армянских националистов, ведших борьбу за выход Карабаха из состава Азербайджана. Горбачев же, будучи пленником своего имиджа миротворца, никак не мог решиться на кардинальные действия по прекращению конфликта, всякий раз замахнувшись, он опускал руку. В результате ситуация только усугублялась, и парадоксальным образом обе стороны все сильнее начинали ненавидеть президента СССР, утверждая, что именно он поддерживает их противников. И сегодня для армян и азербайджанцев Горбачев — кровавый палач.

В апреле—мае 1991 года в Шаумяновском районе Азербайджана, не входившем в Нагорный Карабах, но заселенном преимущественно армянами, проходила операция «Кольцо», в которой главную роль играли внутренние войска. Целью операции, разработанной вылетавшим на место Борисом Громовым, было разоружение боевиков, фактически взявших под свой контроль ряд сел района. При этом жителям предлагалось временно переселяться в другие районы — на период проверок и зачистки местности. Как можно представить, главный удар пришелся именно на мирное население, которое страдало от обстрелов и насильственных депортаций. Советские внутренние войска, и особенно подразделения азербайджанского ОМОНа, совсем не были подразделениями типа современных ооновских миротворцев. Это были молодые люди со вполне советским менталитетом, так что на проявления с их стороны грубости и грабежей удивляться не стоит.

Армянская сторона подняла информационный шум, долетевший моментально до заграницы, и американский сенат принял специальное постановление, осуждавшее насилие и депортации в Нагорном Карабахе. К июню основные боестолкновения утихли; как и в Прибалтике, в Карабахе установилось неустойчивое перемирие. Исходные цели были отчасти достигнуты, боевиков вытеснили из нескольких сел, но потенциал незаконных вооруженных формирований уничтожен не был, а информационно война была окончательно проиграна. Ни о каком мирном диалоге речи идти не могло, позиции противоборствующих сторон стали еще более непримиримыми. Хуже всего было то, что в противостояние оказались втянутыми армянские и азербайджанские милиционеры. Получилось так, что сотрудники МВД, вроде бы подчинявшиеся Москве, воевали друг с другом, ибо армянское МВД

оказывало помощь боевикам в Карабахе. Эта нелепая ситуация показывала, как далеко зашел развал правоохранительных органов и как были ограничены возможности Бориса Пуго.

Требовал его внимания и приднестровский конфликт, несколько приутихший после столкновений осенью 1990 года, но непризнанная Молдавская Приднестровская Советская Социалистическая Республика никуда не делась, и Кишинев не оставлял намерений силой возвратить ее в состав Молдавии.

Много сил и времени у Бориса Пуго забирали многотысячные политические демонстрации в Москве, почти беспрерывно шедшие в феврале—марте. Так, 10 марта Манежную площадь заполонили около 300 тысяч человек. Комментируя демонстрацию 28 марта, Пуго, как передавала газета «Московский комсомолец», заявил, что «неблагополучная молодежь из Зеленограда и Тушина, многие из которых “находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения”, вела себя агрессивно и даже пыталась раскачивать автомобили».

Немедленно последовало возражение:

«МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ПУГО Б. К.

Мы, студенты Московского института электронной техники, не соглашаясь с целым рядом положений Вашего, г. министр, сообщения на заседании Верховного Совета СССР 28 марта 1991 года, выражаем особо решительный протест против той части сообщения, которая касается Зеленограда и Тушина, в том числе и молодежи этих районов. В сообщении заявляется, что неблагополучная молодежь из Зеленограда и Тушина, многие из которых находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, вела себя агрессивно и даже пыталась раскачивать автомобили. Таким образом, черная тень министерской речи пала на молодежь Зеленограда и Тушина.

Мы требуем от Вас, господин министр, публичного извинения, которое должно быть сделано на том же уровне, на котором было нанесено оскорбление…

В случае непринятия нашего требования оставляем за собой право требовать удовлетворения за оскорбленную честь молодежи любыми средствами, не противоречащими законам Российской Федерации.

Подписи студентов МИЭТ прилагаются на экземпляре в Президиум Верховного Совета РСФСР».

В таких вот условиях полнейшего вольнодумства приходилось работать министру внутренних дел. Приходилось мониторить обстановку в районах шахтерских забастовок, обеспечивать спокойствие на избирательных участках как во время референдума о сохранении Союза 17 марта, так и во время первых выборов президента РСФСР 12 июня. А за спиной Горбачев уже вел консультации с лидерами союзных республик, соглашаясь сдать считавшегося жестким Бориса Пуго и заменить его на кого-то другого. А ведь только в феврале он присвоил

ему звание генерал-полковника (каковым он стал из генерал-майоров — звание, полученное еще в КГБ Латвии).

Неудивительно, что работа в таких стрессовых условиях довольно скоро привела министра к необходимости отдохнуть, и в начале августа он отправился с супругой на отдых в Крым в санаторий «Южный», неподалеку от форосской дачи Горбачева. Вместе с ним отдыхали член Совета безопасности Евгений Примаков и секретарь ЦК КПСС Петр Лучинский, другие высокопоставленные лица. Если бы кто-нибудь сказал им, какая судьба ждет их в ближайшее время, никто бы в это не мог поверить. Люди старались избежать неприятных мыслей о том, куда катится страна и что с ними со всеми будет, и радовались морю и теплу. А ведь уже через несколько дней Борис Пуго и его жена Валентина примут решение уйти добровольно из жизни, Примаков же в итоге дорастет до премьер-министра России, а Лучинский — до поста президента независимой Молдавии.

Отдых близился уже к завершению, по советской традиции Крымский обком партии провел прием для высокопоставленных отдыхающих. Он прошел в Бельбекской долине, гостей угощали специальным шашлыком от директора совхоза имени В. И. Чкалова Якова Салуна. Москвичи были в восторге от угощений и часть недоеденного шашлыка увезли с собой, что и привело к тому, что у некоторых случилось кишечное расстройство, ибо по жаре мясо быстро испортилось. Отсюда и пошла легенда про отравление нитратными арбузами. Некоторые журналисты даже связывали с этим обстоятельством провал ГКЧП.

Все три дня, 19—21 августа, неожиданно оказавшийся в составе ГКЧП Борис Пуго пытался что-то делать. Но его возможности оказались резко ограниченными. Как вспоминал Аркадий Николаевич Мурашев, в 1991—1992 годах начальник московской милиции, «к августу 1991 года вся российская милиция — за исключением внутренних войск Москвы и Ленинграда — уже не подчинялась министру внутренних дел СССР Пуго, а перешла в полное подчинение руководителю МВД РСФСР Баранникову. При этом столичное ГУВД, которое формально являлось структурой двойного подчинения — союзной власти и мэрии, заняло выжидательную позицию: ни во что не вмешивалось, ждало, чья же возьмет».

Все усилия Бориса Пуго влиять на ситуацию парализовывались руководством МВД РСФСР. Тогдашний заместитель министра внутренних дел Андрей Федорович Дунаев рассказывал: «Мне поручили связаться с регионами, объяснить ситуацию. Звонил весь день, с каждым начальником УВД по всей России переговорил. Настойчиво предложил не поддерживать ГКЧП. Почти везде встретил понимание, только в трех-четырех управлениях к моим доводам не прислушались. Руководители милиции Москвы и других крупных гарнизонов заняли правильную позицию: в политику, в отличие от армейских чинов, решили не ввязываться». Дунаев, несмотря на прямой запрет Бориса Пуго, смог

привезти в Москву курсантов из пяти школ милиции общей численностью около тысячи человек.

С телевидением у Пуго тоже ничего не вышло, хотя он и звонил Леониду Кравченко, возмущаясь тем, что на экран попал репортаж с баррикад у Белого дома и что ведет вещание ленинградская редакция. Формально Борис Пуго за ТВ никак не отвечал, и его активность свидетельствует о том, что он неравнодушно подходил к своим обязанностям члена ГКЧП — как он их понимал. Борис Громов, за спиной Пуго, саботировал его приказы, например, тормозил введение в Москву дивизии Дзержинского. И именно Громов представлял МВД на совещании в ночь с 20 на 21 августа у Крючкова, где он заявлял о невозможности силовых действий против Белого дома.

Единственные успехи у Пуго были в Прибалтике, где испуганные националисты не смели сопротивляться центральным властям. Утром 19 августа министр поручил Рижскому ОМОНу взять под контроль ряд стратегических объектов в столице Латвии, в том числе здания городского УВД, МВД, телевидения, междугородной телефонно-телеграфной станции и Латвийского радио, что и было сделано. На следующий день ОМОН разоружил так называемые Национальные силы обороны Латвии на их базе, изъяв оружие и боеприпасы. Но при этом официальную милицию никто не разоружал и не переподчинял. 21 августа планировалось взять под контроль Верховный Совет Латвийской ССР, но затем приказ об этом был отменен.

Странным подтверждением того, что Борису Пуго, собственно говоря, не было чем заняться в эти решающие дни и часы, является то, что 21 августа он нашел время принимать митрополита Питирима, которому показывал конфискованные МВД у преступников старинные иконы. Беседа продлилась полтора часа. Поэтому этой встрече придавали символическое значение — мол, закоренелый атеист Пуго перед смертью решил встретиться с православным священником. Но вряд ли в тот момент министр думал о добровольном уходе из жизни.

Из показаний Бориса Громова о событиях 21 августа, цитируемых в книге «Кремлевский заговор»: «В 20 часов 30 минут я вместе с Шиловым (Иван Шилов, другой первый заместитель Пуго. — *М. А.*) зашел в кабинет Пуго. Мы сказали, что никакие его распоряжения и приказы выполнять не будем. Пуго улыбнулся, пожал плечами и сказал: “Какой я дурак, что поверил Крючкову и послушал его”. Мы с ним попрощались и ушли. Это была моя последняя встреча с Пуго…» Шилов услышал своего начальника еще раз, на следующий день, когда тот позвонил ему на работу из дома утром. Он поинтересовался, как дела, попросил передать привет коллегам.

Сам же Пуго все понял, когда в ночь с 21-го на 22-е в его квартире отключили все служебные телефоны. В разговорах с родными в тот вечер Борис Пуго старался держаться бодро, но признавался, что был обманут — его втравили в дело, которое совершенно не было

подготовлено. На следующий день, в девять утра, он, написав прощальное письмо, выстрелил в висок своей жене, а затем в себя. Супруга не погибла на месте, а скончалась в больнице на следующий день.

Записка, лежавшая на прикроватной тумбочке, гласила:

«Совершил абсолютно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению. Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей. Единственное оправдание происшедшему могло быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элина, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Все это ошибка! Жил я честно — всю жизнь».

Текст ничего не объяснял и больше оставлял загадок. Валентина Ивановна тоже написала от себя:

«Дорогие мои!

Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде.

Мама».

Выстрелы Пуго прозвучали буквально за несколько минут до приезда группы, отправленной за ним для ареста и обыска. В нее входили председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко, заместитель министра внутренних дел РСФСР Виктор Ерин и заместитель Генерального прокурора РСФСР Евгений Лисов, а также зачем-то Григорий Явлинский, на тот момент находившийся в отставке (газеты скромно называли его «участник событий в Белом доме»). Дверь им открыл тесть Бориса Пуго — 84-летний старик, проживавший с дочерью и зятем.

Трупы супругов Пуго были кремированы. На прощание в ЦКБ в Кунцеве пришли лишь несколько человек. Четыре месяца сын Вадим не мог добиться места для захоронения праха родителей, пока ему не выделили место на Троекуровском кладбище.

Кроме Бориса Пуго по итогам ГКЧП покончили с собой еще два человека — маршал Сергей Ахромеев, советник президента, а до того — начальник Генерального штаба, и Николай Кручина, управляющий делами ЦК КПСС. Это произошло, соответственно, 24 и 26 августа. Причем если Кручина выбросился из своей квартиры, то Ахромеев повесился в своем рабочем кремлевском кабинете. Все трое не могли пережить крушения того, в чем видели смысл своей жизни, в этом проявилась их идейность. Пуго был интернационалистом-коммунистом в полном смысле слова. Но в его случае боль от утраты большой идеи сочеталась со страхом позора — ареста, следствия, суда. Министр внутренних дел не мог представить себя за решеткой, в одночасье поменяться ролями с подследственными.

Суровое неулыбающееся лицо Бориса Пуго, его экзотическая фамилия, немного пугающая и навеивавшая воспоминания о холодном бесчувствии латышей, сам пост министра внутренних дел, то, что на пресс-конференции 19 августа он сидел по правую руку от Янаева, делали его во время ГКЧП одной из самых одиозных фигур. Поэтому на стенах писались спонтанно родившиеся призывы вроде «забьем снаряд мы в тушку Пуго». Никто не знал, что он никакого отношения к замыслу Крючкова не имел.

Борис Пуго до конца верил Горбачеву, выдвинувшему его на высокий пост. Этим он мало отличался от других участников ГКЧП, не способных вовремя порвать с президентом или повлиять на его политику. Все они, «вписавшиеся», как бы сказали сейчас, за перестройку в 1985—1987 годах, оказались привязанными к его колеснице. Связав свою судьбу с судьбой генсека, они уже не могли действовать самостоятельно, а единственная попытка поменять ситуацию лишь привела их к краху. Но если другие члены ГКЧП отделались кратким тюремным заключением, то Борис Карлович Пуго заплатил за свои ошибки и наивность жизнью.

СТАРОДУБЦЕВ

Подбирая состав ГКЧП, Крючков и его помощники понимали, что им необходимы представители основных классов населения, свадебные генералы, без которых в советское время не обходился ни один президиум. Одним из двух таких свадебных генералов, который должен был одновременно и представлять крестьянство, и отвечать за сельское хозяйство в составе ГКЧП, оказался Василий Александрович Стародубцев, председатель Крестьянского союза, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, председатель племзавода-колхоза имени В. И. Ленина.

Новый главный аграрий Советского Союза, как и положено такому человеку, родился в деревне. Это произошло 25 декабря 1931 года (в один год с Ельциным и Горбачевым) в селе Воловчик, тогда еще Курской области (ныне Липецкая). Он был старшим из шестерых детей Александра Игнатьевича и Александры Ивановны Стародубцевых, простых колхозников. Родители его, несмотря на все тяготы колхозной жизни, прожили долгую жизнь, что особенно удивительно для представителей того поколения, отец — 87 лет (1906—1993) и столько же мать (1907—1994). Отметим сразу, что Василию Александровичу не довелось прожить столь же продолжительно, несмотря на совершенно иной уровень доступных ему медицины и питания.

Рождение Василия совпало с драматическими переменами в жизни русской деревни. После «года великого перелома» (И. В. Сталин) большинство крестьянства очутилось в колхозах. Вместо провозглашенного генсеком «жить стало лучше, жить стало веселей» жить стало совсем невмоготу. Правда, Курская область не попала в

те районы страны, где в результате политики изъятия зерна в запланированных заранее масштабах разразился голод с миллионами жертв. Однако воцарившаяся отныне нищета колхозной деревни была Стародубцеву сызмальства знакома.

Она обусловливалась целым рядом причин, прежде всего, сверхэксплуатацией крестьянства. Сталин решил осуществлять индустриализацию за счет деревни, выкачивая из нее ресурсы. Обмен между нею и городом был неэквивалентный, государство мало платило за продукты и много требовало за технику и прочий товар. Господствовало внеэкономическое принуждение, колхозников могли гонять на всякого рода работы, не связанные с сельским хозяйством, например на заготовку дров или торфа. ВКП(б) недаром расшифровывали как «второе крепостное право большевиков» — ни при каком помещике не снилась такая эксплуатация. Колхозники, во-первых, работали почти даром, за «палочки» (трудодни), во-вторых, платили натуральный и денежный налог с домашнего хозяйства, в-третьих, были обязаны подписываться на заем.

В 1941 году ко всем тяготам колхозной жизни (отягощенной разрушением традиционного быта и культуры — церкви были закрыты и разорены, невозможно было ни крестить новорожденного, ни отпеть покойника, ни повенчать новобрачных) прибавилась новая напасть — война. Отец Василия ушел на фронт, а родное село заняли немцы. Десятилетний мальчишка нагляделся на многое такое, чего не следовало бы видеть детским глазам. Через село проходили беженцы, и в память Стародубцева врезалась сцена, когда в их дом зашла беженка с двумя малышами, как оказалось, жена советского офицера, которой было опасно оставаться под немцами. Она хотела купить детям что-то из еды и сняла с пальца золотое кольцо, последнее, что у нее оставалось, и протянула матери. Но та не взяла и дала детям по стакану молока и куску хлеба. А после, когда те передохнув, отправились в путь, дала им с собой бутылку молока, еще хлеба и ведро картошки.

На глазах у мальчика проходили упорные кровавые бои — село дважды занимали немцы, и дважды их выбивали, последний раз под Новый, 1943 год. Оккупанты заставили мальчишек (взрослых мужиков в селе не оставалось) собирать трупы советских бойцов и хоронить их. Вскоре после освобождения села пришла похоронка на отца с указанием места захоронения. Роту, где служил Александр Игнатьевич, по ошибке накрыла наша артиллерия. И лишь через полгода семья получила письмо из госпиталя от… отца. Оказалось, что он был ранен под тем обстрелом, но чудом выжил.

А у мальчишек продолжалась суровая взрослая жизнь. Помимо полевых работ им пришлось заниматься разминированием полей. 12—13-летние пацаны обезвреживали снаряды и мины, других саперов в селе не было. Немало детей погибло или осталось калеками, был тяжело ранен младший брат Дмитрий, которому тогда не было и десяти лет. Эти

жертвы — еще одна малоизвестная страничка истории той войны. Поэт Лев Лосев вспоминал про мальчишек послевоенной деревни, которую он посетил: «Разговоры у них шли, в основном, о том, кто и как из местных ребят подорвался, стараясь раскурочить неразорвавшийся снаряд: “Мать прибежала, стала кишки с куста собирать, обратно ему в живот засовывать…”». Вспомним, что и у одногодка Стародубцева — Ельцина на руке не было трех пальцев, которых он лишился в те же годы свободного доступа детей и подростков к боеприпасам.

При всей своей любви к земле и крестьянскому труду, юный Василий видел всю нищету и безысходность послевоенной колхозной жизни. Народ бежал любыми путями из деревни. И он не стал исключением. В неполных 16 лет Стародубцев, подобно сотням тысяч своих сверстников, окончив семилетку, покинул родное село.

Его биография любопытным образом напоминает биографию Василия Шукшина, родившегося двумя годами ранее и в том же возрасте ушедшего из деревни искать свой путь в городе. Подобно Шукшину, Стародубцев очутился на стройке в Подмосковье. Подобно Шукшину он пытался неудачно поступать в военное училище. И затем, как и будущий писатель, в 1951 году он был призван на военную службу, которая у него протекала в авиации, куда он попал с учетом его обучения в Раменском аэроклубе. Этот момент его жизни перекликается с биографией Юрия Гагарина, который, напротив, был на два с половиной года его моложе, но тоже покинул деревню ради города и занимался в аэроклубе. Так что судьба Стародубцева — весьма типична для его поколения.

В ВВС он прошел обучение в школе младших авиационных специалистов, служил бортмехаником, налетал более семисот часов. Он планировал связать свою жизнь с военной службой, хотел поступать, заочно окончив десятилетку, в военное училище. Стародубцев вполне подходил по характеру для армейской карьеры — был требователен, целеустремлен, напорист, энергичен, умел ладить с любым начальством. Для сына колхозников это была бы замечательная карьера. Он вполне мог дослужиться и до генерала. Но вмешался его величество случай. После смерти Сталина началось сокращение вооруженных сил, и часть, где служил Стародубцев, ликвидировали. Его демобилизовали, выдав как утешительный приз комсомольскую путевку на шахту Подмосковного угольного бассейна.

В 1955 году начался новый этап жизни Василия Стародубцева. Если уж продолжать сравнение с Шукшиным и Гагариным, то Василий Макарович, тоже досрочно демобилизованный с флота по причине болезни, вернувшись в родное село, сдал экзамены за десятилетку, стал директором вечерней школы, а через год, в 1954-м, рванул в Москву и поступил во ВГИК. Это был резкий скачок вверх, сразу выведший его на иную орбиту. Гагарин же смог поступить в летное училище в Оренбурге и застолбить за собой офицерскую карьеру — также

замечательное достижение для сына колхозника, через несколько лет ставшего известным на весь мир. У Стародубцева же путь наверх занял гораздо больше времени.

Сперва ему пришлось опуститься в шахту. Подмосковный угольный бассейн начал развиваться с 1920-х годов как топливная база для промышленности Центрального района страны. Там добывался бурый уголь — низкокачественный, но по тем временам и его было достаточно, чтобы использовать в первую очередь на электростанциях.

Особенно бурно закладка шахт пошла с 1930-х годов. В районе поселка Бобрики (получил название по фамилии графа Алексея Бобринского — незаконного сына Екатерины II и Григория Орлова, которому в тех местах она дала поместье) были построены крупная электростанция и химический комбинат. Неподалеку вырос новый город, получивший название Сталиногорск (в начале 1930-х это была одна из важнейших новостроек первой пятилетки, и ее прозвали «Новая Москва» — отсюда и Новомосковск, как называется город с 1961 года). До 1957-го он и окружающие селения входили в состав Московской области. Когда в 1937-м из нее выделили Тульскую, то район Сталиногорска остался в Московской, хотя прежде Бобрики относились к Епифанскому уезду Тульской губернии. Если посмотреть на карту того времени, то Сталиногорский район был анклавом столичного региона, почти со всех сторон окруженный территорией Тульской области. Сохранение его в Московской области объяснялось значимостью угольной и химической промышленности. И только в 1957 году явная историческая и географическая нелепость была устранена и Новомосковск вместе с прилегающими городами был возвращен в состав Тульской области. Но память о пребывании в Московской области оставалась еще долго, и новомосковцы свысока посматривали на туляков: у них имелась детская железная дорога, которой не было в Туле, и областной телецентр находился у них. Эти объекты появились благодаря шахтам — руководитель местных угольных предприятий Дмитрий Оника, одно время министр союзного правительства, не жалел сил и средств на то, чтобы столица Мосбасса выделялась.

Я так подробно остановился на истории этого города и района, поскольку здесь прошла жизнь Василия Стародубцева с 1955 года и до самой смерти. Он скончался в новомосковской городской больнице, куда его привезли из его дома в селе Спасском Новомосковского же района. Впрочем, стоит уточнить: Стародубцев осенью 1955 года прибыл в поселок Сокольники, что в 18 километрах от Новомосковска. Тогда поселок был на подъеме, вокруг работало несколько шахт, на которых в год добывалось три миллиона тонн бурого угля, и в 1958 году стал городом районного подчинения.

Василий Стародубцев начал работать на 36-й шахте, директором которой был Петр Щекочихин, первый из руководителей, оказавших влияние на Василия Александровича. Впрочем, стоит отметить, что

Стародубцев не слишком высоко ставил начальников, с кем ему пришлось работать, и, вспоминая о них, как-то незаметно подчеркивал, что в спорах он всегда оказывался прав. Он, как истинный лидер, не считал возможным кому бы то ни было до конца подчиняться.

Щекочихин заметил амбициозного и ответственного парня, из навалокрепильщиков тот быстро перешел в машинисты горного комбайна. Далее последовало избрание передового рабочего в партком шахты, областной Совет, направление (после окончания вечерней школы, в которой учительницей русского языка и литературы работала его будущая супруга — Тамара Александровна, все как в фильме 1956 года «Весна на Заречной улице») на заочную учебу в институт. По воспоминаниям самого Стародубцева, директор Щекочихин направлял его в горный институт, имея в виду, что тот станет инженером на шахте, но он заупрямился, настояв на своем, и поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт. Через два года Стародубцев перевелся во Всесоюзный заочный сельскохозяйственный институт в подмосковной Балашихе — туда было ближе добираться.

Он окончил его в 1966 году. Вслед за ним этот же институт окончили его братья Дмитрий и Федор, а также сестра Лидия. Василий, как старший среди детей, всегда чувствовал ответственность за младших, опекал их, пробивал дорогу. Никто из них не остался в селе, все получили высшее образование — большая редкость для семьи колхозников. И в этом была заслуга Василия Александровича. Он перетащил за собой Дмитрия и Федора в Тульскую область, они вместе с ним поступили в областную школу подготовки руководящих кадров для села. Самая младшая сестра, Лидия, одно время жила и работала у него в совхозе.

Лишь младший из братьев — Алексей и сестра Екатерина не пошли по пути Василия. Алексей стал военным, окончив Казанское высшее артиллерийское командное училище, принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Екатерина, которая также какое-то время жила у брата в Сокольниках, поступила в МГУ, преподавала иностранные языки. Лидия переехала в Москву, работала в Минплодовощхозе РСФСР. Но больших успехов достигли именно Дмитрий и Федор, пошедшие по пути брата и ставшие, как и он, председателями колхозов в Тульской области.

Стародубцев был направлен в вышеупомянутую школу и как активист, и как получавший сельскохозяйственное образование. В то время партийные органы вели активную работу, отбирая перспективные кадры. Василий подходил на выдвижение по всем статьям — и происхождением, и навыками, и цепкостью, и получаемым образованием. Формально он был еще простым шахтером, но фактически входил в рабочую аристократию, будучи активистом.

Стоит заметить, что тогда, в начале 1964 года, на руководящую работу в колхозы особо не рвались. Сельское хозяйство, после некоторого

пробуждения в середине 1950-х, когда после смерти Сталина отменили продналоги, подписку на заем, снова пребывало в упадке. Основные вложения Хрущев направил на целину. Центральная Россия продолжала пребывать в упадке, разоренная и коллективизацией, и войной. Положение усугубляли разного рода кампании — то догнать и перегнать Америку за три года по производству мяса, молока и масла на душу населения, то насаждение кукурузы, то борьба с подсобными хозяйствами населения, запрещение содержать скотину в городской местности, то разделение обкомов и облисполкомов на городские и сельские. В результате в 1963 году наступил настоящий продовольственный кризис — по всей стране стояли очереди за хлебом. Впервые пришлось покупать, к вящему стыду, зерно за границей.

Одной из мер, к которым прибегал Хрущев — вполне себе радикал 1920-х годов, не допускавший и мысли о том, что сельским хозяйством можно и не командовать (он не стал реформатором в духе Дэн Сяопина, как после него и Горбачев), было направление на село кадров из города. Как в коллективизацию были направлены создавать колхозы так называемые двадцатипятитысячники — рабочие-коммунисты, так и в марте 1955-го было принято решение о посылке 30 тысяч добровольцев для руководства отстающими колхозами.

Одним из них и стал Василий Стародубцев, который, впрочем, далеко не уехал. Колхоз имени В. И. Ленина, куда его распределили, находился от Сокольников прямо по другую сторону дороги на Рязань, в селе Спасском. Кстати говоря, у Шукшина есть рассказ 1961 года «Правда», в котором описывается инженер из Калуги, посланный на укрепление совхоза. Писатель бывал на своей малой родине и тонко подмечал происходящие процессы.

Наследство досталось Стародубцеву незавидное. Он вспоминал: «Затраты на покрытие долгов текущего года — 341 тысяча рублей, задолженность по ссудам государства — 571 тысяча, другие долги по расчетам с дебиторами — более полумиллиона… Средняя урожайность зерновых едва достигала десяти центнеров с гектара, свеклы — шестидесяти. На каждую фуражную корову надаивали чуть более тысячи килограммов молока в год». На скотном дворе «действительность превзошла все самые мрачные ожидания. Не коров я там увидел, а живые скелеты животных, обтянутые кожей. Две из них, вконец отощавшие, висели на веревках».

К счастью, избрание его председателем пришлось на год, когда Никита Хрущев был отправлен в отставку. Новое руководство во главе с Леонидом Брежневым и Алексеем Косыгиным взяло иной курс в сельском хозяйстве. Решениями мартовского пленума ЦК КПСС 1965 года были списаны 2,1 миллиарда рублей задолженности из 5,3 миллиарда, накопившихся во многом из-за решения Хрущева в 1958 году расформировать МТС (машинно-тракторные станции) и продать технику колхозам. Были повышены закупочные цены, установлены твердые

планы, по выполнению которых хозяйства могли свободно распоряжаться излишками продукции. Перестали вести борьбу с личными подсобными хозяйствами, хотя, конечно, они по-прежнему рассматривались как некий довесок, а основное занятие каждого работника колхоза и совхоза должно было быть по основному месту работы. Был низвергнут с научного олимпа Трофим Лысенко, которого поддерживал Хрущев и который камнем лежал на пути внедрения новейших технологий в аграрную науку. Улучшилось социальное положение тружеников деревни — в 1966-м отменили трудодни и перешли к денежной оплате труда, еще раньше, в 1964-м на колхозников распространили пенсии, в 1967-м страна перешла на пятидневную рабочую неделю.

Общая сумма капиталовложений в сельское хозяйство в 1966—1980 годах составила 383 миллиарда рублей. Оно оставалось в зоне особого внимания Леонида Брежнева. Как вспоминал Горбачев, он в первую очередь занимался селом и обороной. Да и сам Леонид Ильич писал: «На мой рабочий стол в Кремле регулярно ложатся сводки о ходе весеннего сева, о состоянии всходов, о темпах уборки. По давней привычке сам звоню в разные зоны страны и когда слышу товарищей с Кубани, из Приднепровья, Молдавии, Поволжья, Сибири, то уже по голосам чувствую, каков у них хлеб».

Но при всем внимании к селу, повторимся, Брежнев и Косыгин вовсе не были реформаторами. Они лишь пытались смягчить последствия того удара, что был нанесен по деревне при Сталине. Ни о каком возвращении к единоличному ведению хозяйства речи не шло. Догмы оставались непоколебимыми — ни малейших поползновений в сторону деколлективизации не наблюдалось.

Василию Стародубцеву выпало работать главой колхоза именно в брежневское время. Социальная деградация села продолжалась — алкоголизм, преступность, распад семейных связей. Молодежь из села продолжала бежать. По всем параметрам жизнь в городе представлялась лучше — от набора продуктов и товаров в магазине до асфальта и воды из крана.

Писатель Анатолий Кузнецов, живший в 1960-е годы в Туле, а после оставшийся за границей во время поездки в Англию, вспоминал: «Тульский секретарь обкома предложил мне поехать с ним в поездку по области, посмотреть, как сельское хозяйство поднимается на недосягаемую высоту в свете последних решений, и прочее… Я много видел в жизни нищеты, но то, что увидел в глубине Тульской области через 50 лет после Октябрьской революции, все же было потрясающе. Деревня: неприкаянно торчат на юру бурые, разваливающиеся избенки. Ни деревца, ни цветочка, ни заборчика — земля усыпана лишь мусором и залита помоями. Крыша в провалившихся дырах — не чинится. Дверь повисла на одной петле — пока не отвалится вторая. Внутри — не жилье, а какая-то пещера зловонная, ветхое тряпье, голые дети, мутный самогон

в бутылке на столе. “Все губит у нас пьянство, вот где бич”, — вздыхал секретарь. И вот он велел шоферу ехать в показательное хозяйство, чтоб хоть настроение поправить. На подъезде к лучшему, показательному колхозу он велел остановиться. Мы вышли. Время было колоситься, но рожь не поднялась еще выше колена. Редкие стебли можно было сосчитать пальцами на каждом квадратном метре. Кроме того, во время сева тракторист не то задремал, не то по какой иной причине, — был сделан огромный огрех, получилась такая вытянутая незасеянная плешь в несколько соток». Как мы видим, описания тульской деревни 1960-х, что у Стародубцева-коммуниста, что у Кузнецова-диссидента мало отличаются. Но только Василий Александрович бежать за рубеж не планировал, а пытался что-то изменить.

Сразу надо отмести легенду о том, что на Стародубцева изначально местными властями была сделана ставка и потому ему предоставляли все самое лучшее, чтобы вылепить образцово-показательное хозяйство. Да, потом имя уже работало на него. Но сперва это имя нужно было заслужить, и никто в 1964 году, бросая передового шахтера в заброшенный колхоз, не предполагал его будущих успехов. Важно было просто заткнуть кадровую дыру.

На собрании колхозников Стародубцев представил свою программу НЭП — «наведение элементарного порядка», первой проблемой, за которую он взялся, была борьба с воровством и растащиловкой. За 30 колхозных лет люди, доведенные до крайней степени нищеты, привыкли нести домой из колхозных закромов все, что плохо лежит, компенсируя мизерные оплату и всеобщий дефицит. Но изменить ситуацию, не переломив отношения к воровству как к чему-то нормальному, было нельзя. Новый председатель запретил оставлять комбайны на ночь у дворов, поскольку комбайнеры беззастенчиво везли домой в бункере зерно и ссыпали его у себя на подворье. Отныне вся техника оставалась на ночь на мехдворе под охраной. Порой Стародубцеву приходилось лично вступать в схватку с заезжими грабителями, рискуя жизнью.

Собственно хозяйственные дела Стародубцев начал с зерновых. Он пригласил на работу агронома, готового относиться к работе творчески, внимательно изучил структуру почв, выпросил грузовики у своего бывшего директора Щекочихина, чтобы вывезти навоз со скотного двора на поля (в колхозе на ходу была только одна машина).

Но почти сразу возник конфликт с горкомом — Стародубцева побуждали сеять в сроки, установленные свыше, а он не спешил, ждал, пока просохнет земля — «понимал, что, если хоть раз уступишь необоснованным требованиям, потом тобой будут помыкать кому как вздумается», — вспоминал он. От снятия с работы и исключения из партии молодого председателя спас первый секретарь горкома Сергей Арбузов, на месте разобравшийся в сути дела. Глядя из сегодняшнего дня, ситуация кажется абсурдной — политическая партия определяет, что, когда и как сеять, и контролирует исполнение решений в сфере

сельского хозяйства. Но такова была реальность, и Стародубцеву предстояло работать именно в таких реалиях.

Следующим конфликтом председателя с партийными органами было требование сдать дополнительное зерно государству. А Стародубцев пообещал колхозникам, что они получат повышенную оплату по итогам года — полтора килограмма хлеба и по 50 копеек на трудодень. Теперь же над обещанием нависла угроза. Опять его спас Арбузов, отношения с которым стали важной составляющей успеха Стародубцева. Он обладал уникальной способностью выстраивать отношения с нужными людьми, от которых зависели его карьера и благополучие его колхоза.

Когда первая посеянная при нем пшеница взошла, стали видны огрехи механизаторов — проплешины в полях. Стародубцев предложил засеивать их вручную — урок, которого хватило раз и навсегда, чтобы честно относиться к своим обязанностям. Результат не замедлил показать себя — урожайность по колхозу в среднем составила 14 центнеров с гектара. Через год она возросла до 21 центнера, а к концу 1980-х составляла 45—50 центнеров.

С животноводством было труднее. Стародубцев объехал множество хозяйств Советского Союза, знакомясь с тем, как там поставлено содержание скота, — и ничто ему не понравилось. Он понял, что надо создавать что-то свое, принципиально иное, чем то, что он видел, основанное на полной механизации и автоматизации. Итогом его длительных размышлений, споров со специалистами стал уникальный животноводческий комплекс, впервые в СССР оснащенный даже ЭВМ. На 1100 коров приходилось всего четыре доярки. Производительность труда выросла в 20 раз. Удои составляли шесть тысяч килограммов от коровы в год. За создание комплекса Стародубцев с коллегами получил в 1979 году Государственную премию.

Награды вообще щедро сыпались на него — в 1976-м, к 45-летию, Василий Стародубцев был удостоен звания Героя Социалистического Труда, имел три ордена Ленина, много других наград. В 1973-м он стал кандидатом сельскохозяйственных наук, а в 1988-м — членом-корреспондентом ВАСХНИЛ. Он придавал им немалое значение не из тщеславия, хотя и без него не обходилось, но как к «отмычкам», помогающим открывать двери в высокие кабинеты. Науке Стародубцев уделял особое внимание, стараясь внедрять у себя в колхозе последние новинки. Так, одними из первых в СССР у него стали использоваться технологии по пересадке эмбрионов высокопродуктивных телят.

Важным фактором успехов стародубцевского колхоза была его близость к крупному городу. Известный аграрный географ Татьяна Нефедова отмечала, что в СССР в сравнительно лучшем положении находились хозяйства пригородной зоны. Это объяснялось и лучшими дорогами, и лучшим культурно-бытовым обслуживанием, и наличием рабочих рук. Рядом находился не только Новомосковск, но и те же

Сокольники, и Северо-Задонск. Земли колхоза имени В. И. Ленина относились к черноземам, хоть и выщелоченным. Правда, шахты оставили свой неблагоприятный экологический след в виде отвалов и терриконов прямо на территории колхоза, занимая примерно одну ее треть. Для восстановления плодородия этих заброшенных земель пришлось провести громадную работу, перелопатив восемь миллионов кубометров грунта. Занявшись проблемой стабильного водоснабжения, Стародубцев принял решение о сооружении каскада прудов. Помимо орошения они стали использоваться для разведения рыбы, и в колхозе была введена экзотическая должность ихтиолога.

Но подлинной экзотикой стало решение проблемы сезонности сельского труда. Особенно остро эта проблема стояла для женщин — они работали с мая по сентябрь, а остальное время сидели без дела и, соответственно, без зарплаты. Это подталкивало многих покидать колхоз и перебираться в город. Стародубцев придумал швейно-полеводческий цех — летом женщины работали на полях, а зимой шили одежду, фактически это была целая трикотажная фабрика. Еще раньше в колхозе был открыт комбикормовый завод, так что его переименование в племзавод-колхоз отражало его агропромышленный характер.

За экономикой следовал соцкультбыт, как выражались в те времена. Колхоз, став миллионером, мог теперь позволить тратить средства на жилье, не прибегая к кредитам Госбанка. В колхозе ввели должность штатного архитектора, еще одна новинка от Стародубцева.

Председатель и в выборе жилья был оригинален. Он решил, что для его колхозников не подойдут индивидуальные коттеджи. Стародубцев обосновывал это так, споря с городскими сторонниками личных домов, при которых бы люди содержали скот и огороды: «На один центнер молока на нашем животноводческом комплексе расходуется немногим более одного человекочаса, в личном хозяйстве — 54 человекочаса. Выходит, вы за то, чтобы наши колхозники, помимо основного производства, рабски гнули спину еще и на своем личном подворье, где у них кроме коровы масса других дел. Значит, им, как проклятым, работать день и ночь, без выходных и отпусков, без элементарного досуга? Как раз из-за такого адского труда деревни наши пустеют год от года».

У Стародубцева в колхозе строились многоквартирные дома, по двенадцати проектам, всего на 450 квартир. А продукты колхозники могли купить по льготным ценам, в столовой питание дотировалось, жилье выделялось бесплатно, как бесплатно работали сады и ясли, выделялись путевки в пионерлагеря, санатории и дома отдыха. Существовали скидки по квартплате, доплаты к государственным пенсиям и пособиям. Были построены Дом культуры, спортивный комплекс с бассейном, детсад, также с бассейном. Центр Спасского украсили розарий и аллея серебристых елей.

Стародубцев даже восстановил на свой страх и риск храм начала XIX века, использовавшийся как склад удобрений. Правда, до перестройки он не функционировал как религиозный объект, этого бы никто не позволил. Официально считалось, что восстановлен памятник истории и архитектуры.

Бывший министр сельского хозяйства СССР Валентин Карпович Месяц вспоминал: «Наше знакомство с Василием Александровичем состоялось в далекие 1960-е годы, когда я работал первым заместителем министра сельского хозяйства РСФСР. Встреча с ним была очень интересной. Нахожусь в кабинете, заходит секретарь и говорит, что к вам на прием просится председатель колхоза имени Ленина из Новомосковского района Тульской области. Я делаю ей замечание: “Почему же вы сразу не открываете дверь, заставляете ждать руководителя хозяйства, а у него, наверное, время в обрез. Немедленно приглашайте его!” Заходит в кабинет очень скромный, небольшого роста председатель колхоза, худощавый.

Я приглашаю его садиться за стол. Спрашиваю: “Откуда вы и какие вопросы вас интересуют?” И вдруг вижу, человек преобразился: глаза заблестели, и он бодрым, зычным голосом стал рассказывать о себе, о своей работе… Я встал, подошел к Василию Александровичу, поздравил его с избранием председателем колхоза, поблагодарил за все, что он рассказал, и пожелал ему хороших трудовых успехов. А потом спросил: “Что вы хотите получить в Министерстве сельского хозяйства?” “Прежде всего, встреча моя — ознакомительная. Хотел встретиться с министром, некоторыми начальниками главков министерства, а сейчас прошу вас, помогите колхозу концентрированными кормами, минеральными удобрениями, тракторами и сельскохозяйственными машинами”. Я посмотрел заявку, составленную колхозом, и принял решение. Председатель новый, чувствуется, очень деловой, энергичный, и дал указание экономическому главку полностью удовлетворить просьбу хозяйства. Расстались мы с Василием Александровичем как хорошие друзья. После этой встречи он стал частым гостем министерства и не только по тем или другим просьбам. Приглашал к себе посетить хозяйство, посмотреть, каким оно становится. И мы в министерстве через определенный промежуток времени организовали выезды руководителей хозяйств, специалистов в колхоз имени Ленина».

Таких знакомств у Стародубцева в Москве случилось множество. Его способность налаживать контакты, пробиваться в высокие кабинеты была просто фантастической. Без этой незаметной для постороннего человека работы его колхоз вряд ли добился бы таких успехов.

Стародубцев был нужен и в Москве, и в Туле, и в Новомосковске как визитная карточка достижений советского села. На базе животноводческого комплекса колхоза была организована Всероссийская школа повышения квалификации животноводов, через которую прошли тысячи специалистов, но основное предназначение

которой, как кажется, заключалось в раскрутке имиджа Стародубцева и в прославлении его колхоза.

В 1970-е годы депутатом Верховного Совета СССР от Новомосковского района был председатель КГБ Юрий Андропов. И он, выезжая на встречи с избирателями, не мог миновать передовой колхоз и его боевитого председателя. Стародубцев и из депутатства Андропова старался извлечь максимальную пользу.

Задумываясь об успехах крестьянского сына, который подобно сказочному Иванушке взлетел до самых царских палат, нельзя не попытаться ответить на вопрос о составляющих успеха. Поскольку я лично был знаком со Стародубцевым и несколько месяцев проработал его пресс-секретарем, то попытаюсь представить свое видение его личности и его жизненного пути.

Когда-то я написал воспоминания о работе с ним. Они не опубликованы, и я кое-что буду цитировать из них. «Хорошо помню свое впечатление от Стародубцева после первого дня поездок с ним. “Злой старик” — так я сформулировал оценку его личности. Действительно, сидя позади него в джипе, я видел, в первую очередь, морщинистую шею и проступавшую лысину на затылке, неумолимо подчеркивающую возраст. С другой стороны, я поразился недоброжелательности его оценок людей. Обо всех он отзывался за глаза довольно зло, да и в глаза своему окружению порой (можно сказать, не порой, а постоянно) говорил весьма резко и грубо. Почти все время он находился в раздраженном состоянии».

Да, я знал его уже пожилым, и поправку на возраст в моих впечатлениях от его личности сделать необходимо. Однако, думаю, характер его изменился, и то, каким он предстал передо мной в 66 лет, мало отличалось от того, каким он был в 40—50 — расцвет его председательской деятельности.

«Что касается его физических кондиций, то помню, как в августе 1997 года, на совещании по строительству, которое проходило в душном кабинете на седьмом этаже тульского “Белого Дома”, Стародубцев снял пиджак, оставшись в белой рубашке. Через просвечивающуюся сорочку проступали контуры крепкого, совсем не старого, поджарого тела. Тогда он мне показался неким крепким несокрушимым титаном, над которым не властно время. Что ни говори, а Стародубцев действительно уникум. Сохранять такую прекрасную физическую форму в его годы, при такой напряженной работе мало кому удается. Как известно, его родители дожили почти до девяноста лет, так что генетика у него прекрасная…

Пообщавшись поближе, я был разочарован, так как ничего особенно выдающегося в губернаторе не заметил. По всем признакам это был типичный председатель колхоза. Разве что кругозор несколько пошире. Что касается культуры, то она у Стародубцева отсутствовала. Да, он мог наизусть читать стихи Баркова, но какой-то интеллигентности, глубинной личностной культуры в нем не было…

Чем Стародубцев виртуозно еще владел, так это искусством общения с людьми, которые были ему нужны. Пару раз я присутствовал при его телефонных разговорах с московским начальством. Тогда он был сама любезность — внимательный и обаятельный собеседник. Секретарша сообщает ему, что Лившица на месте нет, он болеет. Стародубцев велит ей соединить его с приемной тогдашнего помощника президента.

— Что, Александр Яковлевич, приболел? — спрашивает он у кого-то из подчиненных Лившица таким елейным тоном, словно хочет произнести не “приболел”, а “приболели”. Далее следует столь душевное пожелание скорейшего выздоровления, что просто диву даешься красноречию…

Людей, встреченных тобою, можно поделить на тех, от кого чему-то научился, и на тех, от кого взять нечего, несмотря на всю их знаменитость. От Стародубцева я ничему не научился, кроме разве что нескольких ругательств. Он не показался мне человеком, общение с которым обогащает тебя. Может, я был для него кем-то вроде стула — то есть вещи, части обихода, и потому он передо мной не раскрывался. В общем-то, за все время моей работы с ним он ни разу не задал мне какого-то личного вопроса, никогда и ничем не поинтересовался у меня тем, что бы выходило за рамки работы, вообще не проявил ко мне как к человеку интереса. Я являлся всего лишь функцией».

Теперь я понимаю, что тот мой взгляд, записанный по свежим следам, носит черты обиды и односторонен. Но я привожу эти цитаты, поскольку они передают живое впечатление от моего героя. С позиций сегодняшнего дня я бы сказал, что от всех этих знаменитых людей, по крайней мере в советском исполнении, стоит держаться подальше. Вблизи кумир выглядит совсем не так, как по телевизору или в газете. Как сказал один человек, давно знавший Стародубцева, — с ним хорошо дружить, но плохо работать. В этом — вся суть Василия Александровича как руководителя, сложившегося в советское время. С теми людьми, которые от него не зависят, а, особенно, нужны ему, он мог быть заботлив и радушен, но стоило им стать его подчиненными, как былая приязнь исчезала, сменяясь жесткой субординацией.

С одной стороны, пробивание наверх из самых низов не могло не ожесточить характер, сделать человека бесчувственным, а с другой — порядки, заведенные в тогдашнем руководстве, способствовали усвоению подобной авторитарной культуры — с разносами, начальственным хамством, на этом держалась вся система.

Знавшие Стародубцева отмечали его необыкновенную память — он мог помнить телефон человека, с которым общался несколько лет назад, рассказать, что делал такого-то числа такого-то года — спроси его об этом. Рассказывали о знании им литературы, о способности на память читать много стихотворений — я этого ничего не видел, но, повторюсь, общался с ним слишком мало. Лично я могу припомнить о Стародубцеве, что он мог быть хорошим рассказчиком — но в самом простонародном

духе. Раз он удивил меня, сказав, на сколько сантиметров должны выступать рукава рубахи из-под пиджака — прочитал где-то или от кого-то услышал и запомнил, сочтя важным.

Одевался он весьма элегантно, держался прямо, вообще уделял немалое внимание внешнему виду, но в мое время уже несколько старчески сутулился, обычный текст он уже не мог читать без очков, и ему специально печатали бумаги для выступлений огромным шрифтом. Стародубцев считался неплохим оратором, мог сильно выступить на митинге, но в сложных словах запинался, оговаривался, из-за чего его спичрайтеров обязывали избегать в готовящихся для шефа речах труднопроизносимых слов. С возрастом он начал немного присюсюкивать и появилась привычка часто облизывать губы. Оригинальная речь Стародубцева представляла собой смесь парадной лексики, принятой на партсобраниях, с метким и образным простонародным языком. Голос его был негромкий, часто с ядовито-саркастическими интонациями.

Вообще, теперь я понимаю, что Стародубцев так и остался навсегда простым шахтерским парнем, крестьянским сыном, которого партия выдвинула в руководители. От обычного председателя он отличался, помимо неуемной энергии, в высшей степени развитых навыков общения, способности заглядывать далеко вперед, бóльшими амбициями, бóльшим кругозором. Мало ли в СССР было и активных, и честолюбивых, и грамотных председателей колхозов? А в случае Стародубцева все упиралось на изначально им поставленную высокую планку притязаний. Типовой председатель мало интересовался происходящим за пределами колхоза, а Стародубцев жил не только районной и областной жизнью, но живо интересовался тем, что происходит в масштабах всей страны, и участвовал в этом. Ну и, конечно, он был прирожденным лидером, то есть человеком, не боящимся ответственности, а, напротив, стремящимся к ней, психически устойчивым, умеющим и любящим управлять людьми. Родись Стародубцев в Америке, он бы со своими энергией, характером и хваткой стал бы миллиардером. Но он родился в СССР и потому стал передовым председателем колхоза.

На каковы бы ни были достижения Стародубцева в его хозяйстве, надо ясно понимать, что в масштабах всей страны изменить ситуацию имеющимися и разрешенными средствами было невозможно. Стародубцев так и остался исключением. И судьба его братьев Федора и Дмитрия ясно это показывает.

Дмитрий Александрович, 1934 года рождения, после службы в армии окончил школу МВД, но в органы не пошел. В 1963-м он стал председателем колхоза «Дружба» в Тульской области (даже раньше, чем старший брат), показал себя хорошо, на два года ушел на партийную работу — секретарем по селу в Суворовском райкоме все в той же области, а в 1969-м вернулся на хозяйственную — директором совхоза

«Приволье» в Алексинском районе. Район (как и Суворовский, в котором остался брат Федор) был нечерноземный, лесистый, и специализацией хозяйства было животноводство. В 1974 году Дмитрий начал в нем эксперимент, совхоз стал объединением по производству мяса и молока и также выбился в передовые хозяйства. Посыпались награды, в том числе орден Ленина.

Но в советской системе невозможно было работать «по правилам». Вся жизнь базировалась на негласных понятиях. Для выбивания фондов для своего хозяйства Дмитрий использовал разного рода неформальные договоренности и услуги, проще говоря — закамуфлированные взятки. Как и все хозяйственники тогда. Но на кого-то глаза закрывали, а на кого-то — нет. Ему не повезло, может, слишком широко размахнулся, может, перешел кому-то дорогу. С 1979 года в его совхозе начало раскручиваться дело по махинациям. Суть его сводилась к тому, что он заключил договор с бригадой шабашников на работы в хозяйстве, но фактически они трудились под Москвой на строительстве дачи одного чиновника Госплана РСФСР, который за это выделил дефицитные корма Стародубцеву. В итоге Дмитрия осудили на шесть лет, несмотря на все ходатайства Василия. Правда, через год он уже вышел на свободу, уехал в другую область, а с 1987-го стал директором совхоза в Ярославской области, в 1989-м был, как и старший брат, избран народным депутатом СССР и скончался в 2007-м депутатом областной думы. В 1984-м осудили на восемь лет и младшего из братьев-председателей — Федора, также по обвинению в хозяйственных преступлениях. Но уже в 1985 году его дело было пересмотрено, он попал под амнистию и в 1986-м вновь возглавил свой колхоз.

Сам Василий утверждает, что «копали» и под него, но его спас имевшийся к тому времени авторитет, звание Героя Соцтруда. Главным виновником свалившихся на его братьев бед Стародубцев счел первого секретаря Тульского обкома Ивана Юнака, полновластного хозяина области, как и было положено тогда чиновнику такого ранга. Он ездил к нему на прием просить за братьев, но бесполезно. Люди, работавшие в то время с Юнаком, отвергают утверждения Стародубцева, что тот целенаправленно старался извести братьев и вел подкоп под старшего из них. Их беда заключалась в том, что они попали под кампанию по борьбе с хозяйственными преступлениями, при этом сами действовали на грани.

Но Василий Александрович если кого-то начинал ненавидеть, то всеми силами души и навсегда. Юнак стал для него олицетворением Системы, ломающей людей по своему произволу. Себя он считал ее жертвой. Поэтому, когда настала перестройка, Стародубцев поначалу горячо ее поддержал. В ней он увидел шанс как на реабилитацию братьев, на прекращение проверок в отношении своего колхоза, так и на дальнейший карьерный взлет. Благо в 1985 году Юнак (проработавший на своем посту 24 года) был отправлен на пенсию, и его сменил

ставленник Егора Лигачева — Юрий Иванович Литвинцев, присланный в Тульскую область с заданием разоблачать старое руководство. Между ним и Стародубцевым возник тактический союз. Василий Александрович начал публично критиковать наследие Юнака, что и было нужно Литвинцеву, который взамен поддерживал начинания председателя колхоза из Новомосковского района.

В том же 1985-м первого секретаря Новомосковского ГК КПСС Арбузова, отработавшего те же 24 года, что и Юнак, сменил Анатолий Артемьев, мой отец, что имело долгосрочные последствия как для него, так и для меня. Впрочем, и для Стародубцева также, поскольку началось длительное их политическое сотрудничество протяженностью 20 лет. Разумеется, отцу (ему только исполнилось 40 лет) было непросто иметь у себя в районе такого легендарного руководителя всесоюзной известности, но он с самого начала наладил со Стародубцевым плодотворное взаимодействие, благо повод представился совсем скоро.

К тому моменту в СССР по инициативе Горбачева еще позднебрежневского времени, в районах были созданы вместо прежних райсельхозуправлений районные агропромышленные объединения (РАПО). Они включали в себя предприятия, имеющие отношение к сельскому хозяйству, но представляли собой скорее контролирующие структуры.

Стародубцев же предложил эксперимент — создать АПО, в котором осуществлялась бы более тесная связь между его составляющими и чтобы оно выступало как хозяйствующий субъект. Отец его поддержал, и они вместе приложили много усилий, чтобы протолкнуть идею наверху. Им помогали и Литвинцев, и глава Агропрома Тульской области А. Мещеряков, и черновую работу тянул председатель РАПО Анатолий Копылов, несмотря на то, что в новой структуре он уже не был первым лицом. По умолчанию АПО должен был возглавить Василий Стародубцев.

Пробив все препоны, команда новомосковцев добилась подписания Николаем Рыжковым постановления о создании агропромышленного объединения «Новомосковское» в марте 1987 года. Василий Стародубцев, оставаясь председателем колхоза имени В. И. Ленина, возглавив АПО, получил под свое управление девять колхозов и четыре совхоза района, птицефабрику, мясной и молочный комбинаты, а также другие организации — строительные, транспортные, торговые и т. д.

Новомосковск и имя Василия Стародубцева зазвучали с новой силой на всю страну. В АПО приезжали одна делегация за другой, поучиться, увидеть своими глазами, что можно сделать в изменившихся обстоятельствах. В районе перебывало все перестроечное начальство кроме Горбачева — и Егор Лигачев, и Николай Рыжков.

Соответственно рос и политический вес Василия Стародубцева. В 1986 году его избрали председателем Всероссийского совета колхозов, в 1990-м он стал главным аграрием всей страны в должности

председателя Крестьянского союза СССР. В 1989-м Стародубцев получил мандат народного депутата СССР, в 1990-м был избран в ЦК КПСС. Без него не обходилось ни одно совещание по аграрным вопросам, сам Горбачев поручал ему подводить их итоги. Перестройка стала звездным часом Стародубцева-политика. В газете «Правда» журналист Владимир Швецов, его старый знакомый, напечатал сенсационный материал о том, как травили братьев Стародубцевых при Юнаке, и Василий Александрович получил реноме жертвы гонений.

Но парадокс — чем глубже происходили перемены в стране, тем сильнее он вступал в противоречие с прорабами перестройки. Его выступление на съезде народных депутатов в 1989 году от лица селян, в котором он потребовал от власти возвращения долгов деревне, было апофеозом, после которого начался спад его поддержки со стороны перестроечной прессы. Стародубцев решительно отвергал «фермерский» путь, который навязывали тогда стране реформаторы. (И попутно навязали стране это мерзкое слово взамен «крестьянина».) Он доказывал, что роспуск крупных коллективных хозяйств ни к чему положительному не приведет.

«Асфальтовые земледельцы» из числа журналистов (иные тоже стали депутатами) перешли в атаку на Стародубцева, которого еще вчера возносили. Нарастало его расхождение с Горбачевым, который никак не мог определиться с приоритетами в сельской политике, стараясь понравиться и вашим, и нашим, и который никак не мог совладать со все более ускоряющимся развалом страны.

Так противник командно-административной системы Василий Стародубцев сделал в 1989—1991 годах поворот на 180 градусов и сблизился с теми, кто выступал за сохранение единого государства и против необдуманных экономических изменений. Его позиции не остались незамеченными будущими членами ГКЧП. Подписание им «Слова к народу» (наряду с Александром Тизяковым) стало закономерным шагом в его окончательном размежевании с «перестройщиками».

О том, что Стародубцев войдет в состав ГКЧП, его никто заранее не оповещал. Сам он вспоминал, что 16 августа 1991 года его телефонограммой вызвали к Валентину Павлову на 17 августа, не уточняя цели встречи. Стародубцев перезвонил в приемную главы кабинета и сказал, что на 17-е у него в АПО назначено важное совещание и он никак прибыть в Москву не может.

18 августа ему позвонил сам Павлов и, говоря, что Стародубцев давно просил о встрече как глава Крестьянского союза, сказал, что ждет его завтра у себя в 10 утра. Стародубцев выехал в столицу полшестого утра — одним днем, намереваясь вернуться и успеть у себя в колхозе в 16.00 провести правление. Но по радио, по пути в Москву, услышал новости про создание ГКЧП и о том, что он включен в его состав. Пришлось ехать к Янаеву, у которого проходило собрание членов ГКЧП

и других высших лиц государства. Стародубцева покоробило, что с ним не посоветовались заранее и включили в Комитет по чрезвычайному положению без его ведома и согласия, но он принял как должное решение «старших товарищей» (хотя те же Павлов или Янаев были моложе его), плюс все-таки его самолюбию не могло не льстить попадание в высший государственный орган.

Единственным делом, в котором Стародубцев реально отметился за три дня существования ГКЧП, было участие 19 августа в пресс-конференции, вместе с Янаевым, Баклановым, Пуго и Тизяковым. Он был там едва ли не самым известным лицом для прессы. Известный журналист, бывший спичрайтер Брежнева Александр Бовин спросил его: «Кто вас, Василий Александрович, избрал или пригласил в этот комитет? Как вы оказались в этой компании?» Вопрос был с подковыркой и наглядно показывал, что пресса в общем-то страх уже потеряла. Бовин, кстати, вскоре был назначен советским послом в Израиле — первым после долгого перерыва.

Остальное время Стародубцев работал над проектом постановления ГКЧП о чрезвычайных мерах по спасению урожая и в выработке политических решений участия не принимал. Проектом написанного им постановления никто не воспользовался. Из Кремля Стародубцева на своей машине вывез Владимир Кашин, его старый знакомый, на тот момент секретарь ЦК компартии РСФСР по селу. Переночевав у своей сестры Лидии, он для безопасности перебрался в Подмосковье к своему знакомому, но за ним уже следили, звонки отслеживали, и 23 августа он был арестован. Торжествующий телеведущий Александр Гурнов сообщил зрителям, что еще один гэкачепист задержан и более угрозы ни для страны, «ни для сельского хозяйства не представляет».

Пребывание в Матросской Тишине оказалось для Стародубцева самым коротким из всех членов ГКЧП, менее десяти месяцев. Он вышел на свободу 5 июня 1992 года. Этому предшествовала кампания за его освобождение. Уже 25 августа 1991 года, через два дня после его ареста, его колхозники направили обращение к Борису Ельцину с просьбой об освобождении своего председателя из-под стражи. А уже 2 ноября с аналогичным призывом обратились 57 народных депутатов РСФСР. Обращения в защиту Стародубцева росли как снежный ком. В отличие от других членов ГКЧП он воспринимался общественным мнением в первую очередь как успешный хозяйственник, случайно попавший в политическую историю и заслуживающий потому снисхождения и другого обращения. К тому же в памяти были свежи воспоминания о заключении братьев Стародубцева.

На этом фоне сочувствия и желания помочь как досадные казусы выглядели поспешные августовские решения правлений Крестьянского союза СССР и Аграрного союза России об освобождении Стародубцева от председательства в них. В декабре 1991 года обе организации отменили свои решения, «реабилитировав» Стародубцева.

В тюрьму приезжали руководители и специалисты его хозяйства, так что он держал руку на пульсе всех дел в колхозе и продолжал руководить им из тюрьмы. В начале мая 1992 года Стародубцев написал обращение к генпрокурору Валентину Степанкову, в котором уведомил его, что собирается объявить голодовку в знак протеста против своего неправомерного содержания под стражей. Адвокат Стародубцева, передавший это обращение лично Степанкову, услышал от генпрокурора обещание в ближайшее время выпустить заключенного. «Демократическая» власть не хотела делать из него мученика, Стародубцев-заключенный был ей невыгоден.

Период жизни после ГКЧП у Стародубцева был самым насыщенным по сравнению с его коллегами. Если они были раздавлены случившимся и уже более не поднялись, то Василий Александрович прожил отпущенные ему двадцать лет максимально насыщенно. Он не раз говорил, что умрет в седле, что покой не для него. Так и случилось.

Когда Стародубцев приехал в родной колхоз, на следующий день после освобождения из тюрьмы, то увидел совсем другую страну. Распался СССР, начались радикальные гайдаровские «реформы». У людей была выбита почва из-под ног. Сумасшедший рост цен, инфляция, безработица стали повседневной реальностью, за которыми последовали закрытие предприятий, задержки с выплатой зарплат и пенсий. Долгожданный рынок обернулся людям самым звериным своим оскалом. После горбачевских катастрофических «реформ» последовали не менее катастрофические «реформы» Гайдара — Ельцина. Россия была обречена дважды пережить самый неудачный выбор пути.

На областном уровне Стародубцева также ожидала изменившаяся ситуация. Губернатором Тульской области стал Николай Севрюгин, такой же аграрий, как и он. В советские времена он был директором совхоза, начальником райсельхозуправления, первым секретарем сельского райкома, и как вершина карьеры — начальником областного сельхозуправления. Но в начале 1980-х, еще при Юнаке, Севрюгин был переведен на более низкую должность за хозяйственные прегрешения. Во время перестройки он стал кем-то вроде местного Ельцина — бывший партийный чиновник, обратившийся в «демократа».

Севрюгин давно знал Стародубцева, и поначалу губернатор пытался использовать авторитет бывшего члена ГКЧП в своих целях. Какое-то время они вместе работали над аграрной реформой в области, но их пути быстро разошлись. Если Севрюгин, попытавшись избраться в народные депутаты РФ весной 1993-го, проиграл какому-то майору, то Стародубцев в конце 1993 года решил баллотироваться от области в Совет Федерации, который в первом своем составе был избираемым, и прошел в него. Победа гэкачеписта стала для Севрюгина и личным унижением, и свидетельством того, что он не контролирует область. Кроме того, Стародубцев и без того популярный политик, теперь еще обрел и официальный мандат, с правом направлять запросы власти.

Севрюгин отныне видел в нем своего соперника и начал со Стародубцевым открытую борьбу. Было развалено АПО «Новомосковское», чтобы лишить его опоры и ресурсов. Через областную думу попытались протащить законопроект о том, чтобы запретить баллотироваться в губернаторы лицам старше 65 лет — документ был прямо направлен против Стародубцева, которому в декабре 1996-го как раз столько и исполнилось. В подконтрольной печати публиковались статьи против председателя колхоза имени Ленина. Название одной из них было примечательно — «Кошка бросила котят».

Став членом Совета Федерации (находясь еще под судом по делу ГКЧП!), Стародубцев вновь вышел на политическую арену. Суд закончился ничем, поскольку в феврале 1994-го Госдумой была объявлена амнистия, которую после колебаний Стародубцев принял по уговору Валентина Варенникова. К тому времени он был переизбран председателем Аграрного союза России (затем он был переименован в Агропромышленный), а с января 1995-го являлся членом ЦК КПРФ.

Все это время он продолжал заниматься своим колхозом, который должен был выживать в трудное время дикого рынка, да еще при том, что администрация вставляла палки в колеса по политическим соображениям. Победившие «демократы» требовали прекратить дотирование сельхозпроизводителей, называли аграрный сектор «черной дырой» российской экономики, пытались распустить колхозы и совхозы. Стародубцев был вынужден активно участвовать в дискуссиях, отбивая нападки на коллективный сектор.

В декабре 1995 года противникам Стародубцева удалось не пропустить его в Госдуму. Поскольку он входил в первую тройку списка Аграрной партии, ему не позволили зарегистрироваться по одномандатному округу как независимому кандидату, и он не смог от него баллотироваться. В итоге список Аграрной партии не набрал положенных пяти процентов. Правда, от округа все равно прошел не кандидат, выдвинутый администрацией, а поддержанная Стародубцевым Жанна Лозинская.

Летом 1996-го Стародубцев принял активное участие в избирательной кампании Геннадия Зюганова на пост президента России, выезжал в регионы для поддержки на выборах кандидатов от КПРФ на губернаторских выборах. Но главным в этом году была подготовка к выборам губернатора Тульской области в марте следующего года. Николаю Севрюгину, понимавшему, что его не изберут ни в коем случае, удалось оттянуть выборы на максимально длительный срок. К тому времени он уже поссорился и с администрацией в Кремле, и с большинством местной элиты. С должности его не снимали только потому, что, во-первых, он приложил все силы для того, чтобы во втором туре президентских выборов летом 1996-го в Тульской области победил

Ельцин, а во-вторых, поскольку понимали, что кого ни назначь на его место — все равно победит Стародубцев.

Рассказывают, что Виктор Черномырдин, тогдашний глава правительства, звонил Стародубцеву и предлагал ему возглавить область — ход, который в следующем году был реализован в Кемеровской области, где подобным образом был назначен губернатором Аман Тулеев. Но Стародубцев отказался принимать власть из рук Кремля.

Избирательная кампания 1997 года — первые губернаторские выборы за историю Тульской области выдались жаркими. Местная элита была расколота — помимо губернатора на них пошли и мэр областного центра, и бывший председатель областной думы, и первый заместитель Севрюгина, и крупнейшие местные предприниматели, за одним из которых стоял Газпром, и он мог сорить деньгами, поражая туляков.

Для КПРФ не было вариантов, кого выдвигать, — Стародубцев, носитель легендарного имени, был безальтернативен в этом смысле. Можно сказать, что не партия его привела к власти, а он ее. Следует учесть и такой важный фактор, что его колхоз успешно работал, несмотря на все трудности, и в этом плане выгодно отличался от большинства предприятий области, дышавших на ладан.

Несмотря на все противодействие и областной власти, и администрации президента, Василий Стародубцев победил в первом же туре, с результатом более 63 процентов, и 31 марта 1997 года вступил в должность губернатора. Севрюгин же получил менее пяти процентов, а через два месяца был арестован по подозрению в коррупции. Когда по должности, как глава региона, Стародубцев вернулся в Совет Федерации, то на его заседании, где было об этом объявлено, коллеги встретили его настоящей овацией. Начались новых восемь лет его жизни — губернаторских.

По всем формальным показателям Стародубцев был подготовлен к занятию кресла главы области. У него имелся огромный опыт руководства большими коллективами — и колхозом, и АПО, он понимал реальную экономику, был не только крупным хозяйственником, но и политиком, известным на всю страну. Он умел выступать, не боялся общаться с людьми, имел широкий круг знакомств в Москве, его имя открывало двери в любые кабинеты. За его плечами были и служба в военной авиации, и труд в шахте, и работа на селе. Он разбирался и в строительстве, и в производстве, и в социальной сфере. Несмотря на свои 65 лет, он обладал огромной работоспособностью и энергией.

Но это были лишь формальные признаки, лежавшие на поверхности. Была и оборотная сторона, которая на тот момент была незаметна, но следствия которой не замедлили сказаться уже спустя короткое время. Стародубцев никогда не работал в аппарате, он соприкасался с ним всегда со стороны и не понимал тонкостей аппаратной деятельности — как происходит бумагооборот, какие канцелярские правила

существуют, — на первый взгляд неважных, но имеющих решающее значение в деятельности такой большой и сложной системы, как администрация области, и в управлении регионом.

Будучи человеком старого закала, он также не понимал, как работать со СМИ. Точнее говоря, он не знал, как воздействовать на них путем кнута и пряника, подобно всем остальным своим коллегам по губернаторским должностям. Работа в колхозе, где его власть ничем не ограничивалась и ему не приходилось искать компромисса, привила ему слишком большую самонадеянность, он был не готов вступать в переговоры там, где следовало бы это сделать, рассматривая область как вверенное ему хозяйство.

Как руководитель он был идеален там, где мог контролировать все лично — как в колхозе, где он отдавал команды, когда и как пахать, сеять, жать. А в сложной системе, где необходимо делегировать ответственность и где он не мог проследить все до мелочей, Стародубцев был не способен работать с такой же эффективностью. Оставался он и чужим для Кремля — как «красный губернатор», который, в отличие от того же Тулеева, не предавал КПРФ и ни на минуту не прекращал критики курса правительства. Последствия не замедлили сказаться — уже летом 1997 года пресса начала раскручивать спиртовой скандал, связанный с продажей спирта с принадлежащего колхозу имени В. И. Ленина Пронского спиртзавода.

Осенью 1997 года Стародубцев добился личной встречи с Борисом Ельциным, но тот вскоре публично отозвался о нем не вполне почтительно — мол, приехал Стародубцев, просит дай то, дай се, а вот был у меня Аяцков (саратовский губернатор), тот молодец, ничего не просил, современный губернатор-рыночник.

Удивительная даже по тем временам вещь — Стародубцев не смог взять под контроль областное телевидение! Собственно, его поддерживала только одна официальная газета «Тульские известия», во главе которой он поставил уже упомянутого Владимира Швецова, — и все. И телевидение, и местные газеты беспощадно разносили Стародубцева за все, что только можно и нельзя, причем делали это безо всякого страха, прекрасно зная, что губернатор ничего им сделать не сможет.

Парадоксальным образом именно демонизируемый в прессе член ГКЧП стал гарантом того, что все восемь лет его правления Тульская область оставалась самой свободной по части свободы слова территорией в России. Это происходило не из-за какого-то особенного благодушия или терпимости Стародубцева, а из-за его незнания современных методов затыкания рта и манипуляций СМИ, которые в совершенстве освоили его коллеги, начиная с превозносимого в те годы как демократа и успешного реформатора Юрия Лужкова. Стародубцев лишь бессильно ругался на продажных журналистов, но ничего сделать не мог. Верхом изобретательности его команды было предложение

устроить чаепитие с редакцией наиболее непримиримой по отношению к нему газеты. Люди, отвечавшие у Стародубцева за пиар, сами были далеки от современных реалий, которым их советский опыт ничего подсказать не мог.

Незнание аппаратной работы приводило к тому, что он не понимал, что творится в его приемной, которая крутила им в своих интересах. В администрации шла постоянная борьба между группами влияния за «доступ к телу». В экономике Стародубцев также вел себя так, словно он не губернатор, а глава хозяйства. Съездив в начале своего правления в Америку, он увидел там мини-нефтезавод и загорелся мыслью построить такой же в Тульской области. Не было сделано никакого экономического расчета. В результате оборудование закупили, с огромным трудом собрали, но нефтезаводик так и не заработал.

В 1998 году Стародубцев неожиданно для всех выдвинул идею о массовых посевах кукурузы на зерно. Хозяйства области разными способами пытались принудить к ее выращиванию. В администрации области раздували пропагандистскую кампанию, заставлявшую вспоминать худшие традиции Хрущева. Кукурузная кампанейщина также окончилась провалом, снег засыпал неубранные початки, больше к царице полей не возвращались.

Тульский мэр Сергей Казаков, клюнув на удочку какого-то проходимца, объявил о желании проводить в Туле соревнования «Формулы-1». Идея была бесперспективна с самого начала, но Стародубцев поддержал главу Тулы, встречался с новым премьером Примаковым с целью лоббирования проекта, но ничего, разумеется, не получилось. Один из советников губернатора — Григорий Гроцескул даже поддерживал такие безумные проекты, как пресловутая «красная ртуть» известного афериста Садыкова.

При этом Стародубцевым не делались попытки отнимать у кого-то бизнес, устраивать передел собственности — как это делали другие губернаторы. Он не знал — как. И поэтому, опять-таки парадоксальным образом, его неумение «нагибать» бизнес, в общем-то безвредность и неопасность для собственников привели к тому, что Стародубцев смог выиграть вторые губернаторские выборы в марте 2001 года. Региональные элиты сделали ставку на него как гаранта сохранения статус-кво. И в таковом же качестве его поддержал Кремль.

Это была драматическая кампания. Поскольку Стародубцева многие тульские политики считали слабым лидером, устаревшим и некомпетентным, то они думали, что его легко можно победить. На их стороне были столичные спонсоры, которые не жалели денег. Противники Стародубцева скупали передачи на центральных телеканалах, приглашали звезд кино и эстрады, выпускали тиражом в сотни тысяч экземпляров плакаты, листовки, газеты.

К тому же они помнили, что во время думской кампании конца 1999 года, когда Стародубцев вошел в первую тройку КПРФ, как

тяжеловес, который способен привести за собой дополнительных избирателей, на него обрушилась критика федеральных СМИ. То, что ситуация поменялась, они не улавливали и думали, что губернатора-коммуниста по-прежнему будут травить по заказу администрации президента.

Тут следует сказать несколько слов и о себе, точнее, о своих взаимоотношениях со Стародубцевым. После окончания аспирантуры в Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ летом 1997 года и защиты диссертации по теме «Эффективная система психологических воздействий в политической рекламе» я пришел на работу в пресс-службу администрации Тульской области. Через несколько месяцев мой начальник подал в отставку, не сработавшись со Стародубцевым. И в апреле 1998 года руководителем пресс-службы — пресс-секретарем губернатора — назначили меня.

Я, конечно, был совсем не готов к занятию такой должности. И дело тут не в возрасте — 27 лет. Иные и в 20 с небольшим руководят банками, крупными компаниями и т. д. Я не подходил по характеру — управлять людьми, включаться в аппаратные интриги было совершенно противно моему характеру. Я был притом весьма инфантилен, и мой жизненный опыт не давал нужных знаний и навыков.

Как рядовой сотрудник пресс-службы я был на своем месте и работал с удовольствием и меня все хвалили. Поднявшись на ступень выше, я попал в совершенно чуждый и враждебный мне мир. Губернаторское окружение предстало передо мной совсем с другой стороны. Те, кто вчера мне мило улыбался, сегодня встречали меня с хмурыми лицами. Я увидел, что никакого дружного коллектива единомышленников нет и в помине, каждый преследует свой шкурный интерес.

Работа со Стародубцевым стала сплошным разочарованием — он абсолютно не интересовался, чем я занимаюсь, как мне работается. Первые дни я даже не мог попасть к нему на прием, просиживая часами в приемной под ехидными взглядами челяди. В итоге я рассорился и с приемной, и с руководителем аппарата администрации, и надоел самому губернатору, и в ноябре 1998-го, через полгода, в пресс-службе я уже не работал.

Чиновничья служба была не для меня, по крайней мере в ее советско-постсоветском варианте, который тогда практиковался в администрации Тульской области, и на ответственных должностях. Постоянная борьба за доступ к телу и уху, мелкие интриги — все это превращало работу в каждодневный стресс. О главной задаче пресс-службы почти не было времени и думать, да и это было никому не интересно, в первую очередь самому губернатору.

Я это вспоминаю только для того, чтобы показать непонимание им аппаратной работы, неумение создать дружную команду, контролировать действия сотрудников. Естественно, будучи выгнанным, я был сильно обижен на губернатора. Но к марту 2001 года ситуация изменилась,

играла роль не личная обида, а понимание того, что к власти в области могут прорваться разного рода авантюристы. Поэтому я вновь пошел в команду Стародубцева, более того, с конца 2000-го тормошил администрацию и руководство КПРФ аналитическими записками, в которых отмечал всю критичность складывающейся обстановки.

Я ни в коем случае не хочу преувеличить свой вклад в ту кампанию. Единственным значимым его последствием стало привлечение к агитации за Стародубцева академика и депутата от КПРФ Жореса Алферова, получившего осенью 2000 года Нобелевскую премию, до того не выезжавшего в регионы, чтобы поддерживать кандидата от коммунистов. Не знаю, какой вклад внесло его участие, но с тех пор у Стародубцева с ним завязалась дружба.

В первом туре действующему губернатору для победы не хватило каких-то полпроцента. Это окрылило его противников. Ради того, чтобы любой ценой прорваться к власти, они решили все сняться с выборов (то есть снялся второй номер, прошедший во второй тур, за ним третий, к которому перешло право продолжить борьбу, и т. д.) и, таким образом, сорвать их. Когда же суд оставил одного из соперников губернатора в списке для голосования и второй тур должен был состояться все равно, они решились на захват зданий областной администрации, где помещался облизбирком. Это было уникальным событием в постсоветской истории России, показывающим накал борьбы. Но все потуги оказались напрасными, Стародубцев победил с результатом почти в 71,5 процента.

Но сразу после победы все продолжилось по-прежнему, администрация ничем не управляла, ничего не контролировала. Второй срок правления Стародубцева был полным провалом в политическом отношении. Он не смог оказать помощи своим выдвиженцам на выборах в Госдуму в 2003 году. Избранная осенью 2004 года облдума была оппозиционна по отношению к нему.

Последний год своего пребывания в должности губернатора Стародубцев напряженно думал о том, кому будет передана власть. К тому времени в России отменили губернаторские выборы и главу региона назначал президент. Василий Александрович понимал, что в 73 года его не переназначат на третий срок. Да и то, что он не отступался от компартии, тоже играло свою роль. Стародубцев хотел провести на пост преемника своего человека. Однако ему это не удалось, и новым губернатором в апреле 2005-го стал совсем неизвестный человек, не из его команды, которого подбирали по полному контрасту — молодой, не коммунист, не аграрий, а оружейник.

Впрочем, если рассматривать социально-экономические итоги правления восьми стародубцевских лет, они были вовсе не плохи в сравнении с соседними областями. Невыплаты зарплат бюджетникам ушли в прошлое. Только за 2001—2005 годы ВРП увеличился на 17,3 процента, доходы консолидированного бюджета области — с восьми

миллиардов в 2000 году до 14 миллиардов в 2004-м. Пришли такие новые инвесторы, как шведский «SCA», скандинавский «BBH». Уже имевшиеся — «Procter & Gamble», «Knauf», «Cargill» — наращивали производство.

Уйдя в отставку с поста губернатора, Стародубцев сосредоточился на работе в Агропромышленном союзе. Надо сказать, что с 2002 года он являлся там почетным председателем, отдав бразды правления Николаю Харитонову. Перед тем Агропромсоюз потерпел поражение в борьбе с правительственным вариантом Земельного кодекса, предусматривавшего продажу земли в частную собственность. Теперь же Стародубцев вернулся к активной работе в Союзе и снова возглавил его как полноправный председатель. Он часто вступал в конфронтацию с правительством, и с подачи власти в апреле 2007-го была осуществлена интрига, в результате которой Стародубцев ушел с поста председателя Агропромсоюза, но уже в конце этого года он стал депутатом Государственной думы по списку КПРФ от Тульской области (выборы от одномандатных округов тогда были отменены). Он вошел в Аграрный комитет, был одновременно заместителем председателя Комиссии по мандатным вопросам. Именно там, в Думе, я видел его последний раз, столкнувшись с ним в дверях парламента. Мы молча посмотрели друг на друга и разошлись, так ничего и не сказав.

Через четыре года Стародубцев вновь был избран по спискам КПРФ. Ему уже было 80 лет. 28 декабря состоялось чествование юбиляра в стенах областной администрации. Недавно назначенный губернатором области Владимир Груздев поздравил Василия Александровича. Также его тепло поприветствовал, обняв, знаменитый тульский оружейник, легендарный конструктор Аркадий Шипунов, старше его четырьмя годами. А через два дня Стародубцеву в родном селе Спасском стало плохо ночью, вызванная «скорая помощь» увезла его в Новомосковск в горбольницу, где он и скончался. Как он сам предсказывал, умер Василий Александрович «в седле», не уйдя на покой, работая активно до последнего дня.

ТИЗЯКОВ

Из всех членов ГКЧП Александру Ивановичу Тизякову «повезло» меньше всех по части внимания СМИ. Он оставался в тени, о нем редко кто вспоминал, и, выйдя из тюрьмы, он не сделал никакой публичной карьеры. В состав ГКЧП Тизяков попал подобно Стародубцеву по квоте — как представитель промышленности. Но если Василий Александрович оказался больше чем просто крестьянин или председатель колхоза, то Тизяков из рамок советского директора так и не вышел.

Александр Иванович Тизяков родился в декабре 1926 года в Татарской АССР в деревне Новое Иванаево Чистопольского кантона. Тогда республика была разделена на такие административные единицы, как кантоны, — по образцу Швейцарии. Их число все время менялось,

но было примерно равным десяти—двенадцати. Чистопольский находился в самом центре республики и являлся самым большим по площади. Почти половину его населения составляли чуваши, так что юный Саша Тизяков одно время даже учился в чувашской школе и знал язык.

Его отец был углежогом, и потому семья часто переезжала с места на место, следуя за своим главой. Углежоги занимались тем, что пережигали срубленный лес, изготовляя древесный уголь, деготь и поташ. Места рубки постоянно менялись, чем и объясняются перемещения занятых в этой профессии. Саша был десятым ребенком в семье, так что приходилось сызмальства помогать, и он с детства знал, что такое тяжелый крестьянский труд.

Ему еще не было пятнадцати, как началась война, и о детских забавах пришлось забыть совсем. По своему возрасту Саша не должен был попасть на фронт — 18 ему исполнялось лишь 10 декабря 1944 года. Однако в Кремле решили иначе. В постановлении Государственного Комитета Обороны № 4322сс от 13 октября 1943 года говорилось:

«Обязать НКО (т. Смородинова) призвать до 15 ноября 1943 г. на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1926 г. (включая и находящихся на территории, освобожденной от противника) независимо от места работы и занимаемых должностей, за исключением рабочих предприятий НК Боеприпасов, НК Вооружения, НК Минометного вооружения, НК Авиационной промышленности, НК Танковой промышленности, НК Угольной промышленности, НК Нефтяной промышленности, НК Черной металлургии, НК Цветной металлургии, НК Электростанций, НК Электропромышленности, НК Тяжелого машиностроения, НК Станкостроения, НК Путей сообщения, НК Морского флота, НК Речного флота и Главсевморпути, имеющих квалификацию 3 разряда и выше.

Призыву не подлежат призывники местных национальностей: Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской Советских Социалистических Республик, Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской автономных Советских Социалистических республик и Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей. <…>

2. Обязать Комвойсками Дальневосточного фронта (т. Пуркаева) в течение двух месяцев (ноябрь, декабрь 1943 г.) выделить 100.000 чел. обученного рядового и сержантского состава, годного к строевой службе, и передать на пополнение частей действующей армии по указанию начальника Главупраформа Красной Армии. <…>

6. Обязать начальника Главупраформа т. Смородинова:

а) взамен высвобождаемого рядового и сержантского состава (пункты 2, 3, 4 и 5) передать до 15 декабря 1943 г.: в войска Дальневосточного фронта — 100.000 человек…»

Иными словами, решено было призвать семнадцати-шестнадцатилетних юношей, причем нацменов из национальных республик в армию не брали. Одновременно из частей, находящихся далеко от фронта, в том числе на Дальнем Востоке, забирали всех пригодных в действующую армию, а взамен их туда отправляли этих самых юных призывников (позже к ним добавили еще и 1927 год). Любопытно, что занимался этими проблемами начальник Главного управления формирования и комплектования РККА генерал-полковник Иван Смородинов, земляк Тизякова, родившийся в такой же крестьянской, но чувашской семье неподалеку от его родной деревни.

Так девятиклассник Саша Тизяков, призванный на воинскую службу Ново-Шешминским райвоенкоматом ТАССР, отправился через всю страну в Приморье. А там, после почти двух лет мирной службы, ему все-таки пришлось повоевать, таким образом, став вторым ветераном войны наряду с Дмитрием Язовым среди членов ГКЧП. Он служил в 54-м отдельном батальоне химической защиты водителем дегазационной машины. Когда Советский Союз объявил войну Японии 8 августа 1945 года, батальон Тизякова также двинулся в путь через государственную границу. Так он стал ветераном войны и получил две медали — «За победу над Японией» и «За отвагу». В представлении на вторую говорится:

«Красноармеец тов. Тизяков тщательно готовил машину к совершению марша. При переходе государственной границы тов. Тизяков повседневно следит за материальной частью машины и содержит ее в полной боеготовности.

При совершении марша дважды отражал нападения диверсионных групп японцев, машину привел в полной боеготовности.

Тов. Тизяков достоин награждения медалью “За отвагу”».

В интервью «Российской газете», спустя 70 лет, Александр Тизяков вспоминал: «Еще с войны у меня проблемы с легкими и суставами. Мина разорвалась совсем рядом, осколки повредили бедро. Позже при уничтожении японских отравляющих шашек надышался хлором». Можно сказать, что ему повезло — боевые действия на Дальнем Востоке продлились совсем недолго, и ему удалось посмотреть заграницу, пусть и в виде Маньчжурии. Однако армейская история призывников 1926 года рождения на этом не закончилась. Многих из них задержали на службе надолго. Тизяков служил до 1950 года. В армии он получил первый опыт руководящей деятельности — три года избирался секретарем комсомольской организации части.

Полученная им водительская специальность пригодилась и на гражданке, его первая работа была шоферская — после службы Тизяков отправился на Урал, где в Свердловске он поступил на завод «Уралхиммаш», один из промышленных гигантов. В родной деревне перспектив никаких не было, в последние сталинские годы село находилось в особенном упадке. Затем он работал там же слесарем,

мастером. Перспективного молодого человека заметили и пригласили на комсомольскую работу, сперва на неосвобожденную — секретарем первички в одном цехе, затем в другом. С 1953 года Тизяков работал завотделом Чкаловского райкома комсомола (где и находился завод), затем инструктором обкома ВЛКСМ. По привычным стандартам он пришел на комсомольскую работу поздновато, и в 30 лет служить инструктором было бы стыдно. Поэтому самостоятельная должность комсорга ЦК ВЛКСМ на Всесоюзной стройке Свердловского завода железобетонных конструкций представлялась ему более интересной и перспективной. Он не прогадал.

В интервью изданию *Nakanune.ru* Александр Тизяков рассказывал: «В 1953 году пленумом ЦК партии было принято постановление построить пять таких заводов по мощности, как был построен тогда в Люберцах. Это заводы в Ленинграде, Сталинграде, Свердловске, Челябинске и Новосибирске. Было принято решение организовать комсомольскую стройку. Я сюда пришел, когда только лес вырубали. В Свердловскую область комсомольские организации направили 400 человек. Потом позже, в 1955 году, я обратился в ЦК, чтоб сюда направили еще 200 человек.

Должен отметить, что строили не только те, которые прибыли по путевкам. Все наши местные институты работали здесь: если в первую смену учились, то во вторую были тут, если во вторую, то в первую смену приходили. Мы здесь на чистом поле начали строить завод и строили его почти два года. В 1955 году за первое полугодие мы выполнили годовой план. Я поехал к Юдину, министру промстройматериалов, он удивился: “Как так?! Начинающаяся стройка, а вы так быстро работаете?” Я говорю: “Уметь надо!” Ну, конечно, в итоге обеспечили нас финансами, все было нормально, все было хорошо.

Все институты работали здесь. У нас каждый раз были воскресники, выходило до десяти тысяч человек. Этот завод был построен молодежью города Свердловска. Он позволил дополнительно получить много жилья, это хорошо. До пуска этого завода город строил 60—65 тысяч квадратных метров жилья в год, а, к примеру, в 1957 году — цифра выросла до 475 тысяч квадратных метров».

В 1955 году Никита Хрущев как раз взял курс на массовое и быстрое строительство жилья — после того как в сталинское время на него почти не обращали внимания, и люди ютились в самых ужасных условиях. Свердловская стройка поэтому и попала в центр внимания руководства всех уровней, благодаря чему Александр Тизяков смог о себе заявить. В том же году в строительный комплекс Свердловска пришел на работу Борис Ельцин, который как раз и строил жилье из железобетонных конструкций (ЖБК) упомянутого завода, но на тот момент их пути не пересеклись.

Однако дальше по комсомольско-партийной линии Александр Тизяков не пошел. Как раз в это время он оканчивал Уральский

политехнический институт. Получив высшее образование, он решил сосредоточиться именно на профессиональной карьере и в 1956 году поступил технологом на свердловский Машиностроительный завод имени М. И. Калинина (ЗиК). Хотя иные его коллеги, которые продолжали двигаться по номенклатурной стезе, поднялись высоко. Скажем, Филипп Ермаш в том же 1956 году с поста первого секретаря Свердловского ГК ВЛКСМ перешел в обком, оттуда в ЦК КПСС и в 1972 году стал председателем Государственного комитета СССР по кинематографии, а Юрий Мелентьев, первый секретарь Октябрьского райкома комсомола Свердловска в 1954—1956 годах, в 1974-м был назначен министром культуры РСФСР.

На первый взгляд Александр Тизяков сильно отстал от них, уйдя на производство и не став еще даже главным инженером завода, когда они были уже в правительстве. Однако продвигался с крестьянской обстоятельностью, не спеша, но прочно стоя на ногах на каждой ступени. Его час наступил позже, — когда оба они ушли на пенсию, он как раз поднялся на наибольшую высоту.

На заводе имени Калинина Александр Тизяков проработал 35 лет, пройдя путь от технолога сталефасонного цеха № 16 до генерального директора. Впрочем, в рядовых специалистах он пребывал недолго. Прошлый опыт давал о себе знать, и его выдвигали — он скоро стал заместителем секретаря парткома предприятия, проявив себя как организатор добровольных народных дружин, боровшихся с воровством — бичом того криминализированного времени. С 1962 по 1964 год Тизяков — секретарь парткома; казалось бы — вот возможность перейти окончательно на партийную работу. Глава парткома крупнейшего завода — это высокая номенклатурная должность, упомянутый ранее Яков Рябов в том же Свердловске с аналогичного поста на Уральском турбомоторном заводе стал первым секретарем одного из райкомов города. Но Тизяков опять отказывается от бюрократической (она же — политическая) карьеры и работает заместителем главного инженера завода целых десять лет. И лишь в 48 лет он становится главным инженером.

Неизвестно, сколько бы проработал на этой должности Александр Тизяков и стал бы он когда-нибудь директором, однако вмешался его величество случай. Взамен Рябова первым секретарем Свердловского обкома в ноябре 1976 года избрали Бориса Ельцина. Тот начал формировать свою команду. В числе первых он решил поменять председателя облисполкома Александра Борисова, фронтовика, который был почти на 20 лет старше его, и ему с ним работать было некомфортно. На его должность летом 1977 года Ельцин предложил директора Машиностроительного завода имени М. И. Калинина — Анатолия Мехренцева (кстати, также воевавшего с японцами). Этот факт, между прочим, говорит о значении завода в масштабах области. Мехренцев был чуть старше Тизякова и прошел те же ступени — заместитель главного

инженера, главный инженер. Тизяков как бы следовал за ним по пятам и потому являлся естественным кандидатом в директора, каковым он и стал в 50 лет.

По советским меркам это было не то чтобы поздно, но скорее не перспективно в плане продвижения куда-то выше. Если человек становился директором в таком возрасте, это считалось его потолком, перспективные в карьерном отношении люди проскакивали эту ступень раньше. Например, тот же Борис Ельцин — на пять лет моложе Тизякова — уже руководил обкомом, крупнейшим и важнейшим в стране, в 45 лет, а директором Свердловского ДСК стал в 35.

Свердловская область, в которой проходила вся производственная и профессиональная карьера Тизякова, являлась одним из основных промышленных регионов СССР. Особенно быстрое развитие Среднего Урала как центра горнодобывающей, а затем металлургической промышленности России началось в XVIII веке, при Петре I. Уральские горы хранили в своих недрах множество полезных ископаемых, в первую очередь руд, а густые леса давали топливо и строительный материал. Тульский промышленник Никита Демидов (Антуфьев) начал ставить заводы за Уралом, отливая пушки для русской армии.

В XIX веке развитие металлургии продолжилось, причем упор на казенные предприятия сменялся приоритетом частных, и наоборот. О преимуществах того и другого шли долгие споры, как и о необходимости форсированного развития промышленности вообще. Дискуссии отражены в романе Дмитрия Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», посвященном жизни уральских промышленников. Многие тогда в России полагали всерьез, что от промышленности можно отказаться, так как страна по преимуществу земледельческая. Также немало публицистов выступали против защитных тарифов для отечественной промышленности, считая их зловредными для экономики и благосостояния населения в целом.

Екатеринбург до 1917 года оставался уездным городом Пермской губернии, но это был один из крупнейших уездных городов России, превосходящий по размерам губернский центр, с развитыми торговлей, промышленностью, сектором финансовых услуг, здесь размещалось управление горной частью Урала. Это была та обстановка, в которой рождались не только романы Мамина-Сибиряка о молодой буржуазии, но и мифы, легшие затем в основу сказок Павла Бажова. После 1918 года город становится центром области, и с рубежа 1920—1930-х годов начинается его накачка различными новостройками, самой знаменитой из которых стало строительство Уралмаша.

Великая Отечественная война дала новый толчок развитию Урала, сюда в спешном порядке были эвакуированы сотни предприятий, рабочие которых начинали работу прямо под открытым небом. Так появился и Уралхиммаш, на котором начинал свою трудовую биографию Александр Тизяков, на основе вывезенного на Восток киевского

«Большевика». После войны строительство новых заводов в Свердловской области продолжалось — возникло, например, два предприятия атомной промышленности, и вокруг каждого из них выросло по секретному городу.

Холодная война требовала от государства огромных усилий и постоянной модернизации вооружений. Поэтому многие заводы перепрофилировались. Такая же судьба постигла Машиностроительный завод имени М. И. Калинина. У него была сложная история. Основанный в Петербурге в конце XIX века как артиллерийский завод, он был в начале Гражданской войны переведен в Подмосковье в поселок Подлипки. Тогда же он получил имя «всесоюзного старосты».

В 1941 году ЗиК эвакуировали в Свердловск, где коллектив предприятия незамедлительно приступил к выпуску 85-миллиметровых зенитных пушек. Завод, в отличие от Химмаша, размещенного далеко на окраине, поставили неподалеку от городского центра. После 1945 года он так и не вернулся в Подмосковье. Интересна судьба оставшихся в Подлипках площадей. Нарком вооружений Дмитрий Устинов разместил там еще в 1942 году ленинградский завод «Арсенал», ставший заводом № 88. А уже на базе этого завода было создано конструкторское бюро, которое возглавил не кто иной, как Сергей Павлович Королев. Сегодня это предприятие «Энергия», а Подлипки давно стали городом — сперва Калининградом, а после — Королевом. Но у ЗиК была своя судьба, достигавшая не космоса, а стратосферы максимум, но оттого не менее важная для страны. В 1957 году завод перевели на выпуск зенитных ракет.

Как мы уже отмечали, в СССР после войны было три глобальных, в высшей степени секретных проекта. Вторым по счету после ядерного оружия шел проект по созданию системы ПВО вокруг Москвы. В 1950-м было создано Третье главное управление под руководством Василия Рябикова, которого непосредственно курировал Лаврентий Берия. Лаврентий Павлович, кстати, своего сына Серго (которого после ареста и казни отца сослали в Свердловск) сделал одним из ведущих конструкторов системы, так что имел к ней прямо-таки родственное отношение. В результате титанических усилий в 1955 году зенитно-ракетная система С-25 была принята на вооружение. Она была стационарной, что ограничивало ее применение только районом столицы. Дальнейшим развитием стал комплекс С-75, уже мобильный, который начали развертывать по всей стране, в первую очередь прикрывая наиболее важные стратегические объекты.

Как раз начиная с середины 1950-х годов самолеты ВВС США и Великобритании начали осуществлять прорывы в воздушное пространство Советского Союза для ведения разведки. Запад интересовали советские ядерные и ракетные программы в первую очередь. Так что комплексы ПВО с самого начала получали боевую обкатку. Помимо самолетов, в том числе специально

сконструированного по заказу ЦРУ У-2, считавшегося недосягаемым для советских самолетов и ракет, использовались широко и воздушные шары, на которые устанавливались автоматически работающие фотоаппараты. Толку от аэростатов было мало, лишь малая часть из них долетала до Тихого океана (а запускали их у западных границ СССР), где их подбирали суда американцев. Зато на то, чтобы попытаться их сбить, тратились огромные усилия советских ПВО — как авиации, так и зенитной артиллерии, а после и ракет, и в этом смысле проект себя оправдывал.

В 1960 году, впрочем, полеты У-2 над СССР прекратились — после того как в окрестностях Свердловска 1 мая был сбит самолет, который пилотировал Фрэнсис Гэри Пауэрс. И сбит он был ракетой 1З Д, изготовленной на заводе имени М. И. Калинина и которой оснащались различной модификации С-75 — «Двина», «Десна», «Волхов». Такая вот ирония истории.

ЗиК был одним из ведущих изготовителей ракет в империи Минрадиопрома, но не единственным — вместе с ним на их производство перешли Саратовский авиационный и Ленинградский северный заводы — в добавление к московскому «Авангарду» и заводу в Долгопрудном. Ракет требовалось очень много — помимо оснащения ПВО по всей необъятной территории СССР, они шли непрерывным потоком во Вьетнам, где бушевала война, и требовалось защищать территорию Севера от налетов американской авиации; на Ближний Восток, где полыхал арабо-израильский конфликт, в котором ведущую роль играла авиация. В Египет в 1970—1972 годах, как и потом в Сирию в 1983—1984-м, направлялись целые советские подразделения ПВО, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях (в Египте советских военнослужащих насчитывалось до 20 тысяч человек). Войска ПВО, выделенные в особый род вооруженных сил в конце 1950-х, чаще всего вовлекались в холодную войну за рубежами страны.

Таким образом, новейшие системы ПВО проходили непосредственную отработку на полях сражений и требовали непрерывных изменений и улучшений в соответствии с придумками противника, который также не дремал и постоянно вносил что-то новое в свою технику. Все это возлагало на ЗиК огромную ответственность. Кроме систем ПВО для войск ПВО (извините за тавтологию, но ее не избежать), на смену комплексам малой дальности С-75 пришли С-300 — средней дальности, ЗиК производил также ракеты для комплексов ПВО сухопутных сил, таких как ЗРК «Круг», ЗРК «Бук», ракетных противолодочных комплексов «Вьюга», «Ветер», «Водопад», крылатые ракеты морского базирования «Гранат».

Но завод имени М. И. Калинина был лишь частичкой Министерства радиопромышленности — гигантской корпорации, которая отвечала за создание в СССР радаров, систем ПВО и ПРО, а также являлась главным разработчиком ЭВМ. Минрадиопром входил в оборонную

«девятку» министерств, и на его предприятиях поддерживалась высочайшая культура производства. При каждом крупном заводе имелось свое ПТУ. В год в систему Минрадиопрома приходило до 40 тысяч человек, из них 70 процентов с высшим образованием. Те же 70 процентов составляла оборонная продукция, а 30 процентов приходилось на гражданку. В случае ЗиК это были электропогрузчики, которых в год выпускалось до шести тысяч штук.

Можно представить, какая нагрузка ложилась на плечи директора подобного завода, который занимал целый квартал в Свердловске более чем километр на километр. Он являлся одним из крупнейших как в городе, так и в области. На нем трудились около 12,5 тысячи человек. Поэтому Александр Тизяков с первого дня работы в новой должности был в тесном контакте как с властями области, в первую очередь партийными (Ельцин заезжал и звонил ему постоянно), так и с министерством. В первом случае задачу ему облегчало то, что председатель Облисполкома Мехренцев был «своим». Во втором — требовалось найти подход к легендарному главе Минрадиопрома Петру Степановичу Плешакову. Тизяков успешно решил эту задачу, как и задачу установления деловых контактов с другими ответственными работниками министерства.

В первые годы работы директором ему пришлось заниматься введением в производство самоходных пусковых установок, пускозаряжающих установок «БУК», затем боевых средств противосамолетной и противоракетной зенитной системы третьего поколения «С-300В», крылатых ракет 3М10 комплекса «Гранат» для ВМФ, пусковых установок и крылатых ракет комплекса «Рельеф», пусковой установки для ЗРК «ТОР», всего более двадцати образцов нового оружия. Все это были проблемы огромного масштаба, требующие слаженной работы и всех заводских служб, и взаимодействия с предприятиями-смежниками, и повседневных контактов с министерством и областным руководством. На заводских территориях находилось и машиностроительное конструкторское бюро «Новатор», отделившееся от предприятия.

На сайте завода есть воспоминания о том времени: «В период опытной отработки ракет для комплекса С-300 ежедневно звонили из министерства, торопили как конструкторов, так и производственников. Очень трудно шла сборка первого изделия 9А83 № 001001 в сборочном цехе № 38. Были исписаны тома журнала отладки. Стиль руководства Тизякова характеризуют как жесткий и волевой.

Как высказался начальник одного из отделов, А. И. Тизяков — это руководитель, которому нужны лошадь, сабля и “даешь!”. И этот стиль оказался очень эффективен. А. И. Тизяков ввел новый принцип решения вопросов, возникающих на сборке. В 9.00 он стал проводить технические планерки цеха в помещении представительства заказчика. На них было обязательным присутствие начальников цехов, начальников отделов

и служб, комплектующих сборку. Планерка проходила остро, проблемы решались быстро, сроки давались жесткие, и, самое главное, все решения оформлялись протоколом, который утверждал сам генеральный директор. И дело пошло значительно быстрее. К концу 1980 года первое изделие — пусковая установка 9А83 № 001001 была сдана представителю заказчика».

По части ширпотреба завод выпускал не только электрические погрузчики, но и бытовые светильники, камин-бары, полуавтоматические стиральные машинки «Исеть», детские конструкторы. Конечно, по своей технической сложности они не шли ни в какое сравнение с ракетами, но тоже нуждались во внимании, ибо власть требовала от оборонщиков повышенного качества изделий и у гражданской продукции.

Директор завода в советское время, особенно крупного, был фигурой, не просто управляющей производством. Он отвечал за самый широкий круг вопросов — от строительства садиков (по словам Николая Клейна, директора завода с 1997 года, Тизяков построил 28 детских комбинатов) и поликлиник до домов культуры, от посылки рабочих и служащих на сельхозработы до организации праздничных колонн на демонстрации. Директор должен был быть и политиком, и дипломатом, и разбираться в технических тонкостях, и в экономике, и в финансах, и в бухгалтерии.

Перестройку Тизяков встретил уже шестидесятилетним человеком. Казалось бы, ему следовало спокойно дорабатывать последние годы, будучи уже по возрасту пенсионером. Но именно конец 1980-х означал для него новый взлет. После 1988 года в стране начали создаваться новые общественные организации и союзы. Свердловская область с ее огромным городским населением, сосредоточением крупных промышленных предприятий, научных и образовательных организаций, была в авангарде процессов профессиональной самоорганизации.
В 1989 году была создана Ассоциация директоров промышленных предприятий, которую возглавил Александр Тизяков. Затем, по инициативе областной ассоциации в ноябре того же года в Свердловске прошел учредительный съезд Всесоюзной ассоциации руководителей государственных предприятий (объединений) промышленности, строительства, транспорта и связи. Александр Тизяков был избран и ее президентом. Главной своей целью ассоциация провозгласила «повышение эффективности работы и защиту госпредприятий на основе активного участия в формировании нового хозяйственного механизма, повышение заинтересованности, квалификации и самостоятельности руководителей, обеспечение их социальной защищенности». Такая самодеятельность, кстати говоря, вовсе не понравилась «демократам», которые называли ее антирабочей бюрократической организацией высокопоставленных чиновников. Хотя почему директоров записали в «чиновники» — непонятно.

Сам Александр Тизяков на тот момент какой-то политической предубежденностью не отличался, и под его началом работали будущие лидеры демократов. Так, секретарем парткома на предприятии в то время был Владимир Волков, выступивший на XIX партконференции в 1988 году в поддержку Ельцина, а на следующий год избранный народным депутатом СССР и вошедший в Межрегиональную депутатскую группу. Военпредом на заводе имени М. И. Калинина работал Юрий Самарин, который в 1990 году был избран депутатом Свердловского горсовета, а затем и его председателем.

Уральский журналист Сергей Парфенов так описывал Тизякова образца 1988 года: «Он убедительно говорил, что надо активно модернизировать затратный, не оправдавший себя хозяйственный механизм, что несбалансированные пятилетние планы больше похожи на продразверстку, в итоге падает фондоотдача, предприятия испытывают острую нехватку оборотных средств, у них крайне низкий технический уровень производства, обилие ручного труда, а обновление активной части оборудования идет медленно и, увы, бессистемно.

С непередаваемой, казалось, болью он говорил о том, что в условиях перестройки командные кадры растерялись: авось пронесет, как-нибудь наладится, не пропадем. Инициатива выпала из рук. Да и хозяйствовать-то, как выяснилось, в новых экономических условиях многие не умеют, не приучены. А это, как болезнь, передается по цепочке, в трудовые коллективы…

“Что же делать?” — спросил я его. А. Тизяков встал, подошел к большому окну, из которого была видна значительная часть заводской территории, и о чем-то долго размышлял.

— Пора четко усвоить, что машиностроение, ВПК — приоритеты экономического развития страны. Иначе что-либо изменить, продвинуться вперед не удастся, — этими словами он и завершил наш двухчасовой разговор.

Признаюсь, в тот момент А. Тизяков был мне глубоко симпатичен. Он говорил верные и, пожалуй, глубоко выстраданные вещи. Я даже поймал себя на мысли, что передо мной стоит настоящий патриот страны, энергичный, дальновидный, современно мыслящий руководитель, волею судеб зажатый рамками дряхлеющей системы, но, несомненно, обладающий государственным мышлением…»

В мае 1990 года постановлением правительства Николая Рыжкова было «одобрено» создание Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР. Александр Тизяков даже получил неформально статус вице-премьера, как он утверждал впоследствии. Ассоциация теперь могла создавать хозрасчетные организации, коммерческие банки, вести издательскую и рекламно-информационную деятельность, устанавливать «связи с зарубежными организациями и фирмами и осуществлять с ними экономическое и деловое сотрудничество». Одновременно

государственные ведомства должны были привлекать Ассоциацию «для разработки и экспертизы проектов законодательных актов, обобщения и распространения накопленного передового опыта хозяйствования государственных предприятий в условиях перехода к рыночной экономике, для организации и проведения экономических экспериментов по совершенствованию хозяйственного механизма». Помещения в Москве Ассоциации предоставлял Минавиапром.

Тот факт, что организация была официально одобрена сверху, означал, что Рыжков хотел контролировать директорат. Однако ввиду того, что центр стремительно слабел, директора почувствовали свою силу и независимость и все меньше смотрели в рот правительству. Им хотелось самостоятельно распоряжаться своей судьбой и влиять на политику правительства.

Поэтому параллельно с Ассоциацией происходил процесс самоорганизации директоров независимо от власти. В мае 1990 года 24 народных депутата СССР обратились с призывом создать новую неполитическую организацию для «защиты общих интересов промышленности и науки и создания паритетных отношений между правительством, профсоюзами и собственно производством в период быстрых и масштабных изменений в государстве, политике и экономике». В июне 1990 года был создан Научно-промышленный союз во главе с народным депутатом СССР Аркадием Иванович Вольским (аппарат возглавил известный в будущем Александр Павлович Владиславлев). Эта лоббистская организация получила при своем рождении немалые льготы от регистрировавшего ее Совмина — освобождение от уплаты налогов, государственных и таможенных пошлин, вносимых в государственный бюджет СССР, право самостоятельно оформлять служебные и общегражданские заграничные паспорта и обращаться за получением виз иностранных государств непосредственно в их дипломатические и консульские представительства в СССР. Площади должен был представлять Мосгорисполком.

Заместителем Вольского стал Тизяков, который, таким образом, как бы представлял государство в Научно-промышленном союзе.

То, что он попал в обе организации, свидетельствовало о его силе и авторитете среди директорского корпуса. Александра Тизякова даже называли отцом Ассоциации. Разумеется, к 1989 году он был известен только в свердловском масштабе, но его активность на лоббистском поприще была замечена, и потому, когда Ассоциация вышла на всесоюзный уровень, его кандидатура в качестве лидера была, по сути, безальтернативной. Кроме того, его послужной список украшала ученая степень кандидата экономических наук.

Те годы, 1988—1991-й, были золотыми для директорского корпуса. Руководители предприятий, почувствовавшие ослабление партийно-министерской опеки, стремительно захватывали все больше самостоятельности. Они избирались депутатами в конкурентной борьбе,

являлись излюбленными гостями на телевидении, давали интервью прессе, предлагали свои планы переустройства экономики (как правило, самые безответственные, ибо желали, чтобы по их долгам отвечало государство, которое при этом не смело бы их контролировать и ограничивать). Вся страна знала тогда имена Владимира Кабаидзе из Иванова, Виктора Боссерта из Латвии, Бориса Прилепского из Новосибирска и других хозяйственных руководителей. Одним из видных директоров был Георгий Костин из Воронежа, работавший в ракетно-космической сфере, которого Тизяков включил в предложенный им список «предГКЧП» накануне апрельского пленума 1991 года. Некоторую угрозу для части директоров представляли выборы на предприятии, но они проводились далеко не на всех заводах (например, на оборонных), и в большинстве случаев рабочие голосовали за уже знакомых им начальников.

Директора исповедовали разные взгляды, которые могли меняться в зависимости от занимаемой должности. Так, Борис Гидаспов, директор крупного оборонного объединения, был избран в 1989 году первым секретарем Ленинградского обкома и занял довольно жесткие позиции, став одним из лидеров «консерваторов» в КПСС. Муртаза Рахимов, директор нефтеперерабатывающего завода в Уфе, возглавив Верховный Совет Башкирии, в конечном итоге перешел на вполне местнические позиции. Виталий Муха, директор Сибсельмаша, стал первым секретарем Новосибирского обкома, но очень быстро перешел в облсовет, дистанцируясь от партии.

Александр Тизяков отличался больше не публичной активностью, а лоббистской деятельностью, работая в министерствах и ведомствах. У него завязались рабочие отношения с Олегом Баклановым, курировавшим ВПК. Он сделался неформальным лидером директорского корпуса СССР, особенно крупных предприятий и оборонки. По его воспоминаниям, Горбачев после отставки Рыжкова даже предлагал ему подумать о должности главы правительства. Тизяков отказался, хотя и не воспринимал Павлова, считая его неудачной кандидатурой, о чем и говорил президенту СССР. Тогда же он отказался и от предложения Ивана Силаева стать первым заместителем главы российского правительства. В это время число людей из Свердловска в большой политике начало расти — Борис Ельцин, Геннадий Бурбулис, Владимир Исаков, Олег Лобов, Борис Фурманов, на подходе были Юрий Петров и Юрий Скуратов.

Начав вращаться в верхах, Александр Тизяков не мог не задуматься и о политических вопросах. Он видел, к чему идет страна, какой экономический и политический упадок она переживает. Уже в начале 1991-го он начал прорабатывать планы введения чрезвычайного положения в стране и направлял бумаги со своими предложениями высшему руководству страны. К апрелю 1991-го у него уже готова идея Временного комитета управления страной, также он набрасывал тексты

первых указов, которые должен был принять такой комитет. В частности, он предлагал:

«— Организовать телеграммы с требованием к ЦК КПСС наведения порядка в экономике…

— В телеграммах должны быть и политические требования. Политическая стабилизация через: приостановление деятельности Советов всех уровней и депутатов, наведение порядка в работе средств массовой информации, оградить советский народ от разгула преступности, разгула демократии…

— Образование ВКУ с передачей ему всей полноты власти;

— Освобождение от обязанностей генсека и избрание и. о.;

— ВКУ образует новое правительство СССР…

Организационные мероприятия:

— Надо, чтобы народ просил КПСС навести порядок в СССР и обращался к ней, как единственной политической силе, способной решить эту задачу! Из этой кампании надо извлечь и получить огромный политический капитал. Это обеспечит восстановление авторитета КПСС — лучшего момента для восстановления былой славы с 1985 года не было.

— Надо, чтобы на собраниях выдвигались главные требования: отставки генсека и наведения порядка с введением чрезвычайного положения.

— Надо сыграть на всех трудностях на рынке питания и потребительских товаров. Свалить это на “демократов”, неквалифицированные Советы всех уровней с их шоу-программами.

— Выступления на пленуме подготовить тех, кого надо. И у микрофонов.

— Президиум избрать из трех человек. Председательствующий абсолютно надежный человек и хорошо ориентирующийся.

— Прессу, кроме “Правды” и “Советской России”, не пускать…»

Однако эта его бумаготворческая работа никак не корреспондировала с планами Крючкова, а была его личной инициативой, и даже неизвестно — знал ли председатель КГБ о предложениях Александра Тизякова? Публично, впрочем, Тизяков свое негативное отношение к курсу Горбачева обозначил в декабре 1990 года на Всесоюзном совещании директоров государственных предприятий, где и он, и другие директора резко критиковали высшую власть. Борис Прилепский вспоминал: «У Горбачева была привычка: ставить перед собой стакан чая с молоком (у других членов Политбюро ЦК КПСС не было) и перебивать выступающих. На той встрече один из директоров, как только Горбачев его начал перебивать, сказал: перед вами, Михаил Сергеевич, лежат блокнот и карандаш, записывайте, ведь вы же никому не даете выступить…» Тизяков, не задумываясь, подписал «Слово к народу» в июле 1991-го.

18 августа Александр Тизяков вылетел в Москву, ничего не зная о ГКЧП. Он планировал встретиться с Валентином Павловым по поводу совещания директоров госпредприятий в Свердловске в начале сентября. Узнав о своем включении в состав ГКЧП, он с жаром принялся за работу. На пресс-конференции членов ГКЧП 19 августа на вопрос одного из журналистов — «есть ли сегодня конкретная программа возрождения экономики?» — отвечать вызвался Тизяков: «Ни для кого не секрет, что перестройка не дала тех результатов, которые все ожидали. Отечественная экономика находится в тяжелейшем положении, идет спад производства, он обусловлен целым рядом факторов, однако нельзя сбросить со счетов и то, что перестройка осуществлялась в таких масштабах. Сегодня разорваны связи между предприятиями. Негативную роль сыграло закрытие ряда республиканских и региональных границ. Предприятия начали пробуксовывать, останавливаться… Вот та ситуация, которая сложилась. Она и послужила главной причиной введения чрезвычайного положения. Наши действия будут, прежде всего, направлены на стабилизацию экономики. От реформ, направленных к рынку, мы не отказываемся. Считаем, однако, что это движение надо будет четче проработать и на более высоком уровне организовать управление».

Он и занимался все три дня «проработкой» в отведенном ему как члену ГКЧП кабинете, сочиняя планы по подъему промышленности и спасению экономики, подобно тому как Стародубцев писал о сельском хозяйстве. 21 августа Александр Тизяков вызвался лететь вместе с Крючковым, Язовым, Баклановым, Лукьяновым и Ивашко к Горбачеву в Крым, то ли от осознания, что ему больше нечем заняться в Москве, то ли надеясь на свой статус не чиновника, а директора и общественника, что должно было ему помочь в разговоре с президентом.

При возвращении в Москву его арестовали вместе с Язовым. Александр Тизяков при задержании возмущался и отказывался пройти в машину прокуратуры. Видимо, он никак не ожидал, что его постигнет такая участь — он же рядовой член ГКЧП, включенный в его состав безо всякого согласия. К нему даже пришлось приглашать врачей — у Тизякова резко подскочило давление.

После освобождения из тюрьмы в январе 1993 года Александр Тизяков вернулся в Свердловск. С политикой он, в отличие от Стародубцева, завязал, сосредоточившись на участии в разных деловых проектах, хотя и вступил в КПРФ. На заводе его тоже не ждали. Почти 30 оставшихся лет жизни прошли у него без привлечения внимания общественности и СМИ. Им редко интересовались журналисты, мемуаров он не публиковал. Его включали в Экспертный совет при Правительстве РФ, Технический совет при губернаторе Свердловской области, но это были только почетные звания.

Когда Александр Иванович Тизяков скончался 25 января 2019 года в Свердловске на девяносто третьем году жизни, его уход из жизни как в

федеральных СМИ, так и в местных прошел почти незамеченным. На похороны руководство области не пришло, был только мэр города. Свердловские массмедиа, давая отчет с прощания с покойным, упорно называли его «путчистом» (типичный заголовок — «Урал хоронит создателя ракет, который устроил госпереворот в Москве»), словно этим словом исчерпывалась вся его долгая жизнь…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГКЧП являлся спонтанной и непродуманной попыткой изменить положение, перед лицом уже совсем неминуемой угрозы распада страны. Все гэкачеписты до последнего сохраняли преданность Михаилу Сергеевичу Горбачеву, и даже когда поняли, что у них ничего не вышло, они обратились к нему как высшему судье. Это говорит о том, что они не понимали политических тенденций в стране. У них не хватало не решительности, хотя и ее тоже, а воображения. Мир без Горбачева им было невозможно представить.

Гэкачеписты являлись плоть от плоти советскими людьми. Их поражение — закономерный итог неудачи всего советского проекта, который они пытались спасти. Повиновение начальству было заложено у членов ГКЧП в крови. Советский человек не мог бунтовать продуманно. Отбор на высшие должности происходил пусть и не отрицательный, но и не меритократический — наверх попадали не лучшие, а удобные. Разумеется, все гэкачеписты являлись людьми вполне компетентными в своих сферах, неглупыми, волевыми. Но для победы в момент острого политического кризиса этого явно было маловато.

Практически все они достигли того уровня, на котором они находились к августу 1991 года, благодаря Горбачеву. Каждый из них делал на него ставку. Он помог им подняться как можно выше, подкупая этим. Даже Василий Стародубцев и Александр Тизяков, напрямую от него не зависящие, смогли стать лидерами союзного масштаба благодаря его реформам. Разочарование пришло быстро — стоило лишь немного поработать рядом с Горбачевым и увидеть его пустоту, отсутствие у него программы. Но осознание этого не приводило к каким-либо выводам, будущие гэкачеписты все равно цеплялись за власть в его окружении и на его условиях, не в силах повлиять на самоубийственную политику президента. Только крайняя степень угрозы — и им лично и стране побудила их действовать. Но было уже слишком поздно.

Последующая их жизнь после 1991 года показала случайность попадания многих из них в высший эшелон власти, когда пребывание в нем требовало быть политиком. Из них всех политиком по большому счету был один только Василий Стародубцев, который нашел себя и в послеперестроечное время. В основе своей гэкачеписты были способными советскими чиновниками и управленцами, оказавшимися заложниками истории, на том ее вираже, когда их услуги оказались более невостребованными, но они продолжали занимать кресла в кабинетах.

ЛИТЕРАТУРА

Айзенберг Я. Е. Ракеты: Жизнь. Судьба: Воспоминания. Харьков: Инвестор, 2010.

Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М.: Центрполиграф, 2015.

Бакатин В. В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992.

Бакланов О. Д. Космос — моя судьба / Ред.-сост. В. П. Лысенко. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2014.

Болдин В. И. Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995.

Варенников В. И., Павлов В. С., Янаев Г. И. Крючков: КГБ накануне путча: [Сборник]. М.: Алгоритм, 2013.

Варенников В. И. Неповторимое: В 7 т. М.: Советский писатель, 2001.

Гайдар Е. Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М.: Астрель; CORPUS, 2012.

Гдлян Т. Х., Иванов Н. И. Кремлевское дело. М.: Книга, 1994.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы: [В 2 т.]. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

Губанов Б. И. Триумф и трагедия «Энергии»: Размышления главного конструктора. Т. 3: «Энергия» — «Буран». Нижний Новгород: Изд-во НИЭР, 1998.

Давыдов Д. Александр Тизяков: «Что для меня значит Комсомол и почему я отказал Горбачеву»: [Интервью] // https://www.nakanune.ru/-articles/114506/.

Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1990.

Ивашов Л. Г. Маршал Язов: (Роковой август 91-го). М.: Мужество, 1992.

Кротов Н. И. История советской банковской реформы 80-х годов XX века: Свидетельства очевидцев, документы. М.: Экономическая летопись, 2008 (Экономическая летопись России).

Крючков В. А. Личное дело: Три дня и вся жизнь. М.: Центрполиграф, 2019.

Крючков В. А. Личность и власть М.: Просвещение, 2004.

Лебедь А. И. Спектакль назывался путч: Воспоминания генерала Воздушно-десантных войск. Тирасполь: Лада, 1993.

Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий: Ответы на вопросы, пришедшие в Матросскую Тишину. М.: Манускрипт, 1993.

Михайлов В. С. Стратегический «Молодец»: История железнодорожных ракетных комплексов. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015.

Николаев Л. Под немецким сапогом: Выписки из дневника: октябрь 1941 г. — август 1943 г. // ©оюз Писателей. Харьков, 2010. № 12 // https://magazines.gorky.media/sp/2010/12/pod-nemeczkim-sapogom.html.

Олейник Б. И., Бобков Ф. Д., Павлов В. С. Неизвестный Горбачев: Князь тьмы: [Сборник]. М.: Алгоритм, 2011.

«Отец говорил, что не должен был вляпаться в ГКЧП» // https://-www.kommersant.ru/doc/311211.

Ошуркова И. Патент на вечную молодость: Почему в 90 лет изобретателю и политику Александру Тизякову не уступают место в общественном транспорте: [Интервью] // Российская газета — Неделя — Урал. Екатеринбург, 2016. № 279 (7147) // https://rg.ru/2016/12/07/reg-urfo/kak-sohranit-bodrost-v-90-let.html.

Павел Грачев: «Ельцин нас всех кинул»: [Интервью А. Коха и П. Авена] // https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/198827-pavel-grachev-eltsin-nas-vseh-kinul.

Павлов В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку / Лит. запись А. Салуцкого. М.: Терра, 1995.

Парфенов С. Член ГКЧП // Урал. Екатеринбург, 2011. № 8 // https://-magazines.gorky.media/ural/2011/8/chlen-gkchp.html.

Раевский В. А. На перекрестке и до него. М.: Экономическая летопись, 2013 (Экономическая летопись России).

Рыжков Н. И. Главный свидетель: Дело о развале СССР. М.: Алгоритм, 2015 (Политический бестселлер).

Рыжков Н. И. Премьер: Проект 2017 — миф или реальность? М.: Эксмо, 2010 (Политические тайны XXI века).

Рябов Я. П. Мой XX век: Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М.: Русский биографический институт, 2000.

Сергей Егоров: «Люди, которые работают в банке, должны понимать красоту…»: [Интервью для портала Bankir.Ru и проекта «Экономическая летопись»] // https://bankir.ru/publikacii/20100223/sergei-egorov-ludi-kotorie-rabotaut-v-banke-doljni-ponimat-krasoty-4340082/.

Сирин Л. 1991: Измена Родине: Кремль против СССР. М.: Яуза, 2011.

Стародубцев В. А. На крутых поворотах судьбы / Сост. Л. А. Воробьева (Стародубцева). М.: ИТРК, 2014.

Степанков В. Г., Лисов Е. К. Кремлевский заговор. М.: Огонек. 1992.

Хлобустов О. М. КГБ СССР: 1954—1991: Тайны гибели Великой державы. М.: Аква-Терм, 2012 (Секретные миссии).

Язов Д. Т. Август 1991: Где была армия? М.: Алгоритм; Эксмо, 2011.

Язов Д. Т. Удары судьбы: Воспоминания солдата и маршала. М.: Палея, 1999.

Язов Д. Т., Крючков В. А., Янаев Г. И., Стародубцев В. А. ГКЧП: Был ли шанс? [Сборник]. М.: Алгоритм, 2013 (Наследие царя Бориса).

Янаев Г. И. ГКЧП против Горбачева: Последний бой за СССР. М.: Алгоритм; Эксмо, 2010 (Суд истории).

Public papers of the Presidents of the United States: George W. Bush. Washington: U.S. Gov. print. off., 2003.

Гэкачеписты

ПРИМЕЧАНИЯ

Direction de la Surveillance du Territoire (Дирекция безопасности территории).
Inter-Services Intelligence (Межведомственная разведка).
NASA — National Aeronautics and Space Administration (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства).

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ

16+

Редактор **Е. С. Писарева**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **И. В. Абрамова, Т. И. Маляренко**
Издательство АО «Молодая гвардия»